

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ IX

2021, Москва

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ • CONVERSATIONS ABOUT ECONOMY

**ТОМ IX
2021**

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ IX

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2021, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ IX

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2021, Москва

Под редакцией С. Д. Бодрунова

Крупнейшие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные дискуссии, прошедшие в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития. В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения видных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед. «Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

© ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИИР) ИМ. С. Ю. ВИТТЕ, 2021

© С. Д. БОДРУНОВ, 2021

ISBN 978-5-00020-094-0

БЛАГОДАРНОСТИ

Редакционный совет,
Редакционная коллегия,
Научный совет выпуска,
Группа выпуска

ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРЯТ

за активное содействие реализации идеи серии «Бесед об экономике»

- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по промышленности и торговле,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по экономической политике,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Уполномоченного при Президенте России по правам предпринимателей,
- Российскую академию наук,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- телеканал «Общественное телевидение России»,
- телеканал «Санкт-Петербург»,
- телепередачу «Дом "Э"» на телеканале ОТР,
- телепередачу «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург»,
- Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Торгово-промышленную палату Российской Федерации,
- Международный комитет Вольного экономического общества России,
- Международный Союз экономистов,
- Фонд центрально-азиатских исследований Кембриджского университета,
- Государственный Пекинский университет,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы,

- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
- Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
- Уральский государственный экономический университет,
- Институт нового индустриального развития (ИНИИР) имени С. Ю. Витте.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

В. С. АВТОНОМОВ

Научный руководитель Факультета экономических наук НИУ «Высшая школа экономики», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Г. АКСАКОВ

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по финансовому рынку, председатель Совета Ассоциации банков России, к. э. н., (г. Москва, Россия)

А. В. БУЗГАЛИН

Вице-президент ВЭО России, Президиума Международного Союза экономистов, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, член Координационного совета Международного союза экономистов, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

М. К. ГОРШКОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д. ф. н. (г. Москва, Россия)

Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

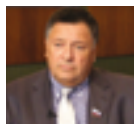
А. А. ГРОМЫКО

Член Президиума ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д. полит. н. (г. Москва, Россия)

А. А. ДЫКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. В. КАЛАШНИКОВ

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, председатель Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС), д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя правления (главный экономист) Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

И. А. МАКСИМЦЕВ

Член Правления ВЭО России, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

А. В. МУРЫЧЕВ

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д. э. н., к. ист. н. (г. Москва, Россия)

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

Р. И. НИГМАТУЛИН

Член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН им. П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор (г. Москва, Россия)

Г. Х. ПОПОВ

Председатель Сената ВЭО России, почетный президент ВЭО России, председатель Координационного комитета Международного Союза экономистов, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

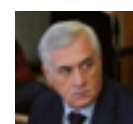
Б. Н. ПОРФИРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. Н. РЯБУХИН

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, д. э. н. (г. Москва, Россия)

Я. П. СИЛИН

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, президент, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

В. М. ЮРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, председатель Тамбовского регионального отделения общественной организации ВЭО России, научный руководитель ТГУ им. Г. Р. Державина, депутат, первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия)

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, председатель Совета директоров, научный руководитель АО Издательский дом «Экономическая газета», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

Е. Г. ЯСИН

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, директор Экспертного института при Российском союзе промышленников и предпринимателей, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской газете», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия)

А. Н. ПРОКОФЬЕВ

член Правления ВЭО России, шеф-редактор серии «Беседы об экономике» (г. Москва, Россия)

И. Е. БАРСУКОВ

Член Правления ВЭО России, директор Института развития управления ГБОУ ВПО Московской области «Академия социального управления» (АСОУ), доцент кафедры управления АСОУ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

А. В. БОБИНА

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель Департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к. т. н.

Р. С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. А. ЗОЛОТАРЕВ

Вице-президент ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к. э. н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

А. Ю. МАНЮШИС

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д. э. н. (г. Москва, Россия)

М. А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

В. В. СМАГИНА

Заместитель председателя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, член Президиума ВЭО России, проректор — главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, почетный работник высшего профессионального образования РФ, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия)

Л. Н. УСЕНКО

Член Президиума ВЭО России, председатель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С. Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

**А. В. БУЗГАЛИН, С. Ю. ГЛАЗЬЕВ,
М. В. ЕРШОВ, С. В. КАЛАШНИКОВ,
А. Ю. МАНЮШИС, О. Н. СМОЛИН,
С. Н. РЯБУХИН, В. Т. РЯЗАНОВ,
А. А. ШИРОВ, Ю. В. ЯКУТИН**

ГРУППА ВЫПУСКА

Главный редактор **Сергей Бодрунов**
Арт-директор серии **Егор Морозов**
Редакционный директор **Маргарита Ратникова**
Шеф-редактор **Андрей Прокофьев**
Редактор **Марианна Маркелова**
Редактор-супервайзер **Алексей Савин**
Концепт-редактор **Галина Никитина**
Переводчик **Василий Краснощёров**
Дизайнер **Артём Чистяков**
Препресс **Тимофей Ковтун**
Фоторедактор **Вячеслав Кочураев**
Контрольный редактор **Наталья Медведенко**

Фотографии предоставлены пресс-службой ВЭО России, фотобанк Shutterstock

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ПРОГНОЗ – СТРАТЕГИЯ – ПЛАН

БЕСЕДА 1 СТР. ??

Планирование в рыночной экономике

БЕСЕДА 2 СТР. ??

Стратегия развития: главное в документе

БЕСЕДА 3 СТР. ??

Агент-ориентированные модели позволяют предсказать «черных лебедей»

БЕСЕДА 4 СТР. ??

Прогнозирование в эпоху неопределенности

БЕСЕДА 5 СТР. ??

Взгляды на глобальные тренды трансформации общества

БЕСЕДА 6 СТР. ??

России для развития нужен глобальный мегапроект

БЕСЕДА 7 СТР. ??

Стратегия развития и экономическая политика России: вызовы и решения

ЧАСТЬ II

РОССИЯ В МИРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

БЕСЕДА 1 СТР. ??

Мировая экономика: точки неопределенности

БЕСЕДА 2 СТР. ??

От восстановления к устойчивости

БЕСЕДА 3 СТР. ??

Глобальная трансформация общества

БЕСЕДА 4 СТР. ??

Стратегия опережающего развития ЕАЭС

БЕСЕДА 5 СТР. ??

Экономика нового формата. Вызовы и перспективы для ЕАЭС

БЕСЕДА 6 СТР. ??

«Зеленая экономика» – российские перспективы

БЕСЕДА 7 СТР. ??

Всех ли возьмут в низкоуглеродное будущее

БЕСЕДА 8 СТР. ??

От биотехнологии к биоэкономике

БЕСЕДА 9 СТР. ??

Пресная вода: на всех не хватит?

ЧАСТЬ III

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

БЕСЕДА 1 СТР. ??

Как Россия справляется с пандемическим кризисом

БЕСЕДА 2 СТР. ??

Увеличить продолжительность жизни в России. Как решить задачу?

БЕСЕДА 3 СТР. ??

Жизнь по стандарту. В поисках социальной справедливости

БЕСЕДА 4 СТР. ??

Демографический вопрос. Остановить падение

БЕСЕДА 5 СТР. ??

Жизнь в кредит. Что нужно знать каждому

БЕСЕДА 6 СТР. ??

Бюджетная политика 2022 – 2024. Расставляя приоритеты

БЕСЕДА 7 СТР. ??

Всероссийская перепись населения: что она покажет?

TABLE OF CONTENTS

PART I

FORECAST - STRATEGY - PLAN

CONVERSATION 1 P. ??

Planning in market economy

CONVERSATION 2 P. ??

Development strategy: main features of the document

CONVERSATION 3 P. ??

Agent-based models predict black swans

CONVERSATION 4 P. ??

Forecasting in era of uncertainty

CONVERSATION 5 P. ??

Global trends of general transformation

CONVERSATION 6 P. ??

Russia needs development megaproject

CONVERSATION 7 P. ??

Development strategy and economic policy of Russia: challenges and solutions

PART II

RUSSIA IN WORLD TRANSFORMATION

CONVERSATION 1 P. ??

World economy: points of uncertainty

CONVERSATION 2 P. ??

From recovery to resilience

CONVERSATION 3 P. ??

Global transformation of society

CONVERSATION 4 P. ??

Priority development of the Eurasian Economic Union

CONVERSATION 5 P. ??

New economy. Challenges and prospects for the Eurasian Economic Union

CONVERSATION 6 P. ??

Future of the Russian green economy

CONVERSATION 7 P. ??

Is low carbon future for all?

CONVERSATION 8 P. ??

From biotechnology to bioeconomy

CONVERSATION 6 P. ??

Will pure water be always here?

PART III

IN SEARCH OF SOCIAL JUSTICE

CONVERSATION 1 P. ??

How Russia copes with the pandemic crisis

CONVERSATION 2 P. ??

How to increase life expectancy in Russia?

CONVERSATION 3 P. ??

Living by the standard. In search of social justice

CONVERSATION 4 P. ??

Stop the falling of the Russian population

CONVERSATION 5 P. ??

Life on credit. What does everyone need to know?

CONVERSATION 6 P. ??

Fiscal policy 2022-2024. Prioritizing

CONVERSATION 7 P. ??

Population census in Russia. What will it tell?

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Э тот том «Бесед об экономике» мы сдаем в печать, когда мировая экономика и все мировое общество находятся в двойственной ситуации. С одной стороны, заражения COVID-19 и смерти от коронавируса и в России, и во многих других странах ежедневно бьют рекорды за все время пандемии – ситуация в этом смысле, прямо скажем, очень тревожная. Многие страны достигли 80-90-процентного уровня вакцинации, некоторые пошли и дальше, но даже в такой образцовой по антиковидным мероприятиям стране, как Израиль, кривая заболеваемости с появлением вируса «дельта» полетела вверх чуть ли не параллельно кривой процента привитых. Получается, ни о каком окончании коронавирусного кризиса говорить пока не приходится, пандемия никуда не делась, мы в ней живем, и это не может не влиять на экономику.

Буквально три – четыре месяца назад казалось, что мы – и наша страна, и мир в целом – научились успешно бороться с вирусом, нормально жить и успешно работать в условиях пандемии. Впрочем, почему казалось? Это действительно так. Темпы роста российской экономики в этом году составят 4,5 – 4,7% ВВП, по разным оценкам. Оптимистична в целом и мировая экономическая динамика. Хотя, ясное дело, мир не без проблем – возьмем хотя бы волатильность энергетических рынков. Конечно, западные экономические издания в связи с этим в первую очередь употребляют термин *bounce back* – по-русски: отскок,

да и наши эксперты говорят о естественном эффекте возврата к допандемийному уровню, после чего темпы снизятся. Но тут важно скорее не количество процентов, а то, какого рода будет этот рост, какого качества. И в этом смысле мы видим много оптимистичных знаков, в немалой степени ставших реакцией на вызовы пандемии.

Судите сами: одним из ключевых блоков стратегических инициатив российского правительства, принятых недавно по поручению и сообразно идеям президента, стало развитие медицины в направлении как раз эпидемиологической безопасности, а также существенное усиление реабилитационного направления. Мы сейчас понимаем, что практически ни одна система здравоохранения в мире не смогла эффективно защитить людей от пандемии, поэтому в данном случае реакция – очевидная, но она была верной и до пандемии, мы об этом не раз говорили на форумах Вольного экономического общества России (ВЭО России) и Международного Союза экономистов (МСЭ).

Второй важнейший блок, на который направлены усилия государства, и их, опять же, частично подтолкнула пандемия, касается решения проблемы бедности, или, более широко, стагнации доходов населения и низкого потребительского спроса. Мы не раз говорили об этом на разных мероприятиях ВЭО России – многие мнения, высказанные экспертами на этих встречах, вы найдете в представляемой книге. На мероприятиях III Московского академического

экономического форума (МАЭФ-2021) в мае этого года (этому событию у нас посвящено отдельное издание), который ВЭО России и МСЭ провели совместно с Российской академией наук, было особо отмечено: многие россияне в последнее время тратят большую часть своих доходов на продовольствие и оплату коммунальных услуг, что препятствует развитию других секторов экономики, ведет к диспропорциям, недофинансированию сфер платного здравоохранения и образования, производства более дорогих товаров и услуг.

Поэтому движение в «социальном направлении», отраженное в бюджете на 2022-й и 2023-2024 годы, – безусловно позитивно, ведь очевидно, что России (причем такой тренд наметился сейчас в экономической политике практически всех крупнейших стран мира) жизненно необходим переход к «человекоориентированной» социальной модели развития, а не простое приращение численных показателей в экономике. В проекте бюджета на 2022-й год 35% от всех расходов – социальные. В частности, средства будут направлены на поддержку семей с детьми, выплаты пособий беременным женщинам в трудной ситуации, одиноким родителям. Это – добрая тенденция; она говорит о том, что мы знаем болевые точки нашей экономики и движемся к социальной модели развития.

И здесь есть один важный нюанс.

На наш взгляд, реализация этой модели невозможна без применения институций и практики долгосроч-

ного планирования, которое дает качественно более продвинутое видение перспектив экономической политики и реализации национальных целей. У нас есть закон о стратегическом планировании, принятый семь лет назад, но нет системообразующего документа для его реализации, нет и центрального элемента системы планирования. На международной конференции, посвященной состоявшемуся в этом году 100-летию юбилею советского Госплана, многие эксперты выразили надежду на то, что новая модель экономики в России, вписанная в систему долгосрочного планирования и выстроенная при этом вокруг человека, его нужд, его реальных потребностей, его благополучия, образования, здоровья, активного долголетия, – дело недалекого будущего.

Именно этим трем взаимосвязанным темам и посвящен настоящий том «Бесед об экономике»: пандемия и состояние мировой экономики, социально-экономические цели России, роль стратегии и планирования в их достижении. По мнению редактора, содержательный анализ и разноплановые дискуссии, собранные в этой книге, заслуживают самого внимательного изучения и найдут своего читателя.

Сергей Бодрунов,
главный редактор серии,
профессор, д. э. н.

DEAR READERS!

We put this volume of “Talks About Economics” to bed when the world economy and the entire world community are laden with ambiguity. On the one hand, COVID-19 cases and deaths both in Russia and many other countries are breaking records every day for the entire time of the pandemic, so, the situation in this sense, frankly, is utterly alarming. Many countries have already reached 80-90% vaccination rate, some of them have even managed to go beyond. However, even in Israel, an exemplary case for the best practice in terms of anti-COVID measures, the delta variant has made the epidemic curve surge, almost parallel to the percentage of the vaccinated. Apparently, the sunset of the coronavirus crisis is out of the question yet, the pandemic is still there, we live in it, and this cannot but affect the economy.

Just three or four months ago, it seemed that we, both our country and the world as a whole, had learned how to combat the virus successfully, have a normal life and work effectively in this pandemic. However, why did it seem? We really had. The Russian economy has been variously reported to grow by 4,5-4,7% in terms of GDP this year. The global economic dynamics are also optimistic. However, it is clear that we haven't solved all the problems in the world, just think of energy market volatility. Of course, in this regard, Western economic

publications primarily refer to “bounce back”, and Russian experts also talk about the natural return to the pre-pandemic level, after which the growth rate will decline. But the important thing here is not the percentage, but the kind of growth, its quality. In this respect, we observe a lot of positive signs that have a lot to do with our reaction to the challenges of this pandemic.

Judge for yourselves: one of the key parts of the strategic initiatives suggested by the Russian government and adopted in accordance with the instructions and ideas of the President, was to ensure progress in medicine, namely in terms of epidemiological safety, as well as to strengthen rehabilitation services significantly. We do understand now that virtually none of healthcare systems across the globe has not managed to protect people from the pandemic effectively, so, in this case, the response is evident, it was the right one even before the pandemic, as repeatedly mentioned at forums of the Free Economic Society of Russia (VEO) and the International Union of Economists (IUE).

Another crucial part targeted by the government (and this is also partially stirred by the pandemic) is to tackle poverty and, in a more comprehensive sense, stagnating incomes and weak consumption demand. We have talked about this more than once at various events of the VEO of Russia, and you will find many opinions expressed by experts at these meetings in the book presented. At the

events of the III Moscow Academic Economic Forum (MAEF 2021) in May of this year (we have a separate publication dedicated to this event), which the VEO of Russia and the IUE held jointly with the Russian Academy of Sciences, it was particularly noted: many Russians have recently spent most of their income on food and utilities, which hinders the development of other sectors of the economy, results in imbalances, underfunding of paid health care and education, production of more expensive goods and services.

Therefore, the drift toward “the social direction” reflected in the budget for 2022 and 2023-2024 is certainly positive, because it is obvious that Russia (and such a trend has now emerged in the economic policy of almost all major countries of the world) vitally needs a transition to a “person-oriented” social model of development, and not a simple increment of numbers in the economy. In the budget estimates for 2022, social expenditures account for 35%. In particular, they will be allocated to support families with children, payments of benefits to disadvantaged pregnant women and single parents. This is a good trend; it shows that we know the vulnerabilities of our economy and are moving towards a social model of development.

There is one more important thing.

In our opinion, it would be impossible to implement this model without institutions and the practice of long-term

planning, which gives a qualitatively more advanced vision of the prospects for economic policy and the implementation of national goals. We have a law on strategic planning adopted seven years ago, but there is no backbone document for its implementation, and there is no core of the planning system. At the international conference dedicated to the 100th anniversary of the Soviet State Planning Committee, which was held this year, many experts voiced their hope that a new model of the economy in Russia integrated into the system of long-term planning and built around a person, their needs, I mean their real needs, well-being, education, health, active longevity are a matter of the near future.

So, the present volume of “Talks About Economics” revolves around these three interrelated topics: the pandemic and state of the world economy, Russia's social and economic targets, and the role of strategy and planning in achieving them. According to the editor, the extensive analysis and diverse discussions collected in this book are worth careful studying and will find their readers.

Sergey Bodrunov,
Editor-in-Chief of the Series,
Professor, Doctor of Economics

尊敬的读者！

当世界经济和整个世界社会处于双重状态时，我们提交了这卷《关于经济学对话》付印。一方面，在整个大流行期间，俄罗斯和许多其他国家的COVID-19感染和冠状病毒死亡每天都在打破记录 - 坦率地说，这种情况非常令人担忧。许多国家已达到80-90%的疫苗接种率，有些国家甚至更进一步，但即使在像以色列这样采取抗毒措施堪称典范的国家，delta病毒出现的发病率曲线几乎与疫苗接种率曲线平行上升。事实证明，没有必要谈论冠状病毒危机的任何结束，大流行并没有消失，我们生活在其中，这不能不影响经济。

就在三四个月前，我们 - 我们的国家和全世界 - 似乎都学会了如何在大流行中成功抗击病毒、正常生活和成功工作。然而，为什么会这样呢？确实如此。根据不同的估计，今年俄罗斯经济的增长率为GDP的4.5-4.7%。总体而言，全球经济动态也乐观。当然，世界并非没有问题 - 我们选取能源市场的波动。当然，在这方面，西方经济出版物主要使

用“bounce back”一词 - 俄语：反弹。我们的专家谈到恢复到大流行前水平的自然影响，之后比率将下降。但在这里，重要的可能不是百分比的数量，而是这种增长将是什么性质的增长，什么质量。在此意义上说，我们看到许多乐观的迹象在很大程度上成为对大流行挑战的反应。

自己判断：最近代表总统并根据总统的想法通过的俄罗斯政府战略举措的关键部分之一是在流行病安全方向上发展医学，以及显着加强康复方向。我们现在明白，世界上几乎没有任何医疗系统能够有效地保护人们免受大流行病的侵害，因此在这种情况下反应很明显，但即使在大流行之前也是如此，我们在俄罗斯自由经济协会和国际经济学家联盟论坛上不止一次讨论过这个问题。

第二个最重要的板块是国家的努力所针对的，它们再次受到大流行病的一部分推动，涉及解决贫困问题，或者，更广泛地说，是家庭收入停滞和消费者需求低迷。我们在俄罗斯自由经济协会的各种活动中不止一次谈到这一点 - 专家在这些会议上表达的许多观点都可以在本书中找到。在今年5月举行的

第三届莫斯科学术经济论坛（MAEF-2021）活动中（我们有单独的出版物专门介绍该活动），俄罗斯自由经济协会和国际经济学家联盟与俄罗斯科学院共同举办，特别注意到：许多俄罗斯人最近将大部分收入用于食品和水电费，这阻碍了其他经济部门的发展，导致不平衡，有偿医疗和教育资金不足，以及生产更昂贵的商品和服务。

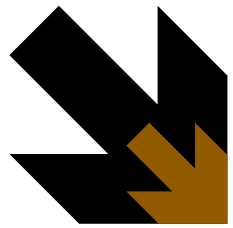
因此，反映在2022年和2023-2024年预算中的“社会方向”运动肯定是积极的，毕竟，很明显，俄罗斯（现在世界上几乎所有最大国家的经济政策中都出现了这种趋势）迫切需要向“以人为本”的社会发展模式转变，而不是简单的经济中数字指标的增加。在2022年的预算草案中，所有支出的35%是社会支出。特别是，这笔资金将用于支持有孩子的家庭，为处境困难的孕妇、单亲父母支付福利。这是一个好趋势；它表明我们知道我们经济的痛点，并正在朝着社会发展模式前进。

这里有一个重要的细节。

我们认为，如果没有长期规划的制度和实践，这种模式的实施是不可能的，这为经济政策的前景和

国家目标的实施提供了更先进的愿景。我们有七年前通过的战略规划法，但没有形成系统的文件来实施，也没有规划系统的核心要素。在今年举行的纪念苏联国家计划委员会成立100周年的国际会议上，许多专家表示希望俄罗斯的新经济模式被写入长期计划体系，同时围绕一个人建立的时间、他的需要、他的真正需求、他的幸福、教育、健康、积极的长寿都是不久的将来的问题。

本卷《关于经济学对话》专门针对这三个相互关联的主题：流行病和世界经济状况、俄罗斯的社会经济目标、战略和规划在实现这些目标中的作用。编辑意见认为，本书收集的有意义的分析和多样化的讨论值得最仔细的研究，并会找到他们的读者。

ЧАСТЬ I

ПРОГНОЗ – СТРАТЕГИЯ –
ПЛАН

ПЛАНИРОВАНИЕ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

PLANNING IN A MARKET ECONOMY

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ:
ГЛАВНОЕ В ДОКУМЕНТЕ

RUSSIA'S DEVELOPMENT STRATEGY:
THE DOCUMENT'S HIGHLIGHTS

АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ МОДЕЛИ ПОЗВОЛЯЮТ
ПРЕДСКАЗАТЬ «ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЕЙ»

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

ВЗГЛЯДЫ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

РОССИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НУЖЕН ГЛОБАЛЬНЫЙ
МЕГАПРОЕКТ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
РОССИИ: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов
Президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор

Александр Владимирович Бузгалин
Директор Института социэкономки «Московского финансово-юридического университета», заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, вице-президент ВЭО России, д.э.н.

Сергей Вячеславович Калашников
Член Президиума ВЭО России, председатель Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС), д.э.н., профессор

Владимир Иванович Щербаков,
Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Совета директоров группы компаний «Автотор», академик РАЕН, д.э.н., профессор

Абел Гезевич Аганбегян,
Заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН, д.э.н., профессор

Сергей Юрьевич Глазьев,
Член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), вице-президент ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор

ПЛАНИРОВАНИЕ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

По материалам международной конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем» (к 100-летию Госплана СССР), 25-26 марта 2021 года

Владимир Львович Квинт,
Заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, д.э.н., профессор

Георгий Борисович Клейнер,
Заместитель научного руководителя, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» ЦЭМИ РАН, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н.

Андрей Николаевич Клепач,
Заместитель Председателя (главный экономист) Внешэкономбанка, член Правления ВЭО России, к.э.н., доцент

Борис Николаевич Порфирьев,
Научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, член Президиума ВЭО России, д.э.н., профессор

Александр Александрович Широв,
Директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Правления ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Бузгалин: Доброе утро всем, коллеги! Я хочу сказать буквально два слова о том, что 100-летие Госплана Советского Союза, который первоначально даже ещё не был Госпланом СССР, а был Госпланом Советской России, 100-летие планирования в нашей стране – это международное явление, это начало новой эры в экономическом развитии, во всяком случае, в том, что касается координации связи производителей и потребителей, поддержания пропорциональности. Это большая дата, и поэтому я с радостью открываю конференцию, посвящённую анализу проблем планирования в рыночной экономике.

Для открытия конференции я рад предоставить слово её инициатору – президенту Вольного экономического общества России Сергею Дмитриевичу Бодрунову.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Александр Владимирович. Уважаемые коллеги, я рад приветствовать вас. Думаю, не будет излишним сказать, что всемирное историческое значение имеет не только само формирование и создание в своё время такого института, но и его длительная работа, этот громадный опыт.

Сегодня, несмотря на такой опыт, у нас в этой области есть большие проблемы. Хотя и принят Федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в России», не создана система комплексного планирования. При этом очевидно: чтобы перейти к инновационной стадии экономического развития, необходимо внедрять новые стандарты эффективного государственного планирования, управления, взяв на вооружение опыт прошлых лет, который может быть адаптирован к экономическим реалиям. Я убеждён, что сегодняшняя научная дискуссия может способствовать выработке таких стандартов. Первым у нас выступает, уважаемые коллеги, Владимир Иванович Щербаков – вице-президент Вольного экономического общества России, председатель совета директоров Группы компаний «Автотор», доктор экономических наук, профессор. Владимир Иванович, сегодня говорю об этом с особой гордостью, возглавлял Госплан Советского Союза в самый напряжённый, последний момент деятельности.

Щербаков: Спасибо большое, Сергей Дмитриевич. Я ещё раз всех приветствую. Это малоизвестная страница в биографии, сначала в силу её малозначительности, а потом, поскольку историю пишут победители, всё выглядит не совсем так, как было на самом деле.

Как я стал последним председателем Госплана СССР. Меня назначили первым заместителем председателя правительства в феврале 1991 года и практически сразу поручили создать программу выхода из кризиса, в котором в то время мы все находились. Была создана межреспубликанская группа, в которой участвовали заместители председателей Совета министров 14 республик (в те времена председатель Госплана республики одновременно являлся заместителем председателя Совета министров). Не было только Литвы, а Грузия была на правах наблюдателя.

Мы за месяц разработали программу совместных действий Правительства СССР и правительств союзных республик по выводу экономики из кризиса. Её подписали 11 республик. Две республики – Латвия и Эстония – к ней готовы были присоединиться и подписали письма о том, что готовы участвовать во всех мероприятиях, но не готовы подписывать программу как союзные республики, поскольку в то время уже у всех были декларации о независимости. Таким образом, 13 из 15 были согласны, а Грузия и Литва имели особую позицию.

Михаил Сергеевич Горбачёв много раз мне говорил о том, что я должен возглавить Госплан в связи с тем, что Юрий Дмитриевич Маслюков – это был великолепный председатель Госплана, очень опытный, очень контактный, с богатейшим опытом в народном хозяйстве – получил третий инфаркт и подал заявление, что категорически не может больше этим заниматься.

**ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ**

**ДЭВИД
ШПИГЕЛЬХАЛТЕР**
«ИСКУССТВО
СТАТИСТИКИ.
КАК НАХОДИТЬ ОТВЕТЫ
В ДАННЫХ»

Как статистика помогает нам лучше понимать мир? И как можно приходить к уверенным умозаключениям, когда у нас нет идеальных и полных данных? На эти вопросы отвечает «Искусство статистики» — одна из самых содержательных и при этом доступных книг по теме: с блестящими примерами, интересным изложением, наглядными графиками, определениями, формулами и программным кодом в приложениях.

Я сначала отказывался от этой чести, поскольку нам было всем ясно, что правительству Павлова осталось несколько месяцев – до подписания нового Союзного договора, и выходить на самую острую, самую критикуемую точку, честно говоря, просто не хотелось. Тем более на очень короткий период, когда сделать ничего не можешь, а подставляешься под две бочки помоев, которые в это время лились прежде всего на Госплан, потому что перестройка явно буксовала, мало что получалось, ЦК КПСС перевешивал всю ответственность на Совет министров, Совет министров – на Госплан. Кроме того, методы работы Госплана и его положение в народном хозяйстве уже не соответствовали новым требованиям, было принято решение его ликвидировать. Мне было поручено подготовить постановление правительства о преобразовании Госплана. Фактически я уже был его руководителем где-то два или три месяца. В конце марта – начале апреля вышло постановление правительства о преобразовании Госплана СССР в Министерство экономики и прогнозирования СССР, и вторым указом в этот же день обязанности министра были возложены на меня. Таким образом, я стал первым министром экономики и прогнозирования СССР, поскольку до этого фактически был последним председателем Госплана.

По теории марксизма присваивать можно только прибавочный продукт. Сегодня много молодёжи, которая марксизм не изучала, а явно будет принимать участие, если не в этой конференции, то в других, и которая, не читая и не изучая Маркса, мало себе представляет, откуда идёт накопление и ресурсы для развития. Речь идёт о распределении, о присвоении результатов добавленной стоимости и прибавочного труда. Вот, в зависимости от того, как присваивается прибавочный продукт, можно отличить капитализм от социализма и любого другого общества.

При капитализме присвоение прибавочного продукта идёт капиталом или капиталистами, то есть в частные руки, а государство получает от этого только налоги, следовательно, сильно развивается налоговая система изъятия. В Советской России пришли к выводу, что присвоение классом эксплуататоров прибавочной стоимости неприемлемо политически и не соответствует марксизму, поэтому прибавочная стоимость должна сразу изыматься государством. В этом случае она становится фактически единственным источником развития народного хозяйства.

Поэтому упор делается на планировании физических объёмов производства: надо связать всё в физическом выражении, планирование идёт в тоннах, километрах, видах номенклатуры и так далее. А поскольку есть всеобщий дефицит, выстраиваются специализированные монопольные

длинные цепочки. Если внутри что-то вырывается из этой цепочки, то вся цепочка становится бессмысленной. Отсюда постепенно от контрольных цифр и индикативных показателей перешли к тому, что Госплан стал выдавать не просто контрольные цифры, а директивные цифры, которые в конце концов так связали народное хозяйство, всё общество и потребности, что в рыночной экономике это применять стало невозможно.

Вот эта модель, базирующаяся на исключительно дешёвом труде, была пригодна в основном тогда, когда была масса физического труда, и интеллектуальный труд не очень много значил. По мере изменения этого баланса, по мере развития потребностей людей и народного хозяйства балансировать систему становилось всё труднее, и тогда приходилось применять всё более жёсткие меры.

Эта модель была настолько плотно подогнана и сбита, что было не понятно в ходе перестройки, как же её демонтировать так, чтобы не разрушить всё. В общем, нам не удалось найти правильного решения по демонтажу старой и монтажу новой системы, которая должна базироваться, с точностью до наоборот, на дорогом труде, на развитии экономических отношений и рыночных форм управления народным хозяйством вместо административных. Нам не удалось этого сделать по самым разным причинам.

Закончилось всё социальным взрывом, и что бы мы дальше ни предпринимали, было ясно, что общество устало и от людей, которые много лет говорят о перестройке, и от результатов, которые за пять лет получили. Надо отдать должное, были и радикальные подходы, которые нам не давали применить.

Вы, наверное, помните, после чего правительство Рыжкова отправили в отставку? После выступления Николая Ивановича с программой действий правительства на сессии Верховного Совета СССР. Мы закончили работать вместе с Горбачёвым над этой программой в два часа ночи, и главная суть этой программы заключалась в том, что все стоимостные показатели надо привести в чувство, потому что нельзя выходить в рынок, в экономическое управление, когда стоимостные показатели – например, стоимость хлеба, молока, мяса и так далее – не имеет ничего общего с реальностью, поскольку всё дотируется, причём в гигантских размерах. Если не выровнять эти стоимостные пропорции, невозможно двигаться никуда, невозможно внедрять ни новую технику, ни новое оборудование, – в общем, полный тупик модели управ-

ления. Горбачёв согласился с этим, но, оказывается, от нас, когда мы все поехали по домам, он отправился слушать другую команду. В той команде другой ученый, друг Абеда Гезевича и Шаталина академик Петраков убедил его вместе с другими экспертами, что нельзя начинать перестройку с повышения цен на продовольствие. Хотя мы не просто повышали цены, мы делали изменение масштаба цен, то есть поднимались цены и одновременно выплачивалась полная компенсация за увеличение этих цен. Таким образом, речь шла только о выравнивании стоимостных пропорций с компенсациями. Это совсем не то, что было сделано потом Гайдаром.

Итак, выступил Николай Иванович. Дальше встаёт Михаил Сергеевич и говорит: «Ну как же можно начинать перестройку с повышения цен на хлеб и на продукты питания для населения? Что-то здесь не так». Николай Иванович получает инфаркт, выпадает из игры. Потом назначается правительство Павлова, которому тоже ничего не удастся толком сделать.

Вот так я бы выделил главную проблему Госплана в то время: мы не сумели демонтировать модель управления экономикой и перестроить работу генерального штаба страны на новую модель, поскольку плохо понимали, какой она должна быть, не нашли рычагов воздействия на общество. Теперь об этом можно говорить только с сожалением.

В моём понимании то, что случилось после этих 30 лет после разрушения Советского Союза, к нормальному рынку имеет очень малое отношение. Рынок означает, что есть много продавцов и мало покупателей, тогда он сам себя может регулировать. А у нас один продавец, и в очереди стоят все покупатели. Чем это отличается от того, как раньше в Советском Союзе в магазин поступала одна приличная рубашка, и приходили 20 человек, желающих её купить? С другой стороны, экономические механизмы, о которых мы говорили, закончились, и сегодня у нас худший вариант из тех, которые только можно придумать: экономического управления нет, есть система субсидий и дотаций, которая даёт отдельным предприятиям или отдельным предпринимателям, и к управлению экономикой не имеет отношения, кроме того что провоцирует коррупцию. Когда сажают губернаторов и вдруг находят у них по миллиарду или по полтора в заначке, это не случай, это система. В моём понимании есть смысл сегодня обсудить новые формы и воссоздание каких-то функций Госплана, не обязательно называя это Госпланом.

**ВЛАДИМИР
ЩЕРБАКОВ**

«В моем понимании то, что получилось через 30 лет после развала СССР, имеет мало отношения к нормальному рынку»

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Владимир Иванович. Я думаю, коллеги с удовольствием послушали Ваш замечательный доклад. И, действительно, я дал больше времени на него, потому что это очень важное, серьезнейшее сообщение о том, каким образом сложилась сегодняшняя ситуация после того, как завершилась история Госплана советского образца.

Я хотел бы предоставить слово в продолжение начатого Владимиром Ивановичем разговора Сергею Вячеславовичу Калашникову.

Калашников: К сожалению, в государственных управленческих кругах я очень часто сталкиваюсь с тем, что люди не разделяют цель и задачу. Цель подменяется (в частности, те цели, которые поставил президент) конкретной задачей, которая предполагает достижение определенных результатов. Я уж не говорю о том, что укоренилась система оценки результатов (ну, например, в государственных федеральных программах) в денежном выражении: потратили деньги – значит, программа реализована, а какой мы получили эффект – на этот вопрос никто и не пытается ответить.

В 2014 году с большим трудом, при большом сопротивлении был принят закон «О стратегическом планировании». Возникла надежда, что мы наконец-то открываем новую главу в нашей экономике. Я помню, что в 2014 году самым расхожим «мемом» было то, что мы возвращаемся, наподобие китайцев, к пятилетним планам. Поскольку сопротивление этому закону было колоссальным, противники этого закона добились того, что он был отменён до 2019 года и вступил в действие только с 1 января 2019 года. Причём он вступил в действие, не будучи обеспеченным никакими методическими материалами, которые должно было подготовить Минэкономразвития. В Совете Федерации, в Комиссии по экономическому развитию определили, что около 130 нормативных актов в ведомстве должны были быть выпущены для реализации закона «О стратегическом планировании». Выпущено не более полутора десятков. Грубо говоря, 10%, поэтому, естественно, этот закон не заработал.

Это вылилось в то, что субъекты РФ, которые должны были в соответствии с этим законом разрабатывать планы стратегического развития своих территорий, спустили всё на тормозах, сымитировали бурную деятельность. Было 5 – 6 фирм, которые подвизались создать планы стратегического развития во всех субъектах. Достаточно показательное, что в 43

субъектах главной основой экономического развития вдруг стали автоприцепы. Это как раз яркий пример полной профанации идеи. На мой взгляд, кое-где всё-таки какие-то планы были созданы: например, в Иркутской области, ну, и ещё в ряде областей.

Но тут возник сбой на федеральном уровне. Дело в том, что планы стратегического развития территорий абсолютно не были увязаны с несуществующим – его так и не создали – планом стратегического развития Российской Федерации. Не может субъект развивать стратегические направления экономики, не увязанные с другими субъектами и с федерацией. Мало того, эти планы оказались абсолютно не увязаны с национальными проектами и с федеральными программами. Федеральные программы, которые были спущены во все субъекты, существовали сами по себе, а планы стратегического развития территорий – сами по себе.

Другими словами, всё провалилось, и когда Совет Федерации жёстко поставил вопрос, почему нет общего плана стратегического развития страны, правительство выпустило план пространственного развития Российской Федерации. Те, кто знает содержание этого плана, наверно, сейчас улыбаются, потому что это абсолютно не план стратегического развития экономики, а оторванные от жизни и ситуации пожелания, никак не увязанные между собой.

Что же мы имеем на сегодняшний день? Закон «О стратегическом планировании» существует, но совершенно не работает. Сама идея стратегического планирования ушла на второй план, и в программе выхода из экономического кризиса до 2035 года, которую представило правительство, и которая будет, наверно, реализована, планирования тоже не очень много. Буквально на этой неделе в общении с господином Мантуровым, министром промышленности, я задал вопрос: «Каким образом мы можем решать наши стратегические промышленные задачи, если у нас нет механизма их увязки между собой?» Приведу один только пример, который я приводил и Мантурову, и с которым он согласился. Мы сейчас очень много поставили на цифровую экономику, на цифровизацию всей нашей жизни, но как мы можем обеспечить реальное развитие цифровизации, если у нас физически нет микроэлектронной промышленности? У нас есть программа с 2012 года о развитии электронной и микроэлектронной промышленности, по ней отчитываются, но отчитываются, сколько истратили (кстати, истратили тоже не так много, как могли бы истратить). Но это не означает, что эта промышленность появилась.

Коллеги, возвращаясь к Госплану: когда туда пришёл Маслюков, он меня попросил сделать то, что

**СЕРГЕЙ
КАЛАШНИКОВ**

«Закон «О стратегическом планировании» существует, но совершенно не работает»

в Министерстве оборонной промышленности было хорошо поставлено на поток – оценку деловых и личностных качеств руководителя. Мы её сделали в Госплане, передали Юрию Дмитриевичу. И вывод, который можно было сделать, следующий: работники Госплана – хорошие люди, прекрасные специалисты – абсолютно не были настроены на идею что-то менять. И я должен отметить, что, действительно, планирование предполагает не просто постановку конкретных задач. Планирование прежде всего предполагает ориентацию на результат, причём на результат долговременный.

И я глубоко убеждён, что главная проблема внедрения планирования – индикативного планирования да любого планирования – опирается в то, что практически не сформирован командный состав, который ориентирован на достижение результатов, допустим, даже на 5 – 10 лет. Вот как отчитаться за год – это да, а чтобы получить результат через 10 лет – этого нет, и это является основным тормозом. Поэтому я считаю, что проблема в кадрах.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Сергей Вячеславович. Очень содержательное, на мой взгляд, выступление, которое дополнительно раскрывает детали того, что было в Госплане в переходный момент, какие претензии к ведомству существовали. Сергей Вячеславович задал тон сегодняшнему разговору о том, что у нас с планированием, стратегическим планированием, какие задачи можно ставить и решать, а что у нас пока, к сожалению, не решается.

Передаю слово для второй сессии нашему уважаемому сомодератору Александру Владимировичу Бузгалину.

Бузгалин: Уважаемые коллеги, я рад принять эстафету. Открое эту сессию доклад президента Вольного экономического общества России профессора Бодрунова.

Бодрунов: Спасибо большое, Александр Владимирович. Уважаемые коллеги, мы часто обсуждаем тему планирования, потому что именно сейчас существенно возрастает интерес к институту планирования – планирования без идеологических штампов и коннотаций, а именно как к институту, позволяющему структурировать, организовывать человеческую деятельность для достижения поставленных целей.

Далеко не случайно именно в наше время – время глобальной трансформации нашей цивилизации, обусловленной переходом к новому состоянию общества, которое мы в Институте нового индустриального развития называем новым индустриальным обществом второго поколения, НИО.2, всё чаще научная общественность, бизнес-структуры и власть обращают свой взор к опыту планирования, накопленному человечеством.

В чём же тайна плана? Почему он не уходит в прошлое? Ответ на этот вопрос предполагает обращение к глобальным трансформациям последних десятилетий – в частности, к проблемам генезиса ноономики как неэкономического способа удовлетворения реальных потребностей людей в ходе развития НИО.2. Я немало предыдущих выступлений и текстов посвятил этой теме, сейчас лишь коротко выделю ключевые аспекты.

Сегодняшний мир, коллеги, захлёстывают проблемы: нищета сотен миллионов, бедность миллиардов, достигшее беспрецедентных размеров неравенство не только отдельных стран в доступе к общественным благам, искусственное торможение развития человека, неустойчивость мировой экономики к шокам различной этиологии, ну и многое другое. При этом мировой уровень общественного производства, отражающий реалии достижения современного НТП, позволяет хоть сегодня приступить к решению большинства этих проблем.

Это глобальное противоречие современности обостряется в ходе прогрессирования технологий при сохранении устаревших на глазах, архаизирующихся экономических моделей, в рамках которых достижение технологического прогресса не служит решению упомянутых проблем, а скорее, наоборот, акселерируют их. В частности, в полной мере к таковым следует отнести господствующую неолиберальную модель современного капитализма, регрессирующего в направлении консерватизма. Эскалация противоречий этого процесса в то же время чревата множественными глобальными рисками. И вот, коллеги, в этих условиях вновь возрастает понимание, что без целенаправленной – плановой, если хотите, – работы не обойтись.

Россия имеет богатейший опыт в этом деле и в то же время как никогда сейчас нуждается в определении своего пути в меняющемся глобальном мире, целей развития и применении рациональных способов достижения этих целей.

Отметим, что практически весь постсоветский период страна развивалась без ясно обозначенной стратегии и без добротных инструментов её реализации. Сегодня об этом уже говорилось. Сейчас у нас есть при всех недочётах закон «О стратегическом планировании». Установлены цели национального развития, из которых можно понять, что мы в общем и целом намерены строить социально-ориентированное общество с развитой экономикой, базирующейся на новом технологическом укладе. Есть национальные проекты и немало отраслевых, региональных и прочих стратегий. Есть множество различных так называемых «планов».

Наверное, уже ни для кого не секрет, что правительство по поручению нашего президента сейчас работает над проектом стратегии развития России. Горизонт стратегии – 2035 год. Создано несколько рабочих групп, анализируются варианты, механизмы и ресурсы, предполагается, что будут определены цели и выработаны направления, так сказать, главного удара. Следуя призыву президента России включиться в конструктивную дискуссию – как у нас было это в документах отмечено – по этой важнейшей проблеме, эксперты ВЭО России, а это весьма представительная группа крупнейших макроэкономистов страны, в ходе непростых консультаций подготовили и направили в Правительство России документ под названием «Новые пути России: к вопросу о стратегии развития России». Думаю, что наша сегодняшняя конференция – это тот форум, где следует впервые хотя бы кратко охарактеризовать этот документ. Он ориентирует в выработке стратегии на пять основных направлений.

Первое – новая социальная модель развития. Здесь в качестве главной обозначена абсолютно конкретная цель: сокращение доли малообеспеченного населения и увеличение доли среднего класса.

Второе направление – это переход от отставания к научно-технологическому прорыву и занятию лидирующих позиций в мировом научно-техническом соперничестве. Целевой ориентир здесь – удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 году не в десятку, как предполагалось ранее, а в пятёрку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям шестого технологического уклада.

Третье – экологически ориентированное развитие и создание каркаса экономики природосбережения. При этом, обращу Ваше внимание, в качестве приоритета здесь обозначено не столько сокращение так называемого углеродного следа, сколько комплексное сбережение природных ресурсов при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

Четвёртое направление – новая модель пространственного развития, направленная на подъём срединной России, и новый поворот на восток и к Арктике.

И, наконец, пятое направление связано с евразийским вызовом. Глобальные центры мирового экономического развития неизбежно в ближайшее десятилетие переместятся на Восток, в азиатский континент, и это, конечно, необходимо учитывать. Россия может и должна внести свой вклад в этот процесс и получить от него определённые бенефиции.

В целом стратегия развития России, по мнению экспертов ВЭО России, должна быть направлена на формирование привлекательной модели жизни своих граждан, на реализа-

цию возможности, – а она есть, – сбалансированного, устойчивого развития, обеспечивающего гармонизацию целей существенного прогресса в экономике, связанного с переходом к новому состоянию общества, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережения. Очевидно, такая стратегия потребует возрождения в том или ином виде института планирования. Необходима разработка систем прогнозирования, индикативного планирования социально-экономического развития страны в соответствии с законом «О стратегическом планировании». Представляется, что, исходя из особенностей и закономерностей нынешнего этапа НТП и уровня социально-экономического развития страны, перспективные прогнозы, форсайты должны быть, на наш взгляд, на периоды 15 – 20 и более лет, плюс уточнённые среднесрочные – например, на срок до 10 лет, и конкретизированные краткосрочные – до 1 – 3 лет. И вот такие краткосрочные прогнозы могли бы стать основанием для формирования годовых и трёхлетних индикативных планов развития страны, которые включали бы характеристики всех основных макроэкономических параметров и инструментов реализации государственной политики и программ развития госсектора, под которые должен формироваться госбюджет.

Для создания системы планирования, контуры которой я сейчас кратко обозначил, многие коллеги (я бы их поддержал) полагают уместным в год 100-летия Госплана вернуться к идее воссоздать, дать вторую жизнь, конечно, в адекватной сегодняшней ситуации форме, назовём условно, новому Госплану – некоему органу, координирующему эту работу. В предложениях ВЭО России, поданных во все главные органы госуправления летом и осенью прошлого года, содержалась идея создания надведомственного органа, координирующего (в чём-то сходно по функциям с ГКНТ СССР) развитие науки и техники. Возможно, не только мы высказали эту идею, тем не менее, как вы знаете, президент недавно дал соответствующее поручение правительству. Это добрый знак: президент слышит общественность. Очень хотелось бы, чтобы и идея воссоздания планирующего органа тоже получила такое же мощное развитие.

Коллеги, в завершение я подчеркну: России нужен модернизационный рывок. Мифы рыночного фундаментализма, постиндустриализма показали свою нежизнеспособность. Мы не предлагаем отказываться от рынка в России, мы предлагаем дополнить его плановыми методами, ибо, я убеждён, только так в России можно обеспечить решение задач реиндустриализации экономики на новой технологической основе, в первую очередь на основе знаниеёмкого, адекватного для перехода к НИО.2 производства на первом этапе модернизации и продвижения к социально-ориентированному государству, более справедливому обществу – ноономике – на последующих этапах.

СЕРГЕЙ БОДРУНОВ

«Мы не предлагаем отказываться от рынка в России, мы предлагаем дополнить его плановыми методами»

Бузгалин: Спасибо, Сергей Дмитриевич. Уважаемые коллеги, мы, действительно, не первый раз ведём разговор о необходимости планирования, сочетающего и косвенные методы, и индикативность, с одной стороны, и директивность для государственного сектора, с другой стороны, планирования как целостной модели, обеспечивающей в условиях рыночной экономики прорыв и приоритетное развитие ключевых сфер. Напомню, что в 2015 году в мэрии Москвы прошла большая международная конференция, инициаторами которой были присутствующие здесь коллеги. Она привела к публикации книги, к изданию целого ряда интересных статей. Но тогда ещё не было ни закона, ни серьёзного обсуждения этой темы. Сейчас тема планирования становится общей. Мы чем-то подобны, наверное, известному сенатору, который говорил, что Карфаген должен быть разрушен. Вот уже не первый год говорится о том, что неолиберальная модель, основанная на рыночном фундаментализме, заводит экономику не только России, но и других стран в тупик, необходима альтернативная система организации экономической жизни. Эта тема звучит всё настойчивее.

Слово предоставляется Абелу Гезевичу Аганбегяну – человеку, которого не надо представлять.

Аганбегян: Уважаемые коллеги, хотя нашему планированию 100 лет, но всё-таки настоящее планирование, которое берут на вооружение и другие страны, началось с 1928 года, когда был разработан пятилетний план. И именно он был взят другими странами, очень серьёзно модернизированный и изменённый для условий рыночной экономики.

В 39 странах в той или иной мере было использовано планирование. Что интересно? Эти страны начинали планировать, как правило, тогда, когда перед ними стоял выбор: или рывок вверх, или падение вниз.

Изучив опыт разных стран, я пришёл к выводу, что лучший пример для нас – Япония. Япония в начале 1960 годов в каком-то смысле напоминает Россию. У неё не было условий для экономического роста, очень низкая доля инвестиций, полное отсутствие заделов по научно-техническому развитию, базовых отраслей (машиностроения, современной химии). Она должна была их создать, должна была нарастить экспорт, потому что внутренний рынок недостаточен для развития многих из этих отраслей. Надо сказать, что тогда качество японских товаров было известно во всём мире в том смысле, что японское значит плохое. И Япония сделала ставку именно на технологическое развитие, если вы помните. Она скупала больше 1000 всяких технологических лицензий, и многие новые технологии стала внедрять, в том числе российские: она всю металлур-

гию перевела на российские технологии: непрерывная разливка металла, сухое коксовое производство, использование кислорода для улучшения качества прокатных изделий и так далее.

Нам надо внимательно изучить, как Япония с очень жёсткой системой планирования, колоссальной ролью государства за 10–15 лет сделала рывок, из отсталой страны превратилась во вторую мировую державу, в то время обогнав остальные страны. Тогда ещё Китая и Индии не было видно, но она обошла Германию и стала выдающейся страной: сейчас объём производства валового продукта – под 5 трлн долларов, с очень высоким технологическим уровнем, высоким очень уровнем зарплат и социального развития.

Что самое плохое у нас? Самое плохое то, что мы перешли к социально-экономической системе, неспособной обеспечить социально-экономический рост. Всё-таки прошло 30 лет – не шутка. И насколько вырос наш валовый продукт? К началу года валовый продукт наш увеличился на 15%, промышленность не достигла уровня 1990 года (правда, в основном за счёт военной промышленности, по гражданской мы все-таки тот уровень превазошли), сельское хозяйство еле-еле дотянуло до 100%. Инвестиции – только половина. Как можно развиваться, имея половину инвестиций от 1990 года в доле в валовом продукте? А как развивался мир в это время? Западная Европа выросла в два раза за 30 лет, а США – в два с половиной. Развивающиеся страны – в семь раз. Я просто боюсь сюда вставить, насколько вырос Китай и Индия, потому что это небо и земля.

С 2013 года мы попали в стагнацию, и я утверждаю, что наша экономика при существующей структуре не способна расти. Доля инвестиций в основной капитал в России – ниже 17% в 2019 году, я не говорю про 2020 год (кризисный), а при такой доле инвестиций в основной капитал в стране, где промышленность занимает около 30% валового продукта, то есть в индустриальной стране, роста не может быть закономерно.

Второй главный драйвер – сфера экономики знаний, это НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, здравоохранение. У нас она составляет 14% в валовом продукте. При такой доле экономики знаний она не является драйвером. В Китае она – 22%, в Европе – 30%, в США – 40%.

Берём жилищное строительство. У него самая низкая доля в инвестициях в России – меньше 20%. Мы вводим новое жильё на душу населения меньше, чем Франция, меньше, чем США, у которых в два, в три раза жилищная обеспеченность лучше, и жильём там считается, естественно, комфортное жильё. Если в жильё нет канализации, это не жильё, а у нас такого – 21%.

Экспорт – движущая сила экономики. У нас он сокращается сейчас, и он не будет расти, так как в нём нет отраслей, которые поднимут наш экспорт, скажем, в два раза. Да, мы росли с 1998 по 2008 год очень сильно – на 90% вырос наш валовый внутренний продукт. После падения на 80% был отскок от дна очень мощный из-за импортозамещения, а потом цены на нефть в этот период выросли в 8 раз, экспорт в этот период вырос в 6 раз – с 75 млрд долларов до 472 млрд в 2008 году, и мы получили 1,5 трлн шальных долларов с мирового рынка за счёт повышения цен на нефть и другое сырьё. Конечно, если вам сейчас дадут 3 трлн долларов, вы будете расти, но в экономике у нас нет таких сумм, и мы не можем их воспроизвести и близко. Мы росли в значительной мере на этих даровых долларах.

Напомню, мы увеличили долю госбюджета в ВВП с 25% в конце 1990 годов до 41% в 2009 году. В 2020 году – 39,5% доля госрасходов в валовом продукте. При такой доле госрасходов развивающаяся страна расти не может, потому что у неё нет денег на частный сектор. А за счёт государственного сектора никто не рос. Росли, когда государственный сектор помогал частному, а у нас он не помогает сколь-нибудь серьёзно частному сектору. Поэтому ни жилищное строительство, ни экспорт не являются дополнительными драйверами экономического роста.

Мы попали в стагнацию, потому что за три года – 2013, 2014 и 2015 – наши государственные инвестиции снизились на 31%, инвестиции крупных госкорпораций – на 30%, инвестиции в консолидированном бюджете – на 22%, инвестиционный кредит госбанков с на 27%. Несмотря на рост частных инвестиций, общие инвестиции снизились на 11%. Поэтому при самых благоприятных условиях для экономического роста мы оказались в стагнации. Это рукотворная стагнация. Подумайте, если бы у нас был план, скажем, в 2010 – 2015 годах, можно себе представить, что в этом плане было бы снижение госинвестиций на 31%? Невозможно такой план составить, потому что план составляется на основе аналитики. Любой вам скажет, что если вы на столько снизите госинвестиции, которые составляют половину всех инвестиций, у вас будет спад, в лучшем случае – стагнация.

Мы пришли к рецессии в 2015 году неслучайно, она только частично была вызвана санкциями и снижением цен на нефть, в основном это наш внутренний тренд, потому что стагнация тянет экономику вниз. Заметьте, что мы заняли с 2010 по 2013 год включительно 270 млрд долларов с мирового финансового рынка, куда нас допускали до санкций. И даже это нам не дало возможность поддержать рост. 270 млрд! Плюс, на 50 млрд у нас вырос экспорт к 2012 году из-за повышения цен на нефть.

**ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ**

АДАМ ТУЗ
«СТАТИСТИКА
И ГЕРМАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВО. 1900–
1945. СОЗДАНИЕ
СОВРЕМЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ»

Статистические данные формируют наше представление об экономике: мы рассуждаем о ценах или уровне безработицы в категориях «растет» или «уменьшается», ссылаясь на конкретные цифры. Эти цифры появляются в результате некоторых статистических процедур. Туз задает вопрос: а как вообще стала возможной эта специфическая форма экономических знаний в форме статистики, этот орган зрения, без которого не способны сегодня существовать ни государство, ни общество?

Структура нашей экономики совершенно не приспособлена к экономическому росту. Весь наш хозмеханизм не нацелен на экономический рост, он нацелен на стагнацию, которую мы называем устойчивым ростом, потому что не падаем. У нас фискальность, накопительство пронизывает экономику снизу доверху. В 2020 году – в кризис – мы продолжали скупать золотовалютные резервы. С 2017 года по август 2020 года мы потратили 14,6 трлн рублей на скупку золота, долларов и евро и нарастили золотовалютные резервы на 226 млрд долларов, впервые превысив в августе 2020 года 600 млрд долларов, совершенно нам не нужных. Нам и 300 млрд много, а 600 млрд долларов – это больше всех резервов США, больше, чем все резервы Германии, Англии, Франции и Италии вместе взятые, где народу на 50 млн больше нас. Зачем?! Сидим на сундуках с золотом, имея 20% бедности по самым скромным подсчётам, имея такое отсталое оборудование, не делая инвестиций. В годы стагнации у нас на 5,6% снизились валовые накопления в основной капитал. Как можно расти, если они снижаются?

Но у нас есть главное преимущество: наш народ очень талантлив. И если будут соответствующие условия, он будет творить чудеса. Слушайте, у нас в Кремниевой долине 20 русских – «единороги». Что значит «единорог»? Их фирмы оцениваются более чем в млрд долларов, которые они создали с нуля, не в соавторстве с какими-то американцами, совместно, а единолично. Что бы они сделали в России, если бы у нас были даже не такие, как в Кремниевой долине, но хотя бы какие-то условия? Но таких условий нет.

Поэтому нам нужна коренная перестройка. Коренная перестройка возможна только при переходе на пятилетний план. Поэтому моё предложение – создать пятилетний план на 2021 – 2025 годы с отдельными ключевыми показателями до 2030 – 2035 годов, а потом сделать пятилетний план на 2026 – 2030 годы. Причём директивным этот план должен быть для всего, что подчиняется государству, включая государственные корпорации («Газпром», «Роснефть», РЖД, «Ростехнологии», «Росатом», «Аэрофлот» и так далее), и индикативный план, но согласованный, аналитически сформированный с крупными частными олигархическими структурами, а также просто индикативный план для среднего, мелкого бизнеса и других предприятий.

Вот смотрите, как мы проходим кризисы. Валовый продукт в промышленности снижается на 5%, а реальные доходы – на 26%. Можно это при планировании допустить? Да ни один план так не может быть составлен в кризисный год.

АБЕЛ АГАНБЕГЯН

«Мы пришли к рецессии в 2015 году неслучайно, она только частично была вызвана санкциями и снижением цен на нефть»

Заметьте, единственный государственный документ, реальный, который влияет на экономику, – это бюджет. А что такое у нас государственный бюджет? Это выделение денег без целей. Выделяются деньги на здравоохранение, а цели нет. И в целом наш бюджет крайне неэффективен как любое выделение денег без цели неэффективно, и значительная часть этих денег просто не используется по назначению. Мы же знаем, что каждая четвертая включённая в бюджет стройка даже и не начинается. Мы совершенно разучились аналитике. Меня очень интересовало, почему Китай делает такие грамотные планы? Как можно при такой норме инвестиций, при таком росте инвестиций, при огромном росте кредитов – у них, знаете, объём банковской системы в 2–3 раза больше, чем у нас, – не разогнать инфляцию? Я ездил в Китай дознаться, кто составляет эти грамотные планы. И я увидел в составе Совмина фактически колоссальный, вмонтированный внутрь Совмина исследовательский институт (хотя он не называется институт). И я встретился с этими людьми. Они все кончали Гарвард или Слоунскую бизнес-школу, или Уортонскую школу бизнеса. Это грамотнейшие люди. Они всё знали наизусть. Я получил огромное удовольствие от общения с ними. Так что аналитика лежит в основе пятилетки, а у нас никакой аналитики! Без этого план нельзя составить.

Планирование – это ответственность, это аналитика, это создание условий для экономического роста. Для этого мы должны преобразовать экономику: в области собственности (реформы), финансовой системы совершенно негодной (95-е место занимает наша система по мировым рейтингам), региональной политики – сейчас регионы совершенно бесправны, не самокупаемы, не самофинансируются. И нам нужна социальная направленность: мы не соблюдаем никаких мировых норм ни по минимуму зарплаты, ни по размеру пенсий, ни по размеру пособий для безработицы. Возьмите нормы Международной организации труда: мы в 2–3 раза хуже всех стран с таким же уровнем социально-экономического развития, прежде всего постсоциалистических стран Европы, которые мы в советское время обгоняли, кроме Чехословакии и Словении, по всем показателям.

Бузгалин: Спасибо огромное, Абел Гезевич. Вы знаете, это не просто научный доклад, не просто аналитика, это политическое выступление, и оно принципиально значимо и важно для нас. Тем более что качественные изменения в системе отношений – не просто неких правил игры, не просто в экономической политике – в системе производственных отношений (я вспомню это наше старое доброе понятие) абсолютно необходимы. Развитие планирования – это тоже изменение в производственных отношениях, а не просто

определённая техническая реформа. Акцент на том, что без таких глубоких трансформаций мы не выйдем из рукотворного, по сути дела, кризисного состояния, – принципиально важен.

Нашу конференцию продолжает академик Сергей Юрьевич Глазьев. Я не буду представлять этого известного учёного: я о нём много слышал от коллег в Канаде, в США, в Бразилии, я уже не говорю про Китай и Индию. Сергей Юрьевич, спасибо за то, что включились. В Вашем графике министра это непросто, но очень важно для нас.

Глазьев: Добрый день, коллеги. Я с большим удовольствием выслушал все выступления, особенно, конечно, вдохновляющее нас на решительные действия напутствие Абела Гезевича, а Сергей Дмитриевич дал нам системный взгляд на данную проблему – восстановления планирования в управлении нашим экономическим развитием.

Формально у нас планирование восстановлено законом «О стратегическом планировании», и у нас есть уже около 80 000 документов стратегического планирования, которые подготовлены в соответствии с этим законом. Кроме того, вы знаете, у нас есть и национальные проекты, а до этого были программы. Однако вся эта система не работает, потому что нет механизма исполнения, нет инструментов и институтов, которые обеспечивают ответственность за реализацию этих документов стратегического планирования. И такой первый системный документ, который у нас появился еще в 2008 году, – Концепция долгосрочного развития – был позорнейшим образом провален с точки зрения исполнения тех целей и задач, которые там были поставлены.

Действительно, планирование является сегодня стержнем всей системы управления в успешно развивающихся странах. Новый мирохозяйственный уклад, который формируется в Юго-Восточной Азии, элементы которого мы видим и во многих других странах, предполагает целевое планирование. Это планирование – стратегическое, оно ориентирует хозяйствующих субъектов на рост народного благосостояния на основе внедрения новых технологий, скорейшего перехода к новому технологическому укладу. И государство здесь концентрирует ресурсы для того, чтобы действительно помогать хозяйствующим субъектам осваивать передовые технологии.

У нас есть все составляющие системы стратегического планирования: есть закон, которому уже 6 лет, написано множество документов, есть развитый госсектор, есть госкорпорации, государственная банковская система, которая концентрирует 70% банковских активов, есть разного рода программы и национальные проекты, но роста экономического нет, и ничего не исполняется.

Успехи советской системы директивного планирования были восприняты мировым сообществом, после войны практически все ведущие страны начали использовать планирование. Очень примечателен опыт Японии. Первые два года были неудачными, экономика сорвалась в высокую инфляцию, эксперимент был заморожен, но затем они нащупали технологию индикативного планирования, в которой на основе рыночной экономики государство научилось управлять денежными потоками и ставить задачи перед частными компаниями через соответствующие механизмы стимулов и санкций. Эти частные компании приучились к тому, что нужно совместно с государством решать задачи социально-экономического развития, прежде всего, научно-технического прогресса и повышения уровня жизни населения.

Общим между индикативным и директивным планированием, с моей точки зрения, является не только целеполагание при разных механизмах реализации, но и управление деньгами. Во всех странах, которые преуспели в сфере планирования и добились высочайших результатов, государство научилось управлять денежными потоками. В Советском Союзе такой вопрос не стоял: был финансовый план, и Госбанк создавал столько денег, сколько нужно было для реализации плана, прежде всего капитальных вложений. Но в рыночной экономике, где правительство само по себе, а центральный банк сам по себе со своими задачами, не всегда удаётся координировать должным образом частный сектор экономики, который часто управляется иностранным капиталом: как всё это совместить, скоординировать в общей системе планирования – вопрос очень непростой.

Анализируя опыт стран, которые внедрили индикативное планирование в рыночной среде после войны, я могу сказать, что главным инструментом координации была целевая денежно-кредитная политика. В послевоенной Европе деньги создавались центральными банками под запросы производственных предприятий через систему переучёта их векселей, и коммерческие банки, будь то государственные или частные, были важнейшим элементом этой системы стратегического, да и вообще любого планирования. Именно денежные потоки, управляемые государством, выстраивали частный сектор экономики в соответствии с теми приоритетами, которые были нужны стране. Если поместить в послевоенную Германию наш Центральный банк с его советом директоров, я вас уверяю, что Германия бы до сих пор лежала в руинах, так же как и Япония, где денежно-кредитная политика тоже обеспечивала целевое кредитование, целевую кредитную эмиссию под реализацию индикативных долгосрочных и среднесрочных планов. Все сбережения населения одновременно через сберкассы собирались под контролем

Минфина и распределялись по государственным институтам развития. Была создана система, которая и денежную эмиссию направляла на финансирование капитальных вложений, и сбережения населения под контролем денежных властей направляла на финансирование приоритетных инвестиционных проектов.

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ

«Планирование является сегодня стержнем всей системы управления в успешно развивающихся странах»

Китай на наших глазах совершил переход – что мы не смогли сделать – от директивного планирования к индикативному стратегическому планированию одновременно с перестройкой всей системы управления на рыночных началах. Если понаблюдать, чем отличается, предприятие, которое является главным исполнителем плана в директивной системе, от предприятия рыночной системы. Когда после войны мы перешли на гражданские рельсы и экономика стала очень разнообразной, а с научно-техническим прогрессом это разнообразие производимых товаров достигло, как уже было замечено, миллионов позиций номенклатуры (десятков миллионов), система директивного планирования стала давать сбой. Этот сбой был связан с тем, что в этой интерактивной системе основной исполнитель – госпредприятие – получая директиву из центра расти на 5% в год, просто наращивал производство от достигнутого уровня. Это планирование от достигнутого уровня было главным недостатком и главной проблемой системы директивного планирования, где приоритеты, которые задавались сверху, в основном исходя из гонки вооружения и каких-то политических задач, сталкивались с планированием от достигнутого снизу, и в этой системе отсутствовал механизм отбраковки устаревающих производств. Затратная система ценообразования приводила к тому, что новая техника оказывалась дороже старой, а в рыночной экономике, как вы понимаете, всё наоборот. В конечном счёте система стала быстро терять эффективность. Она стала технологически многоукладной, не было механизмов перераспределения ресурсов из устаревшего технологического уклада в новый. Вот это воспроизводство на одной ресурсной базе технических систем разного уровня привело к нарастанию структурных диспропорций.

Абел Гезевич, наверное, помнит, как были сделаны попытки систему изменить, обеспечить ускорение научно-технического прогресса, начал активнее применяться целевой подход, продовольственная программа, конверсия. Но то ли времени не хватило, то ли система оказалась слишком инертной, но мы не смогли совершить тот манёвр, который совершили китайцы, сохранив и госсектор, и одновременно создав условия для внедрения рыночных механизмов.

В рыночной экономике диалог между государством и предприятием выглядит не менее эффективно, чем в директивной системе. Частное предприятие, которое находится в достаточно жёстком правовом поле, работает в системе государственных регуляторов и платит налоги, само собой, получает кредиты из государственных институтов развития, сталкивается с государственным регулированием цен время от времени, не менее чувствительно к управляющим воздействиям государства, чем предприятия в государственно-директивной системе. У частного предприятия нет такой возможности, какая была у научно-производственных объединений в Советском Союзе – добраться до ЦК КПСС и отстаивать свою позицию там на уровне Совета министров и доказать, что нужно планировать так, а не иначе. Частники вынуждены выстраиваться под государственные задания, потому что они рискуют всем своим бизнесом. Тот же японский опыт показал, что очень распространена была ситуация, когда японские корпорации исполняли плановые установки Министерства торговли и промышленности в ущерб себе, в ущерб своим доходам. Они теряли прибыль, но выкладывались для того, чтобы осуществить инвестиции в соответствии с теми планами, которые они согласовали с государством. И замечу, что японские банки, которые сегодня работают с отрицательным капиталом, обеспечили финансирование всех этих поставленных государством задач. Иными словами, государство в условиях рынка, конечно, может эффективно планировать развитие экономики, в том числе вовлекая в процесс планирования, особенно в реализацию планов, частные предприятия, но должна работать система, которую я вкратце сейчас попытаюсь охарактеризовать.

Наряду с координацией, которой занимается государство в интегральном мирохозяйственном укладе, соединяя всех хозяйствующих субъектов вокруг стратегического плана развития, важнейший элемент, как я уже заметил, это управление деньгами. У нас денежно-кредитная политика осуществляется сама по себе, никакого отношения к стратегическим планам ни государства, ни отраслей не имеет, она действует по рекомендациям Международного валютного фонда и фактически давно уже не выполняет функцию предоставления кредита экономической системе. Наоборот, начиная с 2014 года, с переходом к таргетированию инфляции, Центральный банк стал изымать деньги из экономики. И вот те чудовищные цифры падения инвестиционной активности, о которых только что говорил Абел Гезевич, это результат перехода к так называемому таргетированию инфляции, когда Центральный банк взвинтил процентные ставки, сделал кредит недоступным для предприятий, предприятия начали массово банкротиться или возвращать кредиты, лишаясь оборотных средств, сворачивать производства и,

самое главное, прекращать инвестиции. После перехода к «таргетированию инфляции» с резким повышением процентных ставок и освобождением курса рубля в свободное плавание в интересах финансовых спекулянтов те предприятия, которые сделали инвестиции, обанкротились в значительной части. Эта политика наказала именно тех, кто занимался долгосрочными инвестициями, в том числе тех, кто поверил государству в том, что государство будет реализовывать концепцию долгосрочного развития.

У Центрального банка, замечу, есть соответствующие инструменты – так называемые специальные инструменты рефинансирования. Они были опробованы: у нас шло рефинансирование под федеральные приоритеты, под поручительство Минфина, у нас шло и продолжается централизованное финансирование малого бизнеса с относительно низкими процентными ставками через Корпорацию поддержки малого бизнеса. То есть наш Центральный банк в принципе умеет создавать кредиты для определённых целей, используя специальные механизмы рефинансирования коммерческих банков. Уполномоченные коммерческие банки – это те банки, которые должны следить за целевым использованием денег для малого бизнеса или для жилищного строительства, или для финансирования госпрограмм, или для импортозамещения, или, наоборот, поддержки экспорта.

А дальше предприятия должны заключать с государством соответствующий контракт. И опять же у нас в законе «О промышленной политике» есть соответствующие правовые инструменты. Мы уже давно работаем со специальными инвестиционными контрактами. Появилось несколько новых инструментов многосторонних контрактных соглашений между государством, которое хочет от предприятия решения определённых задач по наращиванию производства, по внедрению новых технологий, по созданию рабочих мест, и предприятием, которое соглашается всё это делать – не в ущерб себе, а под определённые льготы, которые государство предоставляет. Но самое главное, чего сегодня нет, – государство должно предоставлять целевые кредиты для того чтобы эти согласованные бизнесом в рамках частно-государственного партнёрства с соответствующими ведомствами проекты были реализованы.

Надо сказать, что современные цифровые технологии, в частности блокчейн, позволяют очень легко проконтролировать целевое использование денег, так что эта система вполне реалистична. Для её создания даже не нужно принимать новых законов, они есть: закон «О стратегическом планировании», закон «О промышленной политике», накопленный опыт специальных инструментов рефинансирования и частно-государственного партнёрства.

Все экономики мира сегодня реализуют стратегическое планирование, прибегая к активной денежно-кредитной политике в поддержку государственных приоритетов. Объём денежной массы за последние 12 лет вырос пятикратно в среднем в мировых валютах. Только у нас и у наших некоторых братьев по Евразийскому союзу центральные банки изымают деньги из обращения вместо того, чтобы их создавать. Я могу доказать математически, что целевой функцией Банка России является обслуживание валютно-финансовых спекулянтов. Поэтому у нас нет инвестиций, нет целевых кредитов: таргетирование инфляции, которое заключается в свободном плавании курса рубля и завышенной процентной ставке, обеспечивает переток капитала из реального сектора в валютно-финансовый сектор. При этом резко возрастает скорость обращения денег и провоцируется инфляция.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

ГИДОН ПИТРОН
«ТРЕТЬЯ ЦИФРОВАЯ
ВОЙНА. ЭНЕРГЕТИКА
И РЕДКИЕ МЕТАЛЛЫ»

Автор книги Гийом Питрон исследует глобальную трансформацию, которая происходит на международном рынке редких металлов: почему их добыча становится инструментом геополитики и как они влияют на развитие новых технологий и цифровой экономики? В чем опасность использования этих металлов, без которых уже невозможно обойтись в современном мире?

В отличие от банковской системы Китая, которая ориентирована на целевую кредитную эмиссию в целях финансирования инвестиций, наш Центральный банк организует денежное обращение в интересах валютно-финансового спекулятивного сектора. Абел Гезевич нам говорил о чудовищных фактах падения инвестиционной активности, но при этом прибыли банков растут, количество миллиардеров, которые собирают сверхприбыли на валютных спекуляциях, растёт. На глазах у всех происходит манипуляция рынком, где ведущую роль играют американские хедж-фонды, нашим валютно-финансовым рынком.

Создается ситуация рассогласованности, когда президент ставит одни задачи наращивания нормы накопления, правительство формирует документы планирования, чтобы отчитаться о том, что эти задачи как-то планируются реализовывать, а денежно-кредитная политика ориентирована на обслуживание валютно-финансовых спекулянтов. Это как лебедь, рак и щука, у которых телега стоит на месте, что мы и наблюдаем все эти годы, несмотря на все возможности для того, чтобы выйти на темпы роста 8% в год, на ту траекторию опережающего развития, которую демонстрируют Китай и Индия на основе нового технологического уклада. У нас есть правовые формы, цели на уровне президента, но отсутствует механизм исполнения, отсутствует связь с денежно-кредитной политикой. В ситуации, когда нет инструментов реализации и ответственности за исполнение документов стратегического планирования, при хороших целях и благостных декларациях экономика стагнирует.

Хочу подчеркнуть ещё раз, что нам не нужно сегодня для внедрения стратегического планирования каких-то длительных, сложных структурных реформ в управлении. Нам нужно просто обеспечить исполнение тех норма-

тивных актов, которые уже приняты, нужно подчинить денежно-кредитную политику задачам стратегического планирования, а хозяйствующих субъектов, в том числе частного сектора, вовлечь в разработку и осуществление стратегических планов через многосторонние контрактные соглашения.

Бузгалин: Сергей Юрьевич, Вы очень жёстко и точно подняли проблему тех средств, которые могут обеспечить реализацию задач стратегического планирования. Стратегическое планирование окажется всего лишь средством, но принципиально важным средством для того, чтобы решать задачи развития, а не просто экономического роста. Как политэконом я бы сказал даже жёстче. На мой взгляд, всё это упирается даже не в проблемы исполнения решений, а в проблемы реальных социально-экономических интересов тех, кто имеет экономико-политическую власть в стране. Ну, это такой достаточно резкий взгляд, который едва ли разделяет большинство участников нашей конференции, но я воспользовался правом модератора, чтобы его высказать.

Следующий доклад сделает иностранный член Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор Владимир Львович Квинт.

Квинт: Спасибо большое, профессор Бузгалин, за возможность выступить в таком ареопаге.

Я слушал внимательно все выступления, поэтому уйду от исторических аспектов своего выступления и перейду к сущностно необходимым задачам, которые стоят перед экономикой России. В 2012 году я опубликовал несколько статей о том, что если в ближайшие пять лет, то есть до 2017 года, не будет сделан структурный и инвестиционный манёвр, страна вступит как максимум в долгий период стагнации или в долгий период экономического упадка. Так оно и случилось.

Теперь перейду к делу. Я долгое время изучаю Китай, являюсь профессором стратегии Шанхайского университета. А началось это всё в 1988-1989 годах, когда академик Гранберг направил небольшую группу экономистов в Китай, и я был в этой группе. Мы анализировали экономику Китая. После этого я работал в США и посмотрел, как те решения, которые реализуются в Китае, отражаются в экономическом механизме США. По сути дела, Китай показал и создал механизм системы долгосрочного государственного планирования, которое является реализацией долгосрочной 100-летней стратегии Китая.

Китай с 1976 года живёт по 100-летней стратегии. Пятилетнее планирование – замечательное, детальное, созданное в Китае, – не столь детально и мелко, до гвоздей и шариков, как было в Советском Союзе. Но оно и не индикативное. Это механизм реализации стратегии, контроля реализации стратегии: каждый квартал ЦК Компартии Китая проводит заседание по контролю пятилетнего плана и одновременно 100-летней стратегии. Три года назад была разработана 200-летняя стратегия. Китай пришёл к выводу о необходимости досрочного прекращения 100-летней стратегии на 13 лет в 2068 году и к переходу к 200-летней стратегии. Ничего уникального в этом нет, уже есть корпорации, которые живут по 200-летней стратегии. Но единственное в мире государство на сегодняшний день – это Китай. Что это даёт Китаю? Как раз то, о чём говорил Сергей Юрьевич: все финансовые средства концентрируются и направляются в пятилетнем планировании на реализацию стратегической перспективы.

Я должен сейчас, может быть, немножко удивить и сказать, что нам удалось в последние 2,5 года в Кузбассе реализовать приблизительно такой китайский подход. Как это было сделано? Во-первых, я внимательно изучил, как в Советском Союзе был произведён такой громадный, сногшибательный рывок развития нескольких регионов, прежде всего Кузбасса. Я нашёл в то время совершенно секретный документ, который являлся реализацией так называемой конференции ноября 1948 года по народнохозяйственным проблемам Кузбасса. Это трёхтомный труд, который я внимательно изучил. По сути дела, он представляет собой стратегию развития важнейших отраслей для народного хозяйства Советского Союза в регионе.

ВЛАДИМИР КВИНТ

«Целеориентированные или поисковые прогнозы должны переходить в стратегию, а стратегии должны отражаться по своим основным показателям в пятилетних планах. В стратегии определяются стратегические приоритеты, затем цели, затем задачи»

Прочитав этот документ, я предложил стратегию развития – вначале экономического, а потом социально-экономического. Кузбасс – один из самых тяжёлых регионов страны по оттоку населения. Правильно было сказано, что трудно в стране «вырывать» регион, если нет системы стратегического планирования в России. А её нет. Здесь я должен полностью поддержать выступление Сергея Вячеславовича Калашникова, который правильно показал эту ущербную пространственную программу развития. Кстати, не в 43, а в 50 регионах эти программы предусматривают развитие производства полуприцепов в числе десяти важнейших приоритетов региона. Ну, это абсурд бюрократический.

Так вот, мы разработали программу – стратегию социально-экономического развития Кузбасса на 15 лет. Дальше мы её согласовали с 12 федеральными министерствами и двумя федеральными службами. После этого президент России внимательно выслушал ректора Московского государственного универ-

ситета, который доложил впервые об этой стратегии президенту, а затем губернатора Сергея Евгеньевича Цивилёва и принял решение, вы о нём все знаете, подготовить финансово и материально обеспеченную программу социально-экономического развития Кузбасса на 2021 – 2024 годы. Эта программа является первым этапом реализации стратегии Кузбасса.

Таким образом, эта модель – по сути реализация той замечательной, эффективной модели, которая действует в Китае. Есть здесь некоторые экономические и стратегические новации. В чём же проблема была последних лет Советского Союза и почти всего периода планирования в новой России? Были пятилетние планы – необходимый документ, но не было стратегии. И пятилетние планы сами себе устанавливали цели – не обоснованно, а волюнтаристски.

Поэтому, конечно же, в современной России нужно возродить систему планирования, которой бы предшествовала стратегия, затем следовал перспективный план, а перед стратегией находилось прогнозирование. Стратегия использует прогнозы и готовит те документы, материально, финансово и трудообеспеченные по длительным периодам, которые уже передаются в систему народнохозяйственного пятилетнего планирования. А пятилетние планы являются, таким образом, детальным механизмом реализации стратегии.

Это лучше чем то, что делается в Китае, но во многом напоминает Южную Корею. Я специально много раз ездил в Южную Корею, более 15 раз, и что я могу сказать? В Южной Корее к 1996 году в основном прекратилось прямое и даже индикативное планирование, они перешли к стратегическому планированию. Было утверждено Министерство стратегии Южной Кореи (оно несколько раз меняло название). Оно по сути реализует китайскую модель, но в более мягкой форме.

Что касается Индии, она сейчас перешла к стратегическому планированию, упрощая и превращая пятилетнее планирование в очень широкое индикативное. Поэтому нам в России необходимо в первую очередь наладить систему совмещения прогнозов, которые бы переходили в стратегии. Целеориентированные или поисковые прогнозы должны переходить в стратегию, а стратегии должны отражаться по своим основным показателям в пятилетних планах. В стратегии определяются стратегические приоритеты, затем цели, затем задачи.

Бузгалин: Большое спасибо, Владимир Львович. Ваш пример реального региона и конкретный пример секретного стратегического документа очень важен, потому что Ваши теоретические выводы очень чётко согласуются с той прак-

тикой, которая была, есть и является мировой. В нашей стране так редко что-то удаётся сделать, что когда удаётся, то хочется просто пожать руку человеку, который сумел это сотворить.

Слово члену-корреспонденту РАН, одному из научных руководителей Центрального экономико-математического института Георгию Борисовичу Клейнеру.

Клейнер: Планирование в Советском Союзе достигло апогея в конце 1970-х годов, когда была создана потрясающей стройности и красоты система долгосрочного планирования, начиная от 20-летней комплексной программы научно-технического развития, включая 15-летнюю программу развития и размещения производства в России, ну, и дальше – пятилетний и годовой план, о которых всем известно. Вот это удивительно стройное здание, которое мне напоминает здание Московского государственного университета, было придумано, но, к сожалению, не реализовано. Очень часто эта судьба постигала те долгосрочные планы.

Стратегическое планирование – это не просто набор цифр, даже если их назвать контрольными, – это качественное планирование. И я считаю, что вызов, который стоит перед нами, связан с тем, как перейти от количественных примеров планирования, которые хорошо известны и в Советском Союзе, да и во многих других странах, к качеству. Мы говорили сегодня, что планирование в деньгах неэффективно, оно упирается в ценовую систему, которая сама по себе должна быть объектом планирования и объектом реального развития экономики. Как же планировать?

Я выдвигаю концепцию ориентирного планирования. Это вариант стратегического планирования, точнее, я бы сказал, квинтэссенция стратегического планирования, где желаемое состояние измеряется не в цифрах, а в качественных ориентирах, которые определяются задолго до формирования цифр и отличаются от цифрового планирования. Несмотря на то что мы живём в обстановке цифровизации, вы сами видите, насколько глубокое увлечение цифровизацией уводит от глубины тех проблем, которые являются сугубыми для экономики. Неопределённость, которая существует в мире, не позволяет верить цифрам, поскольку цифры хороши тогда, когда у вас есть неизменная неподвижная система координат. Если такой системы нет, то определить положение того или иного экономического явления в цифровом виде невозможно. А в каком возможно? В качественном виде!

И тут мы вступаем в сферу качественного планирования, которая, к сожалению, недостаточно развита. Достаточно развиты и хорошо развиваются теории качественного изменения, но и там есть свои проблемы. Тем более что в современном мире неопределённость будущего очень часто соседствует с переопределённостью. Переопределённость каждый из нас ощущает, когда мы подвергаемся воздействию заданий со стороны нашего начальства, которые противоречивы в сущности. И то же самое работает и на уровне страны в целом, потому что задания, которые выдаются, противоречивы: мы не знаем, какие башни Кремля отвечают за какую часть, но противоречивость очевидна и всем известна. В обстановке противоречивости, неопределённости и переопределённости мы должны качественным образом изменить понятие стратегии и стратегического планирования. В стратегии должен сочетаться образ будущего, образ настоящего, образ прошлого и, наконец, образ путей развития от прошлого к будущему.

Вот такое системное понимание стратегии побуждает к выдвижению нового класса плановых проектировок, а именно к системно-ориентированному планированию. С одной стороны, цели не должны формулироваться в виде, как уже говорилось сегодня, произвольного, субъективного установления. Откуда берутся цели? Если они берутся из головы отдельных людей, то это субъективные цели, и экономика не обязана их достигать и не обязана даже о них знать. А как устанавливать цели? Для этого нужно рассматривать экономику и тот объект, который является предметом вашего стратегирования, как целостную систему. Целостная система, системный подход – это необходимое условие для качественного стратегического планирования.

Порой мы упрекаем государство в том, что оно слабо пользуется достижениями экономической науки и экономической теории, что оно как бы само всё знает. Но экономическая наука и экономическая теория тоже не всё знают. И, к сожалению, методическое обеспечение и методологическое обеспечение стратегического планирования – того современного или будущего стратегического планирования, которое должно занять место в управлении нашей экономикой, – требует серьёзного развития и серьёзного изучения.

Я хочу напомнить, что Госплан работал не сам по себе. При нём был научно-исследовательский институт, и не один, при нём была система региональных плановых органов и так далее, то есть это была довольно целостная и значимая система. Сейчас научное обеспечение деятельности плановых органов и тех органов, которые являются целеобразующими, по сути дела, отсутствует, и с помощью лотов – отдельных конкурсных лотов – невозможно решить эту проблему. Здесь

нужно системное решение, связанное с научным, а за ним и институциональным обеспечением качественного стратегического планирования. Устойчивость роста и выравнивание – выравнивание территорий, отраслей, отдельных производств и так далее, позволяющее превратить спорадическую экономику, в которой есть и безнадежно устаревшие предприятия, и далеко ушедшие вперед, – должны стать девизом качественного стратегического планирования.

Два слова об объекте стратегического планирования. Должно ли им быть отдельное предприятие или отдельный экономический агент? Современный закон «О стратегическом планировании», к сожалению, по моему мнению, парит в воздухе над реальным бизнесом, над экономическими агентами, где-то соприкасаясь с региональной экономикой, немного соприкасаясь с отраслевой, хорошо соприкасаясь с макроэкономикой, но реальное стратегическое планирование обязано быть многоуровневым, там нет неважных уровней.

В особенности хочу упомянуть о важности среднего уровня. Все вопросы, связанные с неустойчивостью нашего развития, вызваны в значительной мере, по нашим исследованиям, отсутствием среднего – мезоэкономического – уровня в системе управления народным хозяйством. Экономика не делится на макро- и микроэкономiku. Зёрна развития прорастают в среднем уровне – в мезоэкономике, в той части экономики, которая призвана соединить верх и низ и обеспечить прохождение регуляторных импульсов, идущих сверху вниз, и инициативных импульсов, идущих снизу вверх.

Это не просто региональный и отраслевой уровень. Мне кажется, настало время ввести новый вид экономических субъектов, а именно мезоэкономических организаций, к которым не предъявляется требование максимизации прибыли, с одной стороны, и не предъявляется требование исполнения точных государственных указаний как органов управления. Эти мезоэкономические организации должны как раз сочетать и интегрировать восходящие и нисходящие импульсы экономики, и к ним должны применяться особые законы, особые способы руководства. Не является город, не является регион средством получения прибыли: и то, и другое является средством обеспечения связи между макро- и микроуровнем, уровнем жизни граждан и уровнем движения органов управления экономикой.

Хочу сказать, что, к сожалению, эти или подобные этим предложения по изменению субъекта стратегического планирования, включению в него и предприятий, и этих мезоэкономических лиц сталкиваются с очень серьезными проблемами, которые были обозначены как экономика

физических лиц, когда интересы отдельных лиц, имеющих возможность принимать решения, вступают в противоречие с интересами организаций, которые должны подчиняться этим решениям. Эта экономика физических лиц, которая, как казалось, должна уступить место экономике хозяйствующих субъектов, экономике регионов и так далее, к сожалению, продолжает развиваться, и сейчас даже, на мой взгляд, переросла в политику физических лиц, когда уже не только на уровне экономических отдельных систем, но и на уровне государств личные, индивидуальные моменты оказывают определяющее влияние на жизнь миллионов и десятков сотен миллионов людей. Таким образом, переход к истинному стратегическому планированию требует решения серьезных методологических и методических задач.

Бузгалин: К нам подключился Андрей Николаевич Клепач – один из руководителей «Внешэкономбанка». Мы очень рады Вас видеть, слышать.

Клепач: Спасибо, Александр Владимирович, уважаемые коллеги.

Я попробую выделить ряд проблем, которые, на мой взгляд, важны для нынешнего состояния дел и для тех вызовов, которые связаны с управлением развитием экономики.

Я считаю, что решить задачи серьезного прорыва в экономическом развитии, баланса между темпами роста, социальными, геополитическими вызовами, требованиями, которые связаны с экологией и так называемым снижением углеродного следа, без развитой системы планирования и стратегического управления невозможно. Эти приоритетные задачи связаны с тем, что экономика управляется и регулируется решениями, которые выходят за вопросы динамики капитализации нормы прибыли. Это предполагает, что должен быть взгляд на экономику не только как на множество субъектов и агентов, а как на целостность. В теории это лежало в работах Юрия Васильевича Ярёмченко и вообще в традиции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, и, на мой взгляд, было в основе системы планирования, потому что она подходит к экономике как к некоторой целостности, где должны быть определённые пропорциональные структурные характеристики, которые не могут поддерживаться только рыночными методами.

Теперь – о ряде конкретных проблем и развилок. Первое. Об этом многократно говорилось, но система планирования в некотором виде у нас существует: есть план-прогноз, который связан с директивными решениями правительства по тарифам естественных монополий, с бюджетными программами государства. Тем не менее главная проблема в том, что план, планирование и программирование является абсолют-

ГЕОРГИЙ КЛЕЙНЕР

«Все вопросы, связанные с неустойчивостью нашего развития, вызваны в значительной мере отсутствием среднего мезоэкономического уровня в системе управления народным хозяйством»

АНДРЕЙ КЛЕПАЧ

«Нам нужен переход к пятилетнему планированию, даже если бюджет остается трехлетним, нам нужны долгосрочные стратегические программы видения на 25-50 лет».

но подчинённым элементом по отношению к бюджетному процессу и, значит, по отношению к критериям просто сбалансированности бюджета. То есть у нас бюджет и система бюджетного планирования должны опираться на госпрограммы, на программный подход к управлению экономикой, и это было закреплено не только в законе «О государственном планировании», но и в сей нормативной базе по госпрограммам, однако по факту, как известно, всё происходит с точностью до наоборот. У нас госпрограммы мало чем отличаются от бюджетной росписи и достаточно механически фиксируются под те параметры, которые расписаны в бюджете.

Второй момент (так было и во времена планирования советских времён) – план существует не сам по себе, он встроен в систему идеологических и социально-экономических приоритетов, которые тогда задавались решениями партии, решениями съездов, пленумов, а теперь у нас решения и указы президента, а также национальные проекты. Получается, что произошла во многом подмена национальными проектами тех же государственных программ, и, в общем-то, здесь нужно найти определённые решения, баланс интересов, потому что фактически вместо комплексного, целостного планирования, на что претендовали те же государственные программы, мы фиксируем определённые, пусть и важные, но тем не менее отдельные цели, которые можно реализовать в рамках политического цикла сначала до 2018 года, теперь до 2024 года, и зачастую это идёт в ущерб комплексности и целостности программирования. Надо понять дальше: а у нас нацпроекты поглощают государственные программы, что, по сути дела, сейчас происходит, или они захватывают определённые цели этих проектов более высокого уровня, а дальше их приводным механизмом являются те же государственные программы?

При этом есть и третий уровень, если говорить о государственном планировании, – это проекты. В советской системе планирования планы, которые вырабатывались на уровне государства в целом, были завязаны на определённый состав ключевых национальных проектов строительства предприятий или решения тех или иных задач. Так же и в Китае при утверждении пятилетнего плана определяется порядка 100 – 150 ключевых проектов, которые обеспечиваются финансированием. У нас такого механизма нет. Часть проектов у нас попадает в ФАИП (федеральные адресные инвестиционные программы), часть – например, связанная с НИОКР, – находится в госпрограммах, но, по сути дела, эти программы и ФАИП не являются гарантией обеспечения финансирования, а прогнозные оценки развития секторов экономики плохо состыкованы как с решением этих задач, так и с инвестиционными планами ключевых компаний с государственным участием:

«Газпрома», РЖД, «Роснефти», «Ростелекома» и других. Говоря о мезоуровне, Георгий Борисович имеет в виду не просто теоретический мезооблик, а облик вполне конкретных корпораций и тех инвестиционных планов, долгосрочных программ, стратегий, которые они утверждают. И здесь шивки и стыковки этого всего нет, хотя правительство в своё время утверждало стратегии развития федеральных округов, и даже обсуждало стратегии развития регионов, но согласованности их друг с другом и с общенациональной стратегией, которая до сих пор не утверждена, но сейчас разрабатывается, и с прогнозом, который лежит в основе бюджета, – этого всего нет.

То есть у нас разорван уровень общенационального прогноза – некоторого частичного плана – с теми стратегическими решениями, прогнозными оценками, которые принимаются и корпорациями, и на региональном и межрегиональном уровне. Это является задачей, которую мы должны решить для того, чтобы у нас была именно комплексная, целостная система планирования, а не некоторый индикативный план наверху, который не будет иметь отношения ни к поведению госкомпаний, ни к действиям региональных властей, особенно учитывая огромное многообразие России.

В заключении, ещё один аспект. У Минэкономразвития, по сути дела, нет системы институтов, как в Госплане, но это неважно, так как они есть в целом в Академии наук, есть в других структурах. Но мы видим, что серьёзной экспертной научной проработки ключевых стратегических решений зачастую нет. Эксперты привлекаются, но Академия наук – в меньшей степени. И в этом плане той научной подготовки и проработки системы планирования, которая была в Советском Союзе, которая есть в США, я уже не говорю про Китай, где Национальное собрание принимало пятилетний план только после того, как до этого и пленумы обсуждали это несколько раз, и было подготовлено почти 100 докладов 60 институтами – и Академии наук, и разных ведомств. У нас такого рода работы даже над трёхлетним бюджетом и прогнозом нет, хотя она необходима. Согласен, что нам нужен переход и к пятилетнему планированию, даже если бюджет остаётся трёхлетним, и нам нужны долгосрочные стратегические программы видения на 25-50 лет, хотя пока у нас идёт только проработка программы до 2030 года.

Тем не менее дорогу осилит идущий, поэтому, несмотря на все катаклизмы, тернии и муки нашего планирования, надеюсь, что ещё при нашей жизни планирование будет востребовано, мы увидим его возрождение.

Бузгалин: Спасибо большое, Андрей Николаевич. Такое единодушное по поводу необходимости возрождения реального планирования в нашей стране очень впечатляет: и академики, и руководители крупнейших организаций.

Я рад попросить включиться в наш разговор в качестве дискуссионных двух руководителей Института народнохозяйственного прогнозирования РАН – научного центра, который всегда был душой, мозгом плановой работы: Александра Александровича Широва, директора Института, члена-корреспондента РАН, и академика Бориса Николаевича Порфирьева, научного руководителя Института.

Широв: Да, мы споем дуэтом, но, по-видимому, я начну, а Борис Николаевич продолжит. Сегодня много было сказано о том, как система планирования работала и в Советском Союзе, и насколько она может быть востребована в текущей российской экономике. Я бы хотел остановиться на научной части этой проблемы.

Переход к планированию в нашей стране дал в том числе существенный импульс целому ряду исследований по самым разным направлениям: это и пространственное развитие, и макроструктурные расчёты, и механизмы самого планирования, автоматизации и так далее. Здесь были успехи и были очевидные неудачи и у советской науки, и у системы планирования, но эта работа развивала наши научные школы, и даже ряд Нобелевских премий в той или иной степени был связан с идеями, которые приходили в том числе в ходе развития нашей системы планирования.

О текущей ситуации я бы сказал, что у нас очень часто противопоставляют рыночную экономику и систему планирования, хотя понятно, что в экономике, где есть хоть какая-то экономическая политика, некоторые механизмы стратегического целеполагания, планирования и формирования ясных целей развития экономики и общества, без планирования невозможно. Везде, где есть активная экономическая политика, а это все крупные страны мира, те или иные направления планирования существуют. Вопрос – что мы сейчас в России должны в наибольшей степени использовать из существующих методов?

На мой взгляд, у нас есть несколько узловых точек, которые препятствуют выстраиванию и обоснованию эффективной экономической политики. Одной из этих точек, безусловно, является макроструктурный анализ факторов развития нашей экономики. Мы очень часто и на уровне Министерства экономического развития, и на уровне Центрального банка оперируем очень ограниченным набором индикаторов, которые не отражают структурную разбалансированность нашей экономики. У нас экономика разбалансирована и в части доходов, и в части производства, и в части цен. Мы видим эти структурные дисбалансы посто-

янно, они препятствуют нормальному экономическому росту. И это первое направление. Эти макроструктурные исследования, которые показывают, как те или иные сдвиги в структуре производства, доходов и цен влияют на экономическую динамику, в какой степени они являются ограничениями, а в какой – возможностями роста экономики, очень важны, и нужно этим заниматься.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

**ВЛАДИМИР ТАРАНКОВ,
МАРИНА САХАРОВА**
«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РЕДКИХ АНТИКВАРНЫХ
КНИГ О ФИНАНСАХ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ»

Впервые в истории книгопечатания в России издана «Энциклопедия редких антикварных книг о финансах Российской империи». Энциклопедию составили 320 редких антикварных, в том числе старопечатных, книг на темы денег, финансов, налогов, банков, кредита, векселей, страхования, бирж, народного хозяйства, торгового права, бухгалтерского учета и статистики не только Российской империи, но и всего мира.

Второе направление – это, безусловно, пространственное развитие. Пространственное развитие и исследования в этой области, к сожалению, почти утеряны в нашей стране. Если мы посмотрим на стратегию пространственного развития, которая сейчас официально принята, то видно, что там механизмы увязки пространственной стратегии и стратегии общего экономического развития практически не работают. И это большая проблема, которая стоит не просто перед органами власти, но и перед научным сообществом: мы должны возродить это направление, получить понимание того, в какой степени пространственная политика может влиять на экономическую динамику. Если мы говорим о планировании в современных условиях, которое предполагает использование и рыночных механизмов, и эффективное обоснование мер экономической политики, то, конечно, это вызов не только для системы государственного управления, но и для экспертного сообщества, и для науки. И мы в этом направлении, безусловно, будем работать.

Передаю слово научному руководителю нашего Института, академику Борису Николаевичу Порфирьеву.

Порфирьев: Когда мы говорим о планировании, мне кажется, человек только не в здравом уме может отрицать его значимость. Обычно мы сталкиваемся с его противопоставлением рыночным механизмам. Как доказывает практика, конечно же, современная, эти два подхода, две концепции прекрасно могут друг с другом уживаться. Вопрос – в искусстве и в научном обосновании тех действий, которые предпринимаются. Важно обеспечить то, что можно назвать стратегической гибкостью. План должен быть не железобетонным, как когда-то. Мы знаем прекрасно про индикативное планирование и на государственном, и на корпоративном уровнях. Эта стратегическая гибкость обеспечивается теми государствами, которые до сих пор очень четко и, на мой взгляд, эффективно продолжают этот инструмент использовать.

Хороший пример, как мне кажется, в этом отношении представляет Китайская Народная Республика, её последний план – 14-я пятилетка, – буквально пару недель назад была официально поддержана. Многие пятилетки Китай жестко таргетировал динамику ВВП. Это был, так сказать, едва ли не первый показатель, по которому жестко строился план. И 14-й план – первый, который, по сути дела, этот показатель

жёстко не таргетирует. Мы знаем, что на 2021 год запланированы темпы 6,1%, на последующие годы – 5,3%, но они не фигурируют как жёсткий индикатор. Это очень характерный признак гибкого планирования.

Впервые стратегия Китая, как вы знаете, объявлена ориентированной вовнутрь в отличие от экспортно-ориентированной стратегии, которая была заложена в предыдущих пятилетках. Весь, по сути дела, пятилетний план, а это большой, объёмный документ на 300 страниц, чётко выдерживает эти приоритеты. При этом сочетаются вопросы макроуровня, отраслевого и территориального уровня. Если первый приоритет – это ориентация вовнутрь, то второй приоритет – урбанизация. Китай хочет получить показатель урбанизации 65% до 2030 года. В связи с этим в социальном срезе центральным объектом выступает средний класс, который уже приближается к полумиллиарду населения, и потребности которого, конечно, во многом определяют спрос и динамику экономики. Третий важнейший приоритет, без которого и планирование-то невозможно, – это наука. На пятилетку заложен показатель 7% увеличения расходов на НИОКР в год, при этом доля расходов на фундаментальную науку – 8%. Это потрясающий показатель, который на порядок превосходит то, что у нас закладывается на фундаментальную науку. Все решения, в том числе и с учётом последних «зеленых» вызовов, карбоновой нейтральности, основаны на разумном планировании развития технологий, инноваций.

Такой сбалансированный подход, мне кажется, может быть обеспечен только внутри плана, и китайский план – яркий пример этому, пример стратегической гибкости, которая показывает, что этот инструмент вполне способен учитывать и макродвиги, и миди-сдвиги.

БОРИС ПОРФИРЬЕВ

«План должен быть не железобетонным как когда-то. Мы знаем прекрасно про индикативное планирование и на государственном, и на корпоративном уровнях»

PLANNING IN A MARKET ECONOMY

Based on the proceedings of the international conference “Planning in a Market Economy: Memories of the Future (to the 100th anniversary of the USSR State Planning Committee)”, March 25-26, 2021

Vladimir I. Scherbakov,
*Vice President, VEO of Russia, Vice President,
International Union of Economists, Chair, Board of
Directors, Autotor Group, Academician of the
Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of
Economics, Professor*

STATE PLANNING COMMITTEE AND PERESTROIKA

According to the Marxist theory, only surplus product can be appropriated. Many of today's young people have never studied Marxism, but will obviously take part either in this conference or other events (the VEO of Russia has many young members) and, without ever having read and studied Marx's writings, poorly understand where the accumulation and resources for development come from. It is about distribution, about the appropriation of added value and surplus labor. Depending on how the surplus product is appropriated, one can distinguish between capitalism and socialism in any society.

Under capitalism, the appropriation of the surplus product is carried out by capitalists, that is, into private ownership, and the state receives only taxes from this, therefore, the tax system of expropriation develops. In Soviet Russia, the conclusion was made that the appropriation of surplus value by the exploiting class is politically unacceptable and incompatible with Marxism, therefore, the surplus value should be immediately withdrawn by the state. In this case, it becomes, in fact, the only source of growth of the national economy.

Therefore, the emphasis is on planning the physical volumes of production: it is necessary to link everything in physical terms, planning is in tons, kilometers, product items, etc. And since there is a general deficit, specialized long monopoly chains develop. If something breaks out of the chain, the whole chain becomes meaningless. From that point, from the target figures and indicative values, the next step was that the State Planning Committee began to issue not simply control figures, but directive figures, which, in the end of the day, connected the national economy, the whole society and its needs in such a way that became impossible to apply in a market economy.

This model, based on extremely cheap labor, was suitable mainly when there was a lot of physical labor, and intellectual labor did not mean much. As this balance changed, as the needs of people and the national economy grew, it became more and more difficult to balance the system, as more and more stringent measures had to be applied.

This model was so tightly fitted that it was not clear during perestroika how to dismantle it so as not to completely destroy the entire economy. We have failed to find the correct solution for dismantling the old and building a new system, which should be based on the opposite — on expensive labor, on the development of economic relations and market forms of managing the national economy instead of administrative ones. We were unable to do this for a variety of reasons.

It all ended with a social explosion, and no matter what we did next, it was clear that society was tired both of those who had been talking about perestroika for years and of the results that Russia's residents saw after the five years. To be honest, radical approaches were also proposed, but we were not allowed to follow those.

Sergey V. Kalashnikov,
*Presidium Member, VEO of Russia,
 Presidium Member, International Union of
 Economists, Chairman, Russian Association for
 International Cooperation (RAMS),
 Doctor of Economics,
 Professor (Moscow, Russia)*

DISCONNECTED PLANS

Unfortunately, when meeting today's public governance officials, I very often see the fact that people forget to distinguish between goals and tasks. The goal (in particular, the goals set by the President) is often substituted with the concept of a specific task, which presupposes the achievement of certain results. I'm not even talking about the fact that a system of evaluating performance (for example, in state federal programs) in monetary terms has taken root: if the money is spent, the program has been implemented, and nobody cares about the effect one has gotten.

In 2014, with great difficulty, with great resistance, the Law on Strategic Planning was adopted. We hoped that we were finally opening a new chapter in Russia's economy. I remember that in 2014 the most common meme was that we are returning, like the Chinese, to five-year plans. Since the opposition to that law was colossal, opponents finally had it suspended until 2019 and it did not come into force until January 1, 2019. Moreover, it came into force without being supported by any methodology guidelines that were supposed to be prepared by the Ministry of Economic Development. The Federation Council and the Economic Development Commission found that about 130 departmental regulations were to be adopted to implement the Law on Strategic Planning. No more than one and a half dozen have been adopted. Roughly speaking, 10%, therefore, naturally, the law never worked.

This resulted in the fact that the federal entities, which, in accordance with the law, were supposed to develop plans for their strategic development, simply imitated activity. There were five to six companies that offered to write a strategic development plan for any of Russia's regions. It is quite indicative that in 43 regions, trailers suddenly became the foundation of economic growth. This is a vivid example of how a good idea can be sabotaged. In my opinion, some regions have managed to develop at least some plans — for example, Irkutsk Region and in a number of other regions.

But then the federal government made a mistake. The fact is that the plans for regional strategic development were absolutely not linked with the nonexistent — it was never written — plan for the strategic development of the Russian Federation. No federal entity can develop strategic directions of the economy without coordination with other entities and the federal government. Moreover, these plans turned out to be absolutely not linked to national projects and federal programs. Federal programs, which were sent to all regions, existed on their own, while plans for regional strategic development existed on their own.

Sergey D. Bodrunovh,
*President, Free Economic Society of Russia,
 Director, Witte Institute for New Industrial
 Development, President, International Union of
 Economists, Doctor of Economics, Professor
 (St. Petersburg)*

PLANNING FOR STRATEGY

Probably, it is no secret to anyone that the government, on behalf of the President, is now working on a draft strategy for the development of Russia. The planning horizon is 2035. Several working groups have been formed, options, mechanisms, and resources are being examined, and it is assumed that goals will be determined and priority directions chosen. Following the call of the President of Russia to engage in a constructive discussion — as noted in our documents — about this pressing problem, the VEO of Russia's experts, who are a very representative group of the nation's leading macroeconomists, through challenging consultations, prepared and sent to the Government of Russia a document titled "Russia's New Pathways: a Development Strategy for Russia." I think that this conference is the forum where this document should be at least briefly presented for the first time. It offers guidance in the development of a strategy in five main directions.

The first is a new social development model. Here, a very specific goal is designated as the main one — reducing the share of the poor and increasing the share of the middle class.

The second direction is the transition from lagging to a science and technology breakthrough and taking a leading position in the global competition in science and technology. The target here is to double the rate of technological progress and enter by 2035 not the top ten, as previously planned, but the top five global leaders in science and technology in all the key directions of the 6th technological paradigm.

The third one is environmentally oriented development and building a framework for a nature conservation economy. At the same time, I would like to draw your attention to the fact that the priority here is not so much the reduction of the carbon footprint, but the integrated conservation of natural resources with the support to the introduction of environmentally friendly technologies in Russia's energy sector.

The fourth area is a new model of spatial development aimed at redeveloping central Russia, and a new focus on the East and on the Arctic.

And finally, the fifth area is related to the Eurasian challenge. The global centers of world economic development will inevitably migrate to the East in the next decade, to the Asian continent, and this should be taken into account. Russia can and should contribute to this process and receive certain benefits from it.

In general, Russia's development strategy, according to the VEO of Russia, should be aimed at creating an attractive life model for its residents, at grabbing the opportunity — which indeed exists — of balanced, sustainable development that harmonizes the goals of progress in the economy associated with the transition to a new state of society, with a simultaneous increase in human wealth and environmental conservation.

Obviously, such a strategy will require the revival of the institution of planning in one form or another. It is imperative to develop forecasting and indicative planning systems for the country's socio-economic development in accordance with the Law on Strategic Planning. At the same time, it appears that, based on the features and patterns of the current stage of scientific and technological progress and the level of Russia's socio-economic development, long-term forecasts and foresights should be prepared, in our opinion, for periods of 15 or 20 years or longer, plus refined medium-term forecasts, for example, for up to 10 years, and very specific short-term ones for up to 1-3 years. Such short-term forecasts could become the basis for the formation of annual and three-year indicative plans for the country's development, which would include all the main macroeconomic variables and tools for implementing state policy and public sector development programs, accommodating which should be the primary objective of the government budget.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ГЛАВНОЕ В ДОКУМЕНТЕ

По материалам программы «Промышленный клуб», телеканал «Санкт-Петербург», 16 марта 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

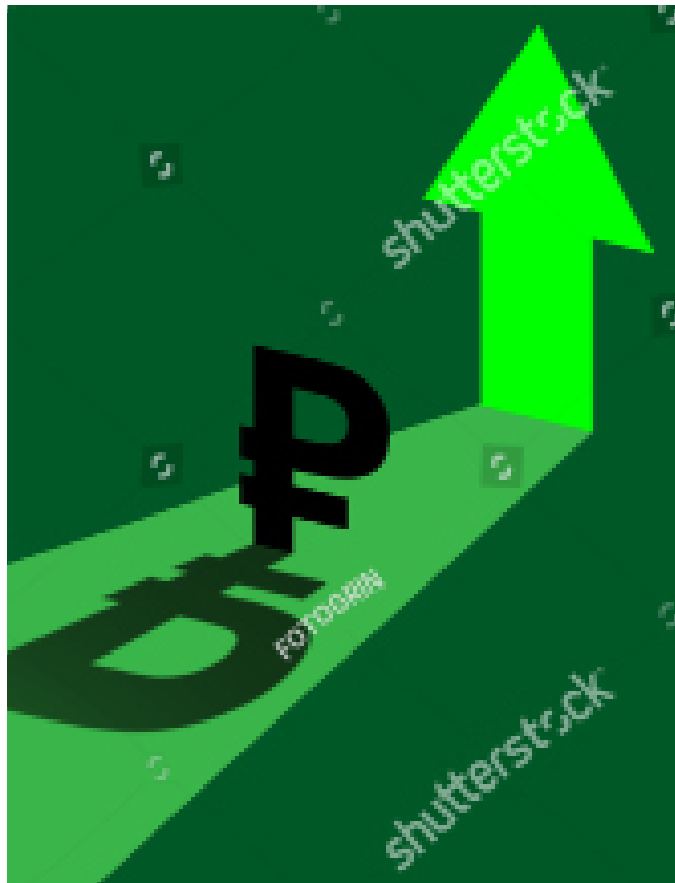
Сергей Дмитриевич Бодрунов

Президент Вольного экономического общества России,
директор Института нового индустриального развития
имени С.Ю. Витте, президент Международного Союза
экономистов, д.э.н., профессор

Александр Александрович Широ

Директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член Правления ВЭО России,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

А

Бодрунов: Александр Александрович, совсем недавно мы говорили о том, что экономика — это не вещь в себе, а ключевой элемент в рамках стратегии развития. О стратегии развития мы сегодня с Вами, если не возражаете, и поговорим. Мы с Вами были в составе группы экспертов ВЭО России, которая подготовила документ под названием «Новые пути России (к вопросу о Стратегии развития страны)». Это очень интересный, на мой взгляд, документ, его появление связано с тем, что сейчас разрабатывается новая стратегия России. И Институт народнохозяйственного прогнозирования всегда был в авангарде такого рода исследований, формировании стратегических планов, которые определяли нашу экономику. Какие документы могут быть главными для стратегии развития?

Широв: Я бы хотел начать с того, что любая экономическая политика, любая стратегия развития может быть признана успешной, если ее результатом является рост качества жизни населения. Поэтому та стратегия, которую необходимо сейчас разрабатывать, в первую очередь должна быть ориентирована на это. Длительный период спада доходов населения, который мы пережили, — это накопление социальных долгов, в том числе долгов будущему поколению. Тот разрыв, который произошел между нами и крупнейшими экономиками мира, — еще один существенный вызов. На все эти вызовы нужно ответить, и ответить как раз должна эта стратегия. Мы должны понять, по каким направлениям можем ускорить темпы экономического роста: не просто чтобы достичь цифр в 3–4%, но чтобы это сопровождалось быстрым выходом на показатель как минимум 2012 года по доходам населения. И, конечно, это должно сопровождаться модернизацией экономики, без которой невозможно развития после того, как мы достигнем показателей. Ситуация стагнации, в которую мы попали после 2008 года, связана была с тем, что мы превысили уровень 1990 года. Экономика уперлась в потолок. У нас был эффект от сырьевого сектора, но он был исчерпан. Сейчас мы должны придумать, что придет ему на смену.

Есть три ключевых направления. Первое — это доходы населения. Второе — это инвестиции. Третье — чистый экспорт. По этим трем направлениям стратегия, которая сейчас разрабатывается в правительстве, и будет двигаться. Когда речь идет о доходах населения, прежде всего важна социальная политика и так называемый общественный договор. Население должно понимать, в чем интерес бизнеса, а бизнес — понимать интересы населения, государство должно быть в некотором смысле арбитром. И тогда перераспределение доходов между бизнесом и населением будет восприниматься не как «отобрать и поделить», а будет ясно, для чего это делается. Если мы, допустим, вводим прогрессивную шкалу подоходного налога, обеспеченные люди, которых как раз коснется прогрессивный налог, должны понимать, что они получают взамен. Взамен они должны получить более качественную среду жизни, широкую систему социальных вычетов за покупку жилья, автомобиля, высокотехнологичной продукции. То есть государство должно стимулировать спрос у высокодоходных групп населения на те виды товаров, которые производятся в стране.

Бодрунов: Иначе деньги будут уходить в импорт.

Широв: Да, а люди будут считать себя несправедливо обделенными.

А менее обеспеченные должны понимать: если бизнес не будет нормально работать, если ему не создадут условия, то не будет и налогов, и они в конечном счете не смогут получить справедливую социальную помощь. В этом суть общественного договора.

Бодрунов: Необходимо, конечно, разъяснять, показывать: вот, бизнес построил завод, на нем столько-то рабочих мест, зарплата такая-то и растет на столько-то, и, благодаря этому, мы сможем сделать то-то.

Широв: И тогда мы переходим к следующему направлению — инвестициям. У нас сейчас говорят об инвестициях в инфраструктуру, которая относится к производству железа, автомобильных дорог, энергетической инфраструктуры. Речь идет и о развитии технологических инновационных проектов. Связка между одним и другим — производство, потому что машиностроительные и другие предприятия нуждаются в инфраструктуре, в новых технологиях. Если этот разрыв будет сохраняться, если у нас в экономике не будет ядра модернизированного реального сектора, то в конечном счете инфраструктура будет нужна для того, чтоб нам привезли импорт, а новые технологии — для того, чтоб его распределить между населением. Только счастья от этого не будет никому.

Бодрунов: Да, потому что у населения нет этих денег, и негде их заработать.

Широв: Тут, кстати говоря, очень важен баланс. Ведь если мы посмотрим, как развиваются экосистемы крупных организаций, то увидим, что в основном они тратят деньги на покупку сервисов по обслуживанию потребительского спроса, причем потребительского спроса в сфере кино, музыки и так далее. Это не сфера производства. Конечно, надо создавать хорошую структуру, чтоб люди имели большой выбор, могли эффективно тратить деньги, но если финансовый сектор не будет участвовать в развитии реального сектора...

АЛЕКСАНДР ШИРОВ

«Мы должны снизить зависимость от неэффективного импорта и получить возможность для развития экспорта»

Бодрунов: Мы будем развивать реальный сектор других стран.

Широв: Именно так. Мы будем отдавать свои доходы за рубеж. Еще раз: модернизация и инвестиционная деятельность — это одновременно и инфраструктура, и создание высокотехнологичных сервисов. Все это должно цементироваться модернизацией реального сектора. Что очень важно: если реальный сектор будет создан, он будет эффективен. Это будет новое производство, которое позволит решить задачу чистого экспорта. Мы должны снизить зависимость от неэффективного импорта и получить возможность для развития экспорта. Тогда эта конструкция станет устойчивой, тогда мы сможем обеспечить до 2030 года приемлемые темпы экономического роста, ну и, безусловно, рост качества жизни населения.

Бодрунов: Да, это главная целевая задача. Я хотел бы еще на одну вещь обратить внимание. Можно, конечно, наращивать производство экологически грязное, экологически неустойчивое, но тем самым мы не повысим качество жизни населения. Человек получит какие-то потребительские вещи из этого сектора, но будет дышать ужасным воздухом, болеть и так далее. Где этот баланс? Что должно быть направлено на его достижение?

Широв: На самом деле качество жизни населения определяется не только уровнем доходов. Это, конечно, и окружающая среда. Мы как раз говорим, что борьба с бедностью, повышение общего уровня жизни населения приводит к тому, что жизнь становится комфортнее, то есть богатый человек, когда он живет в трущобах, не может чувствовать себя нормально.

АЛЕКСАНДР ШИРОВ

«В большинстве регионов собственных факторов роста практически не существует. Нужно их создавать»

Бодрунов: Мы ведем речь о качестве жизни, о котором порой забываем в погоне за большими показателями. Мне кажется, нет баланса в обеспечении этого качества жизни. В больших богатых городах на это могут выделять немалые средства, а в муниципальных образованиях, где доходов практически нет, решить эти задачи невозможно.

Широв: У нас есть сейчас такой термин, который употребляется в том числе и Министерством финансов, — региональный бюджет развития. Многие губернаторы про него говорят. Но что он включает? Как правило, те объекты социальной инфраструктуры, которые может профинансировать регион, плюс те объекты, которые финансируют за счет федеральных трансфертов, собственных ресурсов. Для того чтобы это был настоящий бюджет развития, который обеспечивал бы рост потенциала развития региона в среднесрочных перспективах, ресурсов нет. Поэтому сейчас рассматривается вопрос по изменению межбюджетных отношений. Если региону, что мы видели в пандемию, дается больше прав, в том числе по карантину, то эти права должны быть чем-то обеспечены. И здесь, конечно, есть перекосы. 54 региона страны сейчас направляют в федеральный бюджет большой объем доходов, чем получают потом трансфертов, то есть в некотором смысле мы гоняем деньги туда-сюда.

Бодрунов: Да-да.

Широв: Поэтому какие-никакие деньги есть. Но их нельзя потратить на другие цели. А вторая часть — это инвестиции в ЖКХ, потому что понятно, в каком состоянии оно находится в большей части регионов. А ведь нужна еще энергетическая, транспортная инфраструктура, которая позволит пригласить бизнес, создать какую-то площадку — на это тоже нет денег. Деньги есть только у тех регионов, которые обладают финансовыми ресурсами, а их мало, к сожалению.

Бодрунов: То есть необходима решительная перенастройка всей этой системы. Когда мы говорим о стратегии развития страны, то понимаем, что страну нужно не украшать, а приводить в чувство. Все эти региональные проблемы — это проблемы большинства населения страны, которая живет не только в Москве, Санкт-Петербурге или Екатеринбурге, где все более-менее хорошо.

Широв: Да, тут что еще важно: у нас часто говорят, что Дальний Восток, Сибирь — это опорные регионы России, а есть, например, российское Нечерноземье – Кострома, Иваново...

Бодрунов: Бессмысленные операции.

Широв: Понятно, что у нас есть дотационные трудные субъекты, в которых потребуется отдельная политика, но для средних регионов нужно усиление региональной компоненты. Почему это важно? Доходы населения начинают зависеть от доходов реального сектора. В большинстве регионов экономическая динамика зависит от того, что происходит в стране в целом, плюс немного от того, что происходит в отраслевой структуре производства, а собственных факторов роста практически не существует. Нужно их создавать. А для того чтобы их создавать, нужны ресурсы, и только на федеральных трансфертах сделать это невозможно. Это тяжелый вопрос, который давно обсуждается, но сейчас пришло время для его решения.

Бодрунов: Мне кажется, очень важно, когда мы такой баланс пытаемся установить, понимать, сколько средств нужно для того или иного региона.

Широв: Мы видим, что у нас 50% так называемых инвестиционных ресурсов в регионах — это дорожный фонд, потому что он финансируется за счет акцизов и транспортного налога.

Бодрунов: Срединная Россия.

Широв: Я обратился бы тут к опыту европейских стран. Что такое мелкий и средний бизнес в Германии, например? Это 30% экспорта, но ровно потому, что это компании, которые поставляют запчасти, какую-то документацию для крупных компаний, и они находятся на всей территории страны. Этот вариант нам и нужен, потому что в малых городах нужно создавать систему третьего, четвертого уровня кооперации, которая будет работать на интересы в том числе крупных российских компаний.

Бодрунов: Я хочу еще раз обратить внимание на важный аспект — это роль научно-технического прогресса в достижении необходимого баланса. Технологии, которые обозначают следующий шаг научно-технического развития, собственно, являются его ядром, они как раз и направлены на достижение этого баланса. Как вы видите эту проблему? Какова роль научно-технического прогресса?

Широв: Существует мнение, что новые технологии приведут к безработице. На самом деле, любая технология прежде всего направлена на рост эффективности производства. Это большой объем доходов, значит, больше возможностей их перераспределения. На самом деле, если мы производим более эффективно, то имеем экономику, у которой больше

возможностей. Даже если мы говорим, что в результате введения тех или иных технологий роботизации, цифровизации какое-то количество людей потеряет работу, это значит, что мы всегда сможем их поддержать, в том числе за счет тех доходов, которые принесут новые технологии. России, на мой взгляд, это не грозит, потому что Россия — страна огромная, а количество жителей у нас, особенно в трудоспособном возрасте, недостаточное. Поэтому у нас как раз проблема в том, чтобы новые технологии позволили безболезненно преодолеть эту тенденцию в демографической ситуации. Новые технологии — это, безусловно, рост эффективности, рост потенциала нашей экономики в мире. В этом и баланс: больше доходов — больше возможностей распределения, больше возможностей налогообложения.

Бодрунов: Конечно, больше доходов — больше налогов с доходов, по крайней мере.

Широв: На самом деле часть новых технологий направлена на развитие человеческого капитала. Это медицина, образование, новое качество жизни.

Бодрунов: Да, пандемия показала возможности технологий для образования. Я не представляю, как бы мы жили в условиях пандемии 15 лет назад. С другой стороны, очевидно, что без научно-технического прогресса мы не сможем решить проблемы в экономике завтра. Я бы хотел задать еще один вопрос. У нас страна с мощными традиционными связями и с ближним зарубежьем, и с теми странами, которые входили в нашу производственную кооперацию, с тем же Китаем, Индией. Я могу сказать, что наши технологии были успешно использованы для китайской и индийской авиационной промышленности. Сегодня многие вещи из Китая и Индии мы можем перенимать у себя. Скажите, у нас партнерство какое-то предусмотрено по этой линии развития?

Широв: Безусловно, но мы должны отдавать себе отчет в том, что постпандемийная экономика будет экономикой сложной с точки зрения кооперационных международных связей, потому что экономика Китая выходит из этой ситуации явно более сильной, чем она туда вошла, а ее геополитические конкуренты понесли определенные издержки. Это значит, что несмотря на все заявления американской администрации о том, что они хотят налаживать отношения с Китаем, конфронтация в экономической сфере все-таки будет.

Бодрунов: А надо ли это Китаю сейчас — большой вопрос.

Широв: В любом случае главное, что конфронтация в экономической сфере между США и Китаем будет сохраняться. Это главная ось напряженности, и это, скорее всего, будет приводить

к тому, что сценарий мировой регионализации, когда вокруг этих крупных игроков будут формироваться союзы, — наиболее вероятный. Так возникает ограничение для мирового экспорта, в том числе и для экспорта российских товаров. И здесь критически важно, чтобы мы были таким ядром регионального экономического значения.

Безусловно, это Евразийский экономический союз, в который мы входим, и где мы, к сожалению, пока не видим какого-то очередного рывка, прежде всего с точки зрения кооперационных связей, научно-технического развития, трансфертных технологий из одних стран в другие, перемещения производства, то есть создания цепочек добавленной стоимости. Мы видим развитие по образцу Евросоюза: когда включается новая страна, происходит некоторый всплеск, а потом все затихает. А нам нужно, чтобы эффект был постоянный.

В некоторых смыслах реформирование внутри ЕАЭС — это очень важная история, а особенно — сотрудничество с Узбекистаном. Есть впечатление, что эта страна тоже может войти в наше объединение, а это серьезный игрок, следующий после Украины по объему экономики и численности населения на постсоветском пространстве. Это очень важно, тем более что там и атомная энергетика предполагается, и машиностроение, и другие направления.

Вообще, все наше окружение, все страны постсоветского пространства (понятно, что Украина — это особый случай) — это регионы, где мы можем получать дополнительные доходы и подтягивать экономики этих стран на более высокий уровень. Конечно, критически важны отношения с Евросоюзом. Здесь у нас на первое место выходит климатическая политика. Европа пытается вводить трансграничное углеродное регулирование, и если это произойдет, это станет фактором, который осложнит наши отношения, потому что будет давить на доходы российских экспортеров, которые работают с Евросоюзом. Фактически это попытка переложить на нас свои издержки. Надо это понимать. Да, ситуация для нас непростая в силу того, что мировой экспорт будет расти медленнее, чем ВВП, будет ограничение на поставку наших товаров во все страны, с которыми мы торгуем, но при этом есть и возможности — это прежде всего использование потенциала ЕАЭС и в принципе постсоветского пространства, и, разумеется, взаимоотношения с Китаем.

Бодрунов: Я благодарю Вас за подробное разъяснение того, что важно в стратегии развития России, которая должна быть сформирована в этом году. В частности, у нас в ВЭО России, и это вошло в документы, было предложение по формированию межведомственного органа по координации науки и инноваций, и президент России недавно дал такое поручение. Я желаю успехов в Вашей деятельности и рассчитываю на то, что Ваши идеи будут имплементированы в стратегию развития нашей страны. Я оптимист, думаю, что Вы тоже. Мы, конечно, бьемся за то, чтобы стратегия развития страны была действительно направлена на человека, на социальную компоненту, на повышение качества жизни людей, а инструментарий для реализации этого в Вашем документе обозначен.

RUSSIA'S DEVELOPMENT STRATEGY: THE DOCUMENT'S HIGHLIGHTS

Based on the Industry Club TV show on the St. Petersburg TV channel, aired March 16, 2021

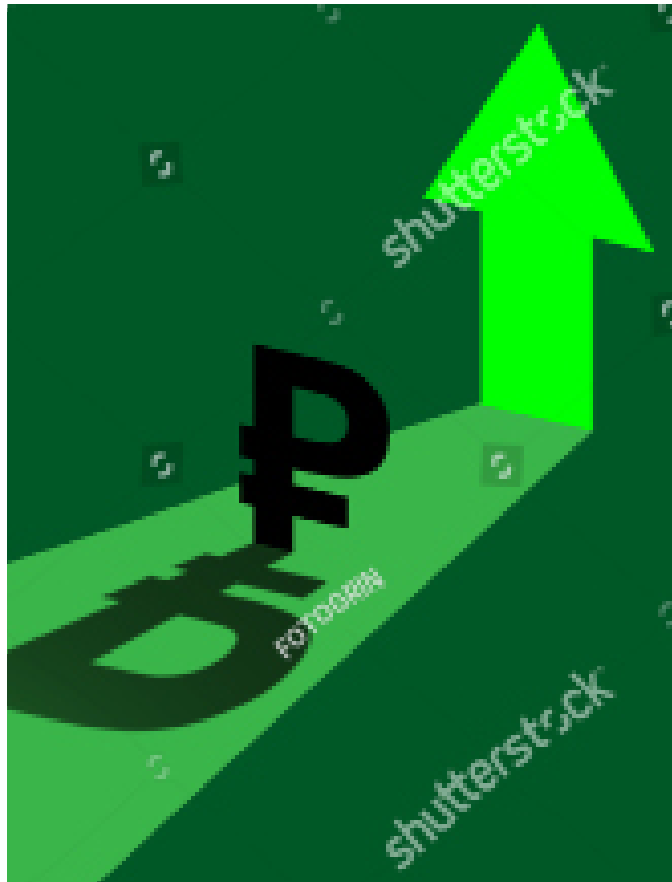

GUESTS:

Sergey D. Bodrunov,
*President, VEO of Russia, Director, Witte Institute for New
Industrial Development, President, International Union
of Economists, Doctor of Economics, Professor*

Alexander A. Shirov,
*Director, INP RAS, Corresponding Member of the RAS,
Member of the Board of VEO of Russia,
Doctor of Economics, Professor of the RAS*

A

Bodrunov: Alexander, just recently we talked about the fact that the economy is not a thing in itself, but a key element in the development strategy. If you don't mind, we'll talk about the development strategy today. You and I were part of a group of experts representing the VEO of Russia, which prepared a document titled "Russia's New Pathways: a Development Strategy for Russia." This is a very interesting document, in my opinion, and its appearance is connected with the fact that a new strategy for Russia is under development. Institute for Economic Forecasting has always been at the forefront of this kind of research and the formation of strategic plans that shaped the nation's economy. What documents can be the central ones for the development strategy?

Shirov: I would like to start with the fact that any economic policy, any development strategy can be considered a success if its outcome is an increase in the quality of life of the country's residents. Therefore, the strategy that needs to be developed now, first of all, should be focused on this. The long period of decline in household income that we have been experiencing means accumulation of social debt, including debt to the future generation. The gap that has been growing between us and the world's largest economies is another significant challenge. All of these challenges must be answered, and this strategy must be the answer. We should understand in what areas we can accelerate the rate of economic growth: not just to achieve a growth rate of 3-4%, but quickly recover to at least the level of 2012 in terms of household income. And, of course, this must be accompanied by the modernization of the economy, without which development is impossible when we have reached the target indicators. The situation of stagnation that we have been observing since 2008 is due to the fact that we exceeded the 1990 level. The economy hit its ceiling. We had an effect from the commodity sector, but it was exhausted. Now we have to figure out what will replace it.

There are three key areas. The first is household income. The second is investment. The third is net exports. The strategy, which is now being developed in the government, will address all the three areas. When it comes to household income, first of all, social policy and the so-called social contract are important. Residents should understand what is the interest of businesses, and businesses should understand what is the interest of residents, the state should be, in a sense, a mediator. And then the redistribution of income between businesses and households will not be perceived as “taking and dividing,” but it will be clear why this is being done. If we, for example, introduce a progressive income tax, wealthy people who will be affected by the progressive tax should understand what they are getting in return. In return, they should receive a better living environment, a broader system of tax deductions on purchases of homes, cars, and high-tech products. The state should stimulate demand among high-income groups of the population for those types of goods that are produced domestically.

Bodrunov: Otherwise, the money will be spent on imported goods.

Shirov: Yes, and people will consider themselves unfairly deprived.

And the less well-to-do should understand: unless businesses are able to operate normally and unless a favorable business environment is built, there will be no tax revenues and they ultimately will not be able to expect fair social welfare. This is the essence of the social contract.

Bodrunov: It is necessary, of course, to refer to illustrative examples: look here, this business has built a factory, creating so many jobs, the salary is that much and growing, and, thanks to this, we will be able to finance certain projects.

Shirov: And then we move on to the next area — investment. We are now talking about investment in infrastructure related to the production of iron, highways, and energy infrastructure. We are also talking about technology innovation projects. The link between the two is production, because mechanical engineering and other manufacturing industries need infrastructure and new technologies. If this gap persists, if the economy lacks a core made up of a modernized real sector, then ultimately the infrastructure will be needed in order to bring in imported goods, and new technology in order to distribute those among the consumers. But this is not going to make anyone happy.

Bodrunov: Yes, because the residents don't have the money to pay for those goods and there is nowhere to earn it.

Shirov: Here, by the way, balance is very important. If we look at how large corporate ecosystems develop, we will see that they mainly spend money on the purchase of services to serve consumer demand, specifically for movies, music, and so on. This is not manufacturing. Of course, it is necessary to build a structure so that consumers have a wide choice and can spend money, but unless the financial sector participate in the development of the real sector...

Bodrunov: We are going to support the real sector of other countries.

Shirov: Exactly. We are going to send our income abroad. I repeat, modernization and investment means both infrastructure and high-tech services. All this should be cemented by the modernization of the real sector. What is very important: if the real sector is built, it will be effective. There will be new production that will bring net exports. We must reduce our dependence on inefficient imports and get the opportunity to develop exports. Then this structure will become stable, and we will be able to ensure acceptable rates of economic growth until 2030, and of course, better quality of life for Russia's residents.

Bodrunov: Yes, this is the central goal. I would like to draw your attention to one more thing. It is possible, of course, to increase the output of environmentally unsustainable goods, but this will not improve the quality of life. Consumers will get some consumer goods produced by that industry, but will have to live in a terrible environment, develop health problems, and so on. Where is the balance? How can we achieve it?

Shirov: In fact, the quality of life is determined not only by the level of income. The environment plays also a role. The fight against poverty, the increase in the general standard of living lead to the fact that life becomes more comfortable, that is, a well-off person living in a slum cannot feel normal.

Bodrunov: We are talking about the quality of life, which we sometimes forget about in the pursuit of high figures. It seems to me that there is no balance in ensuring quality of life. In big rich cities, considerable investment can be made in this, while in municipalities with practically no sources of revenue, these problems are unsolvable.

Shirov: There is a term used by the Ministry of Finance — the regional development budget. Many governors talk about it, but what does it include? As a rule, the social infrastructure that can be financed by the region plus projects financed by federal transfers and from own funds. There are no resources for this to

be a real development budget, which would ensure the growth of the region's development potential in the medium term. Therefore, interbudgetary relations are currently under review. If the regions, which we saw during the pandemic, are given more powers, including quarantine rules, then such responsibilities must be backed by something. And there are distortions in this respect. 54 of Russia's regions send more revenues to the federal budget than they receive in transfers, that is, in a sense, we are shuffling money back and forth.

Boдрunov: Pointless transactions.

Shirov: Obviously, we have subsidized problem regions requiring a dedicated policy, but in medium-sized regions, the regional component needs to be strengthened. Why does it matter? Household incomes are beginning to depend on the incomes of the real sector. In most regions, the economic growth depends on what is happening in the country as a whole, plus somewhat on what is happening in the sectoral structure of industrial output, and there are practically no regional growth factors. We need to create those. And in order to create them, resources are needed, as this cannot be supported by federal transfers only. This is a difficult problem that has been discussed for a long time, but now is the time to finally resolve it.

АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ МОДЕЛИ

Современный мир демонстрирует возрастающую сложность взаимодействия субъектов социально-экономических систем большинства стран. Численность населения Земли с 1960 года выросла к началу 2021-го почти в 2,6 раза, а к 2050 году прогнозируется на уровне около 10 млрд человек. Объем мировой торговли в процентах от мирового ВВП с 1960-х увеличился с 25 до 60,3%. Многими отмечается, что частота мировых кризисов также выросла: участились военные конфликты, гибридное противостояние ключевых мировых игроков и так далее. В этой связи остро встает проблема поиска аналитических инструментов нового поколения. Об агент-ориентированных моделях как одном из таких способов журналу «Вольная экономика» рассказал Альберт Бахтизин.

СОБЕСЕДНИКИ

*Тарас Фомченков,
Шеф-редактор журнала
«Вольная экономика»*

*Альберт Бахтизин,
Директор ЦЭМИ РАН,
член-корреспондент РАН*

А

Фомченков: Альберт Рауфович, позвольте начать с азов и спросить, как появились агент-ориентированные модели и чем они отличаются от других методов?

Бахтизин: Ряд исследователей увязывает появление агентных моделей с клеточными автоматами 1940-х годов, концепцию которых предложил один из величайших математиков своего времени Джон фон Нейман. Одной из наиболее известных среди этих моделей является игра «Жизнь», разработанная английским математиком Джоном Хортоном Конвеем в 1970 году, не только ставшая классической, но и породившая огромное количество всевозможных вариаций.

При этом принципиальное отличие заключается в том, что модели других классов включают в себя крупные объекты (регионы, отрасли, совокупности предприятий или домохозяйств), а агент-ориентированные модели — как объекты микроуровня (отдельные люди или предприятия), так и макроуровневые переменные, вычисляемые как результат взаимодействия атомарных единиц.

Фомченков: Прежде, чем речь пойдет о том, в чем сила агент-ориентированного принципа при моделировании социально-экономических процессов, расскажите, пожалуйста, вкратце, какими инструментами пользовались раньше?

Бахтизин: В основном методами многомерного статистического анализа, например регрессионными уравнениями. Их использование для прогноза возможно, но условно, так как при сильной флуктуации проходящих в социально-экономической сфере процессов этот инструмент мало пригоден.

С 1990-х годов стали применяться методы компьютерного моделирования социально-экономических процессов: оптимизационные модели, вычислимые модели общего равновесия, дискретно-событийные, системно-динамические, собственно, агент-ориентированные модели, нейронные сети, экспертные системы, генетические алгоритмы.

Возрастающая сложность мира, пандемия, разрыв производственных цепочек, торговые войны, политические катаклизмы, с одной стороны, и колоссальная производительность современных систем — с другой, несомненно приведут к появлению инструментов, оценивающих мультипликативные эффекты на социально-экономические системы большинства государств.

Подобного рода модели основаны чаще всего на равновесном подходе, наиболее известные из них — GTAP, Miragrodep, Mirage, Globe, Multimod, GEM, Global Macrofinancial Model, The Long Term Growth Model, Moody's Research Labs Inc. Model, WorldScan, Link, WEFM, KPMG-MACRO, NiGEM. Тем не менее предсказывать будущие события они практически неспособны — «черные лебеди» 2020 года это хорошо показали.

Фомченков: И если говорить об агент-ориентированных моделях, чем они принципиально отличаются, в каких сферах могут применяться?

Бахтизин: Потенциально они могут рассматриваться в качестве инструментов для решения не только перечисленных выше проблем. К настоящему времени разработаны сотни специализированных программных средств для построения агентных моделей (NetLogo, RePast, MASON, AnyLogic и многие другие), но помимо этого есть и готовые решения от ведущих IT-компаний (Microsoft, IBM, ESRI, Wolfram Research). Эти модели могут использоваться, например, в эпидемиологии (предсказывают скорость распространения эпидемий), в пешеходном движении, включая имитацию процессов эвакуации. Могут применяться и в киноиндустрии: в начале 2000-х годов был разработан

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ

АНДРЕЙ МОВЧАН,
АЛЕКСЕЙ МИТРОВ
«ПРОКЛЯТЫЕ
ЭКОНОМИКИ»

Авторы изучают феномен экономических катастроф в разные исторические периоды — от Древнего Египта до современности. Особое внимание уделяется «ресурсному проклятию»: на ярких и увлекательных примерах из истории разных стран авторы показывают, как полезные ископаемые, географическое положение, традиции, проблемные соседи и даже сами люди могут становиться проклятием и приводить к гибели экономики.

программный продукт Massive, который может использоваться для одновременной обработки десятков, сотен тысяч и вплоть до миллионов объектов. Еще одной областью применения являются демографические процессы — более точное прогнозирование численности и миграции населения, оценка эффективности различных мер госполитики в этой области. Агент-ориентированные модели можно также использовать при работе с транспортными системами, окружающей средой.

Так, третий год подряд специалистами в области высокопроизводительных вычислений стран БРИКС проект «Цифровая Земля», учитывающий атмосферные, океанические изменения, биогеохимию океана, динамику ионосферы, эволюцию ледяного покрова и реализуемый в том числе с использованием агентного подхода, обозначается как приоритетный. Землепользование, моделирование городских агломераций, реконструкция исторических событий и симуляторы военных конфликтов, моделирование и исследование социальных сетей и процессов в экономике — как видите, спектр применения чрезвычайно широк!

Фомченков: Альберт Рауфович, а как обстоят дела с применением таких моделей в России?

Бахтизин: На площадке ЦЭМИ РАН под руководством академика РАН Макарова мы разработали несколько агент-ориентированных моделей: демографические модели для нескольких регионов (Москвы, Санкт-Петербурга, Вологодской области) и страны в целом, отраслевую модель (на примере ракетно-космической промышленности), модель для стран Евросоюза, эпидемиологическую модель.

Совместно с коллегами из Китая был построен симулятор социально-экономической динамики, охватывающий социально-экономические системы более ста стран мира.

Фомченков: Построение агент-ориентированной модели, насколько можно понять, предполагает широкое использование искусственного интеллекта. Насколько это сегодня реально?

Бахтизин: Агент-ориентированное моделирование связано с распределенным искусственным интеллектом, в этих системах роль отдельного агента и его стратегия могут быть очень простыми, но сложное поведение образуется путем самоорганизации всей совокупности индивидуумов. Примером такой модели может быть роевой интеллект. К примеру, алгоритм, имитирующий действия муравьев, можно использовать для решения задач поиска маршрутов на графах (задача коммивояжера). Часто системы распределенного искусственного интеллекта технологически разрешаются

с помощью многоагентных систем. Вообще, думаю, одно из направлений дальнейшего развития агентного подхода — как раз симбиоз с такими системами.

С другой стороны, агенты внутри модели могут быть формализованы в виде сложных программных конструкций, использующих технологии искусственного интеллекта. Но на практике обычно агенты простые, с небольшим набором параметров и несколькими поведенческими функциями.

Фомченков: Насколько сложен и отработан математический аппарат, применяющийся при создании агент-ориентированной модели?

Бахтизин: Как правило, сложный математический аппарат не используется. Сложность таких моделей в другом. Если в ней десятки и сотни тысяч агентов (или миллионы) и каждый определяется набором из 20–30 уравнений (часть из которых могут быть стохастическими), то мы получаем огромную систему уравнений, нерешаемую аналитически, а только через усреднение результатов множества компьютерных симуляций. Таким образом, несмотря на потенциальную реалистичность данного инструмента, полученные результаты зачастую трудно верифицировать с позиции причинно-следственных связей.

Фомченков: Какие цели преследует создание агент-ориентированной модели? Что получается на выходе при практическом применении, скажем, именно в Вашей работе, на Вашем опыте?

Бахтизин: Разработанные в ЦЭМИ РАН модели были неоднократно использованы на практике.

К примеру, в 2014 году в Санкт-Петербурге под руководством академика РАН Владимира Квинта разработана и принята к реализации Стратегия экономико-социального развития города до 2030 года. Для мониторинга Стратегии и оценки эффективности управленческих решений была построена агент-ориентированная модель социально-экономической системы города.

В 2011 году была разработана первая версия самой крупной в России демографической агент-ориентированной модели (140 миллионов агентов), которая постоянно дорабатывалась вплоть до сегодняшнего дня. С использованием этой модели совместно с коллегами из администрации президента нами были получены демографические прогнозы до 2030 года и оценен эффект от реализации программы материнского капитала.

Симулятор социально-экономической динамики, разработанный вместе с рядом организаций КНР, был исполь-

зован для расчетов последствий различных сценариев торговых конфликтов между США и другими странами, с одной стороны, и Россией и Китаем — с другой.

С его помощью были посчитаны не только, например, такие события до 2025 года, как постепенное сокращение торгового дисбаланса между США и Китаем на 5% в год и рост объема торговли между США и странами ЕС, с одной стороны, и Индией, Вьетнамом, Мексикой и Бразилией — с другой, но и сделан ряд важных выводов. Например, о дальнейшем усилении Китая и ослаблении США и о том, что большинство стран слабо чувствительны к изменению торгового дисбаланса между ними. Кроме того, модель позволяет предположить, что Индия, Россия и Германия по-прежнему остаются потенциальными точками притяжения для образования новых центров силы.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

По материалам программы «Промышленный клуб» от 27 апреля 2021 г., телеканал Санкт-Петербург

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент ВЭО России, директор Института нового
индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент
Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор

Александр Александрович Чулок,
Директор Центра научно-технологического
прогнозирования Института статистических
исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, к.э.н.

А

Бодрунов: Александр Александрович, как изменялись подходы к прогнозированию в истории мирового хозяйства?

Чуллок: Вы знаете, за это долгое время появилось много новых инструментов. Но важно, что в остальном, как раньше смотрели на звезды умные люди (как их сейчас называют прогноз-гении), делали какие-то предположения о будущем, так мало что изменилось со времен той же Древней Греции. Главное — очень сильно расширился сам прогностический инструментарий.

Бодрунов: Наверное, это и инструменты, основанные на новых технологиях?

Чуллок: Безусловно. Современные прогнозисты используют несколько групп методов. Первые идут от математики — это моделирование, имитационные модели, хорошие классовые системные инструменты, которые, например, в советское время очень неплохо развивались. Надо сказать, что прогнозирование позволяет хорошо улавливать определенные фак-

торы, но в неопределенности, как говорят экономисты, когда существует высокая турбулентность, высокая волатильность, когда все меняется, конечно, профессионалы, которые строят хорошие математические модели, оказываются в очень непростых условиях. Для них существуют так называемые базовые предпосылки. Ну, например, одна из таких базовых предпосылок многих экономических моделей — рациональное поведение потребителя. Но где вы видели рациональное поведение потребителя? Оно скорее бывает иррациональным, и за эти исследования один из экономистов даже Нобелевскую премию получил!

Поэтому нужно использовать не только количественные методы, основанные на данных. В рамках классического форсайта — это инструмент, который уже более 70 лет применяется не только для прогнозирования будущего, но и для формирования будущего, когда важно привлекать ключевых экономических акторов, науку, бизнес, общество, безусловно, регионы — мы очень много работаем с экспертами, применяем так называемые экспертные методы. Это могут быть и форсайт-сессии, профессионально модерлируемые и углубленные интервью, там же и опрос гениев, когда нобелевские лауреаты или очень системные люди — не обязательно технари, это могут быть и культурологи, это могут быть и специалисты по истории, например, но яркие личности, которые системно мыслят, — высказываются о будущем. Но тут мы тоже попадаем в определенную ловушку, потому что системно выстроить стратегию на мнении даже очень умных людей сложно. Во-первых, мы знаем, как сами технологии становятся междисциплинарными, знания становятся междисциплинарными, мы все живем на стыке нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий, и не очень много специалистов в состоянии охватить всю картину. Они готовы рассказать про радиационные слоистые материалы, а про рынок их применения нужно у другого спросить, но мы же понимаем, что все связано.

Есть третья группа методов, которая применяется для прогнозирования, в форсайте в первую очередь. Это креативные методы, и тут многие увлекаются футурологией, даже фантастикой. Многие серьезные специалисты до последних событий смотрели на это несколько сверху вниз, мол, вы сказки детям рассказывайте, а у нас есть твердая хорошая наука. Но потом случилась пандемия, другие события, и стало ясно, что в классическом форсайте от креативных методов не надо отказываться, нужно смотреть не только до 2030 года. Сейчас мы постепенно сдвинулись в прогнозах к 2050 году. Президент, например, подписал указ, регулирующий выбросы до 2050 года. А многие страны идут дальше. Тот же Китай разработал свою дорожную карту научно-технологического развития до 2045 года несколько лет назад, а дальше они будут смотреть до 2055, 2060 годов.

Бодрунов: Буквально на днях была конференция по планированию в Москве, посвященная 100-летию Госплана СССР. Участвовали в ней и китайские специалисты, которые сказали, что сейчас идет глубокая проработка стратегии на 100 лет и наметки стратегии на 200 лет вперед в Китае.

Чулук: Китайская империя имеет хорошие традиции по долгосрочному прогнозированию, и надо сказать, что китайские партнеры сделают то, что запланировали. Это очень важно. Они с большим уважением и интересом относятся к нашим наработкам. Вот эти три группы методов — количественный, экспертный и креативный — легли в основу разработки нашего российского прогноза технологического развития до 2030 года. Он еще в 2014 году был утвержден правительством, и китайцы проявили к нему большой интерес. Они попросили, и мы перевели его на китайский язык. Кстати, мы подводили буквально в этом году первую черту прогноза до 2030 года, серьезно и объективно оценили сбываемость. Она оказалась достаточно высокая. От 85 до 90% того, о чем было сказано в этом прогнозе, сбылось. Еще в 2014 году в прогнозе было сказано про распространение 3D-принтеров, промышленного интернета, интернета вещей, протокола машинного обучения, про носимые устройства, которые сейчас у многих, про искусственный интеллект, про различные сенсоры. Эти методы форсайта, позволяющие объединять не только классическое прогнозирование, но и более креативный подход, позволяют смотреть в будущее.

Сейчас в Высшей школе экономики мы уже несколько этажей строим под изучение биоэлектронных интерфейсов, которые напрямую связывают мозг человека и компьютер. Они активно применяются сейчас в реабилитационной индустрии, помогают многим людям пройти реабилитацию. Те же Билл Гейтс и Марк Цукерберг в это активно вкладываются. Но если смотреть дальше (давайте как футурологи немножко поговорим), то, может быть, мы через какое-то время уже сможем использовать не телевидение и радио, а нечто напрямую через нейронинтерфейсы. Это может казаться сказкой, но если мы посмотрим на динамику проникновения технологий, то увидим, что она не линейна. Многие считают, что она находится в прямой экстраполяции: был у тебя большой мобильный телефон, потом поменьше, еще поменьше. Компании вкладывались в эргономику, думали, как лучше размещать клавиши. Я Nokia имею в виду.

Бодрунов: А потом появилась другая технология.

Чулук: А потом появилось то, что Йозеф Шумпетер еще в начале прошлого века называл «разрушающей инновацией». Раз, и появились смартфоны. Мы на одной из конференций

спросили в кулуарах наших коллег из Финляндии: «Что же вы своим-то не подсказали про такую разрушающую инновацию?» Они ответили, что докладывали даже высокому руководству, а ответ был: «Мы и так прекрасно знаем все наши рынки».

Бодрунов: Вы знаете, я сейчас сижу в рабочем кабинете, и у меня на стене напротив висит фраза: «Я думаю, в мире есть рынок сбыта для компьютеров, штук, скажем, для 10». Томас Уотсон, IBM, 1943 год.

Чуллок: Абсолютно верно. Я помню эту фразу Уотсона.

Бодрунов: И эта же компания писала в отчете, что никогда не будет заниматься разработкой цифровых компьютеров, потому что для них не существует рынка сбыта.

Чуллок: Вот вам прогноз, основанный на мнении одного человека, без комбинации различных инструментов. Поэтому мы и комбинируем: недостатки одних методов стараемся компенсировать возможностями других, и получается действительно устойчивая конструкция. Конечно, важно, чтобы к результатам этих прогнозов прислушивались. Я считаю, что сейчас в российском обществе наблюдается позитивный поворот: бизнес, государство учатся слушать, когда им говорят на понятном, и что важно, на научно-обоснованном языке. Я считаю, что это очень позитивный тренд, то есть растет квалификация заказчиков и лиц, принимающих решения. Будущее в прогнозах, естественно, сценарно, многовариантно. Ключевой вопрос просчитывать ходы, ставить вопрос, что будет, если так? Когда подключаешь креативные футурологические инструменты, получаешь очень интересные результаты, которые относятся к так называемым джокерам. Джокер — это событие низкой вероятности, но с очень масштабным эффектом. Например, в свое время взрыв на Фукусиме был таким джокером, пандемию можно также к этому отнести, хотя, честно говоря, классические хорошие прогнозисты говорили про возникновение различных болезней и вероятности пандемии. Более того, у нас есть российская разработка iFORA — это система анализа больших данных, она постоянно обновляется. На данный момент там порядка 400 млн документов. Там и патенты, и научные статьи, и блоги различные. Эта система, использующая семантические технологии, нейросети, все потребляет, и несколько лет назад она выдала нам карту глобальных трендов, которая показала в том числе и вероятность возникновения различных болезней.

Бодрунов: Пандемию можно было бы предвидеть? Как Вы думаете, предсказать такого рода события, чтобы в каком-то смысле упредить их, возможно?

Чуллок: Можно, при совместной работе хороших специалистов по прогнозированию, которые дают пищу для размышлений, элит, принимающих решения, готовых слушать и слышать. Каждый должен заниматься своей задачей: раз вы бизнес, раз вы лица, принимающие решения, это ваша зона ответственности, а зона ответственности исследователей, аналитиков, консультантов — показать варианты, выявить эти джокеры, сделать прогнозы максимально научно обоснованными — это с них и требуйте. Те компании, которые делают ставку на научно обоснованные прогнозы, но при этом двигаются в сторону понимания, вариативности, будут компаниями будущего. Они смогут и новые рынки занять, и в пандемию выстоять. Мы проводили опрос с Ассоциацией менеджеров в прошлом году, и он показал, что почти у каждой четвертой компании увеличился спрос во время пандемии.

Бодрунов: Да, я могу подтвердить: в Санкт-Петербурге по итогам предыдущего года по многим позициям у нас 115% рост промышленности. Те, кто сумел сориентироваться в самом начале, к концу года очень сильно нарастили свои мощности. Так что в этом плане угадать, понять будущее — это очень серьезная вещь.

Чуллок: Мы исследовали, за счет чего компании смогли так быстро адаптироваться и встроиться? Оказалось, за счет бизнес-моделей. Когда руководство компании, сотрудники были готовы адаптироваться, то даже на рынках, которые стагнировали, они оказались успешными. В этом смысле представлять будущее, научно обоснованно к нему подходить и быть готовым адаптироваться, быть готовым к изменениям, мне кажется, — это один из ключевых навыков. Наши зарубежные коллеги, партнеры, когда мы с ними разговариваем про пандемию на научных конференциях, произносят всегда ключевое слово «шок». Для них это шок. А у нас многие быстро переориентировались. Опять же, с Ассоциацией менеджеров мы опрашивали российские компании по поводу того, какой ключевой навык руководителя, с их точки зрения, позволит компании быть успешной. Около 75% руководителей сказали, что умение видеть возможности в сложной неопределенной среде. Это наша смекалка! Мы с дефляцией вчера умеем находить эффективные решения.

Я думаю, это наше сильное конкурентное преимущество в экономике, которая сейчас перестраивается, перестраиваются глобальные цепочки добавленной стоимости. Давайте будем откровенны: нас в мировом разделении никто никогда на высокомаржинальных позициях не ждал, никто не звал,

мы лишь пытались каким-то способом зацепиться. Что сейчас происходит? Многие цепочки если не поставлены на паузу, то по крайней мере находятся в трансформации. Это отличная возможность для того, чтобы в них интегрироваться, либо создать новые, свои цепочки. Такие амбициозные задачи нужно ставить. Конечно, на базе прогнозов, на базе понимания того, во что вкладываться. Когда я поступал в Высшую школу экономики, все хотели быть экономистами и юристами. В итоге в стране дикое количество людей работают не по специальности, а сейчас мы на те же грабли наступаем. Все дети занимаются робототехникой, программированием, все считают, что туда нужно идти, никто не хочет работать в реальном секторе.

Бодрунов: У меня два знакомых губернатора выходили в наш спонсорский фонд с просьбой проспонсировать создание IT-клубов. Я спрашиваю: «Теперь в каждом регионе IT-клуб?» Когда несколько лет назад была поставлена задача разработать региональные стратегии, выяснилось, что в 50 регионах в этих стратегиях главное направление — это создание производства прицепов к грузовикам. У всех одинаковая идея была. Теперь эта идея — IT-клуб. Понятно, в том что сегодня всем очевидно будет очень конкурентная среда, поэтому надо, может быть, смотреть на то, что пока не очень очевидно, определить новый тренд на будущее, новое направление. Где можно быть более конкурентоспособным, как Вы думаете?

Чулук: Я целиком и полностью поддерживаю, что нужно заниматься робототехникой так же, как и цифровизацией, но мы опять готовимся к прошлой войне. Пока мы вкладываемся в цифровизацию и робототехнику, за рубежом активно обсуждают два других направления — экологию, ответственное отношение к природе и этику.

Бодрунов: Да, отсюда новые технологии в энергетике, которые требуют снижения углеродного следа, то есть, это связанные вещи — экология и этика. Этика не только бизнеса, но и этика нашего потребления, в конце концов.

Чулук: Безусловно. Хорошее классическое прогнозирование позволяет вам посмотреть и на тактические тренды на ближайшие годы, и заглянуть далеко в будущее, посмотреть, что будет там. Сейчас на русском должна выйти книжка «Смерть смерти» нашего коллеги, известного футуролога Хосе Кордейра. Он утверждает, что к 2050 году человечество может обрести бессмертие, и воспринимает старость как болезнь, которую можно и нужно лечить, а не как что-то неизбежное.

Но даже если мы этих футурологов немножко приземлим, давайте посмотрим на ту же Японию. Пока мы обсуждаем

клубы цифровых директоров и технологии, они обсуждают общество 5.0, где один из ключевых показателей — дожитие до 120 лет, причем активное дожитие, когда люди в 80, 90 лет, благодаря нейроинтерфейсам, благодаря реабилитационной индустрии, живут активно. А это и конкуренция с молодежью за рабочие места, потому что активным пожилым интересно работать. Просто на секунду представьте, что люди будут доплачивать за возможность работать! А ведь такие социальные эксперименты уже есть, например, с безусловным базовым доходом.

Возьмем те же технологии терраформирования — создания пригодной для жизни среды — взятые из фантастики. Мы посмеиваемся над тем, что Илон Маск к 2050 году хочет вывезти 1 млн человек на Марс, хочет умереть на Марсе, только не от старости. Нам не хватает постановок целей такого масштаба, которые могли бы объединить и науку, и бизнес, и вузы, и общество. Без такого системного подхода к прогнозированию, планированию и постановке задач иного масштаба, чем сейчас, нельзя говорить о конкуренции.

Бодрунов: Вы знаете, по призыву президента России ВЭО России поучаствовала в конструктивном обсуждении будущей стратегии развития страны. Скажите, пожалуйста, на сегодняшний день, Вы как специалист в сфере прогнозирования, как считаете, что наиболее яркое, важное туда нужно было включить?

Чулук: Самым важным, самым ярким элементом любой стратегии, которая сейчас формируется, должен быть человек.

Бодрунов: Тут мы с Вами полностью сошлись во мнениях.

Чулук: Вокруг человека и нужно все формировать, а дальше уже — какой должна быть медицина, какими должны быть биотехнологии, умные системы, как должен развиваться город. Я бы на это делал акцент. Естественно, образовательная система, работодатели, офисы должны адаптироваться под то, чтобы человеку было комфортно. Мы видим сейчас, например, что Лондон или Барселона ставят задачи (например, Барселона — к 2050 году) более 50% улиц сделать просто зелеными, для человека. Поэтому, мне кажется, нужно задуматься о том, каков этот человек будущего. Например, от того, какой у него рацион питания, будут зависеть рынки функциональных продуктов, которые активно развиваются, и наш агропром хорошо нам помогает. У нас настоящий инновационный бум в сельском хозяйстве. Мы видим, как фермеры применяют нейротехнологии — это не крупные агрохолдинги, у которых миллиарды инвестиций.

АЛЕКСАНДР ЧУЛОК

«Те компании, которые делают ставку на научно-обоснованные прогнозы, но при этом двигаются в сторону вариативности, будут компаниями будущего. Они смогут и новые рынки занять, и в пандемию выстоять»

Бодрунов: Да, технологический прогресс позволил снизить стоимость этих приспособлений, гаджетов, и люди, грамотные специалисты начинают использовать это.

Чулук: Они подхватывают моментально. Это умение подхватить инновацию — ключевая способность. В нашем агропромышленном комплексе это очень четко проявляется. Для человека будущего, конечно, питание очень важно, важна среда. Надо отталкиваться от реальных, истинных потребностей человека, а это потребности в нормальной жизни, в нормальном питании, медицине, образовании, возможности развиваться, культуре и многих других вещах, которые, мне кажется, будут главным трендом развития нашего общества в будущем. А при помощи форсайта можно смотреть, какие потребности у человека могут возникнуть еще, и задача исследователей — эти потребности предугадать, увидеть, а задача компаний — обеспечить человека всем необходимым для того, чтобы эти потребности были качественно удовлетворены.

Бодрунов: Спасибо большое, я желаю успехов Вам, Вашей научной школе. До встречи, надеюсь, раньше, чем в 2050 году.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

В марте 2021 года вышла из печати монография «Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика», которую написали в соавторстве профессора Владимир Квинт и Сергей Бодрунов. В монографии отражены оценки и взгляды на глобальные тренды трансформации общества в современную эпоху, на предопределяемые этими трендами стратегические приоритеты и цели общественного развития, на стратегические пути их достижения для реализации национальных интересов. Журнал «Вольная экономика» поговорил с Владимиром Квинтом о том, как шла работа над монографией и какие основные проблемы современного общества она вскрывает.

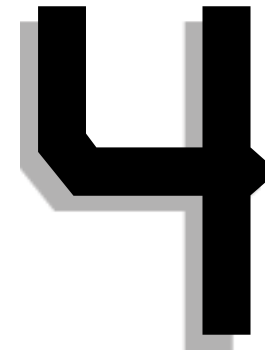

СОБЕСЕДНИКИ

*Тарас Фомченков,
Шеф-редактор
журнала «Вольная экономика»*

*Владимир Львович Квинт,
Заведующий кафедрой экономической и финансовой
стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В.
Ломоносова, иностранный член РАН, д.э.н., профессор*

Фомченков: Что послужило толчком к созданию монографии?

Квинт: Толчком к созданию этого научного труда послужила необходимость выделения объективных целевых ориентиров как ноономики, так и стратегии. И там, и там во главе угла должен стоять человек, его качество жизни, причем не только материальной, но и эмоциональной. Поэтому совпадение таких интересов, которые пытаются реализовать ученые через два этих научных направления, привело к симбиозу ноономики и стратегии, который отражен во всех необходимых аспектах в нашем общем исследовании, с разной степенью глубины, конечно, как в любой монографии, но отражен.

Фомченков: В чем новизна вашего совместного научного труда?

Квинт: Дело в том, что оба этих научных направления — ноономика и стратегия, практически абсолютно новые. Термин «ноономика» ввел Сергей Дмитриевич Бодрунов, а стратегия как наука в отличие от практики стратегирования — новая наука, ей всего лишь около двухсот лет. Ее зарождение произошло в России, в Санкт-Петербурге, в 1817 году, благодаря усилиям генерала Генриха Жомини. Он опубликовал первую теоретическую работу по этой теме, на второй странице которой было написано «по Высочайшему повелению», то есть по повелению Александра I.

Мне удалось найти эту практически забытую книгу, и мы выпустили ее факсимильное издание ровно через 200 лет, в 2017 году. Мы уже давно сотрудничаем с Сергеем Дмитриевичем Бодруновым, и результатом этого взаимодействия, основанного на исследованиях ноономики и стратегии как двух наук, которые имеют практическое воплощение в одних и тех же социальных и экономических ориентирах, явилась эта монография. Объективной основой взаимодействия, если хотите.

Фомченков: Какие основные проблемы современного общества она раскрывает?

Квинт: Для того чтобы построить грамотную и в то же время эффективную стратегию, необходимо понимать, как разрабатывается стратегия. Это не здравый смысл ни в коем случае. Здравый смысл — очень вредная категория стратегии, поверхностное суждение! Стратегия должна выделять ценностные ориентиры объекта стратегирования, будь то личностная стратегия, корпоративная, региональная, национальная, глобальная — это не важно. Важны именно ценностные ориентиры — к реализации каких ценностей стремится объект?

Затем на основе выявления этих ценностей строится система интересов. Далее под каждый интерес разрабатывается система стратегических приоритетов, и на повестку дня любой стратегии могут становиться только те стратегические приоритеты, которые, во-первых, обеспечены конкурентными преимуществами, во-вторых, после того как выявлены конкурентные преимущества (без них нет смысла реализовывать стратегию), необходимо проанализировать, есть ли возможность реализовать этот приоритет всеми необходимыми видами ресурсов — материальными, финансовыми, трудовыми и инфраструктурными.

Если все это совпадает, то стратегия имеет объективные возможности эффективно реализоваться. А дальше — слово

за ноономикой. Важно, чтобы такая стратегия в первую очередь была ориентирована на социальные ценности, которые ведут к тому, о чем я ранее уже сказал, к повышению интеллектуального, материального, эмоционального уровня жизни.

Именно ноономика дополняет эти категории экологической ориентацией, потому что она в значительной степени связана, например, с теорией ноосферы Вернадского.

Фомченков: Какие должны быть выделены стратегические приоритеты сегодня, необходимые или достаточные для реализации национальных интересов России?

Квинт: Я говорил об объективных ориентирах любой страны, любого региона в стране, корпорации, человека, жителя планеты. Что же касается России, то возникает более уточненная система ценностей и ориентиров.

Естественно, мы должны сначала говорить о безопасности. Во главу угла практически любой стратегии — и российской в первую очередь — ставится постулат безопасности. У нас очень непростая ситуация в стране — идет сокращение населения, скоро динамика убыли достигнет 1 млн человек в год, а это огромная цифра и длительный процесс, который является результатом как объективных, так и субъективных моментов, ошибок в социально-экономической стратегии, которая была несовершенна, или результатом того, что страна развивалась без стратегии.

В любой стране есть системы стратегических контуров, в которые объединяются приоритеты. Повторю: во-первых, это безопасность, не только с оборонной точки зрения, но и безопасность жизнедеятельности человека. Есть глобальные тренды, которые не всегда позитивны. Тот же COVID-19 — типичный пример негативного глобального тренда.

Дальше идет контур непосредственно человека и его качества жизни. Есть глобальный технологический тренд, сейчас это цифровизация. До нее были компьютеризация, роботизация. Таким образом цифровизация — интегрированная категория. Сегодня все говорят о цифровой экономике, но настанет время, когда она настолько расширится, что станет обычной экономикой, и после этого уже появится новый тренд.

Мы должны говорить об основных экономических категориях и о том, как они раскрываются с точки зрения ноономики и стратегии. Это категории кооперации, межрегиональной, корпоративной, интернациональной, глобальной. Мы должны говорить о специализации и так далее, и так далее...

Затем мы должны выбирать те индустрии (под воздействием теории ноосферы и теории ноономики), которые в большей степени ориентированы на здоровый образ жизни, на бережное отношение к земле, воздуху и особенно к воде. Тем более что вода — это самый главный стратегический ресурс XXI века. Не газ, не нефть, не золото, а чистая питьевая вода, которая находится в большом дефиците даже в такой стране, как Россия!

Фомченков: Какие основные враги этих категорий?

Квинт: Это, во-первых, инерционное мышление, отсутствие инициативы, во-вторых — поверхностный здравый смысл, когда люди думают, что все как было, так и будет всегда. Но это далеко не так!

Именно с этими моментами должны бороться и ноономика, и стратегия, но ноономика более теоретическая наука, и на практике она не может быть реализована без продуманной стратегии. Вот таким образом и происходит симбиоз этих научных направлений.

Фомченков: Каким вы видите продолжение темы, которая была затронута в вашей монографии?

Квинт: Эта монография, конечно, только закладывает интегральное направление исследований в этой области, по сути, это первые шаги по тропинке, даже не по аллее в парке, и тем более не по скоростному шоссе.

Направлений развития темы, поднятой в нашей совместной с Сергеем Дмитриевичем монографии, много. Например, стратегические приоритеты повышения качества жизни, которые, в свою очередь, связаны с изменением структуры экономики, изменением оценки технологических направлений, с изменениями социальной политики.

РОССИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НУЖЕН ГЛОБАЛЬНЫЙ МЕГАПРОЕКТ

Мировая экономика вступила в достаточно продолжительный период турбулентности. Многие наиболее развитые страны, которые ранее являлись активными проводниками концепции либеральной глобализации мирового экономического порядка, сегодня все больше «замыкаются» в себе. Об экономической стратегии и экономической политике России в современных условиях вице-президент ВЭО России, академик РАН Александр Некипелов рассказал в интервью журналу «Вольная экономика».

СОБЕСЕДНИКИ

*Тарас Фомченков,
Шеф-редактор
журнала «Вольная экономика»*

*Александр Некипелов,
Директор Московской школы экономики МГУ им. М.В.
Ломоносова, академик РАН, вице-президент ВЭО России*

К

Фомченков: Как Вы считаете, насколько реализуемые экономические стратегии и экономическая политика, проводимая в России, соответствуют тому, куда движется мировая экономика?

Некипелов: Прежде всего скажу, что и экономическая стратегия, и экономическая политика в России не остаются неизменными, подходы к формированию и той, и другой достаточно серьезно менялись.

Если на начальном этапе нам приходилось часто слышать, что лучшая промышленная политика — это «никакой промышленной политики», то сегодня все-таки в государстве в этом отношении произошли достаточно серьезные изменения. Осуществляются национальные проекты, прилагаются усилия для формирования представления о желаемом будущем страны, идет работа над концепцией пространственного развития.

Процесс, разумеется, сопровождается дискуссиями среди специалистов — и это нормально. Есть серьезные споры по целому ряду вопросов экономической стратегии и политики, есть вопросы и нормативного, ценностного характера, так как у разных отдельных экспертов могут быть свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Но вполне естественно, что регулятор, правительство, стремятся ориентироваться на господствующие представления.

Сегодня, с моей точки зрения, учитывая общую ситуацию в мировой экономике, а она, видимо, вступила в довольно продолжительный турбулентный период, когда прежние правила экономической, и не только, игры поставлены под сомнения, произошло изменение выгод и потерь отдельных стран от сложившейся модели разделения труда. То, что раньше однозначно считалось выгодным, сегодня ставится под сомнение.

Фомченков: Что именно Вы имеете в виду?

Некипелов: Если наиболее развитые страны являлись активными проводниками концепции либеральной глобализации мирового экономического порядка, то после финансово-экономического кризиса и ситуации последних лет картина начала меняться. Так, развитые страны стали возвращать домой выведенные в другие государства производственные мощности, растет понимание того, что, скажем, специализация на высокоинтеллектуальных видах производственной деятельности тоже важна и может принести серьезную пользу.

Фомченков: Скажите, а национальные цели и стратегии, о которых Вы упомянули, находятся в русле движения мировой экономики или это, скажем так, боковой поток?

Некипелов: Сейчас однонаправленного, господствующего, доминирующего движения нет. Мы находимся на этапе, и он, видимо, продлится более-менее длительное время, когда все пытаются приспособиться к новым реалиям, найти свое место и занять его. В этом смысле подход единый, но общего вектора движения всех стран нет, потому что нет еще согласия по поводу существования в новых условиях экономических и государственных интересов.

И в этой ситуации нам важно, как мне кажется, определиться по целому ряду вопросов. Прежде всего, есть один очень сильно идеологизированный — о роли государства в экономике. К нему хорошо бы подойти без идеологии. Например, решить, какие задачи должно решать государство, а что можно доверить свободному рынку? С этим связаны и вопросы о том, какой объем ресурсов нужно концентрировать в руках государства для решения задач. В любом случае должно быть соответствие между теми задачами, которые мы ставим, и которые отличаются от того, что было бы, если бы рынок «настраивал» себя сам, и тем, какие ресурсы мы на это выделяем.

Исходя из самых общих соображений, я хотел бы сказать, что мы по показателю финансового участия государства в экономике относимся к достаточно либеральному лагерю. У нас отношение расходов «расширенного правительства» к валовому внутреннему продукту несколько выше 30%. В целом же по странам ОЭСР — порядка 40%, в странах Скандинавии — иногда и до 60%.

При этом нельзя сказать, что кто-то делает правильно, а кто-то нет. Все зависит от того, к чему склонно общество и какие задачи перед ним стоят, какого рода ресурсы должны находиться в руках у государства. Мне лично представляется, что этот показатель для России должен был бы вырасти.

Фомченков: А до какого уровня?

Некипелов: Этот рост, конечно, нельзя обеспечить за один день, он должен быть определен, согласован и понятен всем. Но 30% с небольшим недостаточно для модернизации нашей экономики. Поэтому я думаю, что нужно выйти хотя бы на 40%, но так, чтобы все экономические агенты были к этому готовы.

Фомченков: Александр Дмитриевич, а если говорить о более глобальной цели, своеобразной путеводной звезде экономической стратегии, куда идти России?

Некипелов: У нас генеральное направление достаточно давно и, в общем-то, верно сформулировано. Мы нуждаемся в модернизации нашего производственного аппарата, мы же потеряли большое количество высокотехнологичных отраслей во время очень либерального подхода к процессу перехода к рынку. Разумеется, речь не идет о том, чтобы все это воссоздать в том же виде, но мы должны и имеем возможности, в том числе и интеллектуальные, для реализации этого пути.

Плюс ко всему, нам с учетом турбулентного характера мировой экономики, надо понимать, что в обозримом будущем придется делать больший упор на собственные силы и меньший — на сотрудничество. Это не означает, что нужно стремиться к автаркии — конечно же, нет. Но в тех условиях, в которых сегодня находится Россия, надо будет делать больший упор на собственные силы и на сотрудничество с теми государствами, где есть более или менее определенное желание сотрудничать с нами.

Фомченков: Стратегия предполагает, образно говоря, пошаговый план мероприятий. Какими, как Вы считаете, должны быть первые шаги в направлении главной цели?

Некипелов: Работа в этом направлении идет в части тех же национальных проектов, например. Но еще необходимо все это инструментально подкрепить, потому что даже то, что конкретизировано, нуждается в «приземлении», чтобы оно не подвисало в воздухе.

Фомченков: А какие конкретно коррективы необходимо внести в существующую экономическую политику России, чтобы страна двигалась в правильном направлении, не отставая от развитых стран мира? Какие константы использовать?

Некипелов: Законы и изменение нормативного плана — это все сейчас делается, мы видим, что парламент вносит необходимые коррективы для реализации тех или иных задач.

Но я хотел бы подчеркнуть следующее: вопросы более конкретного характера нужно решать после того, как сложилось четкое представление по поводу того, что мы хотим делать и какую экономическую политику мы намерены вести?

Это, конечно, не означает, что нужно резко остановиться с внесением изменений в законодательство. Просто нужно большее внимание сосредоточить на комплексе содержательных вопросов, определиться в отношении них и с учетом этого вносить изменения в правила игры.

Фомченков: А Вы можете озвучить хотя бы несколько из списка этих содержательных вопросов?

Некипелов: Я могу озвучить свое представление об этом. Видите ли, первое, что нужно понять, так это то, что экономическая политика, которую проводит правительство, это целостная политика. Почему это важно? Потому что, если речь идет о целостной политике, то главный вопрос в том, согласны ли мы с теми задачами, которые ставятся и с тем, как решаются?

В свое время у нас был найден очень оригинальный способ уменьшить негативные последствия так называемой «голландской болезни». Ей болеют страны с существенной долей ТЭК в экономике. Идея заключается в том, что в результате высокой отдачи в этой сфере очень сложно поддерживать перерабатывающие отрасли, определяющие технологический прогресс. Была поставлена задача, как я представляю, одновременно обеспечить достаточно низкий уровень инфляции и вместе с тем высокую конкурентоспособность несырьевого сектора.

Это предполагало, что вместе с низкой инфляцией нужно добиваться сохранения заниженного по паритету покупательной способности курса рубля. Если мы посмотрим на общие результаты развития экономики России, то увидим, что инфляцию сократили достаточно серьезно (в 2014 году, например, декабрь к декабрю, она была почти 11,5%, а в 2020-м — 4,9%). Удалось поддерживать и заниженный курс рубля: если в 2014 году рыночный курс рубля к ППС составлял около 60, то есть на 40% был занижен, то в 2017 году он был занижен на 50%.

В экономической теории доказано, что при нормальной организации денежно-кредитной сферы можно ставить задачи только по одному показателю. У нас же была поставлена задача таргетировать и то, и другое, увязывая это с противодействием голландской болезни и сохранением эффективности перерабатывающих отраслей.

Как это было сделано? Центральный банк «поделился» своими функциями с Минфином. Минфин начал использовать часть ресурсов, направляя их в Фонд национального благосостояния, значительную часть из них конвертируя в валюту или в валютные активы, а оператором выступал ЦБ, поэтому эти средства отражаются у нас и в международных резервах. Но покупать валюту, и тут отличие от того, что было до осени 2013 года, Минфин стал не напрямую у Центробанка, а на рынке, взяв на себя отчасти функцию интервенций.

В результате удалось и заниженный курс рубля поддерживать, и инфляцию снизить. При этом сохранена конкурентоспособность и несырьевое производство не обрушилось.

АЛЕКСАНДР НЕКИПЕЛОВ

«Если в 2014 году рыночный курс рубля к ППС составлял около 60, то есть на 40% был занижен, то в 2017 году он был занижен на 50%»

Фомченков: Но ведь такого рода процессы невозможны без возникновения издержек...

Некипелов: Да, издержки, конечно, есть. Например, в том, что у России экспорт превышал импорт, то есть страна очень существенно по сути кредитовала весь остальной мир в очень серьезных размерах: свыше 60 млрд долларов в год было превышение экспорта над импортом. И если бы Минфин не участвовал в интервенциях на валютном рынке, то курс рубля был бы выше, и в конечном счете процентная ставка была бы другой.

Потребители, конечно, выиграли от более низкого уровня цен на импорт, но по промышленности был бы нанесен серьезный удар.

В этих условиях средства ФНБ оказалось невозможным использовать в качестве подушки безопасности. В 2019 – 2020 годах, во время пандемии, например, с декабря по декабрь, фонд вырос с 7,7 трлн рублей до 13,5 трлн рублей. В марте 2021 года его объем достиг 13,8 трлн рублей.

Но я хочу сказать, что это неизбежный элемент выбранного экономического курса, обратная сторона того, что удалось достичь в области инфляции и сохранения конкурентоспособности внутренней экономики путем изъятия средств из оборота.

Я лично считаю, что нужно производить комплексные изменения во всем блоке проблем.

Фомченков: Что входит в этот блок?

Некипелов: Во-первых, я согласен со своими коллегами, которые говорят о том, что нужно отказаться от чрезмерно жестких установок в области борьбы с инфляцией, так как инфляция является своеобразной «смазкой» в экономике, конечно, если она не заоблачная.

Я думаю, нужно вернуться к нормальным взаимоотношениям между денежными и финансовыми властями. Вопросы интервенций на рынке должны отойти к ЦБ. Нужно разработать и реализовывать график постепенного снижения ставки ЦБ до общемирового, возможно, чуть выше. Да, это сократит чистый приток иностранной валюты, увеличится наш импорт, соответственно, нужно начинать расходовать средства ФНБ.

Нужно отказаться от линии на заниженный, грубо, двукратно, паритет покупательной способности рубля, от практики абсорбции лишней денежной массы Центробанком при помощи создания специальных счетов, на которых банки держат лишнюю ликвидность.

Фомченков: Но ведь и проектов нет, в которые банкам выгодно вложиться?

Некипелов: И то, и другое. Выгодных проектов нет в том числе и потому, что сейчас высокая процентная ставка. Если она будет снижаться в рамках устойчивой политики, тогда и количество экономически выгодных проектов будет расти.

Фомченков: И как раз об этом! Вы говорили о том, что для развития России нужна некая общая идея, некий мегапроект, который бы на несколько десятилетий создал вектор развития. Как Вы считаете, что могло бы стать таким мегапроектом, и почему?

Некипелов: Есть проект, который иногда называется «Второй Транссиб». Он касается создания высокоскоростной магистрали через всю Россию. Вдоль нее предполагается создать логистические центры, формируя транспортно-логистическую решетку России, которая создаст возможности для освоения территорий. Этот проект действительно долговременный, рассчитанный на десятилетия, сопряжен с очень серьезными инвестиционными усилиями, но они по плечу и государству, и бизнесу. По расчетам, его реализация обойдется в сумму порядка 300 – 320 млрд долларов.

Хочу сказать, что этот проект лучше реализовывать с привлечением зарубежных партнеров, потому что он внесет очень важный вклад в развитие мировой транспортной инфраструктуры.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

По материалам научного форума «Абалкинские чтения», 22 сентября 2021 года.

*Организаторы: Вольное экономическое общество России (ВЭО России),
Международный Союз экономистов (МСЭ),
Отделение общественных наук РАН (секция экономики).*

Борис Николаевич Порфирьев,
Научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик
РАН, член Президиума ВЭО России, д.э.н., профессор

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент ВЭО России, президент Международного Союза
экономистов, директор Института нового
индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н.,
профессор

Александр Александрович Широ́в,
Директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, член
Правления ВЭО России, д.э.н.,
профессор

**Андрей Николаевич
Клепач,**
Заместитель Председателя (главный экономист)
Внешэкономбанка, член Правления ВЭО России, к.э.н.

Сергей Юрьевич Глазнев,
Член Коллегии (Министр) по интеграции
и макроэкономике Евразийской экономической комиссии
(ЕЭК), вице-президент ВЭО России, академик РАН, д.э.н.,
профессор

Валерий Анатольевич Крюков,
Директор Института экономики и организации
промышленного производства Сибирского отделения РАН,
академик РАН, д.э.н., профессор

Руслан Семенович Гринберг,
Научный руководитель Института экономики РАН, член-
корреспондент РАН, вице-президент ВЭО России, д.э.н.,
профессор

Михаил Владимирович Ершов,
Главный директор по финансовым исследованиям «Института
энергетики и финансов», профессор Финансового университета
при Правительстве РФ, член Президиума ВЭО России, д.э.н.

Антон Викторович Данилов-Данильян,
Сопредседатель «Деловой России», заместитель председателя
Общественного совета Минпромторга РФ, председатель
Экспертного совета Фонда развития промышленности

Василий Игоревич Богоявленский,
Заместитель директора Института проблем нефти и газа
РАН, член Правления ВЭО России, член-корреспондент РАН,
д.т.н., профессор

Георгий Борисович Клейнер,
Заместитель научного руководителя, руководитель научного
направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная
экономика» ЦЭМИ РАН, член Президиума ВЭО России, член-
корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Яков Моисеевич Миркин,
Заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО
имени Е.М. Примакова РАН, член Правления ВЭО России, д.э.н.,
профессор

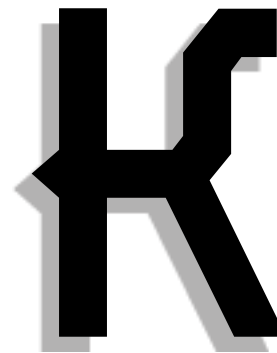
**Елена Борисовна
Ленчук,**
Директор Института экономики РАН, член Правления ВЭО
России, д.э.н., профессор

**Илья Борисович
Воскобойников,**
Директор Центра исследований производительности НИУ
«Высшая школа экономики»

Бузгалин Александр Владимирович,
Директор Института социэкономике «Московского
финансово-юридического университета», заслуженный
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, вице-президент ВЭО
России, д.э.н.

Бодрунов: Коллеги, это первые «Абалкинские чтения» без Дмитрия Евгеньевича Сорокина, который бессменно в течение десяти лет руководил этим форумом, приняв эстафету у академика Абалкина. При этом Дмитрий Евгеньевич не только хранил традиции, заложенные Леонидом Ивановичем, но и внес большой вклад в развитие данного научного форума, трансформацию его в одну из наших ведущих экспертных дискуссионных площадок.

Не могу также не отметить, что во многих других проектах Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов живут идеи, инициативы и душа Дмитрия Евгеньевича. Коллеги, я убежден, что для самого Дмитрия Евгеньевича было бы главным продолжением его дела — работа научного форума «Абалкинские чтения», его развитие. В связи с этим для нас очень важно, что академик Борис Николаевич Порфирьев согласился с инициативой Президиума ВЭО России и с моим предложением и принял руководство «Абалкинскими чтениями». Это непростая работа и серьезная нагрузка. Тема сегодняшних «Абалкинских чтений» предельно актуальна: «Стратегия развития и экономическая политика России: вызовы и решения».

Наша страна, судя по складывающейся социально-экономической ситуации, научилась выходить из кризисов с минимальными потерями, обеспечила определенную макроэкономическую стабильность. Однако решения более сложной задачи — вывести экономику на траекторию устойчивого развития — мы пока не достигли. Мешают, как полагают многие специалисты, проблемы структурного характера. Одна из ключевых — пока еще не преодоленная стагнация доходов населения, а соответственно, и потребительского спроса. Мы не раз говорили об этом на экспертных сессиях ВЭО России. На мероприятиях Московского академического экономического форума в мае этого года, который ВЭО России и МСЭ провели совместно с РАН, было особо отмечено: многие россияне тратят большую часть своих доходов на продовольствие и оплату коммунальных услуг, что препятствует развитию других секторов экономики, ведет к диспропорциям, недофинансированию сфер платного здравоохранения и образования, производства более дорогих товаров и услуг. Дорого обходится нашей стране — остановлюсь особо — и технологическое отставание от мировых лидеров, особенно в сфере NBICS-технологий. О важности этой сферы говорит хотя бы тот факт, что в гонку за лидерство в ней включились крупнейшие экономики мира — к примеру, в КНР в ближайшие пять лет запланировано потратить только на развитие искусственного интеллекта около полутора трлн долларов. Нам, чтобы иметь в этой гонке, а следовательно, и в экономике будущих десятилетий, достойные позиции, безусловно, нужен переход к научно-технологическому прорыву и занятию лидирующих позиций в мировой инновационной и научно-технической конкуренции по принципиально важным направлениям. Необходимы также технологическое перевооружение индустриального сектора экономики, масштабные вложения в инфраструктуру, увеличение расходов на фундаментальные и прикладные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, необходимы, наконец, комплексные решения, способные обеспечить научно-технологический прорыв. Только так мы сможем перейти к новому индустриальному обществу следующего поколения, в новый технологический уклад, в который уже вступает тот же Китай и ряд других стран. Напомню, что эти и другие идеи и предложения по ключевым вопросам развития российской экономики, звучавшие на площадках Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов, нашли отражение в аналитической записке «Новые пути России (к вопросу о Стратегии развития России)», которую ВЭО России направило в начале года в Правительство России. Существенная часть рекомендаций наших экспертов, очевидно, нашла отражение в государственных решениях и получила практическое применение. Это вдохновляет экспертное сообщество. Я надеюсь, что и сегодня прозвучат полезные и интересные идеи.

Представляется важным, что нынешняя сессия является приемницей последнего заседания «Абалкинских чтений», которое модерировал Дмитрий Евгеньевич Сорокин, на тему: «Стратегия для России». За минувший год эта тема не только не потеряла актуальность, но, напротив, вопросы разработки стратегии нашего развития, учитывающие стремительно меняющийся мировой технологический, экономический, политический и социальный ландшафт, стали еще острее. Поэтому мы вновь возвращаемся к ее обсуждению.

Замечу — речь не идет о том, что эту работу надо начинать с нуля. В России принят ряд немаловажных решений, которые позволяют — возникла такая уверенность — перейти к инновационной социально-ориентированной экономике: у нас определены конкретные цели национального развития, приняты национальные проекты, многочисленные отраслевые, региональные и прочие стратегии. В ближайшее время в соответствии с поручением Президента России правительство должно утвердить Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года, включив в него стратегические инициативы. Отбор инициатив — всего их сорок две — продолжался с 2020 года. Это — масштабная, важная работа по решению ключевых и точечных задач социально-экономического развития страны. При этом, однако, единой общегосударственной Стратегии развития, связывающей и конкретизирующей планы по достижению национальных целей, наши нацпроекты, госпрограммы и отраслевые программы развития, у нас все еще нет. Эту задачу еще предстоит решать. Позвольте процитировать Леонида Ивановича Абалкина, чье имя носит наш научный форум. «Нам не хватает долгосрочной стратегии развития экономики. В этой стратегии на первом месте должен стоять человеческий фактор, человек во всем богатстве его проявлений — от заработной платы до собственного жилья», — говорил ученый ровно 15 лет назад. Леонид Иванович смотрел на много шагов вперед. России жизненно необходима «человекоориентированная» социальная модель развития — не просто приращение численных показателей в экономике, а усиление социальной компоненты развития.

Порфирьев: Сергей Дмитриевич, коллеги, хочу начать с того, что тема сегодняшнего форума такова, что на её полноценное освещение, наверняка, потребовался бы не один день, но формат нашего заседания, безусловно, такую роскошь нам не предоставляет.

Я хотел бы передать слово для доклада Александру Александровичу Широву.

Широв: Спасибо, Борис Николаевич. Я хотел бы поговорить о том, что может нас ожидать в кратко- и среднесрочной перспективах. И здесь нельзя не затронуть ситуацию пандемии.

Если мы посмотрим на крупнейшие страны мира, уровень вакцинации во многих из них превысил 100%. Это говорит о том, что, действительно, крупнейшие экономики мира потратили на это очень серьёзные усилия. Правда, этого недостаточно, потому что мы видим, например, в такой стране, как Израиль, несмотря на высокий уровень вакцинации, всё равно проблема заболеваемости очень высока. Это говорит о том, что в ближайшие годы история с пандемией, видимо, нас не оставит, она будет влиять как на экономическую динамику, так и на экономическую политику.

Что касается жёсткости тех мер, которые принимают различные страны мира в ответ на пандемию, то видно, что Россия — не самый жёсткий случай. Сейчас у нас в районе 50% от уровня защитных мер, которые есть в мире. Это означает, что понимание экономических властей относительно того, как должен быть выстроен баланс между защитой общества от пандемии и интересами экономического развития, каким-то образом соблюдается. Видно, что большая часть крупнейших экономик мира уже более менее это понимает и действует исходя из этого.

Проблема состоит в том, что бизнес и правительство не очень хорошо оценили, как экономика будет восстанавливаться в результате этого кризиса. Фактически ожидалось плавное восстановление в рамках текущего бизнес-цикла, а на самом деле, как мы видим, рост спроса очень значителен, и мировое предложение за этим спросом не успевает. Отсюда дефициты на рынках автомобилей, бытовой техники, микрочипов. Там есть и другие факторы, но пока эта гонка не закончится, сохранится напряжённая ситуация на товарных рынках — отсюда влияние на цены. Это главный урок с точки зрения экономической политики, причём, не только для государственной экономической политики, но и для политики отдельных корпораций: происходящее в экономике нужно анализировать всё-таки исходя из реально складывающихся обстоятельств. Теперь эта ситуация с ценами. Из всех крупных экономик мира только три — Россия, Бразилия и Турция — отвечали на рост цен повышением ключевой ставки. Это происходило потому, что крупнейшие экономики мира воспринимают тот значительный рост цен, который наблюдался с середины 2020 года примерно до начала лета этого года, как фактор, который просто балансировал спрос и предложение, и абсорбировал избыточную ликвидность, которая была вкачана в экономику

в результате антикризисных мер. Но та балансировка так или иначе всё-таки подходит к концу. Мы видим, что, несмотря на кейсы с газом, какими-то другими товарными группами, в целом ценовая ситуация стабилизируется. Это говорит о том, что мировая экономика перешла в новый режим функционирования на более высоких ценовых условиях. И этот рост цен сыграл свою функцию. Конечно, возникли дисбалансы, конечно, они будут продолжаться, но как раз поэтому политика отсутствия реакции на этот рост цен ключевой ставкой, по-видимому, со стороны крупнейших центральных банков была правильной. Моя позиция состоит в том, что это спокойствие было не просто непониманием происходящего, а, наоборот, скорее, осознанным действием.

АЛЕКСАНДР ШИРОВ

«Рост цен сильно ударил по российской экономике. Например, за первые 7 месяцев текущего года индекс цен производителей вырос почти на 21%. Это неслыханный рост цен, мы такого не видели уже очень давно»

Теперь понятно, рост цен сильно ударил по российской экономике. Например, за первые 7 месяцев текущего года индекс цен производителей вырос почти на 21%. Это неслыханный рост цен, мы такого не видели уже очень давно. Последний раз такая ситуация была в 2018 году, когда быстро росли цены на нефть, но и то рост цен измерялся в 10 – 12%, но не в 20 – 21%! При этом видно, что практически 80% этого роста — это рост цен на сырьё, металлы, моторное топливо, то есть это рост первичных издержек, которые очень сильно давят на текущее финансово-экономическое состояние наших предприятий. Индекс потребительских цен вырос на 5,8%. Про это все знают, все видели эту статистику. Почти 70% этого роста — это также рост транспортных услуг, то же самое моторное топливо и пищевая продукция. То есть из 5,8% – 2,6% — это пищевые товары. В принципе, весь этот рост цен связан не с внутренней, а с внешней ситуацией. Рассматривать меры по сдерживанию цен, конечно, следует исходя из того, что нужно каким-то образом пытаться снизить влияние волатильности на мировых товарных рынках на российскую экономику. И тут мы вспоминаем сразу первый фактор — это нетбэк, экспортный паритет для большинства сырьевых товаров на внутреннем рынке, второй фактор — это бюджетное правило.

Насколько наша экономика восстановилась, есть ли у нас ещё потенциал восстановления? После апреля 2021 года, когда мы достигли по объёму ВВП докризисного уровня, резкий восстановительный рост практически начал затухать. И это очень важный момент, потому что в момент затухания роста нужно думать о том, какие есть стимулы для того, чтобы поддержать текущую экономическую динамику. Мы начали сворачивать антикризисный пакет и ужесточать параметры денежно-кредитной политики. Проблема в том, что трансмиссионные лаги, при

которых повышение ключевой ставки транслируется в реальные ставки, в кредиты, у нас сейчас выросли. Выросли они прежде всего потому, что у нас в экономике очень большая доля кредитов на нерыночных условиях, которые касаются крупных компаний, корпораций. Вот этот трансмиссионный лаг как раз начнёт действовать на сокращение объёма корпоративного кредитования и кредитования населения где-то в четвёртом квартале текущего года, в первом квартале следующего года. В тот же момент у нас наступит полное исчерпание восстановительного потенциала роста, отложенного спроса и так далее. Это создаёт действительно серьёзные риски жёсткой посадки российской экономики в начале 2022 года. Эти риски нужно оценивать и понимать, чем мы на них будем реагировать. С другой стороны, на ту траекторию, по которой развивалась экономика перед пандемией, мы еще не вышли. То есть за счёт мер стимулирования спроса, поддержки инвестиционной активности мы можем расти при соблюдении условия загрузки производственных мощностей, у нас ещё есть потенциал. Если анализировать таким образом текущую экономическую динамику, получается, что мы могли бы иметь более высокие темпы. Угроза резкой посадки заключается в следующем: меры экономической политики могут быть сконфигурированы так, что, к сожалению, мы выйдем опять на ту траекторию, которая у нас была до пандемийного кризиса, то есть на траекторию развития, которая нас в принципе не устраивает с точки зрения целей, которые мы поставили перед экономикой.

Если говорить про финансовые ресурсы, то их более чем достаточно. Мы наблюдаем существенный рост сальдированных финансовых результатов в большинстве видов экономической деятельности. Понятно, что прежде всего в сырьевых, но не только. Мы видим существенное увеличение доходов от большинства видов налогов. Видно, что, например, НДС у нас вырос на 62% год к году, НДС — примерно на 40% год к году. Плюс наши международные резервы, которые стабильно превышают 600 млрд долларов, и получается, что и у бизнеса, и у государства, и даже у населения свободный финансовый ресурс присутствует, и он вполне может быть задействован для поддержания приемлемых темпов экономического роста.

И теперь о курсе рубля и бюджетном правиле. Положительное сальдо, счёт текущих операций и платёжного баланса по итогам января – августа 2021 года, составило примерно 20 млрд долларов. Из этих 20 млрд 16 – 17 млрд были выкуплены Министерством финансов в рамках действия бюджетного правила. Ясно, что таким образом мы естественным образом уменьшили потенциал укрепления

курса рубля. Если бы этого не было, то курс доллара по этому году, по нашим оценкам, составил бы 65 – 68 рублей. Фактически мы имеем другие значения, и небольшое укрепление рубля, которое мы наблюдали летом, связано с тем, что остались эти 3 – 4 млрд свободных средств, которые к этому привели. Но действие бюджетного правила ведёт к тому, что у нас курс не укрепляется, мировые цены растут, и мы получаем это ценовое давление на внутренний рынок, потому что простое перемножение экспортного паритета на неизменившийся курс даёт нам резкий рост цен на металлы, продовольствие, моторное топливо и так далее. Побороть это можно либо мерами налоговой политики, либо изменением параметров принципа нетбэк, либо отменой бюджетного правила, либо административными мерами. В значительной мере мы решили действовать административными мерами. Ещё раз: нужно оценивать, насколько они эффективны, но факт состоит в том, что любой другой цикл повышения мировых цен в этих условиях опять приведёт к такому же давлению. То есть эта ситуация, которая была в 2018 году (может быть, не в таких масштабах), которая произошла в 2021-м, будет продолжаться дальше. И с этим нужно что-то делать, потому что мы резервируем (сейчас вроде бы будем тратить, но тоже очень немного), но и получаем длительное давление на доходы населения и на экономический рост.

Что касается ситуации с доходами населения, тут вроде бы не так всё плохо. Доходы растут, реальные зарплаты растут, безработица снижается, пенсии тоже немножко растут, но это никак не компенсирует падение последнего десятилетия. Нам, конечно, понятно, что с точки зрения спроса на внутреннем рынке те параметры доходов населения, которые мы сейчас имеем, даже с учётом того, что закрыты внешние поездки и часть этих денег переходит на внутренний рынок, недостаточны для того, чтобы устойчиво развиваться.

Вот наши оценки того, что происходит в результате повышения ключевой ставки. Понятно, что ключевая ставка по двум направлениям влияет на экономику: с одной стороны, это уменьшение объёмов кредитования, с другой — укрепление курса рубля, пусть небольшое. Полтора процента роста ключевой ставки — это примерно полрубля укрепления, при прочих равных условиях. Но при этом 700 млрд рублей составило снижение объёмов кредитования, из которых примерно 300 млрд — это корпоративные кредиты, и порядка 400 млрд — кредиты населению. И в результате мы имеем снижение темпов роста ВВП на 0,5-1%. В этом году оно было компенсировано отчасти теми мерами поддержки пенсионеров и военнослужащих, которые добавили, по нашим оценкам, примерно 0,3% к темпам роста. При этом

мы получим по итогам года, по нашим последним оценкам, примерно 4,3% роста ВВП. И ключевой фактор, как мы видим, 3,8% из 4,3%, это рост потребления домашних хозяйств. То есть вклад спроса населения в этом году будет ключевым. Но за счёт того, что выплаты в этом году были разовыми, соответственно, снизится влияние этого фактора в следующем. В результате мы пока не видим возможности роста ВВП в 2022 году больше, чем на 2-2,6%. Мы возвращаемся на ту траекторию, на которой были, а это существенная проблема.

Мы играем в такие качели, когда вроде бы, с одной стороны, приняты стратегические инициативы, их 42, там приличные объёмы финансирования, которые измеряются триллионами. Только из ФНБ должно быть потрачено 1,6 трлн на период до 2024 года. Но, с другой стороны, мы давим на экономику за счёт ужесточения мер денежно-кредитной и бюджетной политики. Хочу повторить в конце простую вещь: конечно, нужно поддерживать финансовую стабильность, но каким образом? Бывают разные комбинации: жёсткая денежно-кредитная политика — мягкая бюджетная политика; мягкая бюджетная — жёсткая денежно-кредитная. Но если мы имеем и жёсткую бюджетную, и жёсткую денежно-кредитную политику, то, скорее всего, к хорошему результату это не приведёт.

Порфирьев: Большое спасибо, Александр Александрович, за содержательный доклад. Я передаю слово Андрею Николаевичу Клепачу.

Клепач: Добрый день, уважаемые коллеги! Я постараюсь остановиться на ряде долгосрочных и среднесрочных вызовов, с которыми сталкивается российская экономика. Часть этих вопросов мы обсуждали и в прошлом году на Московском академическом экономическом форуме, и также на «Абалкинских чтениях». Многие высказывают точку зрения, что даже если не брать в расчет пандемию, динамика мировой экономики с учётом накопленных структурных сдвигов, социальных изменений будет меняться. Как — пока сложно сказать, но несколько возможных сюжетов я бы выделил.

Первое. Мы видим, что не только у нас темпы роста в этом году достаточно оптимистичны (у нас оценка 4,5%), но если мы посмотрим на мировую динамику, то это 5,9% или около 6% в этом году. Дальнейшие прогнозы у нас близки с коллегами из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН — 2% с небольшим. Тем не менее большинство прогнозных оценок по мировой экономике — это 3,5 – 3,8%, и это означает, что при той динамике, которую мы ожидаем, наш удельный вес в мировой экономике будет снижаться.

Второй момент — мы действительно увеличиваем свои бюджетные расходы. У нас одобрены стратегические инициативы правительства и параметры бюджета. Но и в Соединённых Штатах, и в других странах приняты очень амбициозные программы бюджетной поддержки развития экономики, и это при том, что денежная политика там и была, и сейчас остаётся достаточно мягкой в отличие от нашего Центрального банка. Пока они только обсуждают, как и когда начнут что-то ужесточать, и то не через повышение процентных ставок, а скорее, через изменение механизмов, связанных с количественными операциями типа выкупа госдолга. В этом плане это даже уже не ужесточение денежной политики, а скорее замедление темпов роста эмиссии. Ужесточение, по-видимому, мы увидим в середине или во второй половине 2022 года, либо к 2023 году. У нас в этом смысле свой путь, но масштабы поддержки беспрецедентны. Если брать США, то на этот год это примерно 6,7% ВВП, по нашей оценке. И если судить по тем программам Байдена, а до этого Трампа, которые были одобрены на среднесрочную перспективу, это как минимум 2,5% ВВП. Если произойдёт повышение налогов, которое пока не одобрено, но было заявлено, то всё равно это будет от 1 до 1,5% ВВП плюсом. Причём это пакет, который идёт именно на инфраструктурные проекты, на поддержку семьям, занятости, на науку и на экологические проекты. Поэтому я бы так сказал: действительно, идёт очень серьёзная конкуренция программ развития, и пока мы видим по тем программам, которые одобрены и реализуются, что они очень масштабные и мощные на западной стороне. Полный пакет пока ещё не сформулирован, но если брать то, что было заявлено по стратегическим инициативам правительства, то это 0,7% ВВП. Соответственно, в разы меньше, чем те стимулирующие меры, которые одобрены в среднесрочной перспективе в США.

Естественно, в мире порядка нет. Таможенные войны, разные угрозы и реальные протекционистские меры были и раньше и есть сейчас. Как сложится конфигурация соперничества США с Китаем, сказать пока сложно, но очевидно, что вопрос экономического передела мира и конкуренции приобретает здесь очень большую остроту.

Если говорить о пандемии и постковидных уроках, мы должны быть, как это и раньше говорилось, готовы к прилёту чёрных лебедей. Какие это будут чёрные лебеди, пока сказать сложно, но, видимо, они, к сожалению, точно прилетят. Реакция всех стран на ковидные проблемы и огромную волну смертности была связана с тем, что существенно увеличились расходы на здравоохранение. Тем не менее очень остро стоит вопрос выработки какой-то новой структурной модели предоставления

медицинской помощи и у нас, и за рубежом. Сейчас в деталях на этом сложно останавливаться, но практически ни одна система здравоохранения не смогла защитить своё население. Хотя показатели смертности, показатели заболеваемости у всех очень разные, они в разы различаются даже между развитыми странами, и при этом ряд экспертов и ООН, и российских, среди которых, например, Леонид Маркович Григорьев, отмечали, что показатели смертности и масштабов заболеваемости очень сильно зависят от доли бедных. Это касается не только развивающихся стран типа Индии, но и Великобритании, и США, особенно в разрезе по штатам. В России ситуация другая. У нас в лидерах — Москва и Питер — и по смертности, и по масштабам заболеваемости, но тем не менее показатели смертности очень высокие и в ряде сибирских регионов, где, как известно, уровень доходов населения в реальном выражении ниже, чем в среднем по России, так же, как и обеспеченность многими медицинскими ресурсами.

Повестка, которая сейчас, может быть, обсуждается ещё больше, чем пандемия, а уж тем более, чем проблема бедности, — это адаптация к климатическим изменениям. Это требует отдельного разговора, но иногда возникает ощущение, что тема адаптации к климату на порядок важнее, чем проблема развития, преодоления бедности, чистой воды и вообще доступа населения к энергии, а, как известно, миллиард людей пока не может пользоваться нормально электрической энергией. Поэтому как совместить тему глобального перехода с реализацией остальных целей устойчивого развития — это очень серьёзный вопрос и вызов, так же, как и в целом проблематика новой волны научно-технологической революции и развития, связанная не только с цифровыми технологиями, но и биотехнологиями, и нейромедициной, к чему внимание резко повысилось как раз в результате пандемии. Какие форматы и контуры она приобретёт, кто здесь станет лидером — это вопрос будущего. Хотя мы знаем и нынешних лидеров: это США, Корея, Япония, но, что очень важно, одним из таких лидеров становится Китай.

Для нас есть оптимистичный сценарий. Трудно коротко охарактеризовать, за счёт каких мер, тем не менее возможность нагнать и даже развиваться темпом не ниже мирового у нас реально существует.

Я сделал акцент на смягчении денежно-кредитной политики. Весь вопрос — каким образом? Быстро проанализировать ситуацию с бюджетом достаточно сложно, хотя ясно, что бюджет у нас профицитный, и непонятно, где спрятать, а где показать те добавочные почти 2 трлн, которые есть по этому году, а по нашей оценке, и в последующие годы будут. То есть, бюджет останется профицитным.

Здесь на что я обратил бы внимание? В отличие от того, что мы видели раньше, возникает огромный переток остатков денежных средств с предыдущего года. С 2020 года почти триллион (даже больше триллиона) ушёл на 2021-й. Сейчас министр финансов Антон Германович Силуанов сказал, что порядка 900 млрд Минфин может отправить на финансирование планов бюджета 2022 года уже в этом году. В принципе, их можно профинансировать и за счёт остатков 2020 года, а не идти на сокращение заимствований. По сути дела, я думаю, что таким же будет бюджет и в 2022 году. У нас почти триллион, а то и больше, перетекает с одного года на другой. Да, это манёвр правительства, но я сильно сомневаюсь, что реально 23 трлн, которые были поставлены в проект бюджета, будут потрачены в 2022 году. Желаемые расходы — скорее 22 – 22,5 трлн. Да, деньги большие, рост расходов будет, но при этом резервы ФНБ и остатки на счетах Минфина, которые не учитываются в ФНБ, будут разбухать все три или, как минимум, два года.

Вкратце о стратегических инициативах. Поскольку они официально не опубликованы, нельзя приводить данные о том, сколько денег заложено на каждую инициативу. Общая сумма известна, она была заявлена — 732 млрд. Из них примерно 200 с лишним — из ФНБ. По направлениям видно, что на проекты в промышленности стоят достаточно большие деньги, но ещё больше — это образование, культура и социальный блок, если его суммировать. Это, безусловно, даст определённое ускорение роста ВВП. По нашей оценке, где-то 0,2% до 2024 года. Но, действительно, ряд точечных, качественных, структурных вопросов эти меры решают. Каких — трудно охарактеризовать, потому что официальный паспорт и все параметры этих инициатив не представлены.

Но на что бы я обратил внимание? И это тоже уже прозвучало. На самом деле нельзя смотреть только на эти инициативы. Целый ряд решений правительства принимается вне инициатив, и они по масштабу ещё больше. Почти принято решение, и оно будет реализовано в бюджете, по поддержке авиационного комплекса. Цифры очень большие — больше, чем каждая отдельная строчка, которая фигурирует в инициативах. Проекты ФНБ — 1,6 трлн. Предполагается, что, помимо этого, будет ещё целый ряд решений, поэтому общая сумма — это до 2 трлн и выше, но они будут растянуты во времени. Помимо того, что было озвучено, — это продолжение скоростной автодороги «Москва — Казань» до Екатеринбурга и даже до Тюмени. На железнодорожную ВСМ «Москва — Питер» никаких денег из ФНБ и бюджета до 2024 года не стоит, то есть определённые работы будут только за счёт инвестпрограммы РЖД.

Если взять соотношение ВВП на душу населения или подушевые доходы, они у нас примерно в 1,9 раза ниже, чем в Германии, по паритету покупательной способности, не по номиналу. Так часто и бывает, что производительность и доходы примерно соответствуют соотношению других показателей. Если мы берём показатели по здравоохранению, они у нас близки с немецкими, даже чуть выше. То есть разрыв по здравоохранению меньше, чем разрыв по доходам. Разрыв по образованию ещё меньше, чем разрыв по доходам. Мы в этих сферах ближе к Германии, чем это следует из всей картины. Где самый большой разрыв? Практически в 3 раза, даже выше, мы отстаём от Германии по расходам на НИОКР, и примерно в 3 раза по капиталу на одного занятого. Капитал — это результат хронически не очень высокой нормы накопления. Многократное требование указа Президента России 2012 года — допоздти до 2018 года до 25-26% — не выполняется. Как было в районе 20 с небольшим, так и остаётся. А вот в науке у нас 12-летняя стагнация, как видно из расходов на НИОКР относительно ВВП.

И когда сейчас говорится о госпрограмме, где на следующий год на науку заложен 1 трлн, надо понимать, что весь этот прирост — за счёт того, что гражданские расходы на НИОКР, которые раньше числились по линии Минпрома, Минэнерго, Минздрава и других, теперь отображаются в статистике в целом как расходы на науку. То есть они и раньше были, только теперь фигурируют по другому ведомству. Если брать ориентировки, в госпрограмме (она ещё окончательно не утверждена, но должна быть внесена вместе с бюджетом) нет до 2030 года никакого реального роста расходов на науку, а есть даже снижение. Поскольку цифры не опубликованы, я их тоже не называю, но в реальном выражении это сокращение. И это очень серьёзный вызов. Прорыв в долгосрочном развитии без существенного увеличения расходов на НИОКР невозможен. Есть ожидание, что бизнес начнёт вкладываться, но пока, несмотря на декларации, поднять планку расходов на НИОКР не удалось ни по государственной линии, ни по частной. У государства есть точечные программы. Часть коллег, по-моему, даже участвовала в так называемом совете по КНТП, комплексным программам научно-технологического развития. Если я правильно помню, 5 программ внесено в правительство, ещё штук 10 советом рассматривалось и одобрено, но не внесено. Если я правильно помню цифры, это означает только по линии государства примерно по 10 – 12 млрд в год. В проекте госпрограммы стоит всего 2 млрд, точнее, чуть меньше 2 млрд на год. То есть фактически даже тот пакет программ не обеспечен финансированием.

Если уйти от науки, где идёт стагнация, я бы остановился ещё на одной проблеме — демографической, поддержки рождаемости. Определённые меры здесь были приняты. Тем не менее, как известно, коэффициент рождаемости у нас не повысился, а упал. Пандемия плюс падение доходов всегда ведёт к снижению рождаемости, но возникает вопрос, какие у нас есть методы, средства и подходы к демографической политике, которые позволили бы создать условия для повышения рождаемости. Есть опыт Франции, есть опыт других стран. Если коротко, он состоит в том, что нужен достаточно большой и дорогостоящий пакет мер. Это означает, что надо стимулировать не только первого и второго ребёнка, но в первую очередь, исходя из ситуации с женщинами фертильного возраста, третьего и четвёртого. Для восточных регионов нужно вводить дополнительные поправки в материнский капитал, учитывая коэффициенты, связанные с более тяжёлыми климатическими условиями. Более того, сами пособия на детей должны продолжаться на протяжении всего детского возраста, а главное, тут должны быть правила, которые действуют стабильно, а не меняются раз в несколько лет. Тогда можно ожидать, по нашей оценке, что с нынешнего уровня 1,5 суммарный коэффициент рождаемости может подняться в оптимистичном варианте до 1,9, а более реально — до 1,7, что примерно соответствует параметрам Франции. Сейчас у нас пособие на ребёнка даже на тот срок, в течение которого оно выплачивается, — это 27% от прожиточного минимума ребёнка. Соответственно, рождение ребенка, а особенно нескольких детей, — это падение жизненного уровня. Предлагаемый нами пакет позволяет поднять уровень пособий где-то до 60 с лишним, 70%. Но это означает, что наряду со здравоохранением, образованием и наукой нужно предпринимать достаточно дорогостоящие меры по демографической и социальной политике.

Порфирьев: Большое спасибо, Андрей Николаевич. Хотел предоставить слово для выступления Сергею Юрьевичу Глазьеву.

Глазьев: Спасибо, Борис Николаевич. Я специально доклада не готовил, поэтому скорее просто отреагирую на выступление докладчиков. Я согласен со всем, что было сказано, но хотел бы уточнить некоторые нюансы. Александр Александрович говорил про то, что у нас спрос намного опередил предложение. Мне кажется, очень важно понимать, в чём, в каких товарных группах. У меня есть предположение, что это касается производств нового технологического уклада. Это чипы прежде всего, это, вероятно, биоинженерные продукты (очереди за вакцинами), конечно, информационные технологии. Если говорить о традиционном производстве, скажем, машин, то была информация о том, что в Китае,

например, резко сократилось производство автомобилей, а мощности есть. Мы буквально вчера на комиссии приняли решение ввести антидемпинговую пошлину против китайских электродов. Не видно, что в Китае есть какой-то перегрев экономики. Много свободных мощностей, хотя экономический рост там достаточно интенсивный, особенно был по первому кварталу.

Потенциал роста, мне кажется, у нас сохраняется достаточно большой. Я думаю, что он даже больше, чем 4–5%. Но я бы хотел акцентировать внимание, скорее, на рекомендациях, на том, что нам следовало бы делать.

Совершенно очевидно, согласен с прогнозом, что денежная политика с повышением процентной ставки приведёт нас к жёсткой посадке. И не просто посадке на один будущий год, а ловушка может быть на очередные 3–4 года.

Уже сложилась закономерность: повышение процентной ставки, особенно в нынешних условиях, — это, очевидно, ситуация, когда инфляция генерируется извне, ведёт к сокращению спроса, прежде всего за счёт инвестиций. Цифра была названа — падение кредитов на 700 млрд. Это очень серьёзное и, может быть, даже не предельное сокращение финансирования инвестиций.

Сокращение инвестиций влечёт за собой дальнейшую технологическую деградацию. Андрей Николаевич обратил особое внимание на НИОКР. Действительно, ситуация по этой политической линии безнадежна. Очевидно, что дальнейшая технологическая деградация влечёт девальвацию рубля для поддержания конкурентоспособности. Мне кажется, можно выдвинуть гипотезу, что цикличность последствий жёсткой денежно-кредитной политики составляет 3–4 года, может быть, до 5 лет. Экономика стабилизировалась на каком-то уровне, а после очередного повышения процентной ставки через 3–4 года — новая резкая девальвация и новый инфляционный толчок.

Очевидно, денежно-кредитную политику нужно менять, но менять её нужно кардинально вместе с внедрением стратегического планирования. Это, мне кажется, очень важный момент. Мы забыли про стратегическое планирование. Правительство не обращает внимания на действующий уже больше 6 лет закон, никто не собирается его выполнять. А эта увязка имеет принципиальное значение, потому что просто снижение процентной ставки в ситуации, когда инвестиционный процесс разрушен и банки перестали вкладывать деньги, кредитовать инвестиции... Раньше приводилась цифра, что доля инвестиционных кредитов у наших банков составляет не более 5%. То есть банки зарабатывают на посредничестве, точнее на комиссиях, а инвестициями не занимаются. То что процентная ставка колеблется, мало

влияет на их поведение. Поэтому я уверен, что нужно восстанавливать специальные инструменты рефинансирования, ориентированные на инвестиционное кредитование, и не только в рамках нацпроектов, а в целом ряде стратегических направлений. Но так или иначе стратегическое планирование должно финансироваться за счёт специальных инструментов рефинансирования со стороны Центрального банка и оформляться через специнвестконтракты, соглашение о защите инвестиций и прочие инструменты. Правительство уже изобрело их штук пять. Ими, как костылями, пытаются поддержать инвестиционный процесс, но без кредитования ничего не получается. Нужно создавать систему — стратегическое планирование, целевое кредитование через специальные инструменты рефинансирования, специнвестконтракты и другие инструменты, которые накладывают взаимные обязательства на кредитора и на государство, точнее предприятия, участвующие в реализации планов, и, конечно, какие-то плановые ориентиры по росту производства необходимой продукции. Та же авиатехника: можно вкладывать в неё огромное количество денег, но если Аэрофлот не будет получать кредитование лизинга отечественных самолётов, НИОКРы в авиостроении опять уйдут в песок. То есть всё должно быть увязано в систему.

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ

«Денежная политика с повышением процентной ставки приведёт нас к жёсткой посадке. И не просто посадке на один будущий год, а ловушка может быть на очередные 3–4 года»

При этом можно внедрять цифровой рубль. Позавчера Центральный Банк провёл экспертное обсуждение. Они почему-то исключают использование цифрового рубля для кредитования инвестиций, хотя, мне кажется, это в высшей степени странно. Именно для этого цифровые инструменты прежде всего должны использоваться, так как они гарантируют целевое использование денег. И если мы реализуем весь этот комплекс мер, я думаю, экономика вполне может выйти на устойчивый темп роста выше среднемирового. Во всяком случае, у нас в Евразийском экономическом союзе основные ориентиры макроэкономической политики — не менее 5%. Свободные производственные мощности это допускают. Но при этом, конечно, я согласен с Андреем Николаевичем, нужно резко поднимать кредитование и финансирование науки, НИОКРов, то есть стимулировать инновационную активность. Расчёты, которые мы делали, говорят о том, что для нас и 7% роста — достижимая цифра, если мы сделаем комбинированную стратегию опережающего развития. Это, во-первых, модернизация экономики на основе полномасштабного форсированного развития нового технологического уклада, во-вторых, подтягивание производства в тех отраслях, где у нас хороший технический уровень в полной загрузке производственных мощностей, углубление переработки сырья, что тоже требует огромных инвестиционных кредитов, и всемерное стимулирование инновационной активности.

Последнее, о чём я хотел сказать. Мне кажется, что правительство очень робко сделало правильный шаг по изъятию конъюнктурной природной ренты за счёт повышения цен на металлы и некоторые другие сырьевые товары и материалы низкой степени переработки, введя экспортную пошлину. Но это сделано как-то нерешительно и робко. Надо этот инструмент возвращать, потому что в ситуации ценовой конъюнктуры на мировых рынках понятно, что сверхрентабельность в отраслях, которые вывозят капитал вместо того, чтобы наращивать инвестиции внутри страны, может и должна быть компенсирована за счёт экспортной пошлины. И это универсальный инструмент, хорошо себя зарекомендовавший для взятия природной ренты и демпфирования внешней конъюнктуры, который может быть использован как ответ на климатическую войну. Если Европа вводит углеродный налог, то почему бы нам не ввести экспортную пошлину, привязанную к углероду, и не затеять с Европой переговоры о том, что мы эти деньги вкладываем в экологию, в борьбу с потеплением, с оздоровлением окружающей среды. И самое последнее: я сомневаюсь, что новая ценовая пропорция в мире уже сложилась. Вполне возможно, что ценовые шоки ещё последуют.

Порфирьев: Спасибо, Сергей Юрьевич, за «оптимистичный» прогноз. Валерий Анатольевич Крюков, пожалуйста.

Крюков: Добрый день, уважаемые коллеги! Хочу поблагодарить за приглашение. Это и почётно, и ответственно по двум причинам. В первую очередь, большая честь вспомнить идеи Леонида Ивановича Абалкина, вклад которого весьма значителен, и почтить память нашего уважаемого Дмитрия Евгеньевича Сорокина, отдавая дань продолжению их дела. Это, мне кажется, одна из правильных форм продвижения их идей, чтобы они жили и помогали их коллегам.

Хочу в своём кратком выступлении затронуть два вопроса. Много говорилось о макроэкономических и финансово-экономических вопросах стабилизации. Но есть два важнейших аспекта, которые чрезвычайно значимы для российской экономики. Это пространство и природно-ресурсный потенциал. Получается так, что за истекший год я выступаю в Вольном экономическом обществе России пятый раз, и многие аспекты по пространственному развитию, по регулированию природно-ресурсных взаимоотношений и этого сектора уже звучали. Я хочу напомнить про то, что пространственное развитие — это не только реализация точечных проектов, которые представляют отдельные стадии или отдельные элементы, связанные с созданием стоимости, это важнейший

рычаг и важнейшее средство повышения связанности, устойчивости всей российской экономики. Этому не уделяется в правительственных программах практически никакого внимания. Сейчас, правда, в случае угольной отрасли стали немножко робко говорить о том, что нужно конъюнктурную ренту не просто аккумулировать через налоговые инструменты в ФНБ или в каких-то других финансовых фондах, а целевым образом направить, скажем, в Кемеровскую область, где экономическая ситуация близка к критической и из-за угля, и в силу того, что развивается восточный полигон. В целом я и мои коллеги в Сибирском отделении РАН, и те, кто занимается проблемами пространственного развития, соглашались с тем, что Россия — ресурсная страна, а это не только ресурсная рента, это мощнейший рычаг решения многих научно-технических проблем, о которых здесь говорили, и с точки зрения новых материалов, и с точки зрения новых технологий, и с точки зрения человеческого капитала. Об этом я говорил не раз в этой аудитории. Это и пример Канады, и пример Норвегии, и пример тех же Соединённых Штатов. У нас до сих пор нет понимания. Более того, в рамках той экономической политики, которая у нас сейчас реализуется, мы просто откровенно проедаем тот ресурсный задел, который у нас был по целому ряду чрезвычайно важных и критически значимых для российской экономики полезных ископаемых, в частности, по алмазам ситуация критическая.

Я проиллюстрирую эти сюжеты на примере одного арктического проекта. На наш взгляд, когда мы говорим о связанности территорий, о пространственном развитии, надо говорить о цепочках создания ценности. Эти цепочки охватывают не только добычу, не только переработку, но довольно длительный цикл — от науки, кадров, технологий вплоть до получения продуктов, которые ориентированы не только на экспорт, но и на использование на внутреннем рынке. К сожалению, в том, что у нас происходит в ресурсном секторе экономики, мы в настоящее время модернизируем и совершенствуем то, что называется *upstream*, то есть первоначальные этапы, которые связаны с освоением, как правило, традиционных источников сырья. Тем не менее, напомню, что в случае со сланцевой нефтью издержки стабильно снижались, в то время как у нас по состоянию на начало этого года порядка 50% добычи нефти легатируются по тем или иным причинам.

Когда мы рассматриваем те или иные проблемы пространственного развития, мы прежде всего должны анализировать социальные, научно-технические, финансово-экономические факторы и переходить к уровню тех проектов, которые удовлетворяют этим условиям. Это примерно тот подход, который мы сейчас реализуем совместно с нашими коллегами из НП в рамках мегагранта, который выделен нам для изучения проблемы развития азиатской России.

Один из проектов иллюстрирует то, что сырьё — это не всегда плохо, а в целом ряде случаев это может послужить уникальным шансом для России сформировать новые нишевые возможности. Я веду речь о районе на границе Красноярского края и северо-западной Якутии. Томторское месторождение — это 18% редко-земельных металлов, в то время как Попигай — это колоссальные, не поддающиеся учёту ресурсы абразивного сырья, которые могут, в принципе, перевернуть многие виды обработки материалов, просто революционизировать их. Месторождение было открыто в 1970-е годы, было секретным, даже прошло специальное заседание Политбюро по этому объекту, на котором было принято решение не вкладывать туда средства, а развивать соответствующие мощности. В Киеве есть Институт сверхтвёрдых материалов. В итоге эти технологии, которые были там развиты, сейчас куплены Китаем, и он заполнил весь рынок искусственными алмазами, которые по качеству значительно уступают томторским лонсдейлитам. Это очень своеобразное сырьё, которое нельзя назвать алмазами напрямую. Оно называется импактными алмазами или лонсдейлитами.

Но проблема реализации этого проекта — не только добыть. Проблема этого проекта — сформировать такую взаимосвязанную цепочку, которая позволяла бы обеспечить синергетический эффект и взаимодействие целого ряда территорий, прежде всего тех научно-технологических центров, которые расположены вдоль Транссибирской магистрали. Напоминаю, что промышленность основных городов — Омска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска — на 70%, а то и более, была ориентирована на продукцию военно-промышленного комплекса. Они в настоящее время практически ничего не дают с точки зрения высокотехнологичных видов оборудования для тех же ресурсных и природо-ресурсных проектов и видов деятельности, которые реализуются на остальной территории азиатской России, то есть за Уралом. Поэтому реализация таких проектов в пространственном измерении чрезвычайно важна с точки зрения связанности и выхода на новые возможности, которые есть у нас в силу и природного, и интеллектуального задела, который был ранее создан.

Если сравнить арктические проекты СПГ России и проекты Норвегии в умеренных широтах, мы увидим, что у нас чрезвычайно короткие цепочки и растущие издержки, льготы, преференции. На проекты СПГ израсходовано мало — 120 млрд из ФНБ, практически по всем основным налогам ставки обнулены или близки к нулю. Тем не менее реализаторы этого проекта начисляют себе дивиденды. А в Норвегии — длинная технологическая цепочка проектов добычи в умеренных широтах. Это связано с технологиями и производствами, которые налажены в Ставангере, в районе Осло, Кристиансанне и так далее. У нас такой проработки нет.

Апеллировать к финансово-экономическим или инфраструктурным проектам — нужно, но необходимо дополнить эти меры комплексом опорных проектов, которые являются принципиально важными для решения задач пространственного развития и социально-экономической стабильности в целом. И это не только специнвестпроекты. Надо обсуждать и рассматривать проблемы, связанные с гражданско-правовым процессом или подходом к реализации проектов, которые обеспечивают связанность и взаимообусловленность обязательств, шагов и действий участников таких цепочек, потому что только в этом случае мы можем обеспечить стабильность на десятилетия.

Порфириев: Спасибо большое, Валерий Анатольевич. Передаю слово Руслану Семёновичу Гринбергу.

Гринберг: Я хотел бы обратить внимание на специфику России, её экономики, которая не позволяет находить простые решения, когда речь идёт о том, что надо финансировать здесь, а денег не хватает. Хотя такое впечатление, дело не в том, что нет денег, а в том, что неизвестно, куда их тратить. Это действительно special case в мире, когда страна в практически критической ситуации планирует профицит бюджета. Это забавно. Никому не хватает денег, а у нас почему-то всегда лишние.

Почему это происходит? У нас принято критиковать политику Центрального банка. Мне она тоже не нравится. Но я хочу здесь подчеркнуть свою солидарность с действиями Центрального банка: увеличение процентной ставки, ужесточение денежно-кредитной политики мне кажется вполне обоснованным в том смысле, что наша экономика в принципе (и этим она отличается от многих) инфляционная. И даже когда возникают ценовые скачки по всему миру, в нашем индексе этот скачок выглядит намного более серьёзным и сильным, чем где-нибудь в Европе или в Америке. В 6-7 раз у нас инфляция выше, чем у них, особенно цен на продовольственные товары. Это связано, как ни странно, с простой вещью: у нас маленькая экономика. Когда она и так монополизирована (страна мало что сделала для того, чтобы обеспечить конкуренцию) независимо от того, государственное предприятие или частное, она очень инфляционогенна в том смысле, что избыточная ликвидность в других странах не ведёт сразу к ценовому скачку, а ведёт сначала к производству товара, и лишь потом к ценовому скачку, когда по-прежнему спрос не удовлетворён. А у нас по-другому. И поэтому наша экономика инфляционогенна по своей сути. Для того чтобы избежать этих моментов, надо учитывать, что это не злой умысел Центрального банка, а это их озабоченность. И она, надо сказать, обоснована.

РУСЛАН ГРИНБЕРГ

«Надо учитывать, что у нас есть избыточная занятость как социальный стимул для сохранения социального благополучия. И если мы будем повышать производительность труда (а это нужно, это совершенно очевидно), высвобождение людей может привести к очень серьёзным последствиям социального плана»

Я помню, в начале пандемии, когда страны Запада начали заниматься тотальным покрытием народа деньгами, многие экономисты в России, здравомыслящие экономисты, тоже призвали к такому шагу. Я сначала был солидарен с ними, а потом понял, что, наверно, всё-таки правы ребята в Центральном банке, которые не позволяют это сделать. В противном случае это была бы уже серьёзная инфляция, инфляция в виде гонки цен и доходов, и это было бы ещё хуже. Это первый момент.

А второй момент: надо учитывать, что у нас есть избыточная занятость как социальный стимул для сохранения социального благополучия. И если мы будем повышать производительность труда (а это нужно, это совершенно очевидно), высвобождение людей может привести к очень серьёзным последствиям социального плана, поскольку люди, оставшиеся без работы, у нас практически не имеют никакой поддержки от государства, и это тоже нужно учитывать.

И теперь несколько замечаний по выступлениям.

Александр Широв говорил о том, что надо бы всё-таки иметь одно из двух — либо политику Центрального банка мягкую, но зато твёрдую бюджетную политику, либо наоборот, а у нас не так. Но я вам хочу сказать, что, например, в западных странах мягкая политика и фискальная, и денежно-кредитная, и здесь нет ничего такого, что бы не работало. Конечно, инфляционная опасность всегда есть, сейчас уже начинает реализовываться. Но они правильно говорят, ребята в Америке и в Европе, что сейчас нам нужна избыточная ликвидность, нам нужно, чтобы люди и компании получали деньги, а потом, когда будет инфляция, будем бороться с инфляцией. И это логично. Я считаю, что это безальтернативно.

Теперь насчёт НИОКР. Это очень важный момент, и он тоже говорит о специфике русской экономики. Надо сказать, что в западных странах в основном частные деньги идут на НИОКР. А у нас частных денег на НИОКР нет. Если они есть, они где-нибудь в другом месте, и их никто не хочет тратить на НИОКР. У государственных корпораций есть свои дела. Поэтому очень важно поменять экономику, сделать её более современной.

Возьмём Японию, ФРГ, Италию 1960–1970 годов — там был 13–14% ежегодный прирост ВВП. Эти темпы роста были связаны с экспортной экспансией. И в Китае, и в Корее — всё связано с экспортной экспансией. У нас экспортная экспансия тоже есть, но она не связана с продуктами. Когда-то я сказал, ещё в 1991 году, что у нас начинается примитивизация экономики. Это, я считаю, самый большой грех российских реформаторов, и она практически не кончается. А без производства товаров с добавленной стоимостью страна, конечно, не может развиваться. Сегодня, слава богу, у нас везде идёт рост экономики, связанный с тем, что заканчивается пандемия (хотя это

тоже неизвестно: скорее всего, она не заканчивается). Тем не менее есть какой-то рост, отложенный спрос. И благодаря этому нам опять будет хорошо. Может быть, в каком-то смысле это даже будет напоминать нулевые годы, когда и 5%, и 6% может быть, если будут расти цены на нефть.

При всей заинтересованности Запада прежде всего в глобальном энергопереходе, никто не знает, сколько времени должно пройти, чтобы он реально начался. Потому что если начать раньше, то все могут замёрзнуть, а с другой стороны, надо что-то делать с этим вопросом. Мировое энергетическое агентство недавно сделало прогноз, что до 2029 года ещё будет рост спроса на нефть, а потом начнётся ухудшение. Я думаю, что это правильно. Сколько я себя помню, у нас в стране есть всегда хороший потенциал и перспективы, но не очень понятно, что происходит.

Данилов-Данильян: Я очень признателен двум докладчикам за множество интереснейших экономических цифр. Надеюсь, что их сообщения станут доступными, потому что хотелось бы кое-что обдумать из того, что было сказано. Хочу обратить внимание всех присутствующих на то, что приведенные цифры — это в основном государственные ресурсы, которые направляются на решение понимаемых именно государством задач: где-то борьба с последствиями пандемии, где-то реализация представления государства о том, что нужно сделать, чтобы обеспечить более высокие темпы роста, то есть национальные цели, приоритеты, какие-то технологии, опять же, которые с точки зрения государства являются очень важными и нужными. Другими словами, особенность позиции институциональной экономики в том, что непонятно, кто будет это исполнять, как будут это исполнять, на что будут тратить средства, которые будут получены от государства. Обратите внимание, сейчас идёт дискуссия: дивиденды или инвестиции? А в списках компаний, которые упоминаются, нет «своих», которые осваивают, тратят эти большие государственные фонды на самые разные стройки. И поэтому со стороны бизнеса, не только малого и среднего, но даже и крупного, всё это как-то вне, на периферии — бизнес по-прежнему не имеет той мотивации, которая обеспечит активное вовлечение его и в процесс инвестирования, и в процесс развития, поддержки инноваций собственными средствами.

Совершенно справедливо отметил Андрей Николаевич Клепач, что не хочется говорить об институциональных мерах, инвестиционном климате и так далее. Действительно, заезженная пластинка. Но в том-то всё и дело, что эти вопросы вообще не решены. Год назад, когда мы говорили здесь про стратегию, к сожалению, покойный ныне наш руководитель Дмитрий Евгеньевич Сорокин тоже обращал на это внимание. Кто будет исполнять? Это как в «Алисе в стране чудес». Не удержусь, процитирую: «План, что и говорить,

был превосходный, простой, ясный, лучше не придумать. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение». Это одна из 25 цитат «Алисы в стране чудес», которые должен знать каждый, что называется. Кем приводить в исполнение? Широкие слои бизнеса чувствуют себя абсолютно оторванными от всего этого. Это не их планы.

Ну, казалось бы, возникают разрывы, дефициты. Для того чтобы решить эти проблемы, нужно потратить ресурсы. Ресурсы берутся откуда? С рынка. Значит, возникает дополнительный спрос на эти ресурсы, растут цены. Уже само по себе это уже дисбаланс, уже инфляционное давление. Но отраслевые ассоциации, экспертные, бизнес-организации не получают импульсов о том, что возникнет спрос, и тем более кооперация третьего уровня, четвёртого — туда вообще ничего не доходит. В конечном счёте покупаем за рубежом, хотя могли бы сделать сами. Реально могли бы сделать сами.

Поскольку эти 300–400 отраслевых ассоциаций, которые есть у нашей экономики, бизнес-ассоциаций, не получают этих импульсов, то для них это чужая история.

Второй момент: когда нам пытаются рассказать о том, что сейчас будет происходить, мы спрашиваем: «Коллеги, а вы понимаете, что те статистические данные, которыми вы оперируете, очень сильно отличаются от того, что есть на самом деле?» У нас был классический пример. Когда мы стали разбираться, как нам обелить отрасль клининга (а вообще таких отраслей около 50, которые почти все «вчерную» работают), то нам сказали: «Где-то 500 компаний работают в отрасли клининга». Мы через 44 и 223 законы о закупках посмотрели — получилось 4 с половиной тысячи. Государство ошиблось в 9 раз. В 9 раз! И по очень многим отраслям такие ошибки существенны. Как вы думаете, отрасль клининга и вся отрасль, обеспечивающая функционирование зданий, — это какой объём в год? Ответ: 2,5 трлн. А на самом деле они не чувствуются. А как получена эта сумма? Мы просто посмотрели ту недвижимость, которую убирают эти люди, охраняют эти люди, занимаются электрикой в этих зданиях и так далее. И сколько ещё таких ошибок есть у государства? Да, можно смело умножить ещё на 10. А как понять, если у меня многопрофильное предприятие, к какой отрасли оно относится? Мы спрашиваем Росстат, он говорит: «По основному коду ОКВЭД». Если у меня основной код ОКВЭД — это 10% моей деятельности, я и не думал его пересматривать. Пандемия недавно выявила эти проблемы. Люди, не причисленные к отраслям, наиболее пострадавшим от пандемии, помощи не получили, хотя совершенно очевидно, что они очень сильно пострадали, гораздо сильнее, может быть, чем другие. Нужно этим очень серьёзно заниматься и нужно смотреть, какие финансовые потоки есть в эконо-

мике. Надо смотреть сделки попарно между всеми юридическими лицами, и каждую эту сделку относить к тому или иному коду ОКВЭД или коду ОКПД, а дальше через Центральный банк, через обработку этих платёжных поручений получать истинный размер каждого ОКВЭДа, каждого ОКПД, передавать сведения в ФНС, взаимодействовать таким образом через Росстат, и мы получим другие налоги. Главное, что мы наконец поймём, какие управленческие импульсы можно давать, а какие бессмысленно, потому что мы не знаем предмета регулирования, с которым пытаемся как-то управляться.

Большие деньги, которые фигурировали в докладах, очень кружат голову власти. Им кажется, что без бизнеса можно самим всё решить. И, соответственно, в конечном счёте только через зарплату тех работников, которые исполняют эти большие планы, большие инфраструктурные программы и проекты, только через их спрос они доходят до основных слоёв российского бизнеса. С этим надо что-то принципиально делать. Те барьеры, о которых я говорил год назад, остаются, без снятия барьеров для активизации бизнеса, которые мешают чувствовать себя комфортно в нашей стране, мало что получится. За год ничего не произошло, хотя очень активно работал штаб по разработке стратегии, штаб по каждой национальной цели, но это всё в рамках какого-то, повторяю, госкапитализма. Это не то, чего ждут активные части российского бизнеса. Ничего не было сделано для того, чтобы обеляющийся растущий бизнес поставить во главу угла, для того, чтобы его «не кошмарить», не было изменений ни антимонопольной политики, ни политики силовых органов, ничего не было сделано в области инноваций, хотя что делать с результатами интеллектуальной деятельности и как их стимулировать, мы уже много лет подряд пишем и говорим, но всё бессмысленно, не слышат. Это мелко, гораздо интереснее огромными цифрами манипулировать: триллион туда, триллион сюда, отчитаться, а потом удивляться, почему же экономика всё-таки не растёт, или растёт такими мелкими темпами, что даже среднемировой никак не можем догнать. Да потому что, повторяю, власть не видит движущих сил. Она к ним относится пренебрежительно. И пока мы это не изменим, у нас мало что получится.

Клейнер: Дорогие коллеги, я рад всех видеть. В тех выступлениях, которые мы сегодня слышали, действительно, основное внимание уделялось макроэкономическим процессам, денежно-кредитной политике, фискальной политике и так далее. Нужно ли? Конечно, нужно, что и говорить. Но экономика, как известно, многослойна. И уже сегодня говорилось и о пространственном разрезе, спускаясь немножко ниже с макроэкономических высот. Антон Викторович упомянул ещё об одном разрезе — разрезе бизнес-ассоциаций, то есть совокупности предприятий, которые как раз и про-

изводят всё то, что мы потребляем, чего мы ждём. И эта многослойность экономики, наличие различных слоёв уже сейчас может рассматриваться как расслоение. Мы даже здесь, в этой аудитории, видим это расслоение между макроподходом, микроподходом и мезоподходом, о котором мы ещё пока не слышали, и поэтому я хотел бы посвятить основную часть своего выступления именно этому слою. Представляется, что он является основным, поскольку именно на этом уровне происходит соединение производительных сил, производственных отношений, труда, интересов, институтов, всего того, что потом выливается в продукцию, из которой складывается экономический рост или экономическая стагнация.

В связи с этим, понимаете, что такое экономическая политика? Начнём с главного. Экономическая политика — это совокупность решений, которые принимаются по основным направлениям развития народного хозяйства. Что мы видим сегодня? Что экономическая политика не носит комплексного характера, не носит системного характера. Основной недостаток политики, о котором на самом деле все знают, заключается в её несистемности. Мы разбиваем объёмный объект на какие-то полоски. Эти полоски действительно нуждаются и в анализе, и в управлении, но из них невозможно сложить целое, если у нас нет системного подхода. И такое ленточное восприятие экономики снижает потенциал и регулирования, и планирования, и, конечно же, стратегического планирования.

Поэтому, мне кажется, необходим существенный переход от ленточной к объёмной политике, к системной политике. Это требует серьёзной перестройки, в том числе управления, когда должны быть сформированы органы, которые отвечают за системные вещи.

Что же за системные вещи здесь? Что делать, если эти полоски не удовлетворяют нас полностью? Что является системной классификацией? Здесь мы приходим к тому, что давно известно — к делению на уровни. Есть макроэкономический уровень, где торжествуют макроэкономические процессы, есть микроэкономический уровень, где основную роль играют экономические объекты, предприятия, и есть мезоэкономический уровень. Когда Антон Викторович говорил об ассоциации, это уже мезоэкономический уровень. И сочетание процессного подхода на макроуровне, объектного подхода на микроуровне и мезоэкономического среднего подхода, который соединяет в себе и региональную, и отраслевую, и экосистемную тематику, и где возникает та самая среда, которая связывает макро- и микро-, — сочетание этих трёх уровней и должно стать основой для формирования и обсуждения экономической политики России. К сожалению, сейчас этого не происходит.

Если мы примем такую систему, мы, конечно, должны изменить и структуру управления. Видится Министерство макроэкономики, видится Министерство микроэкономики, которое отвечает за предприятия, бизнесы, и Министерство мезоэкономики, которое как раз формирует эту среду, где варятся крупные проекты, ассоциации предприятий, регионы и отраслевые объединения. Это пока остаётся в будущем. А я хотел бы ещё несколько слов сказать о микроэкономической политике. Это основной объект нашего интереса в институте и в коллективе, который я возглавляю.

Что же можно сказать по микроэкономической политике? Возникают вопросы: что мы хотим от микроэкономической политики, например, хотим ли мы стабилизировать популяцию экономических агентов, чтобы она осталась более-менее такой, как есть сейчас, хотим ли мы сокращения этой популяции? Слишком много предприятий — давайте их соединять, объединять, давайте их банкротить. Или, наоборот, мы хотим расширения этой популяции: возникает проблема дробления предприятий, разукрупнений. Мы всё это видели. Где политическое решение, которое определяет, что мы хотим от микроэкономической структуры? Его нет.

Если мы посмотрим ещё ниже, назрела реформа корпоративного управления. Ничего не делается в этом направлении уже много лет. Она явно не отвечает требованиям, в результате предприятия теряют целостность, теряют устойчивость, суверенитет. Затем — переход к стратегическому планированию хорош на макроуровне, но важен и на микроуровне. Только стратегический подход к планированию позволит бы создать целостные предприятия и соединить там все слои и все группы участников производственной деятельности: собственников, менеджеров, специалистов и работников. Я даже не говорю о том, как агрегируются стратегии предприятий, что делается, если эта стратегия нарушается самим предприятием. Это важный вопрос. Но надо понимать, что целостное предприятие без разработки его стратегии, обсуждения и выноса её наверх, невозможно. Необходимы экономические рычаги, чтобы стимулировать это стратегическое планирование.

Хотел бы ещё упомянуть о методах управления, об ориентации на неформальные методы управления. Формальные структуры, которые сейчас есть, приводят к разобщению, отторжению, к утрате интереса к творческому развитию своего дела на предприятии. Неформальные методы, которые связаны с демократизацией управления, с коллективными предприятиями, с влиянием и оценкой интеллекта, духовных движений, авторитета, то есть то, что называется внутрифирменной средой, сейчас должно быть поставлено на первый план.

Последнее, пожалуй. Госсектор экономики. Считается, что его надо минимизировать. Но он мог бы стать образцом. У нас нет образцов, стратегических образцов, когда это не просто предприятие, которое в этом году получило большую прибыль, а стратегический образец производства. Госсектор мог бы служить этим целям.

Я говорил о внутренних делах предприятия. Для того чтобы сочетать внешний уровень, макроуровень и внутренний уровень через мезоэкономику, необходимо активизировать участие предприятия в формировании экономической политики. Не своей, а политики государства, политики отрасли. Вы представляете, что эта программа достаточно сложная, тем не менее её выполнение необходимо. И последнее, что необходимо, — рефлексия. Мы принимаем программы, мы утверждаем проекты и так далее. У нас нет рефлексии. Мы не анализируем и не выносим на обсуждение ошибки и успехи этих процессов.

Миркин: Мы можем глубоко обсуждать инструментальные подходы, вопросы политики, но всё-таки нужно, наверное, понять, куда идёт дело, собственно говоря, к какой модели экономики нас несёт, что это — избушка или небоскрёб, или нечто вроде классической архитектуры, что строим-то на самом деле? Тем более что очень велики внешние вызовы, которые все хорошо знают, разрывы в темпах роста и в технологиях. И самое главное для нас, что является важнейшей идеей, — уровень жизни и продолжительность жизни в России, при том что экономика крайне волатильная и живёт в условиях высоких внешних шоков.

Внутренний вызов — это то, что мы бедная страна. Это умеренная бедность. Вроде бы более-менее все сыты, никто не выходит на улицу с кирпичами и палками, но это бедная страна с низким спросом. Вот многочисленные данные. АСВ: на 93–94% россиян приходится только 9% вкладов; 65% населения денег достаточно на покупку одежды и еды, а на холодильник с телевизором — уже с трудностями; пенсионеры, 64%, не могут себе позволить неожиданные крупные расходы, в том числе, срочные медицинские услуги. Семейные активы в России сверхволатильны. Мне хотелось бы посмотреть на экономику прежде всего с точки зрения семей, потому что экономика — это и есть семьи, это и есть мы сами. Экономика — это наша психология, это наша коллективная модель поведения. Мы выстраиваем институты, мы выстраиваем социальные структуры, экономические структуры, структуры собственности. Крупнейший вызов здесь в том, что это сверхволатильная экономика. По-прежнему только 1–2% активов российской семьи способны пережить 3–4 поколения. Зона очень высокой сейсмичности. И, кстати говоря, пандемический кризис это показал и с точки зрения добавочной смертности, и с точки зрения глубины падения на финансовых рынках, и нестабильности экономики.

Всё вместе: страна умеренной бедности и сверхволатильности. К чему это ведёт? К тому, что общество пронизано левизной, коллективистской философией. Есть масса замеров социологов, в том числе академических институтов. 65% — за то, что необходимо усилить роль государства, 28% — за минимум вмешательства, 54% — государство не выполняет свои обязанности по обеспечению достойной жизни граждан, 58% — России нужна твёрдая рука, 45% — капитализм — это власть узкой группы людей, 44% — социализм — это порядок, и так далее, и так далее. А в каком обществе, в какой экономике все хотят жить? 17% хотят жить в Швеции, 11% — в китайском социализме. Но практически никто не собирается быть в той группе, которую мы называем развитыми странами, в США, Великобритании, Германии, Франции, хотя мы очень хорошо понимаем, что модели экономики в этих странах — англосаксонская и континентальная модель — очень отличаются. Вот это коллективная философия.

Нам трудно опросить администрацию президента об их коллективном представлении о том, в какой экономике мы должны жить. Нам трудно задавать вопросы напрямую крупнейшим фигурам о том, что они представляют, когда принимают решения, определяющие наше будущее, крупнейшие решения. Но у нас есть хотя бы программы партий, которые отражают и эту коллективистскую массовую психологию, и психологию элиты, которая формирует эти программы.

Один из ответов: у четырёх крупнейших партий, которые будут представлены в Государственной думе, все меры сосредоточены вокруг бюджета. Мы сегодня это хорошо увидели. Но бюджет не резиновый, даже если он профицитный. Нельзя одновременно через бюджет решить задачи и очень крупных резервов, и поддержания роста уровня жизни, и массовых инвестиций, когда экономика страны нуждается в технологической модернизации, и при этом обеспечить сильную сторону в обороне и безопасности.

И всё-таки из этого образа моделей экономики будущего что складывается? С вероятностью 65–70% — «корпорация Россия», то есть то, что мы имеем сегодня. Латиноамериканская модель: корпоративное государство, вертикаль, олигополия, огосударствление. До 80–85% экономики — то, что сегодня происходит, рост сверхконцентрации и вертикали, рост государственного имущества. «Экономика надзора» вместо «экономики стимулов», где в центре — человек зависимый, нарушающий, семья, которая всегда торгуется с государством и с корпорациями за каждый кусок. Это экономика абсолютно не инновационная, стагнационная. Могут быть лишь взрывы роста, основанные на крупных государственных инвестициях и на благоприятных внешних составляющих, как это было в 2000-е годы.

У нас есть две партии, тоже системные, которые в своих программах требуют национализации ключевых отраслей, стратегических предприятий, земли, госплан, госкредитование, контроль за валютой, контроль за вывозом капитала. Вероятность 33%, что из этого вырастает та самая административная экономика по сталинскому образцу. Пусть даже в ней будет 5 – 7% частного сектора, преимущественно мелкого и очень среднего, который может кормить, одевать, оказывать услуги, делать тот же самый клининг. Но эта экономика, мы знаем, заранее обречена на неуспех. Мы не знаем ни одного случая командных систем в экономике, которые продолжали бы отставать в технологиях и при этом справились с задачей обеспечения высокого уровня жизни.

И, наконец, у нас есть внесистемные либеральные партии. Их четыре, кажется. Одна из них – «Новые люди», которая считается праволиберальной партией, «Партия роста», также праволиберальная. Представители «Яблока» прошли по одномандатным округам. У них какие программы? Они собираются строить Нью-Йорк или Лондон?

На самом деле их программы, их очень условно называют правыми, — это программы социальной рыночной экономики, это континентальная модель. Не англосаксонская, не шведская, не китайская. Это государство, в экономике которого 10 – 20% — это средний и малый бизнес, его гораздо больше, чем у нас сегодня, всё сосредоточено для роста среднего класса, для укрепления имущества семьи, для создания рыночной среды огромного, малого и среднего бизнеса. Я всё время вспоминаю заявление бывшего канцлера Германии Людвиг Эрхарда, который сказал, что благосостояние для всех — его личная задача. Может быть, задача каждого из нас. Личная задача, которая сводится к тому, чтобы заставить народное хозяйство выявить столько энергии, показать столько достижений и производительности, чтобы люди могли жить без нужды и становиться благодаря этому независимыми, чтобы они имели возможность в большей степени развивать своё человеческое достоинство, и тогда они не будут зависеть от милости других, от милости государства. Этой задачи у нас нет сегодня.

Мне кажется, мы проводим конференции, проводим чтения одно за другим, мы часто говорим об одном и том же, мы идём по кругу, но, может быть, нам всё-таки хотя бы в то, о чем мы говорим, включить слова «социальная рыночная экономика». Потому что я очень хорошо знаю, что большинство моих читателей, я имею в виду массовых читателей, даже не понимают, что рыночная экономика может быть социальной, что капитализм может быть социальным. Нужно саму идею социально-рыночной экономики, которая сегодня совершенно не ложится на то, что мы строим, и на то, как мы существуем, и на массовую психологию, хотя бы пытаться осторожно «продавливать» в жизнь, потому что она подходит для России.

Порфирьев: Спасибо, Яков Моисеевич. Передаю слово Елене Борисовне Ленчук, члену правления ВЭО России, директору Института экономики РАН.

Ленчук: Мы сегодня вспоминаем и Леонида Ивановича Абалкина, и Дмитрия Евгеньевича Сорокина, которые были сотрудниками Института, который я представляю, поэтому я с большим энтузиазмом выступаю и хочу сказать, что они очень много в своей научно-исследовательской деятельности внимания уделяли вопросам стратегического развития России, и, конечно, многие из их предложений сохраняют свою актуальность и сегодня.

Многое уже было сказано до меня, я постараюсь коротко, может быть, что-то прокомментировать и дополнить.

Когда мы говорим о том, что в 2022 году мы можем ожидать позитивную динамику с достаточно высокими цифрами (4,2 – 4,5%) роста, безусловно, это хорошо, но разделяю озабоченность в связи с тем, что необходимо решить вопрос, как закрепить тренд экономического роста за пределами 2021–2022 года. Если анализировать прогнозные оценки Минэкономразвития и планы Правительства России, в целом они не дают внятного ответа и каких-то достаточных оснований рассчитывать на изменение условий экономического роста, и по-прежнему в качестве драйверов выступает экспорт энергоносителей, который явно не позволит реализовать поставленную задачу роста ВВП с темпами выше среднемировых. Мы уже не раз и в этих стенах, и на других форумах говорили о необходимости перехода к инновационной, цифровой, сегодня очень модно говорить «низкоуглеродной», экономике. Конечно, именно эти факторы в перспективе будут определять устойчивость и конкурентоспособность нашей экономики. В свою очередь это требует проведения целого ряда структурных преобразований.

Если рассматривать в содержательном плане, это распадается на два блока работы. Во-первых, должно быть обеспечено технологическое перевооружение базовых отраслей реального сектора экономики. Сегодня какого-то комплексного решения этой проблемы не просматривается. Должен быть, наверно, специальный проект по модернизации. И в качестве стратегической цели можно было выделить (в частности, это озвучивалось на Московском академическом экономическом форуме) обновление на современной технологической основе приблизительно двух третьих основных фондов в течение ближайших 15 лет. Конечно, здесь идёт речь прежде всего о том, что в структуре инвестиций в основной капитал должна наращиваться доля затрат на машины и оборудование, прежде всего энергоэффективное, потому

что, реализуя этот вектор развития, мы можем решить целый ряд важных задач — обеспечить снижение издержек производства, обновить номенклатуру выпускаемой продукции, уменьшить экологическую нагрузку. Сегодня говорилось о том, что это требует принципиально другого подхода, это требует инвестиционного обеспечения. Наверное, речь должна идти о принципиально другой кредитной политике и о возрастании значения институтов развития, которые, безусловно, должны быть докапитализированы. Второй блок связан с ускорением развития новых высокотехнологичных производств. В апреле этого года вышел доклад «Высшей школы экономики», достаточно нашумевший и обсуждаемый в прессе, в котором указывалось на риск для России навсегда отстать в технологиях от развитых и многих развивающихся стран. Это высказывание базировалось на том, что страна остаётся малозаметным участником на высокотехнологичных рынках передовых производственных технологий. Действительно, можно говорить, что на протяжении последних 15 лет наша доля неприлично низка, составляет не более полпроцента, и ничего не меняется. Если мы хотим решать задачу наращивания несырьевого экспорта, то нужно увеличивать долю высокотехнологичных производств в экономике в ближайшие 15 лет в 3 – 4 раза. Конечно, речь идёт прежде всего о высоких технологиях, связанных с шестым технологическим укладом четвёртой промышленной революции.

Но как это сделать? Правительство делает ставку, например, на реализацию программы «Технологическая инициатива». Как сегодня говорил Андрей Николаевич Клепач, привлекаются госкорпорации для развития технологий. Но они пока не получили в рамках государственно-частного партнёрства бюджетных денег. Сегодня высказывалась озабоченность, что у нас недостаточно финансируются научные исследования. И, наверное, будет интересно вспомнить, что в апреле этого года в Соединённых Штатах был принят специальный закон №1260, по-моему, о дофинансировании Национального научного фонда США, который получил 127 млрд долларов на ближайшие 5 лет именно на поддержку новых технологий, инновационное развитие. Это не может не впечатлять. Соединённые Штаты делают это для того, чтобы выиграть конкурентную борьбу с Китаем. Решать все эти проблемы можно лишь на основе разработки и формирования эффективной системы стратегического управления. И прежде всего необходимо активизировать работу по внедрению в полном объёме федерального закона №172 «О стратегическом планировании в РФ» как инструмента формирования долгосрочной экономической политики нашего государства на основе взаимоувязки прогнозов, стратегии и программ. И действительно назрел переход к новой системе индикативных среднесрочных планов и программ, которые

уже должны быть не дополнением к бюджетной системе, а как раз базовым самостоятельным инструментом государственно-экономической политики. И, конечно, необходима разработка долгосрочной стратегии экономического развития. Планы правительства, которые нам сегодня представляют, по достижению национальных целей, обозначенных в указах, никак не могут заменить такой документ, как стратегия. Заканчивая, я хочу сказать, что сегодня основная деятельность правительства, к сожалению, концентрируется в основном вокруг совершенствования институтов и инфраструктуры, а не в области чёткого целеполагания и стратегирования. Можно сегодня сколько угодно обвинять учёных в том, что они интерны, но пока мы не понимаем вектор развития, пока у нас не сформируется спрос на инновации со стороны реального сектора экономики, задействовать технологический фактор в качестве драйвера экономического роста не представляется возможным, а это означает, что под большим вопросом сегодня остаётся достижение основных национальных целей развития.

Бузгалин: Тема нашего сегодняшнего круглого стола — это стратегия и экономическая политика. Стратегия — это прежде всего цель. К сожалению, у наших руководителей стратегической цели нет, во всяком случае в социально-экономической политике. Есть поддержание инерции, и это поддержание инерции продолжается более 20 лет. Оно привело к тому, что у нас темпы развития минимальны: рост ВВП на уровне чуть больше 1% в лучшем случае. Скорее всего, так будет и дальше. Это выгодно блоку крупного корпоративного капитала и огромного бюрократического аппарата. Я не либерал, но в том, что феодальное бюрократическое государство мешает экономике и людям, я согласен с либералами.

Проблема на самом деле не в деньгах, как справедливо сказал Руслан Семёнович Гринберг, не в механизмах каких-то конкретных и не в финансовой или кредитной политике. Проблема в том, чтобы, во-первых, знать, что мы хотим сделать, во-вторых, чтобы быть готовым к серьёзным, глубоким изменениям. Главный вопрос, который решал Дэн Сяопин, был не вопрос бюджета. Главный вопрос, который решал Рузвельт, был не вопрос бюджета. Я уже не говорю о сколько-нибудь более глубоких сдвигах, которые произошли, скажем, в 1991 году. Нам сейчас надо решать вопросы как минимум масштаба, которые решал Дэн Сяопин, которые решал Рузвельт. И здесь, к сожалению, решений нет. Я только одну фразу позволю себе в отношении денег. Мы обсуждаем трлн рублей. Звучит впечатляюще. Но если говорить о стратегических инвестициях, их надо считать не по паритету покупательной способности, а по валютному курсу. Получится 20 млрд долларов. Смешно. Просто смешно. И это грандиозный стратегический проект, на который мы наде-

емся. В Соединённых Штатах на два порядка выше это предложение — триллион долларов, у нас — десятки миллиардов долларов. Да, у нас экономика меньше, но не в сто же раз меньше, чем экономика Соединённых Штатов. Пока не видно никаких стратегических решений и политической воли их осуществлять. Поэтому проблема учёных на самом деле в том, чтобы достаточно откровенно и жёстко сказать стране и руководству: «Друзья, вопрос гораздо сложнее, глубже и болезненнее, чем то, чем вы занимаетесь».

И постскрипtum. Я хотел обратить внимание на то, о чём говорил мой постоянный оппонент профессор Миркин. Он совершенно справедливо сказал, что большая часть населения сегодня не принимает тот социально-экономический курс, который проводит руководство страны. Они с этим согласны мягко, вяло согласны, но ни бизнес не принимает, ни большая часть граждан, живущих на зарплату ниже 40 000 рублей в месяц. У нас медианная зарплата — 35 000. Соответственно, 40% получают 40 000 и меньше. Поэтому я предлагаю хотя бы раз поставить на наших «Абалкинских чтениях» принципиальный, фундаментальный вопрос: «Хотим мы существенно изменить существующую социально-экономическую систему, систему общественных отношений в экономике и правила игры в экономике, или мы этого не хотим?» Если не хотим, давайте обсуждать, куда ещё потратить полмиллиарда рублей или, в крайнем случае, при самом масштабном подходе 10 млрд долларов. Я не хочу никого обидеть, это всё важно, от этого зависят судьбы людей, но судьбы миллионов и десятков миллионов зависят не от этого.

Воскобойников: Я хочу представить работу, которая выполнена большим коллективом авторов и уже опубликована в четвёртом номере «Вопросов экономики» в этом году. Работа посвящена тому, какие уроки мы можем извлечь из опыта преодоления посткризисных шоков в России, чтобы понять, как будет устроена новая долгосрочная траектория экономического роста. Это само по себе предполагает, что мы, скорее, смотрим в прошлое, но мы смотрим в прошлое, имея в виду, что некоторые процессы долгосрочного экономического роста инертны, и мы унаследуем их неизбежно в перспективе 3 – 5 лет.

На глобальном уровне последние два кризиса — кризис 2008 – 2009 годов и кризис 2021 года — вполне заметны, заметны во всех странах. Все экономики более или менее начинают выходить на долгосрочную траекторию роста. Для того чтобы понять, какой будет этот долгосрочный процесс, это новое устойчивое равновесие, мы должны сосредоточиться на некоторых периодах, где Россия и мир росли без существенных шоков. Для нас в первую очередь в этом смысле

интересен период с 2002 по 2007 годы, когда Россия демонстрировала очень высокие темпы роста, превышающие даже темпы роста многих ведущих экономик клуба БРИКС. И последний период с 2011 по 2019 годы — период стагнации. Далее вопрос, который я хотел бы поставить, состоит в том, какова роль отдельных факторов роста? Даже на сегодняшней нашей встрече мы видели доклады, которые рассматривали экономику в целом, на макроуровне. Мы видели доклады, которые говорили об отдельных проблемах и отдельных отраслях. Но в этом смысле мне очень понравилась позиция Георгия Борисовича Клейнера, который сказал, что нам нужен некий единый подход, позволяющий смотреть на разных уровнях на экономику — на микро-, макро- и мезоуровне. И в этом смысле в этой работе сделана попытка посмотреть на источники роста в единой структуре на уровне экономики в целом, на уровне отдельных отраслей.

Появляется возможность выделить вклад отдельных факторов в общий агрегированный рост и не просто сказать, что важно, но дать количественную оценку тому, насколько важно, и сосредоточиться на наиболее важных источниках. И, соответственно, в экономической политике это позволяет начать говорить о приоритетах.

Так вот, что формирует темпы экономического роста? Темпы прироста производительности труда в России фактически формируют темпы экономического роста в условиях медленных изменений в затратах труда. Подход, который реализован в этой работе, так называемый подход CLEMS, от аббревиатуры основных факторов производства — капитал, труд, энергия, материалы и услуги. Этот подход позволяет провести декомпозицию темпов прироста производительности труда на вклады отдельных факторов — капиталовооружённости, качества рабочей силы, совокупной факторной производительности, которая отражает снижение издержек. Подход CLEMS также предполагает возможность рассматривать процессы релокации. Если работники переходят из более производительной отрасли в менее производительную, производительность труда замедляется, и наоборот. Российский проект включает динамические ряды факторов производства и выпуска отраслевой классификации ОКВЭД с 1995 года на уровне 34-х видов деятельности. Я сосредоточусь на периоде с 2011 по 2016 год в данном случае. Вклад фонда вооружённости — большой, он фактически формирует рост. И в этом смысле нехватка капитала не является проблемой для экономического роста и для роста производительности труда, такой проблемы, какой она была, скажем, в 1995 – 2002 годах. Релокация сама по себе важна, но её вклад существенно менее заметен. Что формирует стагнацию, что определяет российскую стагна-

цию — это падение совокупной факторной производительности. Другими словами, это рост издержек на единицу выпуска. Именно этот рост издержек на единицу выпуска и определяет то, что экономика замедляется.

Естественно, возникает вопрос: где конкретно, в каких секторах и за счёт чего происходит это замедление. Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо знание двух множителей, двух компонентов. Во-первых, отрицательный вклад — это следствие отрицательных темпов прироста совокупной факторной производительности, то есть роста издержек в каких-то секторах. Во-вторых, это высокая доля каких-то секторов. Главная особенность структурных изменений в российской экономике с точки зрения добавленной стоимости и российской стагнации состоит в том, что доля расширенного добывающего комплекса с 1995 года практически не меняется. Она велика и не меняется. В этом смысле совершенно понятно, что это может иметь отношение к отрицательной совокупной факторной производительности.

Если мы посмотрели на доли, нам важно также понять и то, как устроен секторальный вклад в агрегированную совокупную факторную производительность, какие сектора обеспечивают отрицательный рост. Видно, что главный источник отрицательного вклада — это расширенный добывающий комплекс. На фоне отрицательного вклада расширенного добывающего комплекса мы видим позитивный вклад сельского хозяйства, мы видим позитивный вклад финансовых услуг, но все эти позитивные вклады теряются на общем фоне расширенного добывающего комплекса. Происходит ли там что-то страшное? Был интересный доклад Валерия Анатольевича Крюкова, который говорил об издержках, и как раз там, может быть, что-то можно было бы поискать. Но сама по себе отрицательная динамика совокупной факторной производительности, если мы посмотрим на другие страны, не является чем-то удивительным для экономик. На фоне Нидерландов с темпом роста минус 12% и США с темпом роста плюс 5% российские минус 5% совершенно не являются катастрофой. В этом смысле Россия не является чем-то особенным с точки зрения отрицательного вклада производительности в добывающие отрасли, но Россия является особенной с точки зрения доли этого сектора в экономике. Она гигантская. Если мы говорим только о добывающей промышленности, это примерно 11 – 12%; если мы говорим о расширенном добывающем комплексе, это треть. Недавно была опубликована оценка Росстата, она где-то между этими двумя цифрами, но это не меняет общей картины — вклад огромный. И на этом фоне можно сказать, что если мы допустим, что расширенный добывающий комплекс развивается в России так, как он развивался в 1995 – 2002 годах, то есть, практически с нулевым ростом производительности, российская экономика в последние 10 лет

росла не с темпом около 1%, а примерно на 0,8-1% выше. То есть выясняется, что проблема расширенного добывающего комплекса — это проблема всей экономики.

И тут мы приходим к самому главному. С точки зрения экономической политики по стимулированию роста мы должны, по идее, смотреть на те сектора и отрасли, которые оказывают большое влияние и замедляют рост. Если говорить о рецептах долгосрочного плана, то с точки зрения стимулирования роста острых проблемы две: первое — надо разбираться, что происходит в расширенном добывающем комплексе, где много проблем и измерительного, и институционального, и какого угодно плана; второе — надо всё-таки подумать о диверсификации экономики, о которой мы говорим уже лет 30, но, судя по структурным изменениям, её у нас нет.

Богоявленский: Если говорить об обеспеченности энергетическими ресурсами, то всю мою сознательную жизнь, начиная со студенчества, нас пугали, что кривая Хабберта и прочие показатели указывают – скоро будет колоссальный дефицит и неизвестно, как мы все будем жить. Но сейчас мы находимся в условиях профицита практически всех энергетических ресурсов. Сжигаются колоссальные объемы угля, главным потребителем которого является Китай (свыше половины мировой добычи), а через это, соответственно, страдает экология. Соединённые Штаты — также экологически достаточно грязная страна. Так что мы здесь далеко не лидеры по загрязнению. Также колоссальные резервы в мире существуют в сланцевых бассейнах, которые только начинают по большому счету осваиваться. Огромные возможности возникнут при сокращении сжигания попутного газа. Всё это говорит, что весь мир неплохо обеспечен ресурсами, и, как я уже сказал, сейчас мы находимся, скорее, в ситуации профицита. Как вы знаете, мир уже начинает говорить о переходе на водородную энергетику.

Вместе с тем, несмотря на это, мы видим, что сейчас цена в Европе на газ взлетела до колоссальных цифр. Потребности очень большие. Основные проекты в Арктике, которые активно развиваются, это завод Ямал СПГ, который преодолел рубеж 50 млн тонн сжиженного газа. Уникальный рубеж преодолён арктическим терминалом в Обской губе, свыше 1000 танкеров отправлено, причём это безлюдный терминал, но всё успешно работает. То есть у нас достаточно много успехов.

Но вместе с тем целый ряд экономических расчётов оказались, скорее, просчётами. Колоссальные лицензионные участки в Арктике, где продолжаются работы, главным образом геофизические, и в небольших темпах — бурение, в целом оказались проваленными проектами. Во всех случаях добыча шельфовых нефти и газа составляет порядка 6 – 8%, то есть это очень небольшая доля, основное даёт суша.

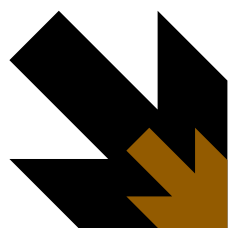
Также мы видим провал по прогнозам. Если прогноз в 2013 году показывал большие перспективы шельфового бурения, то в прошлом году стало ясно, что проекты не реализуются, потому что пока на суше есть более доступные и лёгкие в освоении ресурсы.

По-прежнему большую часть жидких углеводородов, около 74% мы экспортируем, то есть две трети добываемого мы вывозим. Имеется в виду нефть и нефтепродукты. Газ — около 30%. 70% идёт на внутренний рынок. Понимая проблемы, правительство приняло наконец решение о том, чтобы расширить газификацию наших регионов. И это будет поток финансов, доход государства, стабильный и гарантированный.

Мы уделяем очень мало внимания разведочному бурению. Геологи это осознают. Сейчас ведутся переговоры на правительственном уровне о реорганизации НПП с выделением в той или иной форме комитета или министерства геологии, то есть речь идет фактически о возрождении старой структуры, которая себя оправдала. Также мы считаем, что необходимо возродить налог на воспроизводство материально-сырьевой базы — ВМСБ, как он назывался, который упразднили в 2000 году.

Рекомендации остались те же, что мы давали 10 лет назад, — реализация стратегии развития энергетического комплекса. Можно добавить и в мире, и в России водородную энергетику. Пусть она ещё не скоро будет играть решающую роль, но мы обязательно должны в этом тренде активно участвовать.

ЧАСТЬ II

РОССИЯ В МИРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ТОЧКИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ К УСТОЙЧИВОСТИ
FROM RECOVERY TO RESILIENCE
ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА
СТРАТЕГИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ЕАЭС
ЭКОНОМИКА НОВОГО ФОРМАТА. ВЫЗОВЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ЕАЭС
«ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА» — РОССИЙСКИЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ТОЧКИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

По материалам программы «Дом Э», телеканал «Общественное телевидение России», 11 сентября 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов
Президент Вольного экономического общества России,
президент Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

**Алексей Анатольевич
Громыко**
Директор Института Европы РАН, член-корреспондент
РАН, член Президиума ВЭО России, д.п.н.

Михаил Юрьевич Головнин
Первый заместитель директора
Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, д.э.н.

Бодрунов: Пандемия коронавируса, связанные с ней ограничения и их последствия привели к масштабной рецессии во многих странах, оказали значительное влияние на мировую экономику и перспективы ее развития. От чего будет зависеть скорость восстановления мировой экономики и какие из точек неопределенности можно назвать основными, поговорим сегодня. Уважаемые коллеги, на ваш взгляд, что больше всего повлияло на нашу экономику?

Головнин: Если мы говорим об экономике России, понятно, что это внешний шок, связанный с пандемией. Наибольшее воздействие, конечно, оказали те ограничения, которые были введены в процессе борьбы с коронавирусом. То есть была некая дилемма, в пользу чего мы сделаем выбор – экономики или каких-то гуманитарных соображений? Пожалуй, это один из первых случаев не только в российской, но и в мировой истории, когда гуманитарные факторы были поставлены на первое место, и экономика в результате, естественно, понесла определённые издержки. Да, ситуация менялась. Во вторую волну и в третью предпочтение уже в большей степени отдавалось экономике, тем не менее это был самый мощный кризис с середины XX века.

Громыко: Ясно, что пандемия не привнесла чего-то принципиально нового в мировую геополитику. Какие-то процессы, которые развивались до нее, затормозились, но большинство основных трендов получили, напротив, ускорение. Например, за прошедшие полтора года мы видим, как разгоняется конкуренция между США и Китаем. Стратегическая расстыковка – это термин, который употребляется для того, чтобы охарактеризовать намерения США произвести расстыковку с Китаем не столько в экономике и в торговле, сколько выборочно, в первую очередь, в высокотехнологическом секторе. Здесь США ставят на то, чтобы сдерживать рост Китая, лишить его возможности стать ведущей державой мира в технологическом плане. Кроме того, отношения между США и Россией, Евросоюзом и Россией, и НАТО за последние полтора года только ухудшились. И пандемия здесь, к сожалению, была использована нашими партнёрами и конкурентами на мировой сцене для того, чтобы вести, с моей точки зрения, недальновидную политику, направленную на то, чтобы в очередной раз поделить мир на два лагеря. С одной стороны – это западнцентричная часть мира, где США используют свою традиционную философию об исключительности, политические, экономические и другие инструменты для того, чтобы поддерживать свой статус. С другой стороны мира находятся Пекин и Москва. Тем самым сближение России и Китая, переплетение наших интересов, на мой взгляд, стало происходить ещё быстрее из-за навязанных представлений о том, какую роль должна играть Россия.

Бодрунов: Да, действительно, я с Вами соглашусь, не пандемия стала причиной сегодняшних проблем, а назревающие кризисные явления в мировой экономике и геополитике, связанные с переходом к новому технологическому укладу, к новому состоянию мировой экономики. Это базовая причина. А пандемия – это триггер, который ускорил какие-то позиции. В этом контексте на Западе еще до пандемии начали продвигать много решений, чтобы ограничить рост экономик России и Китая.

Громыко: Действительно, есть развилки, которые можно назвать стратегическими. Те страны, которые хотят остаться в десятке ведущих и наиболее влиятельных государств мира или выбиться туда, стратегически просчитывают свою политику не на 2–3 года вперед, а лет на 10–20. Так, у Китая есть стратегия до 2050 года. У Евросоюза есть стратегические отметки – 2030-й и опять-таки 2050-й год. Какие-то политические проекты продвигаются с помощью экономических рычагов, а мегаэкономические проекты – с помощью политики. Сейчас эта грань практически размыта. Я приведу два примера. Первый – это «Северный поток – 2». Что в первую очередь происходит вокруг него? Это борьба, в основе кото-

рой лежат экономические или политические интересы: США продвигают свой сжиженный газ в Европу. Для того чтобы это сделать, они топят «Северный поток – 2». С другой стороны, мы видим весь этот пропагандистский шлейф...

Бодрунов: Да, что это российское оружие...

Громыко: Здесь политика и экономика тесно переплетены. Второй пример – «Зелёный курс» Евросоюза. Под этим проектом тоже заложен серьёзный экономический фундамент, прорывные технологии, гуманитарные и гуманистические соображения по спасению земли от глобального потепления и так далее. С другой стороны, в «Зелёном курсе» есть и сильная геополитическая составляющая: Евросоюз пытается нащупать конкурентные преимущества по сравнению и с США, и с Китаем, и в будущем с Индией, с Индонезией, чтобы не только догнать те или иные центры силы, которые задают новые нормы или технические стандарты, но и создать некую экосистему, которой мир будет вынужден следовать, а если не следовать, то платить за то, что не встраивается в новые требования Евросоюза. Дилемма, которая стоит сейчас и перед Россией, как раз связана с трансграничным углеродным налогом. Что делать: встраиваться или вести свою игру, что потребует глубокой модернизации нашей промышленности? Мне кажется, здесь без стратегии опять-таки не обойтись. Судя по всему, у нас это понимание есть. Сейчас много делается для того, чтобы Россия выработала такую линию поведения на много лет вперед.

Головнин: Мне кажется, у нас сегодня хорошее сочетание – есть специалист и по экономике, и по международной политике.

Бодрунов: Специально подбирали для этой беседы.

Головнин: Не хватает биологов. Если мы рассуждаем на глобальном уровне, хотелось бы, конечно, чтобы мы выдвинули нечто конкурентоспособное в ответ на идею, которую продвигает Европа. На самом деле, это подразумевает серьёзную релокацию ресурсов из разных секторов экономики. Заметьте, ещё 10 лет назад говорили, что инвестиции в возобновляемые источники энергии – это нерентабельно, неэффективно. Тем не менее, видимо, какие-то точки безубыточности, в том числе с помощью масштабной государственной поддержки были пройдены. Эти направления уже развиваются в Европе. Фактически сформирован кластер отраслей, который становится конкурентоспособным на международном уровне. И здесь встает вопрос – противостоять ли этому или идти, что называется, по течению? Китай в каком-то смысле пошёл по течению. Я занимаюсь финансами, и это

отражается в практике так называемого зелёного финансирования. Пожалуй, один из основных лидеров, продвигающих идеи зелёного финансирования в мировой финансовой системе, это Китай. Может быть, России тоже выступить в глобальной повестке с какими-то предложениями? Потому что релокация для российской экономики будет, конечно, катастрофической.

Бодрунов: Да, действительно ответа пока нет. Ещё одна точка неопределённости, на мой взгляд, – это рост глобальной задолженности. Эта проблема может вызвать серьёзные, и, я бы сказал, неопределённые последствия для мировой экономики и для России, напряжение отношений между регионами и странами. Михаил Юрьевич, как Вы видите эту проблему?

Головнин: Я считаю, что она более серьёзная, чем та же климатическая проблема, по крайней мере, сегодня. Климатическая проблема – долгосрочная. А вот проблема долговая может затронуть...

Бодрунов: Она уже нависла как козырёк...

Головнин: Да. При этом ещё до начала текущего кризиса, в конце 2019 года, я выделял долговую проблему в качестве одной из ключевых для мировой финансовой системы. Как Вы верно заметили, она только усугубилась. Сейчас вышел доклад Всемирного банка, который, по сути, основан на допандемийных данных. Он говорит о том, что шло нарастание долговой проблемы, но делает акцент на страны с формирующимися рынками. А мы с вами видим, что сейчас происходит в развитых странах. Согласно последним данным МВФ, по всем развитым странам государственный долг по отношению к ВВП в среднем составляет 120%. При этом рост по отношению к ВВП за 2020 год – порядка 16%.

Бодрунов: Это серьёзный показатель.

Головнин: В странах с формирующимися рынками, развивающихся странах, то есть на втором полюсе мировой экономики, показатели лучше. Государственный долг по отношению к ВВП в среднем составляет около 64%, рост за 2020 год по отношению к ВВП – порядка 17%. Да, мы прекрасно знаем, что у стран с формирующимися рынками тоже есть скрытые проблемы. Это может быть не прямой государственный долг, а долг, обеспеченный государством. В отношении того же Китая постоянно возникает вопрос задолженности и частного сектора, и задолженности, обеспеченной государством. Мы с вами давно живём в мире низких про-

центных ставок, которые поддерживаются за счёт сверхмягкой денежно-кредитной политики. Да, процентные ставки чуть-чуть начали расти в США, буквально за несколько лет до кризиса, и теперь снова опускаются до нуля. Мы опять вступаем в эпоху нулевых процентных ставок, и это создаёт опасность второй волны нарастания долга. То есть сейчас государственный долг вырос, потому что государство поддерживало экономику во время кризиса, но дальше пойдет восстановление, и частный сектор при таких низких ставках начнет активно наращивать долги. Что делать, опять же, с нарастающим объёмом частного долга? Мне кажется, уже сейчас надо продумывать эти механизмы. Мы видим, что международное сообщество ввело, например, программу помощи наименее развитым странам. В масштабах глобальной экономики это не самая крупная категория, но даже на этом поле очевидно, как программа начинает пробуксовывать. Частный капитал включился не так активно, как ожидалось. На самом деле, конечно, основные риски для глобальной экономики – на других полюсах. Они – со стороны развитых стран, со стороны отдельных стран с формирующимися рынками. Есть болевые точки в Европейском Союзе – та же Италия (а мы видели, как разрастался европейский долговой кризис в 2010 году), есть болевые точки в странах с формирующимися рынками. Для группы стран, куда входит Россия, и кризисы это показывают, очень развиты так называемые эффекты заражения. То есть в одной стране полыхнёт, и пламя распространяется на другие страны. На этом фоне Россия поразительно благоприятно выглядит с точки зрения долговой нагрузки.

Бодрунов: Есть такая позиция: а зачем эти долги мониторить, пускай наращивают, у нас сейчас появится криптовалюта, фиатные деньги уйдут, проблем с деньгами больше не будет. А потом и отдавать ничего не надо, всё списалось. Может быть так? Или нет?

Громыко: Я думаю, что здесь можно поспорить. Потому что у США одно из основных конкурентных преимуществ, которое они приобрели ещё в середине прошлого века, – это девизная валюта, на которой держится во многом и американская, и мировая экономика. У США проблема государственного долга выражена так ярко, как почти ни у одной другой страны мира. В этом смысле, мне кажется, для США очень большие риски связаны с девизными валютами и заменой их на что-то ещё. Здесь, наверное, больше заинтересованы в поиске прорывных, высокорискованных решений другие страны, которые хотят вырваться из пока железобетонного каркаса, который использует США для вброса в свою экономику огромных масс денег, чтобы контролировать финансовые потоки по всему миру, проводить масштабную

политику экстерриториальных санкций, что мы видели не раз за последние годы. Так что, я думаю, мировая валютная корзина в перспективе будет диверсифицироваться. И, скорее всего, те асимметрии, которые в ней сейчас есть, – а напомню, что доллар за последнее время не утерял, а усилил свои позиции по ряду ключевых параметров – будут снижаться.

Бодрунов: Хотя много кликушества по этому поводу, но тем не менее доллар крепнет...

Головнин: Это так, статистика об этом свидетельствует.

Громыко: Тем не менее если рассуждать даже не с точки зрения профессиональных экономических исследований, а с точки зрения здравого смысла – это не очень нормальная ситуация, когда мы считаем, что накопление долгов – это «ничего страшного, справимся». Может быть, в этом поколении – да. А что будет через 20 лет, 30 лет? Могут появиться триггеры, которые всю эту конструкцию разрушат. 2008 и 2009 годы были не так давно. Это случилось в ядре новоллиберальной модели глобализации в США и Великобритании, а потом распространялось волнами на Евросоюз и, как говорили раньше в системном анализе, на мировую периферию. То есть уже была встряска, которая показала уязвимые места в социально-экономической модели развития США. Мне кажется, что политическая система США сейчас фактически на грани дисфункции, что особенно ярко было при Трампе. Это обратная сторона проблем, в том числе в экономике. Мы видим, что и в экономике, и в политике эти проблемы в том или ином виде проявляют себя. А страдает от политической напористости США весь мир, и наша экономика – тоже. Здесь, мне кажется, надо чётко представлять, что это надолго, что Китай не сдастся ещё много лет. То есть и Россия, и Евросоюз будут находиться в зоне обстрела как с одной, так и с другой стороны. Прятаться ли в блиндаже или придумывать что-то, чтобы выбраться и заявить о себе как о более-менее автономной и крупной силе в политике и в экономике – это проблема для России, в том числе из-за нашего экономического и технологического отставания от быстрорастущих и предъявляющих претензии на лидирующие позиции в мире стран. Этот разрыв только увеличивается. И пандемия не помогла нам его сократить.

ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ К УСТОЙЧИВОСТИ. СОЛИДАРНО ИЛИ ПОРОЗНЬ?

*По материалам презентации доклада ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), 15 сентября 2021 года,
Дом экономиста, г. Москва, ул. Тверская, 22А*

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент Вольного экономического общества России,
президент Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития имени
С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

**Александр Александрович
Дынкин,**
Президент ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, академик
РАН, вице-президент ВЭО России, д.э.н., профессор

**Владимир Станиславович
Павинский,**
Заместитель директора Информационного центра ООН
в Москве

**Анастасия
Нестветайлова,**
Руководитель Департамента макроэкономики
и политического развития ЮНКТАД, Женева

Сергей Вячеславович Калашников,
Председатель Российской ассоциации международного
сотрудничества (РАМС), член Президиума ВЭО России,
член Президиума Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

Александр Александрович Широв,
Директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, член
Правления ВЭО России, д.э.н., профессор

**Елена Владимировна
Панина,**
Директор «Института международных политических
и экономических стратегий – РУССТРАТ», д.э.н., профессор

Михаил Юрьевич Головнин,
Первый заместитель директора по научной работе
Института экономики РАН, член-корреспондент РАН,
д.э.н.

**Александр Владимирович
Данильцев,**
Директор Института торговой политики НИУ ВШЭ,
д.э.н.

Михаил Владимирович Ершов,
Директор по финансовым исследованиям «Института
энергетики и финансов», член Президиума ВЭО России,
профессор Финансового университета при Правительстве
РФ, д.э.н.

Алексей Леонидович Ведев,
Заведующий лабораторией финансовых исследований
Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара,
д.э.н.

Борис Николаевич Порфирьев,
Научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик
РАН, член Президиума ВЭО России, д.э.н., профессор

Сергей Васильевич Рязанцев,
Директор Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, член-корреспондент РАН,
д.э.н.

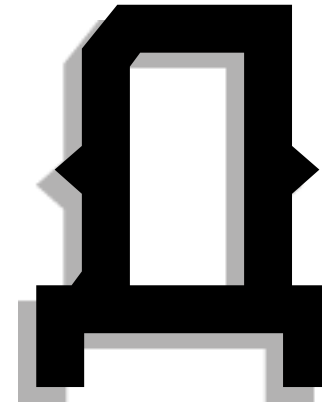
**Никита Иванович
Масленников,**
Ведущий эксперт
Центра политических технологий, д.э.н.

**Алексей Павлович
Портанский,**
Профессор факультета мировой экономики и мировой
политики НИУ ВШЭ, к.э.н., доцент

Роберт Искандрович Нигматулин,
Научный руководитель Института океанологии РАН
имени П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик
РАН, д.ф.-м.н., профессор

Бодрунов: Добрый день, уважаемые коллеги! Рад приветствовать вас на презентации «Доклада о торговле и развитии» ЮНКТАД (Конференции ООН по торговле и развитию), которая сегодня синхронно проходит во всех мировых столицах.

Для нас традиция выбора Международного Союза экономистов площадкой для ежегодного проведения презентации доклада ЮНКТАД в России является очень значимой. Международный Союз экономистов – организация, которая в этом году отмечает свое 30-летие и с 1999 года имеет Генеральный консультативный статус Экономического и социального совета ООН. Отмечу, что доля общественных организаций, наделенных таким статусом, минимальна: составляет чуть более 1% от общего числа некоммерческих организаций в мире. В этом – уникальность нашей организации для России и постсоветского пространства. Мы осознаем связанную с этим высокую ответственность перед российской и международной общественностью, МИД России, ООН.

Хотел бы выразить признательность Информационному центру Организации Объединенных Наций в Москве, который является инициатором и, наряду с Международным Союзом экономистов, организатором настоящей презентации.

Коллеги! «Доклад о торговле и развитии» по праву считается одним из самых авторитетных изданий Конференции ООН по торговле и развитию и содержит глубокий анализ рисков для мировой экономики, а также конкретные меры, необходимые для обеспечения глобального устойчивого экономического развития. Отмечу, что интерес к докладу со стороны ученых, экспертов, государственных структур, делового сообщества и средств массовой информации растет с каждым годом.

Сегодня в онлайн- и офлайн-режимах к нам присоединились ведущие российские ученые и эксперты, представители ЮНКТАД, наши коллеги из Государственной Думы России, Совета Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации, Евразийской экономической комиссии, Россотрудничества, Министерства иностранных дел Российской Федерации.

В этом году тема Доклада ЮНКТАД – «От восстановления – к устойчивости. Солидарно или порознь?». Пандемия коронавируса добавила мировой экономике высокий элемент непредсказуемости, поставила под вопрос прогресс полутора-двух десятилетий относительно устойчивого развития и в то же время усугубила накопившиеся проблемы. Это, в том числе, – и высокий уровень бедности, и достигшее беспрецедентных размеров неравенство не только отдельных стран населения, но и целых стран в доступе к общественным благам.

Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, который мы имеем честь представлять в России, сообщил, что в 2020 году за чертой бедности в мире оказался дополнительно 131 млн человек. Кроме того, пандемия привела к ужесточению продовольственной проблемы. Уже сейчас, по данным Всемирной продовольственной программы ООН, на грани голода находятся 41 млн человек в 43 странах. Это на 7 млн больше, чем в 2019 году. Мы вплотную приближаемся к глобальному продовольственному кризису.

При этом госрасходы, направленные на стимулирование экономики, на душу населения в развитых странах в прошлом году были в сотни раз выше, чем в наименее развитых странах, в то время как средний доход на душу населения в развитых странах был лишь в десятки раз выше, чем в бедных государствах! Это – данные из ежегодного доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы», который, напомню, также был представлен здесь, на площадке Международного Союза экономистов, в феврале этого года. И ситуация в этом отношении в этом году не улучшается.

Такое неравенство лишь подчеркивает необходимость более тесного международного сотрудничества, включая облегчение долгового бремени уязвимой группы стран. В противном случае беднейшие страны встают перед выбором – обслуживать свои долги либо направить эти средства на предоставление жизненно необходимых услуг населению, как справедливо отметил глава Организации Объединенных Наций Антонио Гутерриш.

Выйдет ли мир на траекторию устойчивого развития – зависит не только от того, насколько эффективно правительства будут реагировать на вызовы кризиса. Ключевой вопрос вынесен в этом году в тему доклада ЮНКТАД. Как мы будем решать проблемы, катализатором которых, а отнюдь не первопричиной, стала пандемия? Вместе, солидарно или порознь? Выбор, который мы сделаем, во многом определит динамику мировой экономики и перспективы достижения известных целей устойчивого развития, продекларированных ООН. Ответ на этот вопрос важен для всех стран, и он имеет особое значение для России. Надеюсь, нам сегодня удастся в ходе презентации и обсуждения доклада приблизиться к пониманию путей его решения.

Дынкин: Спасибо, Сергей Дмитриевич, Вам за представление доклада. Вы существенно облегчили мне задачу. Я думаю, надо выразить признательность нашим коллегам из Конференции ООН по торговле и развитию и московскому офису ООН за то, что Дом экономиста стал традиционным местом проведения презентации Доклада о торговле и развитии ЮНКТАД. Особый статус московской площадки – Международного Союза экономистов – виден и в том, что мы в Москве за час до истечения эмбарго ЮНКТАД начинаем обсуждать этот важный доклад. Он важен тем, что это один из первых докладов в системе ООН, который посвящен посткризисному восстановительному росту, в котором сегодня находится и мировая экономика, и, конечно, экономика России. Вы знаете, российская экономика во втором квартале этого года выросла больше чем на 10%, но очевидно, что это было связано с провальной базой второго квартала 2020 года.

Я хочу сказать несколько слов о ситуации в России. Наша страна преодолела шторм 2020 года лучше, чем любой другой мировой кризис в постсоветской истории за последние 30 лет. Мы убедились в том, что у нас сложился развитый и стабильный внутренний рынок, оказалась устойчивая к стрессам банковская система, которая была очищена от нескольких сотен проблемных банков, достаточный уровень самообеспечения сырьем, энергией, продовольствием. При минимальном по сравнению с другими странами суверенном долге (он у нас на уровне 17%) и значительных золотовалютных резервах мы сумели провести перевооружение армии

и переоснащение стратегических сил по опережающим инновационным траекториям. Вы понимаете, что это достаточно дорогое, капиталоемкое удовольствие. Наша национальная инновационная система смогла первой создать одну из лучших вакцин в мире. Позднее была создана целая линейка вакцин. И это все в условиях 103 раундов только американских санкций.

На мой взгляд, доклад очень правильно отмечает карту рисков посткризисного восстановления. Он говорит о росте неравенства как между странами, между Севером и Югом, так и о росте неравенства внутри стран.

Еще один риск, который отмечается в докладе, – это противодействие «корпоративной безнаказанности». Я думаю, что прежде всего имеются в виду цифровые гиганты. Заключение банальное – призыв к снижению выбросов углерода на этапе посткризисного восстановления, но это общее место, которое кочует из одного международного документа в другой. От себя я добавил бы, что гипертрофированное внимание к зеленому переходу затушевало риск пандемии. И общественность, и государственные структуры, и бизнес были захлестнуты штормом низкоуглеродного алармизма и пропустили риск пандемии, который останется для нас надолго.

Такие международные регулятивные инструменты, как, скажем, Маастрихтское соглашение, Шенгенское соглашение, были отменены. Это говорит о роли национальных государств как мощного антикризисного инструмента. И в кризис она выросла. И эти разговоры о том, что государство уже не играет существенной роли, оказались, с моей точки зрения, беспочвенными.

Павинский: Рад приветствовать вас от представительства ООН в России и Информационного центра ООН в Москве. Надо сказать, что ООН уже полтора года работает вместе с остальным миром в условиях глобальной чрезвычайной ситуации в области здравоохранения, вызванной пандемией. Серьезные экономические и социальные последствия коронавируса оказали негативное влияние на развитие всех без исключения стран мира, спровоцировав кризисные явления в экономике. Достижение цели универсальной повестки дня ООН в области развития на период до 2030 года застопорилось. Вместо глобальной солидарности усиливается протекционизм, в том числе климатический. Текущий год и следующий, наверное, призваны стать поворотными в деле преодоления пандемии и ее последствий. Необходима глобальная солидарность, взаимоуважение и учет мнений друг друга. Только на этой основе возможен прогресс в реализации повестки до 2030 года и других общепризнанных международных целей.

АЛЕКСАНДР ДЫНКИН

«Гипертрофированное внимание к зеленому переходу затушевало риск пандемии. И общественность, и государственные структуры, и бизнес были захлестнуты штормом низкоуглеродного алармизма и пропустили риск пандемии, который останется для нас надолго»

Доклад ЮНКТАД о торговле и развитии за 2021 год озглавлен нетрадиционно: «От восстановления к устойчивости. Солидарно или порознь?». По мнению авторов доклада, для того чтобы вдохнуть новую жизнь в многостороннее сотрудничество, требуются дополнительные политические преобразования, и они выходят далеко за рамки антикризисных мер, вызванных пандемией. Позволю себе процитировать генерального секретаря ЮНКТАД Ребеку Гринспан, которая заявила, что для того чтобы воплотить обновленную многостороннюю модель торговли и развития, глобальное восстановление после пандемии должно выйти за рамки чрезвычайных расходов и инвестиций в инфраструктуру. Только согласованное переосмысление приоритетов дает надежду на решение проблем неравенства и климатических кризисов, которые определяют нашу эпоху.

Доклад о торговле и развитии ЮНКТАД впервые вышел в свет в 1981 году и с тех пор издается ежегодно. Его публикация приурочена к регулярным сессиям Совета по торговле и развитию – исполнительного органа ЮНКТАД. В докладе анализируются текущие экономические тренды и ключевые вопросы политики, имеющие международное значение, а также содержатся рекомендации по решению этих проблем на различных уровнях.

Для нашего информационного центра презентация докладов ЮНКТАД является важной формой работы в течение многих лет. В этом плане мы опираемся не только на своих коллег в штаб-квартире ЮНКТАД, но и приглашаем представителей научного, экспертного сообщества, ведущих российских политиков, которые сегодня присутствуют в этом зале.

Нет особой нужды говорить о вкладе Международного Союза экономистов, а также ВЭО России в представление важнейших докладов ООН. Сам факт присутствия здесь сегодня политиков, экспертов, практиков наглядно свидетельствует о высоком уровне сотрудничества, сложившегося между ООН и Международным Союзом экономистов.

Я рад, что презентация доклада проходит на родном для нас языке и не требует перевода, как это было в последние несколько лет. Тем ценнее, что доклад представляет Анастасия Несветайлова, которая не так давно работает в ЮНКТАД, вместе с тем занимает весьма высокое положение в организации, является директором Департамента макроэкономики. Надеюсь, что эта презентация вызовет оживленную дискуссию.

Нестветайлова: Приветствую коллег во всех залах, особенно в Каминном зале Дома экономиста в Москве. Отдельно отмечу высокий уровень участников московской презентации в Доме экономиста и значение сотрудничества ЮНКТАД и Международного Союза экономистов.

2021 год – знаменательный. С одной стороны, он богат событиями и потрясениями. С другой, интересно сравнить две парадигмы политэкономии. Приведу цитату Рональда Рейгана. Он произнес это, когда вступил в должность в январе 1981 года: «Освобожденная от вмешательства правительства и его экономических недугов экономика возродится более энергичной, справедливой и продуктивной». И недавняя цитата Джо Байдена, тоже из его инаугурационной речи: «Экономика никогда не проникала в узкие места самостоятельно. Настало время выстраивать экономическую систему снизу вверх и изнутри наружу». Они противоположны друг другу. Но что интересно? Посыл Рейгана про освобожденную экономику, либеральные рынки, про то, как все будет хорошо, продуктивно, свободно и справедливо без вмешательства государства, быстро разошелся как глобальный и был применен во многих странах, включая Россию. Случится ли то же самое с посылом Байдена сейчас? Станет ли он новым международным стандартом? Правильно сказали предыдущие ораторы, это во многом зависит от нас, от политических деятелей, от экономических элит и от того, насколько эффективно и солидарно мы будем действовать.

Что интересно? После спада 2020 года глобальная экономика закончит этот год с феноменальным ростом более 5%. Такого не наблюдалось очень давно. Это самая высокая цифра практически за полвека. И многие факторы позволяют сказать, что не было бы счастья, да несчастье помогло. По всем показателям идет рост, восстановление, включая мировую торговлю товарами, услугами. Инфляция более-менее сдерживается и пока не достигает целевых показателей, хотя некоторые регуляторы, я так понимаю, включая и Российскую Федерацию, сейчас нервозно наблюдают за динамикой цен. Финансовые рынки бурлят, состоятельные классы стали еще более состоятельными. По разным оценкам, их богатство за период пандемии выросло на 50-60%. Восстанавливаются рынки труда. То есть, с одной стороны, есть позитивная траектория, есть все предпосылки для того, чтобы сказать: мы будем строить экономику заново и лучше. Этот девиз стал мотивационным лозунгом восстановительной политики. По крайней мере, сейчас. Но насколько устойчивый будет этот рост, что он принесет в долгосрочной перспективе? Пока не ясно, потому что восстановление идет неровно. Есть традиционные, к сожалению, структурные разрывы между Севером и Югом, есть разломы по региональным, отраслевым и социальным линиям, включая страны развитого капитализма, но еще больше это ощутимо в развивающихся странах. Даже

без дополнительных рисков очевидно, что в 2022 году мировой рост снизится до 3,6%. Это объясняют не только структурные факторы, но и те риски, которые мы определяем в докладе, вероятность определенных политэкономических решений и особенно нерешений. Эти политические «нерешения» могут стать фатальными для той возможности, которая сейчас открылась для мирового сообщества, политических лидеров, экономических деятелей и элит.

Как я уже сказала, восстановление неровно и нестабильно. Эта нестабильность будет, по всей вероятности, нарастать. У наших экспертов из 30 стран есть более 120 различных факторов, которые они учитывают при расчетах. Поэтому, может быть, будет интересно обсудить, например, прогноз роста российской экономики на следующий год. По нашим оценкам, это 4%. По регионам мира тоже видно, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе рост будет достаточно скромный. Есть некоторые регионы, которые особенно подвержены неблагоприятным факторам. Естественно, на лидирующих позициях – экономики таких стран как, например, Китай. Но в принципе, если посмотреть цифры до 2030 года, налицо региональные разрывы и разрывы между Севером и глобальным Югом.

Группа рисков, которую мы видим, связана с политической нерешительностью. Если политические лидеры, особенно в странах развитого капитализма, будут восстанавливать экономику в том виде, в котором она вошла в пандемию (а вошла она в достаточно болезненном виде), то, конечно, большие возможности для реконструкции, для устойчивости, для всеобъемлющего роста будут упущены. Если эти риски оправдаются, мировой доход будет более чем на 3% ниже, чем допандемийный тренд, и ожидаемая потеря для совокупного дохода уже в 2022 году составит более 13 трлн долларов. Это немалая сумма.

Понятно, что развивающиеся страны особенно уязвимы. Они пострадали больше, чем от глобального финансового кризиса 2007–2009 годов, не только от пандемии и эпидемиологического кризиса, но и от нехватки вакцин, от невозможности развернуть программу вакцинации.

В то время как в развитых странах возродилась функция государства, были пересмотрены и отвергнуты доктрины экономического развития, применены радикальные и до этого неслыханные инструменты интервенции, для развивающихся стран такой роскоши нет. Если у них не будет пространства, чтобы расширять свою, например, фискальную политику, они останутся в состоянии экономического стресса, что, естественно, нанесет удар не только по этим странам, но и по глобальной экономике, в том числе по странам Севера.

АНАСТАСИЯ НЕСВЕТАЙЛОВА

«Не стоит забывать о реформе глобальной финансовой системы или глобальной финансовой архитектуры, которая отошла на второй план. О ней сейчас редко упоминают. Было решено, что финансовые институты, банки у нас в хорошем состоянии, но это не так»

Пандемия стала большим сюрпризом и шоком, чем кризис 2007 года. Ее никто не ожидал. Были некоторые предпосылки к тому, чтобы думать, что угрозой мировой экономике может стать большой экзогенный кризис, но, в принципе, никто не моделировал серьезной возможности пандемии. С другой стороны, понятно, что следующие кризисы, наверно, будут еще более неожиданными и еще более ощутимыми, чем пандемия 2020–2021 годов.

В то же время на этом тревожном фоне есть некоторые позитивные сдвиги. Они произошли в 2021 году. Есть поддержка США по некоторым существенным международным инициативам: перераспределение с точки зрения помощи развивающимся странам, с точки зрения распределения социальных прав заимствования, инициатива Байдена по глобальному минимальному налогу на международные или транснациональные корпорации, которые, в принципе, использовали политическую систему мира в своих целях. Насколько будет ощутима эта реформа и как ее будут внедрять в конкретных странах, покажет время, но это достаточно радикальная мера. Был отказ Всемирной торговой организации от интеллектуальных прав на вакцины, что явилось существенным сдвигом. Это все сопровождает новую зеленую повестку дня, которая теперь поддерживается на международном уровне. Нельзя недооценивать ее, это серьезная и очень важная программа, но, естественно, она требует финансирования.

В чем разница между 1981 годом, когда Рейган стал президентом США, и 2021-м? Инициатива США даже на глобальном уровне является необходимым, но недостаточным условием для многосторонних реформ. Для реальных реформ, для нового витка многосторонности требуется активное участие и поддержка других государств, включая развитые страны, а также группу развивающихся стран. Понятно, что только коллективные договоренности помогут справиться с эксцессами глобализации и углубляющегося экологического кризиса.

Что еще? Есть риск временной. Прогнозные показатели 2025 года, а они в основном позитивны с макроэкономической точки зрения, говорят о том, что существует следующий риск – кризис пандемии может быть быстро списан как преодоленный. Он был потрясением, шоком, но мы справились, поэтому давайте перейдем к нормальному балансу экономики, к тому, что мы делали до 2020 года.

Доклад извлекает четыре специфических урока из пандемии. С одной стороны, перед нами открывается новая возможность масштабных международных отношений, которые включали бы все страны мира, желающие участвовать в них, понимающие устойчивость развития в обширном экономико-

социологическом, экологическом смысле. Многие комментаторы сейчас пишут о новой версии Бранденбургского соглашения, о том, как важно не упустить этот момент. Но желание сбалансировать мировую экономику по-прежнему отсутствует. Может показаться, что раз в период пандемии не случились финансовые кризисы и дефолты, самое плохое уже позади. К сожалению, это не так.

Проблемы платежного баланса не прекращаются. Это до сих пор болезнь развивающихся стран. В ближайшем будущем это станет для них еще более тяжелым долговым бременем, потому что многие страны должны будут выплачивать долг по своим суверенным облигациям на мировых рынках. В свете этого доклад призывает к новым, более серьезным мерам по облегчению долгового бремени развивающихся стран, включая списание долгов в случаях, где это необходимо и критически важно.

Как правильно сказали коллеги, понятно, что наблюдается возрождение института государства в экономической системе на разных уровнях и в новых функциях. Пока непонятно, что это возрождение несет в долгосрочной перспективе, кроме того, что государство действует против цикла и тушит пожары на рынках, поглощая риск, спасая должников, рынок труда. Понятно, что это должно вырасти, может быть, в новую парадигму или новый баланс развития.

Доклад призывает использовать уникальное политическое пространство, которое было открыто в пандемию, для серьезной переоценки роли налоговой и бюджетной политики в мировой экономике на всех уровнях развития, а также практики, которая привела к существенному усилению неравенства. Фраза о безнаказанности финансовых и корпоративных лиц очень подходит к текущей ситуации, потому что их привилегированная позиция в мире и в национальных масштабах с конца 1960 – начала 1970 годов отчасти привела к кризису, который мы имеем.

Не стоит забывать о реформе глобальной финансовой системы или глобальной финансовой архитектуры, которая отошла на второй план. О ней сейчас редко упоминают. Было решено, что финансовые институты, банки у нас в хорошем состоянии. Это не так. Есть дисбаланс между бурлящими финансовыми рынками, между стоимостью активов, которые принадлежат маленькой группе людей. Никто не отменял риск или вероятность того, что потрясение, которое придет после пандемии, не превратится в очередной финансовый кризис, который будет болезненным и разрушительным для любой экономической системы, но, естественно, в первую очередь для развивающихся стран.

Поэтому хорошо бы использовать эту возможность для того, чтобы на уровне, например, «Большой двадцатки» вернуться к повестке дня, которая была разработана в 2010 году, но, к сожалению, быстро забыта, потому что внимание сфокусировалось на банковской системе и базовых процессах, а все остальные более системные меры по финансовому балансу были упущены или забыты.

Доклад призывает к развертыванию программы вакцинации и поддержки развивающимся странам не только в области здравоохранения и не только в период пандемии, потому что пока мир не вакцинирован, не может быть и речи о постпандемийном периоде. Когда большая часть мира остается за рамками вакцинации, естественно, мир находится в пандемийном состоянии, развиваются риски на международном и геополитическом уровне. В этом отношении нежелание стран-партнеров с развитой экономикой последовать примеру США и отказаться от своих прав на вакцины – это тревожный сигнал, потому что разрозненность обойдется дорого для всех, и, согласно одной из оценок, совокупные затраты на отсроченную вакцинацию уже к 2025 году составят более 2 трлн долларов. Основное бремя этих затрат ляжет на развивающиеся страны.

Итак, возвращаясь к постпандемийному девизу «Построим заново и лучше», доклад призывает к идеям, которые могут лечь в основу нового консенсуса.

Первое – это макроэкономическая догма о том, что правительства не ограничены в бюджете, правительства – не домохозяйства, но, естественно, не все правительства созданы равными, и поэтому развивающиеся страны нуждаются в дополнительной поддержке для расширения своих фискальных возможностей и фискального пространства. Центральные банки являются государственными учреждениями, уполномоченными государством создавать кредит. Принципы, на которых они используют эту свою власть создавать кредит, должны отражать решения государственной политики, направленные на справедливый рост.

Устойчивость и устойчивое развитие является общественным благом, поэтому она может быть достигнута только за счет государственных инвестиций. Финансы слишком важны, чтобы предоставлять их только рынкам. Государственные банки и более строгий надзор за регулированием могут обеспечить более здоровый инвестиционный климат на долгую перспективу.

Сокращение заработной платы вредно для бизнеса и еще хуже для общества. Заработная плата является важнейшим источником спроса, и ее рост стимулирует производительность и упрочняет общественный договор.

Здоровая экономика – это всегда диверсифицированная экономика. Промышленная политика должна быть принята как инструмент долгосрочного планирования и развития.

Заботливое общество является более стабильным обществом, и развитая социальная политика должна быть всегда адекватной и учитывать локальные особенности.

Такие идеи есть. Но есть и риск, что получится, цитируя Виктора Степановича Черномырдина, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Это «как всегда», а именно возвращение к нормальному ведению дел, согласно докладу, является главным риском для долгосрочной устойчивости мирового экономического развития и, особенно, для развивающихся стран.

Дынкин: Анастасия, не могу согласиться с Вашим утверждением о том, что никто не анализировал пандемию. Если Вы на досуге откроете Стратегию научно-технического развития Российской Федерации, которая была подписана президентом 1 декабря 2016 года, то увидите, что там второй риск – это глобальные пандемии. Это было ровно за три года до официальной фиксации нулевого пациента в провинции Ухань. Может быть, в силу этого предвидения Россия смогла создать линейку вакцин, о которой я говорил в преамбуле.

Калашников: Наверное, в нынешней ситуации нельзя сводить сложную экономическую ситуацию, которая началась не в 2020 году, а значительно раньше, только к последствиям ковида. Конечно, пандемия оказала мощное влияние на те процессы, которые происходят в экономике, но на вопрос, что нужно делать, невозможно ответить без учета, на что легли ковидные ограничения и воздействия на экономику. Я напомним всем очевидные вещи: неблагоприятная экономическая ситуация 2020 и 2021 и, наверное, последующих годов легла на серьезную политическую нестабильность в мире, которая играет определяющую роль. Она легла на те тенденции, которые связаны с изменением климата. В докладе упоминается о том, что это важный фактор, но каким образом двойная нагрузка, связанная с действиями по нивелированию негативных последствий изменения климата и изменениями, которые принесла пандемия и геополитическая ситуация, помогут нам справиться с кризисом? Это, к сожалению, в докладе не проанализировано. Без этого мы не сможем ответить на практический вопрос, что делать каждой стране, в том числе и Российской Федерации.

Очень важный вывод доклада, который требует осмысления, – необходим глобальный пересмотр тех международных договоренностей, которые существуют в мире в плане нашей экономической реальности. Причем, это относится как к фискальной сфере, так еще в большей степени ко всей

финансово-кредитной системе. Проводилась аналогия с Бреттон-Вудсом. Коллеги, удачное ли сейчас время? Имеем ли мы объективную возможность достигнуть каких-то глобальных мировых договоренностей в текущей политической ситуации, связанной с изменением всей мировой финансовой системы? Наверное, не очень удачное. Таким образом, перед нами ставится задача, сформулировать, каким образом данные о мировой ситуации будут отражены в действиях нашей страны, российской политике, и что нужно сделать для того, чтобы мы оказались в Северном полушарии, а не в Южном? Водораздел в докладе проводится четко. Предполагаю, что Южное полушарие – это развивающиеся страны, а золотой миллиард – на севере. Для меня нет ответа на этот вопрос в докладе. В каком состоянии сейчас находится экономика России? И по каким лекалам надо жить Российской Федерации – для развивающихся стран или для развитых?

Широв: Уважаемые коллеги! Доклад большой, в нем много интересных идей и мыслей, но хотелось бы поговорить о том, в какой степени то, что сейчас происходит, соответствует нашими представлениями о том, как должна быть устроена экономика и взаимодействие в ней.

Во-первых, нужно остановиться на том, что этот кризис особый. Не только экспертные сообщества или правительства отреагировали на него не очень хорошо, но прежде всего бизнес. Мы видим ситуацию, когда предложение отстает от спроса. Произошло это потому, что оценка бизнесом того, как экономика разных стран и в целом мировая экономика будет выходить из этого кризиса, оказалась неверной. Ожидалось плавное восстановление, похожее на то, как восстанавливались экономики после кризисов 2008–2009 годов, 1998 года и так далее. В реальности мы увидели пружинный рост спроса, который был связан с локдауном, когда никто ничего не покупал. И до сих пор мы видим эту гонку, когда предложение пытается угнаться за спросом. Отсюда дефициты на рынке, например, автомобилей и на других рынках.

Второй момент, которого, кстати, в докладе нет – это влияние пандемийного кризиса на здоровье населения, на смертность и связанные с этим факторы как спроса, так и производительности труда, и ряда других показателей, которые являются фундаментальными с точки зрения формирования экономической динамики. Конечно, история с ценами, которую мы сейчас видим, особенно в России, сильно педалируется. Но если мы посмотрим на то, как, например, центральные банки реагируют на эту ценовую конъюнктуру, то увидим, что только три страны в мире повышают ключевую ставку – это Турция, Бразилия и Российская Федерация. Соответственно, ни одна другая крупная экономика мира такую политику не проводит.

АЛЕКСАНДР ШИРОВ

«Мы видим ситуацию, когда предложение отстает от спроса. Произошло это потому, что оценка бизнесом того, как экономика разных стран и в целом мировая экономика будет выходить из этого кризиса, оказалась неверной»

Почему? Я предположу – и это не только предположение, так говорят напрямую представители центральных банков – что при темпах экономического роста в США порядка 5–6% ожидать инфляцию на уровне 1,5% невозможно, потому что структурные сдвиги, которые происходят при таком экономическом росте, поневоле приводят к увеличению ценового давления. На самом деле все ждут одного – когда эта история балансировки спроса и предложения произойдет на новых ценовых уровнях. Отчасти свидетельство этому мы видим в том, что ситуация на рынках продовольствия, металлов и уже даже и углеводородов (за исключением газа, историю с которым мы знаем) постепенно приводит к тому, что цены стабилизируются. То есть уровень баланса на большинстве товарных рынков вроде бы находится. Экономический рост есть, а это доходы. На самом деле, и Виктор Викторович Ивантер об этом говорил, и мы говорим, что экономический рост – это доходы, которые позволяют нам решать те проблемы, которые есть у общества, – это и ограничение развития, и социальная политика и так далее. То есть, на самом деле ценовые разрывы играют не только негативную роль. Она соответствует тем структурным изменениям, которые происходят в мировой экономике. И для России вывод состоит в том, что если мы хотим более высоких темпов экономического роста, нужно более спокойно относиться к некоторому увеличению инфляции. Вы же понимаете, что она вызвана не факторами избыточного денежного предложения, а прежде всего структурными сдвигами.

Какие меры предложены в докладе? Корпоративные налоги, например. Ну да, история понятная, но, правда, она идет от крупнейших мировых экономик. В основном она связана с тем, что в американской экономике произошло вымывание рабочих мест в среднем классе. Для того чтобы это компенсировать, соответственно, нужно увеличивать уровень социальной поддержки. Для этого нужно что-то забрать у транснациональных корпораций. Но в какой степени эти действия помогут снизить неравенство в мировой экономике – большой вопрос.

Второй вопрос, который педалируется в докладе, – это зеленая повестка. Но опять же, все то, что мы понимаем о влиянии климатической политики на экономическую динамику, говорит о том, что, скорее всего, большие ограничения развития возникнут как раз у развивающихся стран, потому что развитые страны выстраивают эту повестку таким образом, что она преференциальна для них. Они получают от этого вполне понятные доходы, связанные с реализацией своего технологического лидерства.

ЕЛЕНА ПАНИНА

«Мы уже наблюдаем, как мир постепенно движется к политико-экономической кластеризации. Нет единого гегемона в лице США, нет биполярного мира, как это было при СССР, а многополярный мир пока не сложился»

Понятно, что в текущих условиях какие-то решения по изменению торгово-экономических отношений, например, возрождение дискуссии в рамках ВТО, представляются маловероятным. По сути, вся торгово-экономическая повестка сейчас у нас вокруг Парижского соглашения. В ноябре в Глазго будут обсуждать вопросы отнюдь не климатические, а в значительной степени торгово-экономические. То есть сдвигка торгово-экономической повестки в сторону климатической политики привела к тому, что места в ней для размена между интересами развитых и развивающихся стран практически не осталось.

И последний, главный аргумент состоит в том, что для России возвращение на траекторию докризисного развития, допустим, в период с 2016 по 2019 годы, когда мы имели рост около 2%, неприемлемо, потому что если мы туда возвращаемся, то опять входим в стагнационную ситуацию с относительно низкими уровнями экономического роста и низким уровнем жизни населения, который препятствовал развитию нашей экономики в последние годы. Это будет как тиски сжимать возможности для развития нашей экономики, нашего общества в долгосрочной перспективе.

Дынкин: Если мы возвращаемся на траекторию докризисного роста в 2-2,5%, это будет говорить о том, что наша экономика попала в классическую ловушку экономики среднего уровня доходов. Это известный в экономической науке феномен. Печально, что в 2020 году по ВВП на душу населения мы отстали от Китая на несколько сот долларов. Сравните нашу численность населения и китайскую. И, конечно, дискуссия о том, как выйти из этой ловушки среднего уровня доходов, на мой взгляд, имеет актуальное не только экономическое, но и политическое значение.

Панина: Я хотела бы сказать спасибо ЮНКТАД за доклад, и в первую очередь за то, что в нем постулированы благие намерения. Уже то, что эти принципы сформулированы, – позитивный момент. Я впервые за последние годы прочитала о необходимости отойти от необоснованной веры в превосходство нерегулируемого рынка. То есть Адам Смит, Кейнс и их последователи до сих пор борются. В России мы пока живем по Смиту, хотя в последнее время у нас появились сдвиги в сторону усиления роли государства, в том числе в экономике.

Я бы хотела остановиться на моментах, которые, на мой взгляд, в докладе отражены, но вряд ли будут реализованы. Кризис – это, конечно, не ковид. Пандемия послужила только ускорителем кризисных явлений, нынешний кризис вызван не эпидемией. Глубинные предпосылки возникли еще в 2004-2006 годах, в первую очередь, ввиду исчерпания свободных

рынков для бесконечной экспансии. Это то, на чем построена в целом модель капиталистической экономики. Объективно эта модель пришла к кризису еще в начале 1980-х годов XX века, но она сумела его отложить, благодаря поглощению советского экономического пространства после распада СССР в 1991 году. Надо констатировать, что этот ресурс полностью исчерпан. Делая доклады на глобальные экономические темы, следует учитывать новые тенденции не только в геоэкономике, но и в геополитике.

Как сказано в докладе, нужно обуздать безнаказанность корпоративных элит. Но как бы эти корпоративные элиты не обуздали государство. Сегодня мы имеем совершенно беспрецедентную концентрацию капитала в руках корпоративных элит, транснациональных корпораций, в том числе в сфере ИТ. Мы видим, какие и политические, и экономические шаги предпринимаются этими структурами, в том числе и в том, чтобы подменить собой государство. Не государство с социальными функциями, с заботой о развивающихся странах, а с точки зрения получения большей прибыли. Мы должны понимать, что борьба будет продолжаться не только между национальными государствами, но и между корпорациями, которые все в большей степени стремятся к тому, чтобы эти государства подменять, что было показано в знаменитом докладе Клауса Шваба на Давосском экономическом форуме.

Мы уже наблюдаем, как мир постепенно движется к политико-экономической кластеризации. Нет единого гегемона в лице США, нет биполярного мира, как это было при СССР, а многополярный мир пока не сложился. Но уже очевидно стремление тех же США, Евросоюза к созданию гигантских кластеров на 500–600 млн человек, где одно государство будет доминирующим, а остальные – выполнять роль поставщиков сырья и дешевой рабочей силы. Этот процесс – в самом начале, но он будет быстро развиваться, опять-таки, если, как правильно отмечается в докладе, человечество не выработает коллективные меры для противодействия этому процессу. Если эта модель политико-экономической кластеризации, которую просчитали эксперты Института международных политических и экономических стратегий, состоится, нас ждет еще более колониальный мир, чем сегодня.

Что касается отказа США и ВОЗ от интеллектуальных прав на вакцины: сейчас конкуренция усиливается. Неслучайно в докладе констатируется, что многие развитые страны не поддержали этот посыл. Рынок вакцин только в этом году оценивается более чем в 80 млрд долларов. Не похоже, что он будет падать. Мы не знаем, какие еще новые штаммы вирусов появятся в ближайшее время. Жалко, что в докладе не нашла отражения эта важнейшая тема.

Если мы говорим о развивающихся странах, о необходимости коллективного взаимодействия на глобальном уровне, почему мы не говорим о тех санкционных режимах, которые сегодня применяются? Не только в отношении России, но в отношении многих стран мира. Сегодня санкционные режимы стали нормой взаимоотношений между странами, что, конечно, ненормально.

Вместе с тем альтернативы у человечества нет: нужны коллективные усилия мирового сообщества. И спасибо за то, что доклад ЮНКТАД нацеливает нас на эти совместные действия.

Головнин: Мне хотелось бы разделить положительную оценку доклада, в частности, в том что касается постановки вопроса об изменениях, которые должны произойти в экономической теории, потому что на практике мы видим, что экономическая политика изменялась еще со времен глобального экономического и финансового кризисов, в то время как соответствующие теоретические изменения в значительной степени этого не отражали. И действительно, здесь я согласен с авторами, пандемия в этом смысле дала своеобразный повод вернуться к этому вопросу.

Чтобы не разбегаться по множеству тем, я, пожалуй, затрону одну в этой связи – это взаимодействие экономических политик, в частности, бюджетно-налоговой и денежно-кредитной. Мы видим, что и та, и другая политика в развитых странах характеризуется беспрецедентными стимулами, которые даже несопоставимы по величине со стимулами во время глобального экономического и финансового кризиса. С одной стороны, это понятно – есть положительные внешние эффекты. При этом страны с формирующимися рынками в большинстве своем на стимулы подобного масштаба не пошли, но они получили положительные стимулирующие эффекты от других стран.

Мы прекрасно знаем, что есть и негативные внешние эффекты, и мы наблюдали их уже во время окончания политики количественного смягчения США на предыдущем этапе. По сути дела, во многом они связаны с нестабильными международными потоками капитала и отсутствием их регулирования на глобальном уровне. Еще один важный вопрос, который затронут, – это незавершенность реформы мировой финансовой системы. Определенные успехи были сделаны, но фактически не был затронут рынок ценных бумаг, который создал своеобразный межсекторальный арбитраж и, по сути, он до сих пор приводит к периодическому надуванию ценовых пузырей. Яркий пример – фондовый рынок США, и мы снова наблюдаем ту же самую картину во время нынешнего

стимулирования. И это один канал, по которому уходит ликвидность, поступающая от Центрального банка. Второй канал: идет ускорение инфляции, причем, неравномерное. Ускорение инфляции идет главным образом в США. В еврозоне и в Японии такого ускорения инфляции нет. Это ускорение выходит на товарные рынки, где мы частично получаем позитивные стимулы в виде роста сырьевых цен.

В конечном итоге понятно, что общий баланс для стран с формирующимися рынками в более длительной перспективе, скорее всего, будет отрицательным, потому что ясно, что произойдет ужесточение политики. Мы прекрасно помним, чем оно заканчивается, а именно – оттоком капитала из стран с формирующимися рынками.

Это может казаться не столь актуальным, потому что нынешний кризис не носит финансовой природы, в отличие от предыдущего, но необходим возврат к реформе мировой финансовой системы, и в том числе к структуре мировой финансовой архитектуры и представленности в ней различных групп стран.

Импонирует акцент на бюджетно-налоговой политике, который есть в докладе, потому что это инструмент, который влияет непосредственно на те ключевые проблемы, о которых идет речь. Я имею в виду, прежде всего, неравенство, и второе – это структура экономики. С другой стороны, здесь есть существенный ограничитель, не замечать которого мы не можем, а именно – нарастание долгового бремени. Только за этот пандемийный год, по оценкам Moody's, в среднем, с 88% ВВП до 150% ВВП возрос государственный долг по всему миру. Все остальные секторы тоже нарастили свой долг, но в меньших пропорциях, чем государственный долг. Понятно, что некоторые страны страдают в большей степени, но надо заметить, что это не только наименее развитые страны, на которых сосредоточили свой акцент международные сообщества. Безусловно, им нужно помогать, их нужно спасать, но глобальные проблемы возникают не в них.

Глобальные проблемы возникают в развитых странах. И здесь как раз – большая проблема, потому что, естественно, сейчас стоимость обслуживания долга низкая в связи со стимулирующей денежно-кредитной политикой, но ее прекращение приведет к повышению стоимости обслуживания долга и к возвращению долговой проблемы, в том числе и в развитых странах.

В связи с этим для меня возникает большой вопрос. На этот вопрос нет ответа в докладе. У самого меня сейчас нет ответа.

Данильцев: Самое главное в докладе – это идея о необходимости согласованных и скоординированных действий в рамках глобального мира. Это очень важный момент, потому что в последнее время мы, кажется, все немножко опустили руки – противоречия не разрешаются, не можем договориться. Мне кажется, нужно противодействовать этой тенденции, и очень важно добиваться именно многосторонних договоренностей и укрепления этого фактора многосторонности.

Теперь по некоторым пунктам.

Первое. Уже который кризис, как минимум второй, с которым мы не можем разобратся до конца. Если вспомнить кризис 2008 года, каким он был по природе, его так и не реши-ли окончательно. Наверное, необходимо нам как специалистам обратить на это внимание в теоретическом смысле.

Какие вопросы были затронуты? Коротко. Проблема развивающихся стран. Здесь требуется довольно серьезное изменение подходов, поскольку их роль существенно возросла, но должна возрасти и ответственность. То есть необходимо способствовать тому, чтобы возросла роль развивающихся стран в принятии таких глобальных многосторонних решений. Однако для этого их нужно дифференцировать. Понятно, что понятие «развивающиеся страны» уже не совсем актуально. Здесь было бы очень важно, чтобы такая организация, как ЮНКТАД, взяла на себя инициативную роль именно формирования нового подхода и новой практики.

АЛЕКСАНДР ДАНИЛЬЦЕВ

«Не хотелось бы, чтобы благородная идея защиты климата и вообще планеты трансформировалась в какие-то противоречия, новые торговые войны и так далее. Поэтому здесь единственное лекарство – это многосторонние договоренности»

Второе: экологические проблемы. Не хотелось бы, чтобы благородная идея защиты климата и вообще планеты трансформировалась в какие-то противоречия, новые торговые войны и так далее. Поэтому здесь единственное лекарство – это многосторонние договоренности.

Следующее. Ключевой вопрос – это увеличение роли государств и правительств. Мне кажется, проблема здесь есть, и принципиальная, а именно в том, какими должны быть формы повышения роли государств и их влияния. Усиление регуляторики, международного сотрудничества, пожалуй, бесспорны. Но деятельность государства непосредственно в реальном секторе сомнительна.

Еще одна проблема: не превратится ли рост роли государств в гонку бюджетов, в соревнование бюджетов. Это тоже, как мне кажется, существенный риск для мировой экономики и, возможно, новый источник противоречий. Не секрет, что, например, в той же Всемирной торговой организации существуют достаточно большие озабоченности, например, в отношении Китая.

О корпорациях. Полностью согласен с оценкой тех опасений и рисков, которые существуют в регулировании их деятельности. Важнейшие вопросы – достижение договоренностей в IT, в международной электронной торговле.

И последнее. Здесь было сказано о кластеризации. Хотел бы немного добавить. Возможно, следует говорить не о кластеризации, а о риске фрагментации глобального рынка. Необходимо обратить внимание на выработку тех шагов и политики, которые позволили бы избежать этих рисков, тем более что они могут быть очень жестко закреплены не только экономически де-факто, но и юридически, и политически, и технологически, что является действительно существенным риском для будущего.

Дынкин: Я хотел бы Вас поддержать, потому что если посмотреть на технологии, то там уже стал общеупотребительным термин «балканизация технологий», когда идет очевидная война стандартов – и по сетям 5G, и по вакцинам. Недавно китайцы запретили въезд автомобилям Tesla на государственные предприятия, потому что камеры передают информацию известно куда, и этот запрет ограничивает рынок Tesla, конечно, в Китае, на рынок которого у Tesla были особые надежды. Если посмотреть на статистику мировой торговли текущего года, то Китай очевидно давит все экспортные державы – и Германию, и все остальные, причем на двузначные числа увеличивает свои доли на мировых рынках.

Ведев: Без сомнения, пандемия – это шок и для спроса, и для предложения, и я не вижу, например, каких-то принципиальных структурных изменений, которые произошли на рынках из-за пандемии и которые оказали бы какое-то влияние в дальнейшем, потому что, понятно, что изменилось: сократился туризм, структура потребления услуг тоже изменилась, возросла норма сбережения. Это все достаточно стандартные вещи. И здесь вопрос, конечно, состоит в том, что за этот шок кто-то должен заплатить. Как правило, государство. Цена разная, потому что коль скоро в первую очередь кризис пандемии затронул сферу услуг и малый бизнес, соответственно, и цена вопроса варьируется по разным странам.

Например, если в Южной Европе примерная доля малого и среднего бизнеса в ВВП составляет 70%, в Соединенных Штатах Америки – 53%, в России – лишь 20–21%, то понятно, что и потери в России меньше. И в общем, на мой взгляд, почему Россия так хорошо вышла по сравнению с другими странами из кризиса, тоже понятно: потому что непрерывные производства крупных предприятий не прекращали работать. Поэтому 3% – это прекрасный результат.

Конечно, риск состоит в том, что экономика крупных предприятий немного упадет, в том, что коррекционный рост 2021 года закончится и мы опять выйдем на стагнационный тренд в следующем году. На мой взгляд, проблема осени 2021 года будет такой же, как и проблема 2019 года, – это проблема низкого ВВП. Если вы помните, в 2019 году предполагалось, что в 2020-м мы должны расти темпами больше 3%, и для экономических ведомств стало очевидно, что этого не произойдет. В этом году буквально на днях был опубликован среднесрочный прогноз Банка России, а также Минэкономразвития в рамках бюджетного процесса, и мы видим эту конфликтную, на мой взгляд, ситуацию. Базовый вариант по версии Минэка до 2024 года – это рост 3%, консервативный – это где-то 2% с небольшим. Но при этом условия для реализации консервативного сценария – это абсолютно базовый вариант развития экономики по версии Банка России. Это означает некое разночтение либо смещение в ближайшие 3 года к фоновым ростам на уровне 2–3%, хотя, возможно, это слишком оптимистично. То есть так или иначе мы должны помнить, что боролись 2 года с кризисом, но пока ничего не сделали для того, чтобы увеличить потенциально ВВП, скажем, с 1,7–1,8% хотя бы до 2,5%. Я думаю, что это будет ключевой риск для российской экономики в ближайшие 2–3 года.

Порфирьев: Я остановлюсь на двух позициях.

Первое – это то, что касается самой пандемии. В докладе содержится утверждение о том, что политические лидеры стран с развитой экономикой еще не осознали масштаб и силу потрясения кризиса пандемии для развивающихся стран. Я с этим солидарен. Такое впечатление, что политические лидеры развитых стран не в полной мере осознали этот кризис и для себя. Я приведу только одну цифру: из общего числа переболевших не менее 10% переболели тяжело. По данным британской статистики за 2020 год, из этого количества 30% умерли. Это было еще до того нашествия «Дельты», не говоря про «Йоту». Что предстоит, мы еще не знаем.

Наилучшие прогнозы по вакцинации для развивающихся стран, получения ими вакцин – это конец 2023 года, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но хотел бы еще раз обратить внимание на то, что политическими лидерами развитых стран эти вещи недостаточно осознаны, и об этом говорит их риторика, частенько употребляющая такие выражения, как «постпандемический период», который уже начался и так далее, и так далее. Ничего похожего, как мы знаем, не происходит.

Второй момент, на который хотел бы обратить внимание, один из ключевых моментов в докладе – это вопросы, связанные с зеленой повесткой и энергетическим переходом.

Безусловно, без системных реформ реализация этого курса не реальна. Об этом говорят и Парижское соглашение, и Конвенция ООН об изменении климата, которые ставят решение климатических и экологических проблем в контекст достижения целей устойчивого развития во всем их многообразии.

Также согласен с тем, что новая парадигма, говорящая о том, что энергопереход и тренд на декарбонизацию должны вовлекать в себя моменты обеспечения, справедливости и инклюзивности, сама еще под большим вопросом. Хотел бы обратить внимание на то, что стратегии декарбонизации, которые предлагаются сегодня развитыми странами, далеки от вопросов справедливости и тем более вопросов инклюзивности, по крайней мере именно в экспортном варианте стратегии. Если же брать внутренний вариант стратегии, в частности, ту стратегию, которую предлагает правительство Байдена, то она, конечно, безусловно, инклюзивна, потому что в основе американской зеленой повестки лежит решение проблем занятости.

Вместе с тем обратил бы внимание на то, что когда предлагаются рецепты в отношении той же климатической повестки, такой тезис, что безотносительно темпов роста США, Китай и Европа должны сократить выбросы, убрать уголь и газ и построить инфраструктуру для энергетики, то ничего, кроме оторопи, такие рецепты не вызывают.

В докладе содержится цифра о том, что для энергоперехода в среднем необходимы капиталовложения примерно на уровне 2–3% ВВП на горизонте предстоящих 30 лет.

Понятно, что уровень фронтальных инвестиций будет гораздо выше – не меньше 3–4% ВВП как минимум. В то же время прогнозы, которые содержатся в том же докладе ЮНКТАД о перспективах динамики развития государств (Европа – 1,28%, США – 2,22%, и только КНР – 4,6%), показывают прирост экономики, который съедается этими капиталовложениями.

Из доклада не совсем ясно, учитываются ли расходы и затраты на абсорбцию, поглощение. В докладе довольно мало внимания уделяется собственно экологической повестке как таковой, касающейся особенно вопросов биоразнообразия, которые являются исключительно важными и которым развитые страны сейчас уделяют особое внимание. Приведу в пример Западную Европу, чтобы не быть голословным, которая в начале этого года приняла новую стратегию биоразнообразия в контексте как раз так называемой «зеленой сделки», о которой говорят как о стратегии, нацеленной на снижение выбросов, поскольку в ней содержится как минимум 8 центральных документов, которые вовлекают в себя и новую промышленную политику, и много другого важного.

Представляется очень важным принять во внимание тезис о том, что темпы энергоперехода и реализации «зеленых» повесток должны быть адаптированы к обстоятельствам и условиям конкретной страны.

Рязанцев: Разрешите представить взгляд со стороны демографов, которые, вероятно, имеют право внести какой-то элемент в данную работу.

Можно только солидаризироваться с коллегами, которые уже высказывали позитивное мнение относительно того тезиса, в котором предлагается перезагрузка политических отношений. Представляется весьма ценным еще и региональный срез доклада.

Россия и Казахстан представлены в третьем параграфе доклада, может быть, не столь ярко, как хотелось бы, тем не менее они упоминаются. Есть возможность посмотреть также тенденции в ЕАЭС, что немаловажно. Импонирует, что авторы затрагивают новые риски: проблему голода, которая, очевидно, в ближайшей перспективе станет реальностью для ряда государств и обществ, и, конечно, климатические риски, которые уже упоминали мои коллеги.

В качестве пожеланий и рекомендаций со стороны демографов подчеркнем важность рассмотрения неравенства в социально-демографическом отношении. Солидарен с предыдущими коллегами, которые говорили о том, что неравенство существенно повлияло на смертность. Мы потеряли в России два года ожидаемой продолжительности жизни. По примерным оценкам, произошло 600 000 «лишних» смертей. Это катастрофическая ситуация, потому что усугубляет депопуляцию. Кроме России в такой же ситуации оказался ряд стран, где депопуляция набирает обороты.

Второй тезис, который можно было бы более четко рассматривать: стагнация миграции, которая может служить кровотоком экономики. Очевидно, что локдауны, визовые режимы новой волны парализовали трудовую миграцию, туризм, коммерческие миграции.

Я недавно, летом, выезжал в экспедицию в Благовещенск. Граница с Китаем закрыта, что больно ударило по трансграничной торговле, которая до сих пор в этом регионе обеспечивалась так называемыми челноками, или компаниями, которые связаны с розничной торговлей, рынками в регионах Дальнего Востока.

СЕРГЕЙ РЯЗАНЦЕВ

«Мы наблюдаем стагнацию миграции, которая способна служить кровотоком экономики. Очевидно, что локдауны, визовые режимы новой волны парализовали трудовую миграцию, туризм, коммерческие миграции»

Третий тезис – сжатие занятости для тех групп населения, которые я упоминал. Это прежде всего трудовые мигранты. Работодатели сегодня в России кричат во все возможные рупоры о том, что нужна рабочая сила на объекты и предприятия, которые испытывают острый дефицит трудовых ресурсов.

Конечно, позитивный тренд был упомянут совершенно справедливо коллегами: система здравоохранения оказалась устойчивой. У нас не так плохо, как могло быть. И вакцинация, которая проведена в России, и вакцина, которая разработана, являются нашими преимуществами.

Дынкин: Хотел бы Вас поддержать, потому что считаю, что сегодня инфляция имеет не монетарные причины, а происходит именно вследствие того, что спрос на рынке труда далеко оторвался от предложения.

Недавно московское правительство заявило, что только в Москве не хватает 200 000 работников. Если спрос далеко опережает предложение на рынке труда, значит зарплаты отрываются от производительности труда, и это становится весомым инфляционным фактором.

Ершов: В докладе сказано, и это сразу бросается в глаза: в разных странах возросла роль государства.

Мы прогнозировали, что все экономики будут менее рыночными, повсеместно появится регулирование и управление, будет возрастать роль государства и регулятора в целом. Пандемия сделала более рельефным то, что мы наблюдали. В нынешних условиях, как сказала сегодняшняя докладчица из ЮНКТАД, были пересмотрены доктрины экономического развития. При этом у нас историческое событие – 50-летний юбилей Бранденбургской валютной системы и одновременно ее пересмотр, когда фиксированные курсы стали плавающими, произошли радикальные изменения. О необходимости изменений в этой системе сегодня говорилось неоднократно.

В докладе привлекло внимание утверждение, что экономический рост поддерживается фискальными мерами. Дальше еще более настораживающий тезис: рост продолжится, если текущая политика поддержки сохранится. Без текущей политики поддержки проблема с ростом будет такая серьезная, что он может не продолжиться? Мы задаемся вопросом: ситуация столь сложна, что только такими мерами можно ее поддерживать? Сегодня звучала мысль о необходимости координации денежно-кредитных и бюджетных подходов. В докладе говорится, что центральные банки являются государственными учреждениями, уполномоченными

создавать кредит. Государственными учреждениями? Оговорка по Фрейду? Мы знаем, что ФРС – это не госучреждение, акционерами ФРС являются крупнейшие коммерческие банки США.

Возникает другой аспект взаимодействия, означающий, что эти коммерческие банки, таким образом, заинтересованы посредством ФРС создавать нормальную систему координат и для себя, и для экономики, потому что чем сильнее экономика, тем больше возможностей для самих банков. И поэтому тот самый давнишний тезис – и наш, и мировой – частного-государственного партнерства (ГЧП или ЧГП), наверное, приобретает другой ракурс через механизмы, где коммерческие акционеры госучреждений могут каким-то образом формировать благоприятную для себя среду.

В докладе говорится, что фискальные меры – важнейшие очаги долгосрочного развития, но, добавил бы я, для их эффективного использования необходимы соответствующие механизмы.

Дальше цитата Владимира Владимировича Путина, президента РФ, из Послания Федеральному Собранию РФ: «Для уверенного роста необходимы инвестиции, и экономике нужны длинные деньги. Это прямая ответственность Банка России».

Теперь данные не из доклада, но из материалов Мирового банка и из материалов ОЭСР, очень симптоматичные и наводящие на многие серьезные и важные выводы по экономической политике. Посмотрим, какая доля национальных госбумаг в каждой из таких экономик, как Япония и США, находится на балансе национального Центрального банка. Например, в Японии – 50% с лишним. Весь госдолг Японии – это огромная величина, и половина этого объема – триллионы йен – куплены и находятся на балансе Банка Японии. Банк Японии госбумаги купил, экономика получила длинные, до 40 лет, ресурсы и начинает развиваться с помощью этих ресурсов. Это не вторичный рынок, где купили банки, компании, население – то есть, они купили, и деньги перетекли из одного места в другое. Здесь вступил в игру эмиссионный центр – Центральный Банк. И точно такая же практика в развивающихся странах. Треть всего огромного рынка гособлигаций США, казначейских облигаций находится на балансе ФРС США.

Что дают такие подходы странам в контексте перспектив поддержки экономики? Расширяют возможности финансирования госрасходов, соответственно, значительно смягчают проблемы бюджетных оптимизаций, которые стоят перед нами во всей остроте, значительно облегчают проблему налогового маневра, который стоит перед нами многие последние месяцы и годы.

Успех будет зависеть от того, насколько согласованными будут действия по восстановлению экономики. Да, этот тезис однозначно поддерживаю. И между странами, и между группами делового взаимодействия внутри стран. Чем более отлаженными будут эти подходы, тем успешнее, эффективнее будет обеспечено решение тех проблем, которые перед нами стоят. Требуется взаимодействие по вертикали и горизонтали, потому что неординарность текущей ситуации требует, чтобы подходы были многовекторными и неординарными.

Масленников: У меня впечатление, что доклад можно уместить в двух заголовках, двух тезисах: первый заключается в том, что, действительно, глобальный макросветофор сегодня горит на мерцающем желтом, а второй – о том, что все находится в подвешенном состоянии, но при этом каждый пытается болтаться поодиночке. Это один вариант развития.

Второй вариант развития того же события: все остальные мешают двигаться одному. И в такой ситуации выходит любопытный, интересный, эмоциональный, тревожный доклад.

Я вспоминаю эту же аудиторию в 2019 году, и тогда обсуждающие пришли к точке зрения, что 2019 год, конечно, непростой, но экономический цикл входит в завершающую стадию, это мировой глобальный цикл, у нас осталось примерно 40–45% вероятности, что кризис начнется в 2019 году. Пришла пандемия COVID-19, и сроки отодвинулись. На какое время – это принципиальный вопрос на сегодняшний день.

Эффект отскока, восстановительный эффект и эффект низкой базы 2020 года уже исчерпаны, торжество – это неотвратимая реальность, она практически наступает во всех мировых экономиках, прогнозы участников рынка говорят о том, что количество пессимистов потихонечку выравнивается с числом оптимистов. И при этом большая часть указывает на то, что глобальная инфляция – это ключевой риск ближайших нескольких кварталов. Вышел последний опрос Bank of America Merrill Lynch: 24% опрошенных управляющих инвесторов высказали, что это главный риск, то есть он занимает первое место. Возникает любопытная ситуация с глобальной инфляцией. В прошлом году произошло вливание 25 трлн долларов дополнительной ликвидности: 16 – по линии минфинов, 9 – по линии центробанков. Каких же результатов можно было ожидать? Чудес не бывает. В мировой экономике при таком давлении происходит инфляционный скачок. В базовых сценариях говорится о том, что скорее всего кризиса не будет, инфляция – это временное и локальное явление. Авторы доклада исходят из той же гипотезы.

Тем не менее реальность, как мне кажется, несколько иная, потому что далеко не очевидно, что инфляционный скачок – это временное явление, возможно, это некая среднесрочная монетарная реальность, с которой придется жить долго, в том числе в связи с энергопереходом, который в случае ряда обстоятельств и «стечения планет» может сыграть роль мощного длительного проинфляционного фактора. Произойдет удорожание ресурсов, затем потребуются инвестиции на альтернативные зеленые повестки и так далее.

Есть практическая ситуация конца сегодняшнего года. Федеральная резервная система будет повышать ставку или нет? Это хороший вопрос. У нас, кстати, Центральный банк совершенно четко высказался в своем базовом сценарии, что повышение ставки ФРС в следующем году неотвратимо.

Пафос доклада в том, что контрциклическая политика – это не совсем хорошо. Мне думается, что это не вполне корректная постановка вопроса, потому что регуляторы тяготеют, в силу расширения государства в экономике, именно к контрциклической политике. Другое дело, что она должна получать глобальное измерение, которого нет. На мой взгляд, в ближайшие несколько месяцев явного драйвера к формированию многосторонних механизмов предотвращения приближающегося кризиса наблюдаться не будет.

С другой стороны, нарабатан опыт: мягкие форматы типа эмиссии СДР, возможная реализация антиковидных инициатив МВФ, Всемирного банка, ВТО и ВОЗ, которые согласованы. Все это в совокупности создает некий питательный бульон, из которого может вырасти новый формат многостороннего регулирования, многосторонней координации, но который уже будет ответом на действительно серьезные циклические стрессы.

Портанский: Скажу о том, чего мы не услышали в докладе.

Первый момент – это соперничество Соединенных Штатов и Китая. Сегодня в мире нет другого более серьезного фактора, который оказывал бы столь же серьезного воздействия на глобальную экономику. Понимаю, почему ЮНКТАД, возможно, решил об этом не говорить: такой уважаемый институт, как ЮНКТАД, конечно, руководствуется соображениями политкорректности. Однако независимые исследователи могут себе позволить говорить об этих вещах.

Напомню, что в период торговых войн 2018–2019 годов США и Китая, по данным Международного валютного фонда, замедление роста мирового ВВП составляло полпроцента. Это очень серьезный показатель для мировой экономики. Есть еще такое понятие, как железный занавес, который

НИКИТА МАСЛЕННИКОВ

«Мы наблюдаем глобальную инфляцию. В прошлом году произошло вливание 25 трлн долларов дополнительной ликвидности: 16 – по линии минфинов, 9 – по линии центробанков. Каких же результатов можно было ожидать? Чудес не бывает»

опускается над миром в результате соперничества двух интересов и технологического раскола. Это идея одного из бывших министров финансов Соединенных Штатов.

В мире серьезно воспринимается ситуация, связанная с глобальным противостоянием двух держав. Сейчас, после ухода Трампа, это менее остро выглядит, но противоречия, которые между ними существуют, никуда не ушли.

Китай к 2030-му, к 2049 году, к концу столетия будет стремиться выйти на первое место как экономическая держава, что для Соединенных Штатов абсолютно неприемлемо, поскольку более 100 лет они являются ведущей державой. Таким образом, противостояние будет проявляться так или иначе, и глобальная экономика будет от этого зависеть, и от этого никуда не уйдешь. Поэтому, как мне кажется, в докладе так или иначе этот вопрос должен быть отражен.

Второе. Постараемся, с вашего позволения, заглянуть в завтра. Завтра, то есть через 5 или 7 лет о такой категории, как экономический рост, наверно, заговорят уже по-другому.

Вероятно, многие уже слышали о том, что нам необходимо переосмыслить концепцию экономического роста. Сегодня концепция основана исключительно на чудовищной эксплуатации ресурсов – нефти, газа и так далее. При этом мы живем, как говорят, в эпоху антропоцена, когда активность человека достигла такого уровня, что влияет на экосистему планеты. И это не может долго продолжаться. Поэтому и требуется переосмысление самой концепции экономического роста. Я почти уверен, что через 2–3 года в документах международных экономических институтов, в том числе ЮНКТАД, так или иначе появится новый подход к экономическому росту. На сегодняшний день это, безусловно, фетиш, который в документах и МВФ, и Всемирного банка, и ЮНКТАД присутствует в неизменном виде, как и 50 лет назад, и 60 лет назад. Но мы движемся к его серьезному переосмыслению.

Дынкин: Ваши комментарии по поводу экономического роста нужно зафиксировать и проверить через пару-тройку лет. Я не уверен, что Вы правы, но я полагаю, что в Ваших рассуждениях есть истинные основания, потому что если посмотреть сегодня на ведущие экономики Европейского союза, там, скорее, говорят не о темпах роста, а об удержании достигнутого качества роста, с точки зрения экологии, здравоохранения, образования, относительно занятости и так далее.

Нигматулин: Я сейчас хотел бы выступить против тезиса о том, что мы лучше всех пережили ковид.

По приросту смертности населения на тысячу человек, на миллион человек мы на первом месте в мире. У нас в 2020 году на тысячу человек прирост – 2,2, в Европе – около 1, в Соединенных Штатах – 1,5. В 2021 году прирост, по прогнозам, будет 3.

Это связано с тем, что у нас рухнула система здравоохранения при лечении, в частности, «обычных» болезней. С другой стороны, конечно, наука действительно сделала, наверно, лучшую вакцину. Еще одно обстоятельство. Многие связывают эту пандемию с глобальным потеплением.

И здесь хочется напомнить, что еще 15 лет назад, когда мы делали доклад «Океан – это диктатор климата», мы говорили, что одно из возможных тяжелейших последствий – это возникновение бактериальных и вирусных пандемий.

Многие специалисты эту пандемию сравнивают с мировой войной, потому что наш враг – вирус – становится все коварнее и коварнее. По словам академика Гинзбурга, автора нашей выдающейся вакцины, вакцина работает полгода, через полгода нужно ревакцинироваться. Более того, вакцина лучше предохраняет, то есть дает более сильный иммунитет, чем у человека, который переболел. Так что имейте это в виду. В Америке президент уже говорит об обязательной вакцинации государственных служащих. Почему? Если это мировая война, то каждый человек, который не вакцинировался, создает среду для размножения этого вируса. А вирус становится коварнее. Если раньше он действовал в межклеточном пространстве в основном, то сейчас он научился бурить мембраны и из клетки переходит в клетку. Следовательно, нужна новая стратегия лечения этой болезни и вакцинирования, потому что вакцины были в основном ориентированы на межклеточное пространство. Таким образом, мы находимся в критическом состоянии в области здравоохранения. Наше здравоохранение неспособно справиться и не справляется со всеми вызовами. И у нас из-за этого рекордный рост смертности.

Несветайлова: Я получила невероятное удовольствие от дискуссии, от вашего внимания к докладу, и, что не менее важно, от самой аудитории. Это уникальное собрание экономистов. Очень редко можно собрать такое сообщество экспертов в одной группе.

Российские ученые рассматривали риск пандемии за несколько лет до нее. Об этом говорил Александр Александрович Дынкин. Это уникальный случай с точки зрения планирования на государственном уровне. Очень немногие государства могут себе позволить компетентное, комплексное, сложное планирование в политэкономии

рисков. В этом состоит уникальное преимущество Российской Федерации, которое должно быть использовано в будущем.

Елена Владимировна Панина сказала о том, что непонятно, что делать России на данном отрезке времени и к какой группе стран она относится. Официально ООН сейчас переименовал разные группы стран, и официально Россия включена в группу развитых стран мира. Наверное, это только усложняет задачу выработки решений и выбора экономических идей, но официальная линия такова, что Россия сейчас находится в одной группе с развитыми странами.

АНАСТАСИЯ НЕСВЕТАЙЛОВА

«Технологические эксперты, новые специалисты, буржуазия, предприниматели и даже некоторые представители развивающихся стран говорят о том, что мы будем жить в очень частной, в очень фрагментированной экономике, когда нам не будут нужны национальные валюты, когда мы сможем жить по законам криптовалюты, нам не будет нужно государство»

Трудно отвечать на все комментарии, это невозможно, но я хотела бы отметить один контраст, или, вернее, даже два.

Есть экологическая тема, которую вы рассматривали как очень важную. И наш ответ как ЮНКТАД: во-первых, экологическая катастрофа, риски, пути решения неотделимы от экономических и финансовых путей решения этих проблем.

Экология не параллельна, она находится внутри индустриальной политики, финансовой политики, она сейчас формирует очень много ожиданий на финансовых рынках. Поэтому наша линия состоит в том, что это не дополнение к основной повестке дня, а это и есть долговременная повестка дня к уровню устойчивости или к устойчивому развитию.

Во-вторых, я хотела бы ответить на тезис о несвоевременности. Кто-то из комментаторов сказал, что сейчас, может быть, не самое оптимальное время, сразу после кризиса, когда мир так хрупок и еще, наверно, разрознен, пересматривать какие-то международные соглашения или пути.

Есть, с одной стороны, идеи, которые изложены в докладе, есть идеи, которые доклад «молча» поддерживает. Многие мысли прописаны красной линией – это идеалы, и нам очень хотелось бы, чтобы они были серьезно восприняты на всех уровнях политики. Но есть еще такой уровень экстремизма в нынешнем кризисе постпандемическом, когда о роли государства говорят уже очень мало, когда технологические эксперты, новые специалисты, буржуазия, предприниматели и даже некоторые представители развивающихся стран говорят о том, что мы будем жить в очень частной, в очень фрагментированной экономике, когда нам не будут нужны национальные валюты, когда мы сможем жить по законам криптовалюты, нам не будет нужно государство, мы сможем жить в абсолютно частных «карманах» социоэкономической реальности, и, вероятно, технологии открывают воз-

возможности для такого очень фрагментарного существования. Если рассмотреть такой риск как реальный, то мне кажется, что абсолютно нельзя упускать возможность самого серьезного диалога на межгосударственном уровне, на мировом уровне, на партнерском уровне о новой многосторонности или новой многосторонней системе.

Очень интересно было послушать демографов и социологов. Мы учтем пожелания и будем рады работать вместе.

Дынкин: Мы прекрасно понимаем политическую корректность докладов Организации Объединенных Наций. Мы не связаны за этим столом этими рамками, поэтому я думаю, что вы понимаете некоторую остроту нашей дискуссии.

Завершая наш разговор, я скажу, что он был исключительно интересен, и очень много дельных мыслей было высказано. Если посмотреть в будущее, экономистам надо привыкать к тому, что и мировая экономика, и национальные экономики будут впредь существовать в условиях действия экстернатальных шоков.

Прежде всего, это пандемии, это климатические изменения, которые, как мы с вами убедились, ведут к пожарам. Все видели эти пожары в Сибири, в Якутии, в Калифорнии, в Испании.

Выбросы CO₂ в результате этих пожаров, на мой взгляд, далеко превосходят выбросы в некоторых столицах европейских государств, которые хотят переселиться на электричество.

Третий экстернатальный шок, который я вижу, к сожалению, это региональные конфликты. В ближайшее десятилетие количество региональных конфликтов будет увеличиваться.

Второе соображение, которое вызывает у меня некий когнитивный диссонанс: в докладе справедливо утверждается, что пандемия привела к колоссальному росту роли государства. Все с этим согласны. Но как тогда возрастает диктат корпоративных элит? Как сочетается одно с другим? У меня не очень складывается одно с другим.

Если мы говорим об энергопереходе, было три таких энергоперехода, от биомассы, дров, – к углю, от угля – к нефти, от нефти – к газу, и каждый из этих переходов был результатом межтопливной конкуренции, когда тот энергетический ресурс, который был более конкурентным на рынке, побеждал.

Нынешний четвертый энергопереход навязывается и общественным мнением, и политическими силами, поэтому рассуждения о том, что в этой проблеме есть огромная лакуна с точки зрения энергетической эффективности, на мой взгляд, справедливы.

Кроме того, с корпорациями делают что хотят. Если взять классические углеводородные корпорации, то судебные иски управляют корпоративными стратегиями, общественность диктует акционерам повестку, стратегию этих корпораций.

Поэтому корпорации, с моей точки зрения, не во всех секторах (в IT – конечно, нет) – находятся под очень сильным давлением. И говорить о том, что корпорации – это безжалостные монстры времен начала капитализма, первоначального накопления, с моей точки зрения, – очень большое заблуждение.

Бодрунов: Я хочу еще раз подчеркнуть, что разделяю пафос доклада наших коллег из ЮНКТАД и хотел бы сказать, что пандемия открыла нам глаза на текущие накопленные проблемы, негативные тенденции, дисбалансы в мировой экономике, развитие которых может и способно привести к эскалации кризисных явлений и в мировой экономике, и в международных отношениях. Доклад справедливо и обоснованно ставит вопрос о необходимости солидарных действий стран, подчеркну еще раз, стран, народов – для восстановления экономики, достижения целей устойчивого развития, стабильности и предотвращения экономических провалов в случае возникновения кризисных ситуаций.

Можно и нужно согласиться с идеей доклада о необходимости соответствующего пересмотра нынешних представлений, норм, механизмов, практик, деятельности международных институтов, самих, собственно говоря, международных институтов. Чтобы мы укрепились в уверенности, которую передает фраза известного американского политика Джорджа Буша: «Завтра будущее будет лучше».

Уважаемые коллеги, подлинная реализация позитивных идей, заложенных в докладе, очень важна. В данном аспекте обсуждение получилось, на мой взгляд, и активным, и достаточно продуктивным, и весьма квалифицированным.

Я выражаю благодарность всем участникам дискуссии.

FROM RECOVERY TO RESILIENCE: HANGING TOGETHER OR SWINGING SEPARATELY?

*Based on the presentation of the report by the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD).
September 15, 2021. Moscow, 22A Tverskaya St., House of the Economist*

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the International Union of Economists,
President of the Free Economic Society of Russia
(VEO of Russia), Director of the Witte Institute for
New Industrial Development, Doctor of Economics,
Professor*

Bodrunov: Good afternoon, dear colleagues! I am pleased to welcome you to the presentation of the UNCTAD Trade and Development Report (UNCTAD stands for “the Conference on Trade and Development”), which is being held synchronously in all global capitals today.

We do appreciate the tradition of choosing the International Union of Economists as a venue for the annual presentation of the UNCTAD report in Russia. The International Union of Economists is an organisation that celebrates its 30th anniversary and has been in the General Consultative Status with the United Nations Economic and Social Council since 1999. It is worth noting the share of public organisation enjoying this status is at minimum and accounts for 1% of the total number of non-profit organisations in the world that have been granted such a status. This is what makes our organisation unique in Russia and throughout the post-Soviet territory. We are aware of high responsibility arising out of this position to the Russian and international community, the Russian Foreign Ministry, and the UN.

I would like to thank the UN Information Centre that has initiated and arranged this presentation in cooperation with the International Union of Economists.

Dear colleagues! The Trade and Development Report is rightfully considered to be one of the most prominent publications of the United Nations Conference on Trade and Development and contains an insightful analysis of risks that the global economy is exposed to, as well as specific measures required to be taken to ensure sustainable economic development globally. I would like to point out that there is growing interest in the Report among scientists, experts, government agencies, business community members, and the media with each passing year.

Today, we are enjoying the company of leading Russian scientists and experts, UNCTAD representatives, our colleagues from the National Duma of Russia, the Federation Council, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the Eurasian Economic Commission, the Federal Agency for CIS Affairs, Compatriots Living Abroad and International

Humanitarian Cooperation, and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation who has joined to us both online and offline.

This year's topic is "From Recovery to Resilience: Hanging Together or Swinging Separately?" The COVID-19 pandemic has added some unpredictability to the global economy, questioning the progress made over several decades in terms of sustainable development and also exacerbating accumulated issues. Among other things, I mean a high level of poverty, an unprecedented inequality gap not only for certain strata, but also for entire countries, when it comes to access to public goods.

The United Nations Department of Economic and Social Affairs that we are honoured to represent in Russia reported that 131 million people had dropped down the poverty line in 2020. Moreover, the pandemic has aggravated food insecurity. Today, according to the UN World Food Programme, 41 million people in 43 countries are living close to starvation. This is 7 million more than in 2019. So, we are coming close to the global food crisis.

At the same time, in the previous year, public expenditures on stimulating the economy per head were hundreds of times greater in advanced economies than in the least developed countries, while the per capita income in industrial societies was only ten times higher than in poor countries! I recite the data from the World Economic Situation and Prospects report by the UN, which also was presented here, at the venue of the International Union of Economists, in February this year. And the situation in that regard has not improved.

Such inequality only underscores the need for closer international cooperation, including debt relief for a vulnerable group of countries. If not, the poorest countries are forced to choose, whether they service their debts or invest into the provision of essential services to the public, as rightly outlined by António Guterres, Secretary-General of the United Nations.

Whether the world makes it all the way to the trajectory of sustainable development depends not only on how effectively governments will respond to the challenges of the crisis. The key issue has been put into the title of the UNCTAD Report this year. How are we supposed to address the problems catalysed, but not caused, by the pandemic? Together, jointly or separately? The choice we have to make will define the dynamics of the global economy and prospects for achieving the well-known UN Sustainable development Goals to a large extent. The answer to this question is essential for all countries, and it is of particular importance for Russia. Hopefully, we'll manage to get closer to understanding the ways to solve it in the course of the presentation and discussion of the Report.

*Alexander Alexandrovich Dynkin,
President of the Institute of World Economy and
International Relations (IMEMO) (Russian
Academy of Science), Member of the Russian
Academy of Science, Vice-President of the VEO of
Russia, Doctor of Economics, Professor*

Thank you, Sergey Dmitrievich, for outlining the Report. You have made my task much easier. I think we need to express gratitude to our colleagues from the United Nations Conference on Trade and Development and the UN Moscow office for the fact that the House of the Economist has become a traditional venue for the presentation of the UNCTAD Trade and Development Report. The exceptional status of the venue assigned to the International Union of Economists also appears from the fact that Moscow starts to discuss this important report an hour before the UNCTAD embargo expiration. It is also crucial due to the fact that this is one of the first Reports in the UN system, which is dedicated to the post-crisis recovery growth, which the world economy and, of course, the Russian economy are in today. You know, in the second quarter of this year, Russia's economy grew by more than 10%. However, it is evident that it resulted from the failure in the second quarter of 2020.

I would like to say a few words about the situation in Russia. Our country has managed to weather the storm in 2020 better than any other global crisis in post-Soviet history over the past 30 years. We have ensured that we have a developed and sustainable domestic market, a resilient banking system cleared of several hundred troubled banks, an adequate level of self-sufficiency in raw materials, energy, and food. With a minimum sovereign debt compared to other countries (ours is about 17%) and substantial gold and foreign currency reserves, we have managed to perform rearmament and re-equipment of strategic forces along forward-looking innovative pathways. You need to understand, it is quite expensive and capital intensive. Our national innovation system was the vaccine pioneer that made one of the best vaccines in the world. Later, a whole line of vaccines was created. And this is all under the conditions of 103 rounds of US sanctions alone.

In my opinion, the Report correctly outlines the hazard map as to post-crisis recovery. It describes increasing inequality between countries, between the North and the South, and within countries.

Another risk mentioned in the Report is addressing "corporate impunity". I believe that it primarily concerns digital giants. The conclusion to draw therefrom is trivial, namely a call for reducing carbon emissions in the post-crisis recovery phase, but this is just

a general statement that wanders from one international document to another. On my personal note, metastasised attention to the green transition has obscured the risk of a pandemic. The public, government agencies, and businesses were overwhelmed by the storm of low-carb alarmism and missed the risk of a pandemic that will remain for us for a long time.

Such international regulatory instruments as, let's say, the Maastricht Treaty, the Schengen Agreement, were cancelled. This speaks for the role of nation-states as a powerful anti-crisis tool. Both in the crisis and today, it has bolstered. And these talks about the state no longer playing a significant role, they have turned out to be, from my point of view, groundless.

*Anastasia Nestvetailova,
Head of the Department of Macroeconomics and
Political Development of UNCTAD, Geneva*

I would like to greet my colleagues in all the halls, especially in the Fireplace Room of the House of the Economist in Moscow. I would also like to acknowledge how qualified the participants of the presentation from the House of the Economist in Moscow are and how important the partnership of UNCTAD and the International Union of Economists is.

2021 is a remarkable year. On the one hand, it is eventful and quite shocking. On the other hand, it is interesting to compare the two paradigms of political economy. I would like to quote Ronald Reagan. It was a part of his inaugural address in 1981, "Once freed of government interventions and its economic maladies (so the message was), the economy will revive more vigorous, fair and productive". And there is a quote of Joe Biden, also from his inaugural address, "the trickle-down economics has never worked. And it is time to grow the economy, for the bottom and the middle out". They are opposite to each other. But what is interesting here? Reagan's message about a liberated economy, liberal markets, about how everything will be fine, productive, free and fair without government interference, quickly spread as a global one and was applied in many countries, including Russia. Will the same thing happen to Biden's message now? Will it become a new international standard? As correctly noted by the previous speakers, it is mainly up to us, to political figures, to the existing economic establishment and to how effectively and jointly we will act.

Here is the thing. After the recession of 2020, this year, the global economy will end up with a phenomenal growth of above 5%. This has not been observed for a very long time. This is the highest value in almost half a century. Many factors allow us to say: a misfortune may be a blessing in disguise. All the indices are increasing and recovering, including world trade in goods and

services. Inflation is being more or less hampered and has not reached the targets yet, although some regulators, the way I see it, including the Russian Federation, are now nervously watching the dynamics of prices. Financial markets are booming, the rich have become even wealthier. According to various estimates, their wealth has grown by 50–60% during the pandemic. Labour markets are recovering. So, on the one hand, we see a positive trend and all the prerequisites to say: we will build the economy anew and better. This motto has become a motivational slogan for recovery policies. At least for now. But how sustainable will this growth be, what will it bring in the long run? It's not clear yet, because the recovery is uneven. Unfortunately, there are deeply-rooted structural gaps between the North and the South, as well as rifts of regional, sectoral and social lines, including countries of developed capitalism, but this is even more noticeable in developing countries. Even without considering additional risks, it's obvious that the current global growth rate will decrease to 3.6% in 2022. Such a decrease will be based not only on structural factors, but also on the risks that we identify in the Report, the likelihood of certain political-economic decisions, and especially failures to make such decisions. These political "failures" to make decisions can be fatal for the opportunity available for the world community, political leaders, economic figures, and elites nowadays.

As I have mentioned already, this recovery is uneven and volatile. And this volatility is likely to intensify. Our experts from 30 countries have more than 120 various factors to be considered in calculations. This is why, perhaps, it might be interesting to bring up, for example, Russia's growth prospects for the next year in this discussion. According to our estimates, this is 4%. It also appears from the analysis of other world regions that medium-term and long-term growth rates will be modest. Some regions are particularly susceptible to adverse factors. Needless to say, such economies as the Chinese one take leading positions. However, if we look at the figures up to 2030, we obviously see regional discrepancies and gaps between the North and the global South.

The group of risks that we see is associated with political hesitation. If political leaders, especially in the countries of developed socialism, restore the economy in the form in which it entered the pandemic (and it entered with a fair share of malaise), then, of course, great opportunities for reconstruction, for sustainability, for comprehensive growth will be missed. If these risks come true, global income will be above 3% lower when compared to the pre-pandemic trend, and the expected loss for total income in 2022 will amount to more than \$13 trillion. This is quite a bit of money.

It is clear that developing countries are particularly vulnerable. They were affected even more than in the days of the global financial crisis of 2007–2009, since they suffered not only from the pandemic and epidemiological crisis, but also from the shortage of vaccines, from the inability to deploy a vaccination programme.

The developed country experienced the restoration of the function of the State, reviewed and rejected the doctrines of economic development, employed radical and previously unheard-of tools for intervention, whereas developing countries did not have the luxury of implementing these measures. If they don't have any space to expand their fiscal policy, for example, they will remain in a state of economic stress, which, of course, will strike not only these countries, but also the global economy, including the countries of the North.

The pandemic was a greater surprise and shock than the crisis of 2007. No one expected it. There were some assumptions that a big exogenous shock could become a threat to the global economy, but, in principle, no one has simulated a real possibility of a pandemic. On the other hand, it is clear that the next crises will probably be even more unexpected and even more considerable than the pandemic of 2020–2021.

At the same time, there are some positive shifts against this alarming background. They occurred in 2021. We do see US support for some significant international initiatives: redistribution in terms of assistance to developing countries and distribution of social drawing rights, Biden's initiative to endorse a global minimum tax on international or transnational corporations, which, basically, took advantage of the political system of the world. Time will tell how considerable this reform will be and how it will be implemented in specific countries, but this is a rather radical measure. We did see a WTO waiver of intellectual property rights for COVID-19 vaccines, which was a major breakthrough. This all accompanies the new green agenda, which is now supported internationally. It should not be underestimated, this is a serious and very important programme, but, of course, it requires funding.

What is the difference between 1981, when Reagan became President of the United States, and 2021? The US initiative, even at the global level, is a necessary but insufficient condition for multilateral reforms. Real reforms and a new round of multilateralism require the active participation and support of other nations, including developed countries, as well as a group of developing countries. It is clear that only collective arrangements will help to address the excesses of globalisation and the deepening environmental crisis.

What else? There is also a time-related risk. The forecast indicators for 2025, and they are mostly positive in terms of macroeconomics, suggest that there is a risk that the pandemic

crisis can file away in storage as resolved. It was an undermining event, a shock, but we have overcome it, so let's rebalance the economy and move to what we did before 2020.

The Report draws four specific lessons from the pandemic. On the one hand, we are facing a new opportunity for large-scale international relations that would include all countries of the world willing to participate and understanding the sustainability of development in a broad economic, sociological, and environmental sense. Many commentators are now writing about the new version of the Brandenburg Agreement, about how important it is not to miss this moment. But there is still no desire to balance the global economy. It would appear that all the bad things are over, since there were no financial crises and defaults during the pandemic. Unfortunately, this is not the case.

Issues related to the balance of payments are still in play. It is still a disease of developing countries. In the near future, this will become an even heavier debt load for them, as many countries will have to pay their sovereign bonds in world markets. In light of this, the Report calls for new, more serious actions to ensure debt relief for developing countries, including debt cancellation in cases where it is necessary and crucially important.

As my colleagues truly said, it is clear that there is a revival of the institution of State in the economic system at different levels and in new functions. It is not yet clear what this revival brings in the long term, except that the State is acting against the cycle and putting out fires in the markets, absorbing risks, saving debtors and the labour market. It is clear that this should grow, perhaps, into a new paradigm or a new balance of development.

The Report calls for using the unique political space opened during the pandemic to seriously reassess the role of fiscal and budgetary policies in the global economy at all levels of development, as well as practices that have led to a significant increase in inequality. The term of the impunity of financial and corporate entities is well-suited to the current situation, because their privileged position globally and nationally since the late 60s and early 70s has partly contributed to the crisis that we have.

Do not forget about the reform of the global financial system or the global financial architecture, which has become of secondary importance. It is rarely mentioned now. It was decided that our financial institutions and banks are in good condition. That's not true. There is an imbalance between the booming financial markets, between the values of assets that belong to a small group of people. There is still a risk or a chance that the pandemic aftershock will result into another financial crisis, which will be afflictive and destructive for any economic system, but, of course, first of all for developing countries.

This is why it would be good avail of the opportunity to return to the agenda at the level of, for example, the G20, which was developed in 2010, but, unfortunately, was quickly forgotten, because all the attention got focused on the banking system and basic processes, and all other more systemic measures as to the financial balance were missed or forgotten.

The Report calls for the deployment of a vaccination programme and support to developing countries not only in the field of health care and not only during this pandemic; until the world is vaccinated, any post-pandemic period is out of question. When a great part of the world is left out of the vaccine rollout, it is obvious that the world will not overcome the pandemic, and risks are still developing at the international and geopolitical level. In this regard, the unwillingness of partner countries with developed economies to follow the example of the United States and waive their rights to vaccines is an alarming signal, since a lack of consensus will prove itself costly for everyone, and, according to one estimate, the total cost of deferred vaccination by 2025 will amount to more than \$2 trillion. Related costs will be mainly borne by developing countries.

So, returning to the post-pandemic motto, I mean “let’s build anew and better”, the Report advocates for ideas that can form the basis of a new consensus.

Firstly, there is a macroeconomic dogma: governments are not on tight budget, governments are not households, but, of course, not all governments are created equal, and, therefore, developing countries need additional assistance to expand their fiscal capabilities and fiscal space.

Central banks are state institutions authorised by States to create credit. The principles that guide them in using their power to create credit should reflect public policy decisions aimed at equitable growth.

Resilience and sustainable development is a public good, so it can only be achieved through government investments. Finance is too important to provide it only to the markets. State-owned banks and intensive supervision in respect of control would ensure a healthier investment climate for the long term.

Pay cuts are bad for business and even worse for society. Salaries and wages are the most important source of demand, and their growth stimulates productivity and strengthens the social contract.

A healthy economy is always a diversified economy. Industrial policy should be adopted as a tool for long-term planning and development.

A caring community is a more stable one, and a developed social policy should always be adequate and take into account local peculiarities.

There are such ideas. However, there is a risk, and I quote Viktor Stepanovich Chernomyrdin, “They hoped for the best, but it turned out as usual”. According to the Report, this “as usual”, namely the return to normal operation, is the main risk for the long-term sustainability of global economic development and, especially, for developing countries.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

ИТОГИ МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА (МЭФ-2021)

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов
*Президент Вольного экономического общества России,
президент Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития имени
С.Ю.Витте, д.э.н., профессор, сопредседатель Московского
академического экономического форума*

Александр Михайлович Сергеев
*Президент РАН, академик РАН,
сопредседатель Московского академического
экономического форума*

3

Бодрунов: Здравствуйте, уважаемый Александр Михайлович, рад быть сегодня у Вас в гостях в Российской академии наук. Здесь недавно завершил свою работу Московский академический экономический форум, о чем мы как его сопредседатели, наверное, и поговорим.

Сергеев: Здравствуйте, Сергей Дмитриевич.

Бодрунов: Александр Михайлович, наш форум завершил работу в конце мая. Он был организован Российской академией наук, Вольным экономическим обществом России и Международным Союзом экономистов. Мы неслучайно выбрали для форума тему, которая звучит так: «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России». Почему эта тема важна? Сегодня мир переживает глобальную, действительно, глобальную трансформацию развития. Мы переходим к новому технологическому укладу, новому мирохозяйственному укладу. Это порождает очень серьезные бифуркации в обществе. Мы видим множество конфликтов на этой почве, сталкиваемся с неопределённостью развития. И, естественно, возникает вопрос, как в этих условиях жить нашей стране? Именно поэтому сегодня этой задаче – определению стратегии развития России – уделяется такое серьезное внимание.

Сегодня я хотел бы наш разговор посвятить проблеме, которая была в центре обсуждения на форуме, – развитию российской экономики в условиях глобальной трансформации.

Охват МАЭФ впечатляет. В его работе приняли участие эксперты и учёные из большинства регионов России, из-за рубежа – это признанные специалисты. И в итоге мы получили фундаментальный анализ того, что сегодня происходит, серьёзные, глубоко продуманные научные представления о путях развития России, о том, каким образом нам двигаться дальше в этом мире. Что вы можете сказать по поводу экспертных итогов форума? На чём бы вы акцентировали своё внимание?

Сергеев: Это третий форум. В прошлом году форум проходил в режиме онлайн, и, конечно, мы в этом году были очень довольны и счастливы, что, наконец, могли собраться вместе в зале, вернуться в прежний режим, и это добавляло позитивных эмоций. Будем надеяться, что наш форум, который стал традиционным, впредь будет проводиться при полностью заполненном зале в условиях активных дискуссий и обмена мнениями.

Надо сказать, что разговор был очень серьёзный, и он касался прежде всего, конечно, анализа экономической ситуации в стране и в мире, которая сложилась по итогам этого ковидного года или пандемии, которая, собственно, ещё не ушла от нас. И действительно, то, что мы констатировали, связано с тем, что ковидное время обострило некоторые проблемы нашей экономики, с другой стороны, предложило новые решения, и, с третьей стороны, собственно, катализировало какие-то процессы, которые, по-видимому, будут в дальнейшем развиваться.

Во-первых, надо сказать, что главным серьёзным моментом, который обсуждался, было фактическое отсутствие роста реальных доходов населения нашей страны в течение уже достаточно длительного периода времени, что, собственно, и было подчёркнуто пандемийным периодом. Это серьёзнейший момент, потому что экономика, которая не работает на благополучие людей, нуждается в существенных коррективах. Какие это коррективы, что делать – это была основная тема наших обсуждений. Второй момент серьёзный, на который многие обращали внимание, – это проблема со стратегическим планированием. Действительно, у нас в стране декларируются стратегии, очень часто эти стратегии не выполняются, а порой и забываются, и после этого предлагаются новые стратегии без анализа того, почему не получилось то, что было задумано.

Проблема стратегического планирования обсуждалась, в частности, в связи с тем, что в 2020-м году закончился период реализации стратегии, которая была у нас, по-моему, с 2008-го года, а также стратегии инновационного развития

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВ

В 2017-м году избран президентом Российской академии наук. Заместитель председателя Совета по науке и образованию при президенте Российской Федерации с 2017-го года. С 2018-го года является членом Совета по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Является одним из ведущих российских специалистов в области лазерной физики, фемтосекундной оптики, физики плазмы и биофотоники. Лауреат Государственной премии и премии Правительства Российской Федерации. Имеет более 8000 цитирований работ, опубликованных в научных журналах. Член Совета Российского фонда фундаментальных исследований. Представляет Россию в Международном комитете по сверхмощным лазерам ICUIL, являясь заместителем председателя этой организации. Также занимает должность члена комиссии Международного союза теоретической и прикладной физики (IUPAP) по атомной, молекулярной и оптической физике.

страны, которая была запущена в 2012 году. И по обеим этим стратегиям в 2020 году, конечно, результаты были далеко не достигнуты. Проблема стратегического планирования очень серьёзная, потому что мы знаем, что во многих других странах (мы можем привести пример Китая) стратегии не только выполняются чётко по срокам, но и перевыполняются. Это, конечно, вынуждает нас говорить о том, что мы должны наши стратегии делать более реальными. А главное всё-таки – не забывать о них вскоре после того, как они были декларированы.

Очень серьёзный вопрос, который у нас обсуждался, – это влияние наших науки и технологий на развитие экономики. К сожалению, мы здесь констатировали то, что это влияние очень недостаточно. Но, с другой стороны, мы понимаем, что в XXI веке, в общем-то, основное соревнование идёт не за владение территориями и какими-то месторождениями полезных ископаемых, а за обладание технологиями. В этом смысле, конечно, это большая проблема для нас. И констатируя, сделав такой анализ ситуации, обострённой этим пандемийным временем, мы обсуждали, с чем могут быть связаны надежды наши на то, что ситуация улучшится. И пожалуй, большинство коллег говорили о том, что есть объективные законы экономического развития, когда сами крупные игроки рынка, компании, корпорации, в нашем случае – госкорпорации, просто вынуждены прийти к науке, вынуждены прийти за новым знанием для того, чтобы использовать его в виде продукта, потому что если они этого делать не будут, они перестанут быть конкурентными на мировом рынке.

И, наконец, конечно, что мы на многих экономических форумах слышим: мы долгие годы предлагаем, советуем, рекомендуем нашей системе управления то или иное решение, но нас плохо слышат. Здесь есть позитивные сдвиги. Сейчас у нас разрабатываются фронтальные стратегии. Мы видим, что в экономическом плане есть существенный разворот. Помните, мы с вами, и вы, прежде всего, Вольное экономическое общество России, говорили: ну, почему же нам не распечатать эту кубышку Фонда национального благосостояния? Ну, сколько можно её держать? Она не работает на страну.

Мы сейчас понимаем, и президент об этом говорил в последнее время, в частности, в своём послании Федеральному Собранию, что всё-таки те запасы, которые у нас есть, мы будем использовать в существенной степени для того, чтобы подпитывать экономику. Я надеюсь, что и два других предложения, которые и Вольное экономическое общество России, и многие экономисты, которые работают в академических учреждениях, всегда выдвигали, также

будут учтены. Это вопрос более эффективного участия банковского капитала в развитии и очень важный вопрос о том, за счёт чего запустить, двинуть вперёд с хорошим темпом нашу экономику: необходимо поставить на первый план рост потребительского спроса. Я думаю, мы уже видим, что те предложения, которые формулировались и Вольным экономическим обществом России, и на наших форумах, постепенно прокладывают дорогу в органы управления, во власть. И сейчас есть позитивные сдвиги.

Бодрунов: Александр Михайлович, в России необходимы качественные социальные изменения, которые позволят перейти к инновационной, социально-ориентированной экономике, – об этом тоже немало говорили эксперты на нашем форуме. С чего начинать?

Сергеев: Мне кажется, что здесь процесс уже пошёл: у нас есть несколько действующих инновационных экосистем. К сожалению, это не глобальные инновационные системы, а, я бы сказал, мини-инновационные экосистемы. Мы прекрасно знаем Сколково, Национальную технологическую инициативу. Есть НТЦ-долины так называемые, есть научно-образовательные центры в рамках национального проекта наука. Но целостной системы нет. Если мы хотим глобально поставить задачу, чтобы как можно быстрее в большем объёме новые знания у нас становились производительными силами экономики, то такая система должна быть единой инновационной системой в стране. Понимание этого есть. Сейчас, как вы знаете, образована правительственная комиссия по науке и технологиям, которая как раз будет заниматься формированием такой системы, отбором крупных проектов, координацией выполнения этих проектов сверху. Если хотите, это некий аналог Государственного комитета по науке и технике СССР. Мы долгие годы мечтали о том, чтобы у нас было что-то похожее, но ГКНТ всё-таки – это продукт плановой экономики, который не очень вписывается в рынок. Вместе с тем необходимость координирующего надведомственного органа, который отвечает за инновации, всем сейчас стала понятна. Начала работать правительственная комиссия (по цифровому развитию. – ред.) под руководством Дмитрия Николаевича Чернышенко, и мы тоже будем принимать активное участие в работе этой комиссии. Я думаю, что это сейчас важный институциональный элемент, который должен помочь нам двинуться вот по этому пути.

Конечно, должны быть решены вопросы стимулирования бизнеса. Бизнесу можно предлагать какие-то условия, которые его заинтересуют, подтолкнут к инвестициям. У нас в части информационных технологий есть уже пакет мер, который стимулирует наших айтишников оставаться в стране, работать при меньших налогах, есть система фрилансинга. Это пример таких мер стимулирования. Но они, конечно,

должны распространяться не только на IT-технологии, но и на весь широкий спектр технологий, принципиально важных для нашего движения вперёд. И, естественно, уже в условиях принятия этих мер стимулирования необходимо отбирать крупные, очень крупные проекты, запускать эти крупные проекты и следить за их выполнением – такова миссия этого органа.

Комиссия координирует эти ресурсы, синхронно и адекватно между различными игроками, потому что там должно быть и государственное финансирование и, конечно, финансирование компаний, должны быть, я считаю, правильные условия, которые позволили бы иностранным инвесторам прийти и вложить деньги. Всё это в целом должно координироваться этой комиссией: и правила, в соответствии с которыми захотят прийти инвесторы, и подпитка государственными средствами проектов, особенно когда нужно довести, доработать продукт до того, чтобы он появился в приемлемом для инвесторов виде. Для этого, конечно, должны быть дополнительные государственные инвестиции в науку.

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

состоялся в третий раз, объединив экспертов и учёных из регионов России и зарубежных стран. В этом году в течение недели работали 63 региональные площадки МАЭФ в 41-м субъекте Российской Федерации. В форуме приняли участие 8,5 тысяч специалистов из 32 стран мира. С этого года архитектура форума расширяется. В рамках интеллектуальной площадки начали работать ежегодные отраслевые и тематические форумы на территории всей страны.

Бодрунов: В рамках МАЭФ мы вновь обращались к проблематике развития науки и инноваций в России. Без этого не проходят наши мероприятия, это очень серьёзный, важный вопрос. Это задача – критически важная для структурной трансформации российской экономики, которая остаётся преимущественно, несмотря на все усилия, сырьевой. Александр Михайлович, а что происходит в стране с фундаментальной наукой? Были ли достижения мирового уровня за прошедшие годы, например? Как нам не выпасть из глобальной исследовательской и технологической повестки мировой?

Сергеев: Достижения мы обычно суммируем на отчётных собраниях в Академии наук. Последнее было в апреле, когда мы давали отчёт об основных результатах фундаментальных исследований. Они есть во многих направлениях: и в естественных науках, и в медицинских науках, и в сельскохозяйственных, и в гуманитарных науках. Я, может быть, не стал бы здесь останавливаться на чем-то одном, потому что выделишь одно – обидятся другие. Конечно, чтобы быть востребованным компаниями, быть востребованным рынком, нужно заниматься не только прикладными исследованиями. Фундаментальные науки – это база. И фундаментальные науки развиваются по своим собственным законам. Они не могут быть спроецированы исходно по приоритетам научно-технологического развития, потому что мы не можем разложить какие-то достижения в математике по информационным технологиям, медицинским технологиям, сельскохозяйственным технологиям. Одно и то же достиже-

ние в фундаментальной математике может проецироваться на всё. То есть фундаментальная наука, конечно, должна финансироваться особо, это некий такой сакральный раздел в науках, и это государство должно понимать.

А финансирование фундаментальных исследований у нас явно недостаточное, на уровне 0,17-0,18% ВВП – существенно меньше, чем в тех странах, с которыми мы хотим соревноваться. Джентльменский уровень, который принят в мире и говорит о том, что ты хорошо финансируешь фундаментальную науку – где-то 0,4-0,5% ВВП. У нас есть понимание этого, но экономическая ситуация пока не позволяет это сделать, хотя какой-то прогресс сейчас наметился, фундаментальные исследования начинают финансироваться лучше. В связи с фундаментальными исследованиями я бы очень хотел обратить внимание на следующее: когда мы говорим о технологиях, о внедрениях, интеллектуальной собственности, интересе компаний, корпораций, разумеется, их нужно защищать; но когда речь идёт о фундаментальной науке, нужно понять, что она – интернациональна. И для её развития изоляция в рамках страны, в рамках университетской системы или академической системы – категорически неправильна. Весь мир фундаментальную науку делает сообща, и мы должны приветствовать взаимодействие наших учёных с зарубежными, создавать условия, чтобы к нам приезжали иностранные исследователи. Собственно, ковидный год это показал: когда мы констатируем, что наука в определённой степени спасла мир в том смысле, что быстро предложила новые решения, важным было то, что знание оказалось максимально открытым во всём мире. То есть страны договорились о том, что никаких препон к тому, чтобы как-то изолировать эти знания, не было. Как только был расшифрован геном коронавируса, сразу он был дан всем, предложения по тест-системам тоже, как только появились, стали всеобщим знанием, сведения о белках, из которых состоит коронавирус, как только были расшифрованы, сразу поступали в общее пользование. Международные журналы были исключительно лояльны в плане публикации результатов экспертизы, то есть печатались очень быстро. И всё это очень хорошо сработало. Вот этот пример мы обязательно должны помнить, когда говорим, что фундаментальные науки – интернациональные. И мы ни в коем случае не должны ограничивать каким-то образом контакты в области фундаментальных исследований.

Бодрунов: Мы не первый год говорим об этих проблемах, тем не менее иногда хочется сказать по-крыловски: а воз и ныне там. К сожалению, мы отстаём. Мы отстаём в экономическом развитии, в технологическом развитии, в социальном развитии от многих стран. И это тоже констатиру-

валось на форуме. А вот в тех условиях, которые сегодня переживает мировая цивилизация, общественное развитие, когда происходит переход к новому технологическому укладу, к новому мирохозяйственному укладу, к новой индустриальной экономике следующего этапа, знаниеёмкой экономике, мы можем отстать очень далеко. Мы должны в этих условиях сформировать такую стратегию развития страны, которая позволила бы и отставание наверстать, и нивелировать накопленные проблемы. И в то же время мы должны продумать такую стратегию, которая позволила бы нам сделать, как говорит академик Глазьев, рывок в технологическом развитии, в инновационном развитии, рывок в развитии нашей фундаментальной науки и рывок в социальном развитии. И мне кажется, что тот тезис, который прозвучал у нас в базовых докладах, – о том, что не человек для экономики, а экономика – для человека – этот базисный тезис, эта позиция должны быть главными в стратегии развития России.

Глазьев Сергей Юрьевич,
Член коллегии (министр) по интеграции
и макроэкономике Евразийской экономической комиссии,
вице-президент ВЭО России,
академик РАН, д.э.н., профессор,

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент Вольного экономического общества России,
президент Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития имени
С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

**Дмитрий Валерьевич
Вольвач,**
Заместитель министра экономического развития
Российской Федерации

**Руслан Валентинович
Давыдов,**
Первый заместитель руководителя Федеральной
таможенной службы России

Гегам Левонович Варданян,
Член коллегии (министр) по внутренним рынкам,
информатизации, информационно-коммуникационным
технологиям Евразийской экономической комиссии

**Олег Михайлович
Панкратов,**
Член коллегии (министр) по таможенному
сотрудничеству Евразийской экономической комиссии

**Курочкин Дмитрий
Николаевич,**
Вице-президент Торгово-промышленной палаты
Российской Федерации

СТРАТЕГИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ЕАЭС

По материалам делового форума «Стратегия опережающего развития Евразийского экономического союза»,
21 апреля 2021 года

Александр Александрович Широв,
Директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член Правления ВЭО России, член-
корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Андрей Николаевич Клепач,
Заместитель председателя (главный экономист)
Внешэкономбанка, член Правления ВЭО России, к.э.н.,
доцент

**Алексей Владимирович
Кравцов,**
Президент Союза третейских судов и медиаторов

Глазьев: Мы посвящаем сегодняшнюю конференцию вопросам ноономики, которая является, по сути, новым подходом и новым видением перспектив экономического развития на основе новых знаний, на основе активизации творческого потенциала личности, на основе стимулирования инновационных процессов. Ноономика — это система институтов, мировоззрения, методов управления, если хотите, производственных отношений, целостная модель идеального подхода в современных условиях к формированию системы управления долгосрочным экономическим развитием.

Происходящая сегодня технологическая революция даёт огромные возможности для рывка, особенно отстающим странам. Смена технологических и мирохозяйственных укладов открывает огромные возможности для развития, и они реализуются сегодня группой стран Юго-Восточной Азии, которая формирует новый глобальный центр, новый локомотив развития мировой экономики.

У нас уже достаточно знаний, опыта, межстрановых сопоставлений, которые подсказывают, как в нашей стране и в Евразийском экономическом союзе выстраивать систему управления экономическим развитием, опираясь на активизацию нашего научно-технического и интеллектуального потенциала и формируя адекватные требованиям времени систему управления и институты, которые объединяют людей, ресурсы, научно-технический потенциал в процессах успешного экономического развития и совершения рывка в экономическом развитии, о котором говорит президент России Владимир Владимирович Путин.

Сегодня мы проводим мозговой штурм, формируя фундаментальные основы для определения тех ключевых направлений экономического развития, и главное — преобразования в системе управления, в которых нуждается сегодня страна, чтобы выйти на траекторию опережающего экономического развития. У нас есть для этого ресурсы, научно-технический потенциал и видение будущего.

Бодрунов: Базовая идея проводившихся в последние годы многочисленных международных экономических конгрессов, в том числе и нашего Конгресса ЕАЭС, состояла в поиске новых траекторий развития экономики и общества в целом в условиях новых вызовов.

В своем докладе я хотел бы коснуться одного из самых актуальных и одновременно самых трудных, мучительных вопросов современности — глобального кризиса современной социально-экономической системы, а также возможностей ее реформирования и опережающего развития.

Наверное, многие согласятся с тем, что сейчас эта система и ее слагаемые — экономика, общество, человек — находятся в системном кризисе.

Я здесь намеренно расширяю взгляд на проблему, не акцентирую внимание на нынешнем мировом экономическом кризисе. Пандемия стала его триггером, но не причиной. Да, этот кризис затронул подавляющее большинство стран мира, и даже в таких странах с устойчивыми и высокими темпами экономического роста, как Китай, динамика ВВП резко снизилась. В странах Евразийского экономического союза ситуация оказалась весьма драматической, хотя в большинстве случаев несколько менее тяжелой, чем в США и Западной Европе.

Но при всей его глобальности, еще раз отмечу, нынешний экономический кризис — лишь яркое проявление общего кризиса мировой социально-экономической системы. Этот кризис всеохватывающ.

Он в полной мере затронул сложившуюся в настоящее время совокупность производственных отношений и экономических институтов. Рыночные механизмы саморегулирования все чаще дают сбои. «Невидимая рука» рынка чем дальше, тем больше указывает в сторону финансовых спекуляций и хищнического использования ресурсов, а не прогресса человеческих качеств и решения социальных проблем.

Тем важнее искать и находить те лежащие в пространстве науки решения глобальных проблем, которые станут основой для выработки теоретически обоснованных, ответственных, стратегически выверенных решений.

Общепризнанными эмпирическими свидетельствами системного кризиса современности стали периодически повторяющиеся, начиная с 2008 года, финансово-экономические кризисы. Существенно, что нынешний кризис начался до широкого распространения коронавируса; последний стал триггером, но не причиной кризисных явлений. Не было бы коронавируса, случился бы другой «толчок»,

СЕРГЕЙ БОДРУНОВ

«Нынешний экономический кризис — лишь яркое проявление общего кризиса мировой социально-экономической системы»

который бы вывел экономику и общество из состояния равновесия. В терминологии Нассима Талеба, «черный лебедь» уже давно кружился над нами. И его прилет, роковой «взмах крылом» были лишь вопросом времени.

Подчеркну, далеко не случайно именно в наше время, время глобальной трансформации нашей цивилизации, обусловленной переходом к новому состоянию общества, которые мы называем Новым индустриальным обществом второго поколения (сокращенно — НИО.2), переходом к новому мирохозяйственному укладу на базе технологий нового технологического уклада, — снова и снова, все чаще и больше, — научная общественность, бизнес-структуры и власти обращают свой взор к опыту научного осмысления, практик и теоретических концепций развития, которые накоплены человечеством и которые становятся востребованными в грядущей жизни общества.

Мир изменился. Нам нужны не только другие ответы. Нам нужны другие вопросы. И главный посыл этих вопросов — гораздо более фундаментален, нежели просто тезис об исчерпанности капитализма.

Мы должны спросить себя: а не является ли нынешний кризис свидетельством исчерпанности и бесперспективности, тупиковости основанной на приматах парадигмы рынка, собственности и приоритета прибыли экономической модели развития социума? Как таковой, вообще?

И как быть с тем, что человечество стоит перед фундаментальной развилкой: или — череда все более разрушительных кризисов, вплоть до планетарной катастрофы, или — качественно новый тип развития?

Ни неоклассика, ни марксистская политическая экономика, даже с обновлениями, не предлагают нам теоретически обоснованных альтернатив, адекватных вызовам XXI века. То же касается и других ветвей общественнознания. Возьмем те же идеи «устойчивого развития» ООН, которые в большинстве случаев сводятся к некоторым подвижкам в сторону большего внимания к экологическим, социальным и гуманитарным проблемам, что правильно, но предлагаемое к реализации в рамках современной экономической парадигмы сугубо недостаточно, да и, по большому счету, нереализуемо.

Альтернатива — стратегия перехода к качественно новому состоянию общества, движение к нооэкономике через Новое индустриальное общество второго поколения — НИО.2.

Эта концепция цивилизационного развития близка к Концепции устойчивого развития своим гуманистическим содержанием, признанием важности, но не первичности чисто экономических целей в развитии современной цивилизации.

Исследуя долгосрочные перспективы и тенденции развития, эта концепция дает инструментарий согласованного достижения этих и более продвинутых целей через постепенную трансформацию технологического базиса экономики, придание ему знаниеинтенсивного характера, а социальным процессам — ноо-наполнения.

Основой этой грандиозной трансформации объективно является процесс технологического развития. Этот «вечный двигатель» общественного прогресса, однако, находится сегодня в плохих руках. Он встроен в весьма неэффективную, если так можно выразиться, повозку. Потенциал современных НБИКС-технологий неисчерпаемо велик, они могли бы двигать развитие общества вперед с «ускорением ускорения», но существующие экономические отношения и институты тормозят научно-технический и общественный прогресс. И здесь будет вполне уместно вспомнить известный марксистский тезис о том, что производственные отношения на определенном этапе могут становиться тормозом, «оковами» прогресса производительных сил.

О каких главных трендах в развитии технологий мы можем говорить в этой связи? Их много, но сегодня выделим лишь основные, фиксирующие объективные аспекты прогресса технологий:

- превращение знаний в главный источник, ресурс и результат социально-экономического развития;
- транзит к шестому технологическому укладу и далее;
- возросшая зависимость всех основных результатов социального бытия (от форм экономической организации до политического устройства и культурных императивов) от технологического базиса.

Мощь современных технологий создает возможность (пока еще не реализованную, но объективно востребованную) перезагрузки и трансформации всех сфер — общественного производства, социально-экономических отношений и институтов.

Как эти цели могут быть достигнуты? Каков путь перехода к этому новому качеству общественного бытия — к формированию, я бы сказал, ноо-бытия? Этот путь — равнодействующая, говоря языком математики, четырех базовых векторов, или, говоря языком поэзии, их квадриги.

Вектор первый. Он касается материальных условий перехода. Технологический прогресс уже на уровне шестого уклада создает материальный базис для того, чтобы несимулятивные потребности человека удовлетворялись в полной мере. Уже сегодня в странах, где драйвером материального производства является пятый (пока еще не шестой!) технологический уклад, в основных отраслях материального производства (промышленность, транспорт, строительство,

сельское хозяйство) занято всего лишь 20–25% работников. Между тем, в тех странах, где деиндустриализация не оказалась столь разрушительной, как, скажем в США или в России, эта четверть всех работающих производит достаточно машин и оборудования, сельскохозяйственного сырья и транспортных услуг, чтобы полностью обеспечить потребности своих стран и еще экспортировать продукции этих отраслей больше, чем импортировать. Человечество уже сейчас стоит на пороге движения к пространству «по ту сторону» материального производства.

СЕРГЕЙ БОДРУНОВ

«Человечество уже сейчас стоит на пороге движения к пространству «по ту сторону» материального производства»

Но — подчеркну — не по ту сторону индустрии. Напротив: оно стоит на пороге движения к наиболее развитой индустрии, качественно иной индустрии — индустрии, где человек выполняет лишь творческие функции, переложив остальные на систему машин. Поэтому, говоря о реиндустриализации, о развитии промышленного производства, его возрождении, мы говорим о том, что эти процессы должны происходить на новой технологической основе. Ключевым фактором и базовым ресурсом развития материального производства в современную эпоху становятся не природные ресурсы, не капитал или дешевый труд, как это было ранее, а знания. Новые знания, которые касаются, прежде всего, новых технологий деятельности. Новое производство отличается от традиционного своей высокой знаниеинтенсивностью, а производимый им продукт — высокой знаниеёмкостью. Именно это станет базовым фактором, материальной основой и предпосылкой общественного прогресса.

Второй вектор. Он касается базисного механизма формирования и удовлетворения человеческих потребностей. Это — постепенная трансформация экономического способа удовлетворения потребностей в неэкономический. Одно из важнейших слагаемых этого процесса, и даже, возможно, важнейшее — диффузия собственности. Процессы формирования новых, преодолевающих границы института частной собственности способов присвоения, распоряжения и использования собственности известны давно. Важно зафиксировать: мы ведем речь о диффузии не частной собственности, а собственности как особого отношения и института (равно как и соответствующей категории, выражающей наиболее существенные отношения действительности). Процесс снижения значения института собственности как базового для реализации современного — экономического — способа удовлетворения потребностей людей мы назвали «диффузией собственности», подразумевая постепенное снижение такового значения в процессе развития по первому вектору — насыщения реальных потребностей за счет НТП и развития индустрии 4.0.

Третий вектор. Он касается траектории общественной компоненты цивилизационного развития. Технологический прогресс и диффузия собственности прокладывают дорогу социализации общества и развитию ноокачеств человека. Описанные выше процессы прогресса НТП и диффузии собственности ведут к тому, что человек должен обретать и обретает (частью — вынужденно, частью — сознательно) всё большую социальную ответственность, становясь все более «социальным», все более культурным, думающем о своей общественной миссии, включающей не только уже упомянутую ответственность, но и общественное признание, продвигаясь от «зоо» к «ноо» — как в отношении формирования своего поведения в обществе, так и в отношении формирования критериальной базы этого поведения, мотивов, нравственно-ценностного ядра.

И вот здесь я хотел бы обратить внимание на оборотную сторону социализации человека: социализирующийся, принимающий нормы общества, его установок, морали, т.е. становящийся все более культурным, ответственным перед обществом человек оказывает соответствующее — социализирующее — воздействие на экономические, политические, общественные институты, внося в них собственные, порой — отличные на конкретном этапе, представления и форматы бытия. Раздвигает его существенную критериальную базу. Скажу жестче: человек социализирует общество. Все более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности и поступков, трансформируя тем самым социополитикоэкономические институты, делая их все более ориентированным на продвижение. Но — куда? Важно — что к ноообществу, расширяя ноопространство. Конечно, если будут прилагаться осмысленные, осознанные в своей безусловной необходимости усилия по формированию у людей, особенно вступающих в жизнь, соответствующих идей и принципов их осуществления.

Наконец, вектор четвертый. Я бы сказал — касающийся идеологической платформы такого развития. «Коренник» (позволю себе этот образ) в четверке, «квадриге ноономики» — солидаризм. Это — «синергетический принцип» взаимодействия индивидов, социальных групп, институтов, стран, народов. Отношения солидаризма не могут родиться одновременно — нужен период эмбрионального развития в утробе экономического, рыночно-капиталистического общества. И здесь вступает в свои права традиционный политико-экономический подход, исследующий потенциал стратегического планирования, активной промышленной и социальной политики, развития различных ассоциированных форм производства и потребления, пользования и присвоения, обмена и распределения. Россияне должны, осознавая, если хотите, историческую миссию своей страны,

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

**АБХИДЖИТ БАНЕРДЖИ,
ЭСТЕР ДЮФЛО**
«ЭКОНОМИКА БЕДНЫХ.
РАДИКАЛЬНОЕ
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
СПОСОБОВ
ПРЕОДОЛЕНИЯ
МИРОВОЙ БЕДНОСТИ»

Банерджи и Дюфло одними из первых в экономике развития стали применять рандомизированные контролируемые исследования. Основанная на этих принципах работа ведется — под руководством Лаборатории по борьбе с бедностью при Массачусетском технологическом институте — в десятках стран.

а я в это верю, существенно усилить её экономическое развитие по направлению той равнодействующей, о которой мы здесь говорим. И компоненты этого движения, вдобавок к упомянутым выше — это и развитие её инфраструктуры, и её регионов, и подъем инновационности экономики, и развитие экономики знаний, и та же цифровизация, и развитие партнерства со странами-соседями — как, подчеркну, неотъемлемый фактор модернизации экономики и вхождения и в очередной технологический уклад, и в новый уклад мирохозяйственный.

Я же только подчеркну (еще раз!): современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимущества и выгоды для себя, на превалянии одного субъекта над другим. Это касается и людей в экономике, и стран. Но все более востребованный учет интересов других субъектов приводит к необходимости солидарного решения упомянутых хозяйственных и социальных вопросов.

Понимание этого нашло отражение, например, в концепции со-конкуренции (сотрудничество + конкуренция, англ. co-competition), в теории пяти конкурентных сил Майкла Портера и в других идеях. На наш взгляд, этот намечающийся в теоретическом осмыслении консенсус подтверждает тезис о том, что солидаризм — объективное условие генезиса ноообщества. По сути, он является идейной платформой для перехода к его новому состоянию, цементирующим составом всей конструкции общественного устройства будущего.

Более того, подчеркну, осознание этого приходит и к нам, в Россию, воплощаясь в идейный базис нашего развития. Поправкой к Конституции России 2020 года солидаризм провозглашается в РФ на уровне Конституции (статья 75–1); цитирую: «В Российской Федерации ... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.».

Итак, вывод: названные выше четыре направления характеризуют не только компоненты равнодействующей направления движения, но и одновременно источник, цель, механизм и средства продвижения к ноономике. Таким образом, эти четыре компоненты, на наш взгляд, имеют принципиальное значение для перехода в новый, более справедливый мирохозяйственный уклад, для теоретического осмысления его сущности и практического осуществления. Повторю. НТП создает материальные условия этого перехода. Диффузия собственности, как следствие НТП и естественного развития этого института, обеспечивает изменение механизма удовлетворения потребностей. Процесс социализации общества создает новые духовно-культурно-ценностное ядро и критериальную базу перехода. Солидаризм — предлагает идеологическую платформу перехода.

Каков же потенциал для опережающего развития экономик ЕАЭС по траектории ноономики в единстве названных выше четырех слагаемых?

Этот потенциал включает такие компоненты:

- сохраняющийся высокий уровень развития науки, образования, культуры и ряда сфер высокотехнологичного производства;
- «цивилизационный код» солидаризма;
- историческая память о высоком уровне социализации, характерном для наших стран в составе СССР и Мировой социалистической системы;
- предпосылки — и экономические, и общецивилизационные — для развития социализированных форм собственности и диффузии собственности.

Не будем также забывать о том, что граждане наших стран имеют исторический опыт реализации стратегии опережающего развития в рамках СССР, и определенная часть из них и лидеров наших стран обладает высокой пассионарностью.

Оговорюсь: я не идеализирую СССР и МСС; мы все помним о таких проблемах, как бюрократизм и чрезмерная централизация управления экономикой, дефицит, проблемы внедрения достижений НТП в гражданских отраслях и др. Но выплескивая из ванны грязную воду, не стоит выплескивать вместе с ней и ребенка.

При этом важно также иметь в виду, что мы, в отличие от стран так называемого Центра (по теории мир-системного анализа), имеем и опыт успешного долго- и среднесрочного планирования, и — теперь — теорию ноономики, позволяющие нам разработать и реализовать теоретически выверенную и имеющие исторические основания единую стратегию опережающего развития.

Коллеги, в завершение подчеркну: и России, и всему ЕАЭС нужен, крайне нужен модернизационный рывок. Только так нам всем можно обеспечить решение задач реиндустриализации экономики на новой технологической основе (в первую очередь, на основе знаниеемкого производства, адекватного для перехода к НИО.2) — на первом этапе модернизации, и дальнейшее продвижение к социально-ориентированному государству, более справедливому устройству общества и ноономике — на последующих этапах. Уверен, в этом может быть и национальная идея, если хотите, и миссия России и ЕАЭС — войти в число лидеров мирового цивилизационного процесса.

Глазьев: Спасибо, уважаемый Сергей Дмитриевич, за фундаментальный доклад о перспективах социально-экономического развития на основе ноономики. Как мне представляется, этот подход дает нам надёжную основу для выхода из системного кризиса, в котором сегодня находится мир, на траекторию опережающего развития России и Евразийского экономического союза.

Надо сказать, что мы, работая над Стратегией развития евразийской экономической интеграции, старались придерживаться такого подхода, я бы хотел предложить посвятить работу сессии прикладным вопросам его реализации. Эти вопросы у нас вынесены в повестку дня. Это прямые цитаты из стратегических направлений развития ЕАЭС, которые были утверждены президентами, включая разработку механизмов целевого содействия экономическому развитию, развитие высокопроизводительных секторов экономики, основные направления промышленного сотрудничества, перспективы развития цифровых инновационных технологий, лучшие практики использования «зеленых» технологий и так далее.

Вольвач: Сегодня Евразийский экономический союз стоит на пороге перехода к новому этапу интеграционного взаимодействия, основанному на доверии между партнерами по Союзу, долгосрочных целях дальнейшего совместного развития и, безусловно, взаимной экономической заинтересованности.

Союз за шесть лет доказал свою состоятельность и эффективность. Планмерно ведется строительство единого рынка. Нарастивается наднациональная правовая база. Регулярно проводятся встречи органов Союза на уровне глав государств и правительств.

Безусловно, одним из ключевых результатов нашей работы в 2020 году, предопределившим дальнейшую траекторию развития Союза, стали разработка и утверждение стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Правительствами государств — членов ЕАЭС совместно с Евразийской экономической комиссией была проведена масштабная работа по подготовке положений стратегии, и в результате мы имеем в стратегии 332 меры. Все они так или иначе нацелены на повышение самодостаточности Союза как субъекта мировой экономики и обеспечение устойчивого экономического роста государств — членов, бизнеса государств — членов и граждан этих государств.

Много положений стратегии направлено на непосредственное улучшение качества жизни наших граждан, упрощение взаимного признания квалификаций для развития общего рынка трудовых ресурсов, совместные медицинские

ДМИТРИЙ ВОЛЬВАЧ

«Ключевое значение в развитии интеграции в ЕАЭС сегодня имеют вопросы цифровизации»

исследования и программы, выработку общих подходов к защите прав потребителей, повышение качества и безопасности товаров, поступающих на евразийский рынок.

Ключевое значение в развитии интеграции в ЕАЭС сегодня имеют вопросы цифровизации. Согласно экспертным прогнозам Всемирного банка, к 2025 году потенциальный экономический эффект реализации цифровой повестки ЕАЭС способен увеличить совокупный ВВП интеграционного объединения на 10,6% от общего ожидаемого роста совокупного ВВП государств — членов, то есть дополнительно 10,6% даст только успешная реализация цифровой повестки. Это примерно вдвое больше, чем способно обеспечить цифровое развитие государств — членов ЕАЭС без общей цифровой повестки, без общих цифровых платформ и сервисов. Ожидается, что реализация цифровой повестки способна к 2025 году обеспечить для стран — членов ЕАЭС 1 млн новых рабочих мест в области информационно-коммуникационных технологий, что увеличит занятость в данной отрасли на 66,4% и приведет к дополнительному росту общей занятости на 2,46%.

С учётом моего прежнего опыта работы в Федеральной налоговой службе, могу сказать, что отрасль ИКТ является не только драйвером новой экономики, но также серьёзным драйвером в области роста доходов граждан. Это одна из базовых отраслей, которая даже в тяжёлый год пандемии сохранила не только уровень зарплаты, но обеспечила прирост и уровня зарплат, и количества людей, получающих доходы в этом секторе экономики.

В настоящее время цифровизация экономик союза — одно из ключевых направлений деятельности ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии. Цифровая интеграция становится фундаментом дальнейшего сближения и объединения в сферах свободного движения товаров, услуг, капиталов и граждан. Залогом успеха такого взаимодействия является создание интероперабельных информационных платформ стран — участниц, построенных на единых технологических и архитектурных принципах и регулируемых гармонизированным законодательством.

Цифровая трансформация в ЕАЭС невозможна без реализации совместных проектов. В настоящее время запущены и успешно реализуются проекты по промышленной кооперации, содействию трудоустройству граждан Союза и формированию экосистемы цифровых транспортных коридоров. В условиях пандемии коронавируса особенно важным для нас был быстрый запуск проекта «Путешествие без covid», который позволил снизить риски распространения коронавируса и обеспечить свободу и безопасность передвижения граждан внутри Союза. В рамках проекта создана

сеть доверенных лабораторий (более 162 тысяч точек на сегодняшний день) и механизма подтверждения результатов проведённых тестов. В настоящее время приложение действует на территории России, Беларуси, Армении, Киргизии, ведется активная работа по присоединению к этому проекту Казахстана, а также по расширению сети доверенных лабораторий с нынешних 162 до 450–500 тысяч.

На данный момент, по имеющимся у меня данным, более 110 тысяч пользователей из государств — членов ЕАЭС получили результат ПЦР-теста через сканирование QR-кода через приложение и более 122 тысяч пользователей установили это мобильное приложение у себя на мобильных телефонах.

В заключение хотел бы сказать, что именно единство социально-экономических и иных задач, здоровый прагматизм и взаимное доверие делают возможным достижение поставленных интеграционных целей, продвижение и совершенствование таких способов и механизмов регулирования отношений, которые бы обеспечивали целостность Союза и его ключевую роль в формировании большого евразийского партнерства в условиях вызовов современности.

Давыдов: Я хотел бы обратить внимание, насколько огромными преимуществами обладают и Российская Федерация, и Евразийский союз с точки зрения транзитного потенциала. Сроки перевозок морем Китай — Европа, а это основные товаропотоки в мировой торговле сегодня, — 50 дней, в то время как уже сегодня контейнерные поезда идут по Транссибу через Казахстан и всю Россию за 7-8 дней. Роль таможи — в том, чтобы обеспечить это бесшовное движение, это громадное конкурентное преимущество ЕАЭС.

Несколько слов о работе таможенной службы Российской Федерации. Главный путь — это цифровизация, автоматизация всех процедур. Электронное оформление транзитных деклараций — один из приоритетов нашей работы. Сегодня пока не оцифрованы товарно-транспортные накладные. Они так или иначе развязаны между собой, утверждены в разных конвенциях, и здесь предстоит большая работа вместе с министерствами транспорта и международным сообществом.

Применение электронных навигационных пломб — собственно говоря, технология не новая. Китай уже порядка пяти лет активно использует навигационные пломбы. Бизнес пока не до конца понимает их преимущества, считает, что это барьер, усложнение, дополнительные траты. На деле же такие пломбы, снижая риски, связанные с утратой, порчей, в конце концов, преступным посягательством на товар, дают

дополнительные гарантии бесшовного прохождения груза. По сути дела, электронная навигационная пломба представляет собой бортовой компьютер, в который можно записать любую информацию, связанную с прохождением барьеров, — это и таможенные документы, и транспортные, и перевозочные, и коммерческие, и результаты таможенного контроля. Технологии позволяют их считывать в любом месте, где нет интернета, по Bluetooth с определённых устройств.

Мы считаем эту технологию очень перспективной. В России почти 14 тысяч электронных пломб. Они применяются пока только для транзита так называемой санкционной продукции по указу Президента России. Бизнес, который смотрит на перспективу, проявляет к этой технологии большой интерес.

Соглашение, которое мы обсуждаем, должно отразить все, чтобы эти пломбы могли успешно использоваться на евразийском пространстве, а в перспективе — чтобы к системе могли присоединиться и другие страны. То есть если мы договоримся с теми же Китаем и Европой, пломба может навешиваться в Китае и сниматься уже в точке назначения в Евросоюзе.

Наша боль — это пункты пропуска. Когда говорят, что на таможне что-то происходит, как правило, имеют в виду ситуацию в пунктах пропуска. Мы — крупнейшая страна мира, у нас самое большое количество пунктов пропуска в мире на таможенной границе.

Федеральная таможенная служба предложила в соответствии с рекомендациями Всемирной таможенной организации концепцию интеллектуального пункта пропуска. Модель проработана и является частью Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года.

Ключевое ядро модели — это, конечно, единая информационная система пункта пропуска: единый электронный документооборот, то есть это одно окно и для участников внешнеэкономической деятельности, и для перевозчика, и для всех ведомств. У нас на границе из контролирующих ведомств — и таможня, и пограничники, и транспортный, и ветеринарный, и фитосанитарный контроли. Без электронного взаимодействия между этими системами невозможно осуществить прорыв в будущее, переход к цифровым, бесшовным технологиям и в перспективе — к безостановочному прохождению пункта пропуска.

Конечно, большие средства требуются на то, чтобы привести к нормативному состоянию пункты пропуска. Сегодня уже принято решение на уровне Евразийской комиссии об основных требованиях к пунктам пропуска, которые,

по нашему представлению, должны являться ключевой частью транспортных коридоров. Потому что когда простой на границе составляет больше двух часов, бизнес-сообщество, перевозчики начинают бить в колокола и говорить, что это задержка. В нашей целевой модели прохождение пункта пропуска не должно превышать двух часов, только в таком случае будет обеспечено преимущество цифрового транспортного коридора, бесшовного движения.

ГЕГАМ ВАРДАНЯН

«Наш план – к 2025 году прийти к соглашению об обороте данных между странами ЕАЭС. Это сделает прозрачными правила»

Вардьян: Я хотел бы остановиться на вопросе оборота данных, количество которых будет постоянно расти. Например, по нашим прогнозам, оно будет достигать вскоре 175 зеттабайт. В чём основной вопрос? Необходимо сделать так, чтобы оборот данных был свободным, но в то же время учесть возможные риски безопасности, надёжности. Практически во всех странах есть свои акты по защите личных данных. В Европейском союзе — это глобальный акт GDPR по защите персональных данных. Сейчас они запустили экстерриториальный документ Digital Service Act, который призван регулировать сервисы и платформы. Получается, что те правила, которые создаются в мире, вынуждают наших игроков работать в их рамках.

Мы наметили некоторые направления работы. Например, следует создать классификацию разделения данных — определить, какие данные можно не «трогать», то есть они ни чему не мешают, и с ними можно работать. Некоторые данные при их обезличивании можно будет также свободно использовать. Но что такое обезличивание? Это ещё нужно понять, регламентировать. Соответственно, какие-то данные будут скорее всего закрыты или полностью зарегулированы.

Наш план — к 2025 году прийти к соглашению об обороте данных между странами ЕАЭС. Это сделает прозрачными правила. Бывают ситуации, когда страны начинают дискутировать, какие решения можно внедрять. Часто корень проблемы в том, что непонятно, какими данными можно делиться, а какими — нет. Если будет категоризация данных, многие проблемы уйдут. В итоге появится четкое понимание пространства по обороту данных, прозрачная и понятная система работы с ними. Это большой всеобъемлющий документ, над которым мы начинаем работу и надеемся закончить к 2025 году.

Панкратов: По уровню автоматизации, степени и количеству реализуемых инновационных технологий с использованием информационных систем таможенные органы в государствах-членах ЕАЭС являются лидерами среди государственных органов. Сегодня без участия должностных лиц совершается более 200 тысяч таможенных операций в день. Всего таможенные службы государств — членов ЕАЭС совершают в автоматическом режиме порядка 14 видов таможенных операций. В целом, это позволяет снизить нагрузку на кадровые ресурсы таможенных органов и максимально исключить «человеческий фактор» при принятии решений.

Вместе с тем, уровень развития цифровых технологий в наших таможенных службах разный. Одни таможенные органы Союза активно используют при декларировании технологию «автоматического выпуска товаров» без участия должностных лиц. Другие находятся на этапе внедрения «автоматической регистрации» таможенных документов и организации информационного взаимодействия со смежными ведомствами. Третьи только начинают применять декларации в виде электронного документа. Все зависит прежде всего от финансирования, которое выделяется таможенным службам в конкретно взятой стране.

Задача блока по таможенному сотрудничеству состоит в создании нормативно-правового климата, позволяющего совершенствовать цифровые технологии в таможенной сфере, способствовать усилению интеграции между таможенными службами и преодолению существующего цифрового разрыва.

Работа по развитию интеграционного потенциала будет продолжена в части дальнейшей унификации электронного документооборота между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности, а также обеспечения информационного взаимодействия между таможенными органами как в рамках Союза, так и со странами, не входящими в его состав.

Одна из задач на ближайшую перспективу 2021–2022 годов — увеличение объема транзитных грузоперевозок, в том числе и за счет повышения качества услуг для всех участников процесса путем цифровой модернизации модели единой системы таможенного транзита Союза, основанной на применении навигационных пломб и единых гарантийных механизмов.

Советом Евразийской комиссии утверждена «дорожная карта» по развитию единой системы таможенного транзита товаров Союза; на экспертном уровне ведется работа над проектом Соглашения о применении в Союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок и рекомендаций по определению типовых требований к навига-

онным пломбам. Тут нужно сделать небольшую ремарку: соглашение о применении навигационных пломб — это первый шаг к внедрению в Союзе элементов промышленного интернета вещей. В результате проделанной работы уже сегодня практически во всех государствах — членах определены национальные операторы системы отслеживания перевозок товаров с использованием навигационных пломб.

Следующим перспективным направлением является совершенствование администрирования международной электронной торговли. Ещё несколько лет назад это явление не носило столь массового характера, поэтому вполне укладывалось в рамки действующих таможенных правил — упрощённый порядок оформления товаров физических лиц без соблюдения при этом мер нетарифного регулирования. Сегодня объём интернет-торговли достиг таких объёмов, что наряду с несомненными плюсами для граждан появляются и минусы.

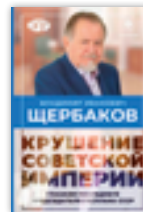
Продолжатся работы по формированию на территории Союза таможенного пространства доверия за счет обеспечения единого стандарта совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля, унификации ответственности за несоблюдение требований права Союза в сфере таможенного регулирования.

Если говорить о более долгосрочной перспективе, то здесь стоит задача полномасштабной цифровой трансформации таможенного администрирования, решение которой мы видим в создании новой операционной модели таможни, базирующейся на трех принципах. Первый — управление данными за счет сбора в единое виртуальное информационное пространство данных из коммерческих и иных источников как для контролирующих государственных органов (по принципу совместного использования данных), так и для обеспечения трансграничного обмена такими данными между всеми участниками цепи поставок товаров. Второй принцип — это управление процессами с предварительным алгоритмическим моделированием бизнес-процессов для их последующего нормативного закрепления с учетом широкого применения цифровых технологий при таможенном администрировании. И третий — управление изменениями с механизмами оперативного реагирования посредством использования системы управления рисками, опирающихся на прогнозную аналитику, обработку больших данных с использованием элементов искусственного интеллекта, основанной на праве Союза, международных инструментах, передовой практике, а также организационно-правовых, технологических решениях в государствах — членах Союза.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

КРОТОВ Н. И.,
ЩЕРБАКОВ В. И.
«ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ.
ГИБЕЛЬ СОВЕТСКОЙ
ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ
ПОСЛЕДНЕГО
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ГОСПЛАНА СССР»

Неформальный рассказ государственного деятеля, промышленника, бизнесмена и инвестора об усилиях советского правительства в период с 1985 по 1991 год преобразовать экономику страны. Попытки эти оказались неудачными. Почему так произошло, рассказывает последний председатель Госплана СССР Владимир Иванович Щербаков. Правдивость повествования подтверждают свидетельства коллег, документы, подборки статей из периодической печати.

Убеждены, что создание новой операционной модели таможи позволит не только получить гибкую и эффективную для государства, удобную и незаметную для бизнеса таможенную, но и расширить таможенное пространство доверия между всеми участниками цепи поставок товаров, значительно сблизить подходы и стереть границы во взаимодействии наших таможенных служб, а это, в свою очередь, приведет к повышению безопасности и устойчивости Союза, снижению издержек бизнеса и государств, позволит занять лидирующие позиции в мировом таможенном сообществе.

Куручкин: Торгово-промышленная палата Российской Федерации рассматривает в качестве стратегического направления своей деятельности партнерство предпринимателей стран Евразийского союза и развитие экономических связей. Безусловно, многое уже сделано в части выявления и устранения барьеров предпринимательской деятельности, обеспечения равного доступа на рынки наших стран.

Вместе с тем наш опыт сотрудничества показал, что одним из ключевых направлений формирования единого экономического пространства должна стать промышленная кооперация и поддержка спроса на продукцию обрабатывающих отраслей промышленности, производимую в странах ЕАЭС. Мы отмечаем, что государствами внедрены масштабные программы поддержки собственных промышленных предприятий. Но что касается промышленных кооперационных проектов, такого понятия нет, тем более не продумана система их поддержки. Именно поэтому в прошлом году мы приступили к разработке системных мер. На наш взгляд, необходимы изменения нормативно-правовой базы ЕАЭС в части включения положений, направленных на развитие промышленной кооперации, определение основных понятий и критериев, внедрение инструментов для специальных условий финансирования совместных проектов предприятий.

Совместно с Евразийской экономической комиссией нам удалось подготовить базовые предложения по принципам и механизмам поддержки кооперационных проектов предприятий. Я коротко их перечислю.

Первое. Для продукции стран ЕАЭС важно обеспечить на внутреннем рынке Союза условия не менее благоприятные, чем для продукции третьих стран. Вроде бы очевидная вещь, тем не менее этого до сих пор не сделано. Необходимо принятие в рамках ЕАЭС системного решения, позволяющего на постоянной основе отслеживать и устранять меры промышленной политики, создающие более льготные условия для продукции производства третьих стран в сравнении с товарами стран ЕАЭС.

ДМИТРИЙ КУРОЧКИН

«Одним из ключевых направлений формирования единого экономического пространства должна стать промышленная кооперация»

Второе. В целях поддержки спроса на производимую предприятиями стран ЕАЭС продукцию целесообразно на взаимной основе установить приоритеты по закупке товаров у партнеров по Союзу при реализации в государствах – членах национальных и инфраструктурных проектов в отсутствие национального производства требуемой продукции и планов по запуску такого производства в ближайшие три года.

Третье. Проведенная нами совместно с промышленными предприятиями работа показала, что в числе наиболее востребованных мер поддержки — субсидирование НИОКР по выпуску совместно произведенной продукции, расходов инвестиционного характера по выпуску совместно произведенной продукции, связанных с закупкой станков, оборудования, лизингом и так далее.

Четвертое. Не менее важны механизмы продвижения совместно произведенной продукции на рынки третьих стран, в том числе такие, как компенсации части процентной ставки по экспортным кредитам, софинансирование затрат по участию в выставках совместно произведенной продукции в третьих странах, льготное финансирование инвестиционных проектов с участием предприятий двух и более государств — членов ЕАЭС на территории третьих стран.

Пятое. Предлагаем задействовать текущие средства Евразийского банка развития, обеспечив льготное финансирование инвестпроектов за счет предоставления государственных гарантий заинтересованных в проекте стран-членов ЕАЭС, а также использовать инструменты софинансирования профильных институтов развития государств — членов ЕАЭС.

Важно отметить, что, помимо инструментов по привлечению финансов в крупные проекты, необходимо создать возможности для развития кооперации именно на уровне малого и среднего бизнеса.

Хотел бы также проинформировать вас, что параллельно с формированием нормативно-правовой базы ЕАЭС мы начали работы по отбору кооперационных проектов уже на национальном уровне, в том числе для обкатки предлагаемых механизмов на конкретных реализуемых проектах. В Евразийский банк развития уже внесены заявки на финансирование двух российско-казахстанских пилотных проектов по производству сельхозтехники. Мы ожидаем, что предлагаемые условия будут отличаться от коммерческих условий финансирования, доступных сегодня на рынках стран ЕАЭС.

На наш взгляд, сегодня выстроена первичная инфраструктура работы по реализации предложений с палатами стран ЕАЭС при консолидирующей роли Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Уверен, что

совместные меры, направленные на поддержку кооперационных проектов, окажут существенное положительное влияние на состояние предприятий стран ЕАЭС и ускорят выход из кризисного состояния, в котором они сегодня находятся.

Широв: Евразийской экономической интеграции уже несколько десятков лет, но наиболее значимым ее фактором стало создание Евразийского экономического союза. И если первые годы мы видели эффекты от снятия таможенных барьеров, сейчас нам важно понимать, каков вклад евразийской интеграции в формировании экономической динамики наших стран. По нашим оценкам, фактор интеграции значим для таких стран, как Армения и Беларусь, которые имеют от текущей интеграции на евразийском пространстве примерно 15% ВВП. Это существенный элемент формирования их экономической динамики. Если мы говорим о Кыргызской Республике — это примерно 7%. Для Казахстана — 4%. И даже для России — довольно крупной страны, пятой экономики мира, — это почти 1,5% ВВП. Таким образом, путь по созданию единого информационного объединения, который был выбран нашими странами, сыграл свою роль.

В то же время мы понимаем, что определённый динамизм в евразийской интеграции стал утрачиваться. Этот низкий темп экономического роста, прежде всего в Российской Федерации, приводит к тому, что становятся перспективными не взаимоотношения внутри нашего объединения, а двусторонние контакты с внешним миром, которые происходят в отдельных странах. Мы должны посмотреть, каким образом можно вернуть динамизм экономическому развитию, вновь сделать наше интеграционное объединение эффективным?

С этой точки зрения, наиболее перспективным является сотрудничество в научно-технологической сфере. Мы подошли к моменту, когда большинство крупных экономик мира уже определились, как они будут использовать структурные сдвиги для формирования новых импульсов с точки зрения развития экономики. Если мы посмотрим на Китай — это двухконтурная система развития экономики и опора на внутренний рынок. Это приведет к существенным структурным сдвигам и сформирует новые доходы для экономики Китая. В США — это масштабные планы по модернизации инфраструктуры, которая приведет к структурным сдвигам и обеспечит необходимый темп экономического роста. В Евросоюзе — это «зелёная» экономика, использование климатической политики для формирования экономической динамики, структурные сдвиги, которые произойдут в энергетике и в производстве.

АЛЕКСАНДР ШИРОВ

«Мы понимаем, что определенный динамизм в евразийской интеграции стал утрачиваться»

Чем может ответить ЕАЭС? К сожалению, наш анализ показывает, что уровень и производственных, и научно-технологических связей между нашими странами пока достаточно низок. Мы должны понять, есть ли возможность развития новых рынков, и за счет каких факторов эти рынки могут в ближайшие годы развиваться.

Задачи научно-технологической политики на пространстве ЕАЭС — это не просто формирование экономической динамики. Это устранение тех дисбалансов, которые сформировались за последние годы. Главная проблема, на мой взгляд, состоит в том, что ЕАЭС выбрал и продолжает проводить интеграционную модель, которая похожа на то, что делает Европейский союз, что предполагает постоянное расширение рынков сбыта. У нас такой возможности нет — и, соответственно, мы должны искать новые варианты. А это прежде всего модель, которая основана на распределении производственных сил, на распределении производств по территории с целью подтягивания наименее экономически развитых стран Союза к уровню стран-лидеров.

По-видимому, нам нужно пойти на выделение части научно-технологической политики на наднациональный уровень. Очевидно, что такие страны, как Киргизия и Армения, не могут в достаточной степени финансировать фундаментальную науку. Они вынуждены использовать результаты тех стран, которые имеют в этой области заделы и компетенции: это прежде всего Россия, Беларусь и Казахстан. Выстраивание трансфера технологий, прикладной, фундаментальной науки, инжиниринга в странах ЕАЭС может стать тем фактором, который позволит получить дополнительные эффекты от экономической интеграции.

Среди наиболее эффективных направлений сотрудничества в научно-технологической сфере остаётся цифровая экономика. Это — та часть науки и технологий, которая позволяет соединить производство и распределение продукции. И если в части создания экосистем по распределению продукции есть существенные достижения, которыми мы можем обмениваться между странами ЕАЭС, то в части создания цифровых производственных платформ — к сожалению, существенные пробелы. Это направление, на мой взгляд, является наиболее перспективным.

Клепач: Мы говорим об опережающем развитии ЕАЭС, тем не менее значительно отстаём от темпов роста мировой экономики и будем отставать, если не менять модели развития ни на уровне стран, ни на уровне модели интеграции, которая у нас есть.

Несмотря на отставание, модель интеграции и определённые структурные особенности дали нам большую устойчивость. Спад экономики в прошлом году в странах ЕАЭС в целом был несколько меньше, чем в целом по миру — 2,9% (глобальный ВВП, по последним оценкам, упал на 3,3%). ВВП Евросоюза упал фактически в два с лишним раза больше, но это не столько вопрос эффективности политики, сколько разные структуры экономики.

Что касается восстановления роста торговли, если брать и мировые прогнозы, и оценки нашего института, без новых решений и подходов мы не будем развиваться опережающими темпами.

Каким будет качество ЕАЭС? Здесь есть вопросы, которые пока не решены, несмотря на принятие документа «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

При этом не всё решает экономика. В этот ковидный год мы увидели, что у нас есть огромное пространство для неэкономического сотрудничества, не только для цифрового, но и для сотрудничества в области той же медицины. Создав вакцины и передав их в ряд стран ЕАЭС и в другие страны, Россия показала, что у нас есть огромный потенциал в части передачи знаний и технологий, и ценность этого может быть больше, чем колебания во взаимной торговле.

Есть многолетний нерешённый вопрос по совместным инфраструктурным проектам, в том числе по проекту ВСМ «Евразия». Он обсуждался много раз, но подвижек пока нет. У нас почти нет совместных инфраструктурных проектов, которые были бы полезны для нескольких стран, за исключением, может быть, проектов в космосе, где Байконур не может функционировать без Казахстана. Есть проекты России по ГЛОНАСС. Это — «Сфера» с ее навигацией, картографией, дистанционным зондированием Земли, где мы можем намного глубже сотрудничать между собой.

У нас есть огромный потенциал для технологичных и человеческих проектов, потому что у нас есть общая культура, совместные духовные проекты и проекты развития русского языка — они очень важны не только для истории, но и для того, чтобы в медицине и в технологиях говорить на общем языке.

Кравцов: Любая экономика состоит из хозяйствующих правоотношений. Соответственно, споры по ним неизбежно приводят в суд. Нынешняя система бизнес не очень устраивает, поэтому было принято решение о создании наднационального международного арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов.

Для чего это нужно? Первое — это территориальная независимость. Технически рассмотрение споров с участием хозяйствующих субъектов внутри стран ЕАЭС может рассматриваться на одной территории без привязки к участникам процессов, это дает возможность централизовать судебные процессы на территории одного региона.

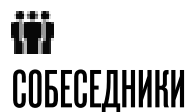
Второе — это национальная непредвзятость. Приведу пример. Я участвовал в создании третейского суда в Сингапуре. Российские предприниматели с китайскими заключают договор и никак не могут определить, какой же третейский суд будет рассматривать спор? Китайцы настаивают на китайском, российские — на русском. Внутри стран ЕАЭС существует такая же проблема, и создание наднационального арбитража ее решит.

АЛЕКСЕЙ КРАВЦОВ

«Создание внутреннего международного арбитража — это наш, по сути, ответ гаагским, лондонским третейским судам»

Третье — это скорость судебных процессов. Меня как-то пригласили в посольство Беларуси и рассказали, что белорусские поставщики не могут решить проблему по спорам хозяйствующих субъектов с российскими поставщиками: «Суды идут очень долго и проходят по месту нахождения должника, то есть в России. Мы должны ездить туда». Международный арбитраж решает эти проблемы в разы быстрее, а скорость судебных процессов по разрешению споров благоприятно повлияет на стабилизацию экономических отношений.

Создание внутреннего международного арбитража — это наш, по сути, ответ гаагским, лондонским третейским судам.

**Станислав Александрович
Наумов,**
Член президиума Делового совета ЕАЭС

Борис Николаевич Порфирьев,
Научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН, член
Президиума ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор

**Аскар Абдисаттарович
Джаппаркулов,**
Директор департамента макроэкономической политики
Евразийской экономической комиссии

**Владимир Николаевич
Боглаев,**
Генеральный директор АО «Череповецкий литейно-
механический завод»

Андрей Николаевич Лоцманов,
Первый заместитель руководителя комитета РСПП
по техническому регулированию, стандартизации
и оценке соответствия

**Алексей Юрьевич
Иванов,**
Директор Института права и развития
ВШЭ «Сколково»

Сергей Викторович Мочальников,
Директор департамента внешнеэкономического
сотрудничества и развития топливных рынков
Минэнерго РФ

**Андрей Иванович
Лисицын,**
Начальник департамента экологии, охраны труда
и промышленной безопасности ОАО «РЖД»

Развитие темы

ЭКОНОМИКА НОВОГО ФОРМАТА: ЦИФРОВАЯ, ИННОВАЦИОННАЯ, «ЗЕЛЁНАЯ». ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ЕАЭС

**Игорь Евгеньевич
Тайдонов,**
Технический директор
ООО «Эпикол-насосы»

**Василий Халимович
Садыков,**
Исполнительный директор
ООО «ПГМК»

Джаппаркулов: Ещё в 2018 году были утверждены основные направления реализации цифровой повестки Союза: цифровая прослеживаемость движения товаров, услуг и цифровых активов, цифровая торговля, цифровые транспортные коридоры, цифровая промышленная кооперация, оборот данных. В последние 3 года мы реализуем эту программу, у нас есть конкретные примеры результатов. Первое — это унифицированная система поиска работы «Работа без границ», объединяющая все информационные ресурсы для поиска работы в странах ЕАЭС и существенно облегчающая гражданам поиск подходящей вакансии в любой точке Союза. Второй пример — это экосистема цифровых транспортных коридоров, открытая цифровая среда обмена логистической информацией. Экосистема интегрирует информацию о транспортных средствах, экипажах, грузах и других документах на всех этапах перевозки.

Что касается «зелёной» повестки, то она закреплена в качестве одного из приоритетов развития ЕАЭС совсем недавно. Решением глав государств 11 декабря 2020 года были утверждены стратегические направления, в которых одним из новых областей работы стало развитие экономического сотрудничества в сфере «зелёных» технологий и защиты окружающей среды. Это включает в себя разработку и внедрение принципов «зелёной» экономики в Союзе, стимулирование применения энергоресурсосберегающих технологий, обмен передовым опытом и информацией о методах практической работы по обеспечению устойчивого развития и развития программ «зелёной» экономики.

Я очень надеюсь, что наши уважаемые эксперты помогут нам в решении этих задач, а результаты сегодняшней сессии станут отличным ориентиром для дальнейшей работы комиссии в этом направлении.

Ещё одним актуальным для нашего Союза вопросом является введение механизма углеродной корректировки при импорте в Европейский союз или так называемый углеродный налог. В конце 2019 года Европейский союз анонсировал европейский «зелёный» курс. Для этого в качестве одной из мер планируется введение углеродного налога на импорт товаров стран Европейского союза. Сейчас законопроект находится в стадии разработки, и конкретика по механизму его взимания ожидается в конце июня текущего года. Для ЕАЭС введение углеродного налога является одним из факторов будущего развития, так как ЕАЭС является ключевым внешнеторговым партнёром, а экспорт двух крупнейших экономик ЕАЭС — России и Казахстана — состоит в основном из углеродоёмких товаров. В связи с этим хотелось бы также услышать мнения наших уважаемых экспертов и спикеров по данному вопросу.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

РУСТЕМ НУРЕВ
«ДОРОГА К ХАЙЕКУ»

Фридрих фон Хайек – выдающийся австро-американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике «за работы по теории экономических колебаний и глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений». Автор анализирует идеи Хайека и австрийской школы в целом о спонтанном развитии и сознательном регулировании социально-экономической жизни общества.

Заканчивая своё вступительное слово, хотел бы отметить, что наша новая реальность создания экономики нового формата открывает возможности для деятельности человека и развития общества в балансе с природой. Однако чтобы новая система заработала эффективно, потребуется широкий взгляд на вещи, активное взаимодействие бизнеса, государства и общества. Поэтому ещё раз благодарю всех участников сегодняшней сессии и надеюсь на активный диалог, обмен опытом и идеями.

Наумов: Вы действительно отметили очень важный, конкретный живой пример, связанный с ключевыми свободами, формирующими единое экономическое пространство. Это рынок труда и та система, о которой Вы сказали. Она, я уверен, сделала интеграцию устойчивее, поскольку не дала нам всем снова разбежаться по каким-то отдельным углам. А транспортная система, о которой Вы говорите, обеспечила то самое передвижение товаров, причём не просто товаров, а товаров, которые нужны в срок, особенно если речь идет о товарах, связанных с противодействием коронавирусу и всем остальным угрозам.

Порфирьев: Только что прозвучало обращение президента к Федеральному Собранию, где мы сами, наверное, многие имели возможность услышать: из пяти блоков доклада один блок был посвящен тем вопросам, которые сегодня вынесены в нашу повестку дня. Прежде всего это то, что связано с так называемым «зелёным» измерением развития.

Я думаю, основная проблема, которую мы должны обсуждать (и состав спикеров даёт безусловные основания рассчитывать на то, что мы это получим) — это как раз нахождение, как мне кажется, тех самых балансов для устойчивого развития, которые никто не снимал с повестки дня. Использование новых направлений построения экономики нового формата — и цифровой, и инновационной, и «зелёной». Всё это на самом деле переплетается. Все «зелёные» технологии, по сути дела, в подавляющем своём большинстве наукоемкие, то есть, в существенной степени инновационные, в значительной степени основанные на цифре и так далее, то есть полное взаимопроникновение.

И в выстраивании балансов между этими новыми направлениями и традиционными направлениями, важно сделать так, чтобы решая задачи устойчивого экологического развития, не навредить нашей экономике. А признаки этого есть, это мы слышим, к сожалению, и от наших собственных спикеров, и, особенно, со стороны наших партнеров. Коллега упомянул только что о трансграничном углеродном регулировании. Это, как известно, способ не решения задач как

таковых, а это решение собственных задач за счёт других, за счёт прежде всего стран, которые взаимодействуют с Евросоюзом. Достаточно сказать, что те средства, которые заложены сегодня в новую «зелёную» сделку по переходу на низкоуглеродную экономику, в 4 раза ниже того, что требуется по собственным же подсчетам экономистов Евросоюза. Поэтому вот тот дефицит, который возникает, конечно, должен быть покрыт.

Как нам удержать эти равновесия, не сойти с нужной траектории, с одной стороны, но произвести ту структурно-технологическую трансформацию, которая уже давно у нас стоит на повестке дня? Мы должны перейти к совершенно новой экономике, нового типа, более производительной, более щадящей экологически — и тем самым обеспечить устойчивый рост.

Боглаев: Самая «зелёная» экономика — наверное, это всё-таки джунгли Амазонки, и, честно говоря, не хотелось бы, достигая безуглеродной экономики, жить в тех условиях. Я абсолютно убеждён, что сегодняшние «зелёные» нормативы, которые навязываются сверху международными организациями, являются ничем иным, как очередным ограничением доступа на международные рынки развивающихся стран как производственных инновационных территорий. То есть в данной ситуации, если идти ровно по этому пути, то, безусловно, Россия останется добывающей сырьё страной, так как если раньше мы ещё сырьё могли добыть и сверхприбыли отдать в Америку в виде резервного фонда, то после последних событий мы даже резервы не будем формировать — мы просто будем в виде углеродных налогов отдавать эти деньги без права даже их считать своими. Это моё, может быть, субъективное заблуждение, но так считают практически все мои коллеги — промышленники и производственники, которые ещё пока остались в стране, как бы с ними мы ни боролись.

Что касается содружества. Наш завод является уникальным в плане взаимодействия как в рамках Евразийского союза, так и в рамках союза России и Белоруссии. Хотя мы живём и работаем в Вологодской области, где 99,9% — это русские, украинцы и белорусские ребята, на нашем заводе работают и украинцы, и таджики, и грузины, и армяне. Мы, наверное, самое многонациональное постсоветское предприятие, которое существует в России. Наиболее объёмная у нас по численности — это белорусская диаспора, то есть многие руководители, специалисты, технологи, конструкторы, начальники производств у нас — выходцы из Белоруссии.

Именно потому что мы плотно работаем и с Украиной, и с Белоруссией, Азербайджаном, Узбекистаном, я скажу, что, с моей точки зрения, есть очень серьёзные проблемы,

которые сегодня возникают с точки зрения развития кооперационных связей. Да, правительство поддерживает развитие обрабатывающей промышленности в ряде секторов, в частности серьёзные деньги вкладываются в развитие сельхозмашиностроения и спецмашиностроения в России. Но я наблюдаю невероятно жёсткую борьбу на этом рынке между отечественными производителями. То есть деньги, которые поступают на модернизацию производства, на покупку нового оборудования, идут не на развитие технологий на заводах, а на жесточайшую конкурентную борьбу между ними, тем самым выбивая ресурс из развития страны в конкурентное поле. Понятно, что когда в эту же свару врываються ещё конкуренты пускай братских, но всё-таки других стран, будь то Белоруссия, Киргизия или Казахстан, начинается ещё более жесткая схватка, потому что они воспринимаются хоть братскими, но всё равно чужими конкурентами, а никак не кооператорами. Я в этой борьбе нахожусь постоянно, поэтому для меня призыв «Давайте дружить!» всегда упирается в то, что мы даже не можем устранить недобросовестную конкуренцию внутри отечественного рынка, а тем более это будет сложно сделать внутри стран ЕАЭС.

В последнее время я слышу много информации о том, и я с этим полностью солидарен, что единственная реальная возможность снять эти противоречия (а они объективно неизбежны) — это развитие союзных кооперационных проектов, которые работают в сегментах, где сегодня у нас отсутствуют параллельное производство. Наличие, допустим, на территории ЕАЭС и КАМАЗа, и МАЗа — безусловные потери ресурсов, которые вкладываются в развитие обоих предприятий. Развитием тракторных производств и в России, и в Белоруссии, которые между собой конкурируют, мы тоже проедаем те ресурсы, которые пытаемся вложить в развитие и там, и там. В итоге они друг друга убивают на «оборотке», не говоря о том, что мы теряем мощности и модернизацию.

Один из последних успешных проектов, который показал правильность подхода к масштабным союзным проектам, которые дают возможность кооперации и совместного развития без споров и соответствующих искр в переговорах — это ввод в строй Белорусской АЭС, но другого серьёзного масштабного проекта на сегодняшний день мы не видим.

Есть ли рынок, где сегодня мы можем не конкурировать, а взаимодействовать очень плотно и осваивать очень серьёзные технологии? На мой взгляд, есть. Например, нефтехимическое машиностроение в России. Скажу так, что сегодня ЧЛМЗ (это завод, где я работаю директором) является единственным в стране предприятием, которое имеет возможность и компетенции в производстве конечной стадии печей оргсинтеза и пиролиза, которые у нас используются при

производстве топлива, этилена, водорода, в азотной промышленности. Фактически это критическое импортозамещение. Один нюанс: что касается нефтехимического машиностроения, то практически все наши лидеры нефтехимии (а это больше 40 только крупных предприятий в России) работают на импортном оборудовании, а в наиболее сложном и критически важном техпроцессе производства доля импортных поставок занимает более 99%. Это при том, что ежегодный объем потребления этого продукта составляет более 7 млрд долларов в год.

ЧЛМЗ, который является единственным в России предприятием, обладающим данной компетенцией, учитывая невозможность кредитоваться под более-менее серьезные тендеры и развиваться, занимает в этом лишь маленькие доли процентов. Миллиард рублей в год, потому что дальше у нас — ограничение по оборотным средствам.

При этом с точки зрения проектов, которые мы можем совместно развивать, логика следующая: мы видим нашу внешнеэкономическую и политическую ситуацию, которая по большому счёту близка к такой, что завтра нам остановят поставки наши заклятые партнеры — и мы даже топливо для танков не сможем производить. Соответственно, возникает простой вопрос. Почему не сделать союзный проект, который имеет объем ежегодного рынка высокотехнологичной машиностроительной продукции в 7 с лишним млрд долларов, где потребление совершенно находится в наших руках, потому что предприятия, которые являются потребителями, находятся на территории России? И следующий вопрос. А кто проплатит такого рода вложения в союзный проект, и какие вообще есть возможности, чтобы его запустить? Я не буду вдаваться в нюансы, поэтому я коротко просто прочитаю, что мы имеем для старта союзного проекта с объёмом ежегодной реализации не менее 7 млрд долларов, притом что сегодня всё машиностроение Белоруссии — порядка 4-4,5 млрд долларов в год.

Что мы имеем для союзного проекта? В Белоруссии имеется хорошая инженеринговая база по данному направлению — Гродненский научно-исследовательский проектный институт азотной промышленности и продуктов органического синтеза, который предоставляет комплекс услуг по разработке проектной и другой документации в области нового строительства, технического перевооружения, реконструкции и ремонта в производстве химической, нефтеобработывающей и нефтегазоперерабатывающей промышленности. Сегодня весь инженеринг, которым мы пользуемся в России, у нас не белорусский, а зарубежный.

Второе. В Белоруссии, как бы там оно ни было, есть перегруженные обрабатывающие мощности, как, кстати, и в России, и оборотные ресурсы, которые сегодня уходят

на борьбу с нами же, с россиянами, которые могут быть запущены не в сражение на нашем общем рынке, а в развитие нашей совместной компетенции. Есть и свои предприятия нефтехимии — это Мозырь, Новополоцк, Гродно, где можно отрабатывать те или иные технологии.

Что есть в России? Ну, безусловно, значительный по объёму рынок для продукции нефтехимического машиностроения. Есть компетенции и технологии по целому ряду продукции, которую можно отнести к критическому импорту. И самое главное — наверное, финансирование. 10 марта 2021 года было подписано постановление правительства «О соглашениях о создании новых мощностей или модернизации действующих мощностей по производству нефтехимической продукции», побуждающее российские нефтехимические компании к модернизации своих производств. О чём идёт речь? Речь идет о том, что в ближайшие 5 лет будет потрачено, по разного рода подсчетам, от 1 до 2,5 трлн рублей на модернизацию наших российских нефтехимических производств. В какую страну идут эти триллионы рублей, и чьё машиностроение мы будем развивать? Если мы действительно ищем проекты не для лозунгов, а для работы, для развития человеческого потенциала, наверное, этот проект точно не самый худший.

**АНДРЕЙ
ЛОЦМАНОВ**

«Без реальной интеграции и кооперации предприятий наших стран Евразийский союз будет, мягко говоря, пошатываться»

Лоцманов: Сегодня много раз звучало слово «интеграция», и действительно, без реальной интеграции и кооперации предприятий наших стран Союз будет, мягко говоря, пошатываться.

Но сегодня ситуация напоминает то время, когда у всех был кнопочный Nokia, и мы жили, были довольны, но уже появлялся iPhone. Поэтому об интеграции сегодня говорить надо уже в цифровом плане, потому что это интеграция под названием «Индустрия 4.0». Она уже делает первые уверенные шаги во многих странах, в том числе и в Европе.

Наш комитет возглавляют два сопредседателя — Евтушенко Владимир Петрович и Пумпянский Дмитрий Александрович. Мы много лет занимались вопросами технического регулирования и стандартизации, и вот сейчас занимаемся ещё и промышленной политикой. Та система стандартизации и сертификации продукции, которая у нас работает и которая сегодня ещё обеспечивает безопасность нашей продукции, регламенты Таможенного союза и так далее, создавалась 120 лет назад для второго технологического уклада. Сегодня — 4-я промышленная революция, и взаимодействие предприятий уже должно быть, как говорят айтишники, в бесчеловечном формате, то есть в цифровом облаке без участия человека.

Мы с вами все уже привыкли, что штраф за превышение скорости нам выписывает не инспектор ГАИ. Процесс «бесчеловечный» или, правильно говорить по-русски, безлюдный.

Так вот и производство, и взаимодействие между производствами тоже будет в безлюдном формате, и мы это уже видели, например, на заводе Volkswagen в Германии.

Сегодня, чтобы поезду поехать в Европу, в Бресте можно поменять колесные пары, но в интернете колёсные пары не поменяешь. Если будут разные стандарты, то наш с вами телефон не будет работать одинаково устойчиво в Москве, в Нью-Йорке или в Пекине. Только единые стандарты обеспечивают работу. Так вот, и промышленная кооперация, и торговля, и вся экономика уже сегодня переходят в облачный режим, и для этого нужны единые стандарты, чем наш комитет предметно и занимается вместе с айтишниками ведущих российских компаний.

Уже три года работает совет по техническому регулированию и стандартизации, который был создан Российским союзом промышленников и предпринимателей, нашим комитетом, который возглавляет Дмитрий Александрович Пумпянский, и Восточным комитетом германской экономики. Почему Германия, почему наши коллеги из Германии — и органы власти, и органы по стандартизации, и промышленность — заинтересованы в том, чтобы Россия работала вместе с ними по созданию этих единых стандартов и по созданию единой системы? Потому что если будут разные стандарты, то и взаимодействие промышленностей России и Германии будут невозможны.

Сегодня в создании индустрии 4.0, где лидером является Германия, участвуют многие страны. Это США, Китай, Италия, Франция, Южная Корея. Пока нет флага России, но я очень надеюсь, что и флаг России тоже будет присутствовать в этом проекте. Мы очень много для этого делаем. Работа ведется по нескольким направлениям. Это единые стандарты, единые классификаторы, вопросы оценки соответствия, сертификации продукции, причём сегодня уже и оценка продукции в виртуальном режиме возможна.

Но очень важны единые стандарты. Сегодня есть более трёх тысяч международных стандартов по цифровым технологиям. Поскольку наши компании много лет покупали готовое оборудование, готовые программные продукты, они, конечно, об этих стандартах знают далеко не всегда, потому что когда ты покупаешь телефон, тебе стандарты не нужны. А вот если ты решил сделать телефон сам, то тебе нужна не одна сотня стандартов, начиная со стандартов на стекло, на пластмассу. Их надо найти, их надо прочитать, их надо осознать и научиться делать продукцию в соответствии с этими стандартами. Сегодня из трёх тысяч стандартов только около двухсот применяются в России, и мы работаем над тем, чтобы наша промышленность знала об этих стандартах.

Мы, конечно, ушли далеко вперед по цифровизации, допустим, госуслуг. Таких цифровых госуслуг, как в Москве, в Берлине точно нет, когда можно, сидя на кухне за чашкой чая, заказать себе новый загранпаспорт, получить дату и время получения загранпаспорта. Но пока в наших стратегических программах и в стратегических программах Евразийского союза, к сожалению, нет ни одного слова о цифровизации производства, о создании промышленности Российской Федерации 4.0.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

«Мы очень сильно недокапитализировали, недореализовали свой потенциал в аграрной сфере»

Иванов: Сейчас в мире конкуренция за природные ресурсы, за продовольственные ресурсы очень резко обостряется. Возможно, мы находимся в одном из самых сложных переходов в смысле обеспечения продовольствием населения мира. И отсюда возникают как вызовы, так и возможности для Российской Федерации как, на мой взгляд, одного из возможных ключевых поставщиков продовольствия в мире, и я говорю прежде всего о продукции растениеводства. И, собственно, отсюда вытекает целый ряд наших предложений и инициатив, которые находятся в достаточно высокой степени проработки, но ещё, можно сказать, в пилотной или опытно-конструкторской, как говорят инженеры, стадии, ещё не в стадии промышленного применения.

О чём я говорю? Мы говорим фактически о переходе к новой модели экспортного обеспечения с точки зрения поступления валютной выручки.

Фактически сейчас, как вы прекрасно знаете, экспортная выручка наших стран, прежде всего России и Казахстана, базируется на углеводородной ренте, то есть на экспорте продуктов углеводорода, и это падающий рынок. Он падает прежде всего из-за «зелёной» революции, «зелёного» разворота, «зелёного» курса, который сейчас берут основные страны — потребители наших углеводородов. Кроме того, существует целый ряд других вызовов и проблем, связанных с устойчивостью доходов от углеводородного экспорта. И, как вы знаете, наш бюджет и наша экономика очень сильно зависят от этой валютной выручки. Поэтому нужно ее чем-то заменить или, по крайней мере, что-то добавить к этому потоку валютной выручки. И наше видение состоит в том, что мы очень сильно недокапитализировали, недореализовали свой потенциал в аграрной сфере, в сфере АПК, и прежде всего я имею в виду растениеводство, производство зерновых и масличных культур.

Сегодня сельхозэкспорт России — это достаточно грустная история. Хотя мы за последний год увеличили объём процентов на 20-30, но реально мы болтаемся в третьем-четвёртом десятке мировых производителей аграрной продукции. И это, в общем-то, для страны, которая занимает

самую большую территорию и обладает колоссальными ресурсами именно по посевным площадям, неприемлемо. У нас 40% мирового чернозема, у нас очень много воды, у нас много других ресурсов, которые используются в растениеводстве.

Если взять наш агроэкспорт (там второе место — это рыба и морепродукты, которые в чистом виде к АПК отнести нельзя, это по большому счёту эксплуатация исчерпаемого ресурса, которая в значительной степени происходит в некоей офшорной модели продажи), то самый главный потенциал — именно в зерновых и масличных культурах. Соответственно, масло-жировая растениеводческая отрасль — это тоже очень важный на сегодняшний день сегмент российского агроэкспорта.

Тем не менее, как я уже сказал, наш объём продаж зерна в мире, несмотря на то, что мы вышли на первые позиции по экспорту пшеницы, в реальности не соответствует даже близко нашему потенциалу. То есть если сравнить объём российского агроэкспорта, включая рыбу, он достигает где-то 25–27 млрд долларов, а агроэкспорт такой страны, как Бразилия, например, которая лидер по сое, превышает 120–130 млрд долларов, и даже такие страны, как Германия, превышают российский агроэкспорт в несколько раз — это 75–80 млрд долларов. То есть в общем-то очевидно, что российский агроэкспорт — это довольно маленький на сегодняшний день сегмент в мировой системе разделения труда, что не соответствует ни нашим природно-климатическим условиям, ни тому месту в мировой системе, которое мы занимаем.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

«Если взять наш агроэкспорт, то его главный потенциал — именно в зерновых и масличных культурах»

И сейчас мы очень хорошо понимаем, что именно экспорт зерна, именно экспорт продуктов растениеводства должен быть драйвером для развития АПК. Внутренний спрос, учитывая достаточно маленькое население, маленький платежеспособный спрос, очень низкий, и фактически без экспорта растениеводческой отрасли АПК развиваться не будет.

В то же время в мире существует очень большой и растущий спрос. Емкость мирового рынка зерновых и зернобобовых культур выросла кратно по отношению к росту народонаселения. Это объясняется динамичным ростом населения в тех регионах, которые не могут обеспечить себя продовольствием.

Мы эту нишу по многим причинам не занимаем, хотя потенциал для этого есть колоссальный. Другой, естественно, наш сосед — это Китай, ёмкость импорта которого очень значительна, именно продукции растениеводства. Фактически Россия сегодня занимает 1% в структуре импорта бобовых культур (соя, рапс), а по пшенице вообще у нас практически нет экспорта в Китай, и в значительной степени наш агроэкспорт в Китай носит характер нишевых, а не значимых системных товаров.

Так что мы делаем в этом направлении? К сожалению, государственная политика в сфере поддержки аграрного экспорта, прежде всего экспорта продукции растениеводства, сегодня прямо противоположна интересам развития страны, интересам развития экономики как России, так, в общем-то, и стран Евразийского союза. И очень ярким примером такой «антиполитики» стали введённые в этом году так называемые демпферные пошлины. Это механизм контроля агроэкспорта для снижения его объёмов. Я думаю, вы слышали о том, как вводились эти пошлины. Это была реакция на рост внутренних цен на товары народного потребления, прежде всего мучные изделия, растительное масло, сахар. Но механизм решения этой проблемы оказался в таком формате: «у вас болит голова, давайте мы её отрубим». Это в значительной степени привело к резкому снижению инвестиций в отрасль, и мы уже слышим, что большое количество предприятий растениеводческой отрасли говорят, что они снижают инвестиционные программы, сокращают объёмы посевов на следующий год, и это автоматически снижает результат технологического развития отрасли.

Технологии на самом деле очень активно приходят в сферу АПК, очень активно приходят в растениеводческую сферу, и это как цифровые решения (точное земледелие, цифровые платформы для сельского хозяйства), так и биотехнологические решения (новые семена, новая агрохимия). Селекционно-семеноводческая отрасль сейчас переживает системную трансформацию. Мы видим большое количество новых решений, выходящих именно в биотехе, и за последние 10–20 лет с 1980-х годов за 30 лет фактически произошла революция в этой отрасли. Мы видим, что на 50–60% увеличилась производительность большинства ключевых культур, появление новых сортов-гибридов, новых технологий выращивания. Это системные изменения, технологические изменения в отрасли.

И единственная эффективная стратегия, которая здесь может быть, — это провоцирование этого долгосрочного технологического развития отрасли, и то, что может тащить технологическое развитие — это, безусловно, увеличение экспортных поставок.

Сегодня мы видим, что структурные изменения в отрасли АПК привели к тому, что сельхозтоваропроизводители оказались зажаты между двумя большими олигополистическими структурами, очень сильно монополизированными блоками. Это категория поставщиков средств производства (агрохимия, семена, удобрения), где очень высока экономическая концентрация. И с другой стороны — олигополия глобальных трейдеров. И там, и там мы видим мощнейшую концентрацию ресурсов в руках очень небольшого количества транс-

национальных корпораций. В этих условиях единственным эффективным путем развития отрасли является создание новых стимулов для российских сельхозтоваропроизводителей. Вместо этого по тем сельхозтоваропроизводителям, которые и так находятся в очень сложной ситуации, российское государство бьет ещё обухом, устанавливая эти самые демпферные пошлины.

У нас есть два больших проекта — «Селекция 2.0» и «Агрофинмост», которые являются якорными для построения инклюзивной платформы поставок зерна в мире.

В «Селекции 2.0» мы предлагаем запустить механизм создания собственных сортов и гибридов, которые бы, в свою очередь, потянули построение российских технологий выращивания.

А «Агрофинмост», в свою очередь, направлен на выстраивание инклюзивной системы экспортных поставок, которая может стать драйвером для увеличения объемов производства. Сегодня мы уперлись в такой психологический или стеклянный потолок в 140 млн тонн производства зерновых, фактически из него вырваться не можем. При том что у нас порядка 80 млн гектар сельхозземли находятся в заброшенном состоянии, а урожайность примерно в 6 раз ниже, чем в Германии.

Развитие отрасли растениеводства также имеет большой потенциал секвестрации в климатической повестке. Как вы знаете, основной принцип фотосинтеза — это как раз потребление углерода, основного парникового газа. Так вот сейчас развиваются технологии регенеративного земледелия, технологии карбонового земледелия, целая индустрия поглощения углерода, поглощения парниковых газов за счет именно сельскохозяйственных инструментов. И здесь Россия может сыграть очень интересную роль.

В принципе, 80 млн гектар заброшенных земель, если их правильно структурировать в виде так называемых карбоновых ферм, может дать до 50 млрд долларов экспортной выручки при правильно организованном бизнесе по продаже этих квот.

Мочальников: Говоря о декарбонизации, хотелось бы уточнить, что страны Евразийского союза неоднородны с точки зрения потребления и энергобаланса. Доля газа, допустим, в Белоруссии — 67%, в России — 53%, в Казахстане — 21%. Доля угля в балансе Казахстана — 53%, в России — 12%, в Белоруссии — 4%. Здесь мы видим, что внутристрановые стратегии будут отличаться, но должны базироваться на единых принципах. Поэтому хотелось бы отметить, что на душу населения у нас наиболее зависи-

мый — это Казахстан, потребляется 4,7 тонны угля на человека. А в Китае, в крупнейшем потребителе угля в мире, — только 2,6.

Хотелось бы отметить, что доля ВИЭ невелика, колеблется в долях процентов, поэтому сложно пока говорить о каком-то глобальном влиянии на сегодня, но перспективы у ВИЭ достаточно серьезные.

**СЕРГЕЙ
МОЧАЛЬНИКОВ**

**«Ускорение
энергетического перехода
не должно препятствовать
социально-
экономическому
развитию»**

Россия — один из крупнейших игроков на международных энергетических рынках, полностью поддерживает усилия мирового сообщества по противодействию изменению климата и рациональному природопользованию. Практически все страны Евразийской экономической комиссии у нас поддерживают эти усилия. У Белоруссии безусловная цель — снизить выбросы на 28% по отношению 1990 году. Армения поставила цель сгенерировать за 2015–2050 годы не более 633 млн тонн выбросов CO₂, что эквивалентно 5,4 тонны на душу населения, а также увеличить площадь лесов на 20% на своей территории. Мы видим, что каждая страна принимает самостоятельное решение, какими путями идти к поставленной цели. У Казахстана безусловная цель — снизить выбросы на 15% к уровню 1990 года. Кыргызстан планирует сократить свои ожидаемые выбросы от 11,5 до 13,75% к 2030 году от уровня 2010-го. Корпоративный сектор в России также ставит цели по декарбонизации. Большинство нефтегазовых компаний объявили о целевых ориентирах в части достижения углеродного следа. Яркий пример — «Татнефть», которая поставила задачу достичь углеродной нейтральности к 2050 году.

Что можно сказать о перспективах декарбонизации по отраслям и видении путей их достижения? В частности, Россия в своей политике исходит из необходимости соблюдения баланса между климатическими задачами и дальнейшим обеспечением экономики и населения доступными энергоресурсами. Для удовлетворения глобального спроса на энергию необходимо сбалансированное развитие углеводородной энергетики и новых источников энергии вместе с сохранением базисных текущих источников. Ускорение энергетического перехода не должно разрушать способность традиционной энергетики обеспечивать доступ к надежному и устойчивому энергоснабжению, а также препятствовать социально-экономическому развитию. Все эти положения отражены в доктрине энергетической безопасности Российской Федерации.

Основными инструментами декарбонизации могут стать сокращение выбросов парниковых газов при генерации, сокращение выбросов метана при добыче и транспортировке, развитие газовой отрасли, развитие ВИЭ, развитие водородной энергетики. Большинство развитых стран и в глобаль-

ных, скажем так, прогнозах газ был объявлен переходным топливом к низкоуглеродной экономике. Именно газ, а не уголь, не нефть. Поэтому Россия в первую очередь исходит из того, что пока новые источники не смогут обеспечить бесперебойное снабжение и принять все функции традиционной энергетики, природный газ, в том числе СПГ, как наиболее чистый энергоресурс, целесообразно использовать как переходный в глобальной энергетической трансформации.

Лисицын: Хочу сказать, что с 2014 года национальными целями были установлены параметры по сокращению количества выбросов парниковых газов относительно 1990 года на 25% к 2020 году и на 30% — к 2030-му. По итогам реализации нашей политики в области ресурсосбережения и внедрения технических решений снижение выбросов углекислого газа составило уже 48% в сопоставимых объемах перевозок к 1990 году. К 2030 году при прогнозируемом росте перевозок планируется достичь показателя 51% к 1990 году.

Экология, повторюсь, для нас не пустой звук, и этот год объявлен в РЖД годом экологии. Мы разработали новую экологическую стратегию. Буквально в понедельник она была рассмотрена и одобрена правлением «Российских железных дорог». Устанавливаем для себя достаточно амбициозные задачи по снижению влияния нашей производственной деятельности на территории присутствия. В рамках года экологии утверждён план, который предусматривает более тысячи мероприятий.

В текущем году мы ставим основными задачами задействовать научный потенциал холдинга и внешнего контура для проведения исследований по внедрению экологически чистых видов топлива, разработке накопителей энергии, энергосберегающих технологий освещения и высокоэкономичных машин; продолжить активную работу по сокращению расходов топливно-энергетических ресурсов; совершенствовать отраслевые руководства, инструменты учета и верификации выбросов парниковых газов; ну и, конечно же, обеспечить участие в разработке федеральной научно-технической программы экологического развития и климатических изменений.

Шмаль: Сегодня здесь часто упоминается цифровизация. Я хочу свою точку зрения выразить.

Во-первых, цифра сама землю пахать не будет, хлеб растить не будет, скважину бурить не будет. Да, с помощью цифры можно сделать процесс бурения более оптимальным, может, даже дешевле, но всё равно в основе всего остаётся человек, его интеллект, его отношение к делу. И человеческий фактор, о котором мы так часто говорим, будет сопровождать нас всю оставшуюся жизнь до тех пор, пока есть Земля.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ

ПОЛ КОЛЛИЕР
«БУДУЩЕЕ
КАПИТАЛИЗМА»

В своей страстной и полемической книге известный экономист Пол Коллиер намечает весьма оригинальные и морально обоснованные способы борьбы с новым расслоением общества — экономическим, социальным и культурным, — но делает это не с жаром «новых старых» идеологов, а с прагматической трезвостью.

Ну, например, возьмите эту эпопею с «Норильским никелем». Ведь это человеческий фактор, это произошло, оттого что люди вовремя не смотрят, как эксплуатируется объект. В 140 млрд рублей, на всякий случай, это обошлось.

Поэтому я считаю, что, конечно, когда мы говорим о цифровизации, главное — не заболтать этот вопрос. Здесь не нужен ажиотаж, не нужен фанатизм. Нужно говорить, как Юрий Алексеевич Гагарин, «поехали!» — и спокойно ехать.

Мы, если говорить о нефтянке, довольно давно, уже лет 60, занимаемся вопросами автоматизации, цифровизации. Ну и многие из вас, кто постарше, помнят и АСУТП, которые мы внедряли на производствах, и так далее. Мне очень понравился сегодня доклад о цифровизации, но в этом докладе нет главного: а что же делать?

Дело в том, что сегодня многие наши беды от того, что очень низок уровень управления нашей экономикой, а может и в целом народным хозяйством. Как говорил мой, к сожалению, ушедший из жизни друг и товарищ, «нашествие дилетантов страшнее саранчи». К сожалению, мы сегодня пожинаем то, что у нас долгие годы во главе наших крупных и не очень крупных предприятий и министерств стояли, да и сейчас стоят люди с очень низким уровнем компетенции.

Тайдонов: Приветствую всех участников форума. Очень интересные темы сегодня были подняты, и я сейчас сокращу максимально своё выступление.

К вопросам экологии (а мы сюда приехали в первую очередь по этим вопросам) помимо парниковых газов ещё относятся и вода, и наш лесной фонд. И, как правильно сказал Геннадий Иосифович, цифровизация сама не будет рыть каналы, осушать и проводить санитарную очистку водоемов, не будет тушить пожары и прочее.

Я хотел бы подчеркнуть, что многие проблемы, о которых сегодня говорилось, можно было бы решить, обратив внимание на технологии и производство внутри нашей страны, немножко отвернувшись от импорта, от этих уже сильно сформированных связей — и экономических, и, так скажем, понятийных. Мы сами с нуля, имея инновационную разработку, запатентовали ее, сами развивали своё предприятие, прошли все круги по всем возможным направлениям. Вокруг нас со временем сформировался такой же круг новаторов с очень интересными технологиями, которые позволяют и снизить выбросы промышленных стоков в наши реки, и сократить количество неконтролируемых очагов пожаров и прочего.

Наша технология относится к одной из прорывных технологий, которых нет нигде в мире, которые доказали свою эффективность, но мы до сих пор ещё, грубо говоря, не вышли почему-то в промышленные рамки. Как было уже сказано, можно оцифровать заказ колеса от вертолета, а можно построить десяток вертолетных заводов. В моём понимании за 8 лет мы должны были

построить уже десяток заводов по производству насосов, очистительных станций, модульных систем быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации и наводнения.

Садыков: Я тоже представляю производителей насосного оборудования, только значительно более мощного, с максимальной производительностью, которое используется в горно-обогатительной отрасли. Мы — малое предприятие, и опыт нашей работы как раз можно было бы вам продемонстрировать. В своё время мы просто поставляли насосное оборудование, и первое, что мы сделали по китайскому методу — срисовали насосы Warman и Metso и запустили в производство, но посчитали этот путь неприемлемым для себя и создали собственный насос, который по своим техническим характеристикам значительно превосходит импортные аналоги.

Обидно, что с момента начала работы над этим оборудованием, которое очень востребовано на горно-обогатительных комбинатах, мы не нашли поддержки ни на каком уровне. Мы выходили на структурное подразделение «Северстали» Костомукшский ГОК, где в своё время я работал, пробовали предложить покупать отечественное, вместе разработать что-то с поддержкой комбината. Ничего не получилось. Импортозамещение мы начали гораздо раньше, чем это слово появилось у всех в лексиконе в 2014 году. Мы с 2010 года этим занимаемся. И после того как объявили импортозамещение, мы думали: всё, сейчас пойдёт. Ничего не пошло, ничего не изменилось. Мы очень долго пробовали внести нашу номенклатуру в тот перечень, который Минпромторг согласовал. Нет там такой номенклатуры. Большинство комбинатов покупают импортные насосы, до 2008 года — наверное, все, потому что тогда у нас не было замены, мы ещё своё не создали, а денег было много, и все полностью перешли на импортное оборудование. Сегодня на большинстве крупных комбинатов, таких как Костомукшский ГОК, Качканарский ГОК, нет ничего российского. Там полностью импортное оборудование. Насосы Warman. Кто они нам?

Почему нет преференций для отечественного производителя? Почему «зелёная» улица открыта для импортного оборудования? Понятно. Потому что частные лица стоят во главе компаний, большинства крупных холдингов и горно-обогатительных комбинатов.

Сегодня мы находимся на высокой ступени развития, заменили собой институты, создали, запатентовали продукт, много идей сегодня есть, которые мы собираемся воплотить, но, опять же, в гордом одиночестве. Мы используем собственный потенциал, собственные мозги и собственные финансы. В последнее время, правда, «Корпорация развития Республики Карелия» оказывает поддержку в плане продвижения продукции, помощь в организации выставок и так далее. Но это всё не то. Надо заменять импортных поставщиков, и мы готовы это делать, но не знаем, с кем и как. Не получается. Только собственными силами.

Альтернативный взгляд

«ЗЕЛЕНАЯ СДЕЛКА» — РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

По материалам программы «Промышленный клуб», телеканал «Санкт-Петербург», 14 сентября 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент Вольного экономического общества России,
президент Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д.э.н., профессор

Георгий Владимирович Сафонов,
Директор Центра экономики окружающей среды
и природных ресурсов НИУ ВШЭ, к.э.н.

Бодрунов: Георгий Владимирович, здравствуйте. В середине лета Еврокомиссия представила стратегию по радикальному снижению выбросов парниковых газов к 2050 года. Давайте разберемся, в чем смысл и цель этой программы, и почему ее очень часто называют в последнее время «зеленая сделка»?

Сафонов: «Зеленая сделка» — это больше, чем стратегия по снижению выбросов парниковых газов. Она потому и называется «зеленая», что интегрирует много важных целей, документов, задач, связанных не только с парниковыми газами: проблемы адаптации к климатическим изменениям, развитие «голубой» и «зеленой» экономики и энергетики, порядка 15–20 документов, связанных с «зеленым» развитием, в том числе и с климатом, но не только. Это и стратегия сохранения биоразнообразия — новая для Евросоюза. Принято считать, что это именно европейская сделка, европейская договоренность о том, что нужно делать не только в узком понимании снижения выбросов или адаптации к климатическим изменениям...

Бодрунов: Да, но она гораздо шире: это новая платформа не только для стран Европы, но и для тех, кто хочет сотрудничать с ЕС.

Сафонов: Этот новый курс, «зеленый» курс — это понятие именно так чаще переводят на русский язык — действительно очень важен для других стран, потому что и экономика Европы является большой и важной в глобальном измерении, и инициативы, назовем их «зелеными» или экологическими, так или иначе будут отражаться на деятельности других экономик, других компаний, в том числе экспортирующих в Евросоюз свою продукцию. Что касается непосредственно стратегии декарбонизации экономики, то есть радикального сокращения выбросов парниковых газов, речь идет о достижении климатической нейтральности — выбросы не должны превышать объемов поглощения. Для Евросоюза это общая цель, которая предполагает не только то, что нужно стать климатически нейтральными к 2050 году, но и как достигать этой амбициозной задачи на этапах: к 2030 году, к 2040 году. Цели Евросоюза были ужесточены в связи с выпуском новой стратегии. Когда-то они обсуждали с большими дискуссиями, что надо выбросы снизить на 40% от 1990 года к 2030-му, а сегодня они приняли уже цель минус 55%. Это очень серьезные большие цели, учитывая что сейчас у них чуть больше 20% снижения.

Бодрунов: Я с Вами соглашусь в том, что стратегия Еврокомиссии шире, чем узко понимаемая «зеленая сделка», но все-таки слово «сделка» здесь присутствует. При этом многие эксперты говорят о том, что «зеленая сделка» — это способ решения проблем экономики еврозоны за счет, в основном, других стран, а экологическая безопасность — это всего лишь благовидный предлог. Вы с этим согласны?

Сафонов: Это совсем не так. Евросоюз тратит на создание «зеленой» экономики огромные деньги. Если мы думаем, что они хотят ввести трансграничный углеродный налог, как мы его называем, это не так, они хотят создать конкурентные условия. Это называется корректирующий механизм. Если наши предприятия не платят за выбросы углерода, то когда они привозят на рынок ЕС свою продукцию, они, получается, демпингуют. Конечно, европейским регуляторам этого не хочется. Они хотят уравнивать условия.

Бодрунов: То есть фактически это не за наш счет и не за счет того, что они импорт облагают налогами, просто они создают единую конкурентную среду, по крайней мере, у себя. Это выглядит так с их точки зрения.

Сафонов: Да. Сегодня цена на европейском рынке уже превысила 54 евро за тонну CO₂. Это очень большая цена, и она будет расти, по некоторым данным, до 80–100 евро за тонну CO₂ уже в ближайшее время. Российские производители не платят ничего. Одна тонна российской стали имеет углеродный след примерно 8 тонн CO₂. Умножьте 8 на 54 евро — это то, сколько мы должны добавить к каждой тонне. Есть подозрение, что это выше, чем цена тонны стали, то есть это серьезный момент — они уже платят и будут платить больше, а мы ничего не платим, но хотим возить на их рынок. Они, конечно, будут предпринимать серьезные усилия, чтобы выравнять условия, но то, что уже сейчас предложено, пока в виде проекта регулирования, — это медленное изменение, дающее возможность адаптироваться компаниям, перестроиться экономике. Так что время есть на то, чтобы принимать решения, но их уже надо начинать принимать.

Бодрунов: Наверно, с точки зрения глобальной конкуренции это правильно. Если мы имеем общую для человечества или по крайней мере для европейского климатического пространства задачу, то должны ее как-то совместно и решать.

Сафонов: Надо сказать, что не только Европа уже включилась в этот процесс: в ближайшее время можно ожидать похожего регулирования в США — мы экспортируем туда тоже довольно много разных товаров, это касается и Канады, точно будет подобное регулирование в Японии, Китай вводит свое регулирование.

Бодрунов: А что это значит для нас, для России? Все-таки мы — один из крупнейших в мире экспортеров ископаемого топлива, в том числе и для Европы. Мы должны значительно сократить или вообще в перспективе отказаться от добычи ресурсов?

Сафонов: Быстро это, конечно, не получится сделать, потому что уж очень это привычный бизнес, привычная модель.

Бодрунов: И привычный способ получения доходов в бюджет в том числе.

Сафонов: И в бюджет, и для компаний, и на социальные программы. Воздействие этого сектора на окружающую среду очень большое и негативное в основном, но надо не забывать, что есть у такой экономики и социально-экономические плюсы. Здесь мы попадаем в зону, когда позиция не только Евросоюза, но и мира развитых стран, и Китая, и Индии уже тоже — это то, что ископаемое топливо должно остаться под землей. Чем меньше мы его достанем

и выбросим в виде сожженного угля или нефти в атмосферу, тем мы лучше поможем климату стабилизироваться и будет меньше опасных природно-климатических явлений. В общем, такая позиция стала уже непререкаемой, к этому идет развитие регулирующей базы, экономические механизмы, и цена на углерод — это один из инструментов. И где место нашей экономики, основанной на ископаемом топливе, в декарбонизированной экономике мира? Нет этого места, таких объемов потребления не будет к 2050 году точно, и будет очень быстрое сокращение потребления ископаемых видов топлива.

Какие-то виды будут временно выигрывать, например, газ может некоторое время выигрывать, потому что в первую очередь будут отказываться от угля. Нефть, скорее всего, будет терять позиции очень стремительно в связи с переходом на «зеленый» транспорт, электрический и водородный. И общий объем рынка будет уменьшаться, а конкуренция на нем — возрастать. Сможем ли мы конкурировать с такими производителями, у которых очень низкие издержки по производству нефти, например, с Саудовской Аравией или с Катаром, у которого издержки на добычу газа и превращение его в сжиженный газ очень низкие? Они готовы победить на этом рынке и захватить свои ниши.

Я бы сказал, что нам нужно, жизненно важно — смотреть на новые траектории «зеленого» развития, «зеленой» экономики в целом и узко — «зеленой» энергетики. Россия обладает самым большим в мире потенциалом «зеленой» энергетики, это относится и к солнечной, и к ветровой, и к биотермальной, и к приливной, и к волновой, и к биотопливу — все у нас есть в огромных количествах, технический потенциал в 25 раз превосходит всю энергию, которую мы производим ежегодно. Мы из этого огромного объема потенциальной энергии почти ничего не используем, в выработке электрической энергии в стране за прошлый год — 0,03% этих новых возобновляемых источников. Конечно, можно говорить, что у нас много гидроэнергии, много атомной энергии: примерно по 20% каждой в энергобалансе, ну и что? Мы же продолжаем наращивать и производство угля, и производство газа и нефти, — это записано в Энергетической стратегии РФ на период до 2035 года. Как мы хотим уместиться в экономику, где этому места нет, пока остается загадкой.

Попытки наших ведомств, например Минэкономразвития, разработать Стратегию низкоуглеродного развития — вообще не про низкоуглеродное развитие: там единственный интересный ход — как бы нам пересчитать наше поглощение в лесах, чтобы их было побольше, и тогда делать ничего не надо. Но Евросоюз разрабатывает детальные планы, делает гигантские инвестиции, то же делают и многие другие стра-

ГЕОРГИЙ САФОНОВ

«Россия обладает самым большим в мире потенциалом «зеленой» энергетики, это относится и к солнечной, и к ветровой, и к биотермальной, и к приливной, и к волновой, и к биотопливу»

ны, в том числе Китай. Мы же придумываем какие-то уловки, чтобы пересчитать наше поглощение в лесах. Мы в этом году могли наблюдать, как опасно связываться с неуправляемым лесом, когда лесные пожары приводят к эмиссии CO₂ в огромных масштабах. Если верить тем данным, что я видел, это может составить больше миллиарда тонн. Это очень много, учитывая, что у нас общий углеродный баланс — 1,6 млрд тонн CO₂.

Бодрунов: То есть сопоставимо с нашим общим балансом.

Сафонов: Представляете! Нам надо вычестить из наших поглощений эти эмиссии, связанные с пожарами, то есть увеличить обязательства почти вдвое.

Бодрунов: У нас в ВЭО России была экспертная сессия, посвященная этим вопросам, и я с удивлением обнаружил, что в некоторых регионах, которые сегодня у нас очень на слуху как активно развивающиеся, в частности регионы, традиционно добывающие уголь, например Кузбасс, есть программы развития, которые прямо предполагают увеличивать добычу угля, поставлять его на экспорт, и все это — до 2035 года в соответствии с федеральными установками, энергетическими программами. На это завязывается региональное развитие, что бы мы не говорили и какие бы уловки не применяли. Как говорится собака европейская лает, а наш караван идет.

Сафонов: Это он пока идет. Я полностью соглашусь с Вами. Пример Кузбасса — очень яркий и наглядный. Действительно, экономика региона во многом завязана на уголь: на добычу, на сжигание угля, на его использование в металлургии, на экспортные возможности. И здесь мы можем оказать помощь в неловкой ситуации, хотя и не прямо сейчас. Эта ситуация называется carbon lagging. Я бы перевел как «углеродная ловушка». Мы все больше заходим — региональными экономиками в частности, да и в целом национальной экономикой — в эту модель, увеличивая производство угля. Мы инвестируем в добычу, логистику, транспортировку, порты и на западе, и на востоке страны, то есть мы инвестируем в эту ловушку, а когда окажется, что уголь не имеет спроса или по крайней мере такого спроса, который мы хотели бы, эти активы окажутся невостребованными. Мы уже это увидели на европейском направлении, хотя пока это еще не так однозначно, скажем так, потому что спрос во многих странах упал, но он еще есть. Но строительство нового портового терминала для перевалки угля в Европу уже вызывает большие вопросы, потому что сами угольщики говорят, что не ждут такого спроса, и им этот порт не пригодится. Посмотрим на Восток. У Китая цель к 2060 году достичь углеродной нейтральности, то есть сократить выбросы практически на 90% от сегодняшнего уровня.

Бодрунов: Значит, уголь будет уходить из баланса.

Сафонов: Абсолютно. Они не зря инвестируют гигантские суммы в солнечную и ветровую энергетику и многое другое. У них своего-то угля полно, но поскольку наш — более высокого качества, его еще пока покупают. Но давайте, может быть, все-таки такие рискованные проекты будем и адекватно воспринимать? А вот безрисковые, которые связаны с «зелеными» энергоресурсами. Например, спрос на «зеленый» водород гигантский, и он будет расти, он уже нужен как альтернатива углеводородам. Но именно «зеленый» водород, а не тот, что мы хотим на базе природного газа производить. Затем это биотопливо нового поколения — жидкое биотопливо, биогаз, твердое биотопливо. На них колоссальный спрос, цены гигантские, и мы ничего не предпринимаем в этом направлении. Это относится и к разной другой продукции, и к выработке электроэнергии, в том числе «зеленой», для поставки, например, в очень интересный мегапроект в Северо-Восточной Азии «Азиатское энергокольцо». Там идет поставка «зеленой» энергии из Монголии, из пустыни Гоби через Китай в Корею и Японию. Вот здесь мы могли бы свой колоссальный потенциал добавить.

Бодрунов: Мы сейчас часто говорим про наш «Северный поток – 2». Идет большая борьба за то, чтобы он был, но в то же время возникает вопрос в связи с европейской стратегией декарбонизации, что мы будем делать с этим самым трубопроводом через 20–30 лет, потому что он вообще-то рассчитан на 50 лет и более. На мой взгляд, очень интересная мысль насчет его использования была высказана в Европе о том, что может быть полезным рассмотреть возможность для России производства водорода как следующего вида топлива, «зеленого» топлива и прокачки по этим трубам, потому что они могут быть легко модернизированы.

Сафонов: Да, спрос на водород ожидается в Европе очень большой. Им самим не справиться с тем, чтобы этот спрос обеспечить, поэтому неслучайно они ищут возможных поставщиков этого топлива. Если это «зеленый» водород, то есть произведенный с помощью электролиза, расщепления воды, на основе «зеленых» источников энергии, это то, что Европа очень хочет покупать, и они ждут больших крупных поставщиков. Эта роль пока свободна, но вы знаете, что за европейский рынок с высокими ценами точно будет бороться, например, такая удивительная страна как Чили, которая сегодня выходит на первый план всего водородного рынка. У них огромные планы по инвестициям в производство именно «зеленого» водорода. Для России же все возможности есть, мы очень близко находимся, соседи, плюс потенциал «зеленой» энергетики, а также инфраструктура, такая как «Северный поток — 2», может быть, и «Северный поток —

1», который тоже мог бы быть переоборудован. Это не такая простая задача, я тут сразу скажу, но чтобы продавать этот «зеленый» водород нам нужно его производить «зеленым» образом. Пока интересы «Газпрома» связаны с тем, чтобы использовать существующую ресурсную базу, то есть природный газ. Расщепляем молекулы метана, получается водород и углерод. Куда девать углерод, не очень понятно, а водород хочется продать, и хочется обзвать его каким-нибудь красивым словом, например «голубой» водород, но есть подозрение, что если в нем имеется хоть какой-то углеродный след, это будет влиять на желание покупать такой водород.

Бодрунов: А есть проекты по улавливанию и хранению CO₂, переработке CO₂ во что-то — здесь тоже может быть, ну, если не совсем «зеленое» и «голубое» топливо, но какое-нибудь «бирюзовое» топливо.

Сафонов: Эта идея довольно популярна. Но куда девать этот углерод после того, как его уловили? Одна из любимых идей — где-то его захоронить, нейтрализовать, чтобы он не улетел в атмосферу, но представьте себе масштабы того, какой гигантский объем этого углерода нужно куда-то запихнуть. Например, предлагают под землю или под глубокие слои воды, но у нас нет таких резервуаров, емкостей (и технологий таких нет), куда закачивать углерод. Эти же идеи выдвигаются «Роснефтью»: давайте будем в скважины закачивать попутный CO₂, который выделяется при добыче, и будет тогда меньше выбросов. Ну, прекрасно, это, собственно, компании нефтяные давным-давно и делают, но емкостей таких нет для такого огромного углеродного следа, поэтому такая «серебряная пуля», как любят говорить некоторые наши иностранные партнеры, в общем-то не очень работает. Нельзя забывать о том, что это дорогое удовольствие. Гораздо дешевле просто развивать «зеленую» энергетику. Я знаю, что мы не откажемся от ископаемого топлива довольно продолжительное время, но мы можем потерять вот этот темп движения.

Бодрунов: Да, темп освоения новых технологий, темп перехода к иным технологиям.

Сафонов: Пока весь мир в эту сторону двигается, мы будем какой-то другой танец танцевать и выглядеть на танцплощадке довольно печально.

Бодрунов: Мы упомянули Стратегию развития Кузбасса, но это не единственный такой регион, где добывающая промышленность является основой существования экономики. Надо отдать должное, что в этой стратегии есть много полезного с точки зрения перехода к индустрии.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

АЛЕКСАНДР НИКУЛИН
«ШКОЛА ЧАЙНОВА:
УТОПИЯ И СЕЛЬСКОЕ
РАЗВИТИЕ»

В книге представлен исследовательский выверенный, но очень авторский взгляд на научное наследие экономиста в контексте времени его создания и в его (возможном) современном звучании, с особым акцентом на идею утопии как стержне научных поисков Чайнова.

стриальным технологиями, к формированию новых промышленных кластеров за счет доходов от современных углеводородов. Это, конечно, очень хорошо и правильно, по такому пути шла в свое время Саудовская Аравия та же, когда полученные таким образом деньги инвестировали в другие сектора экономики. Но, мне кажется, здесь очень важно, чтобы параллельно эти сектора экономики развивались не только в данном регионе, а вообще в целом в стране как экологически чистые, потому что можно развивать все что угодно, не связанное с добычей или индустрией производства какой-то энергии, но все равно нужно понимать, что необходимо создавать спрос на «зеленые» источники, необходимо формировать инфраструктуру под использование «зеленых» источников энергии — это очень связанные вещи. Поэтому мне кажется, что необходимы очень серьезные корректировки в этом смысле нашей государственной стратегии развития энергетики и возможность смотреть не на 2035 год, а, как делают европейские страны и Китай, на 2050-й и далее.

Сафонов: Очень хорошо, что Вы затронули и региональный, и национальный срез. Что касается регионов, в частности Кузбасса, очень важно диверсифицировать экономику региона. Это необходимо, и президент говорил о том, что надо инвестировать доходы, получаемые сейчас от экспорта угля в другие отрасли. Но давайте посмотрим повнимательнее: к сожалению, все предложенные проекты, одобренные, которые включены в эту программу диверсификации — не про «зеленую» экономику. Больше половины предложенных проектов связаны по-прежнему с использованием ископаемого топлива.

Что касается горизонта планирования, тут я тоже с Вами согласен — более правильный подход смотреть не на среднесрочный период, например до 2035 года, как у нас в энергостратегии и как у многих отраслевых программ, а дальше — минимум до 2050 года. Сегодня в европейских странах, в США смотрят до 2070 года, и дело здесь вот в чем: когда вы смотрите на 15-летний период, для экономики в целом это время кажется достаточным, а вот для отраслей энергетики 50 лет — это минимум. То, что вы сегодня построите, будет работать, если не рухнет, 40–50 лет. То же самое инфраструктура, транспортная инфраструктура — это большие инвестиции надолго. Конечно, краткосрочные и среднесрочные программы не видят этих эффектов. А задачи низкоуглеродного развития как раз и связаны с поэтапным переходом от нынешней технологической базы к какому-то другому состоянию, но не за 15 лет, а за 50, за 30 хотя бы. И этот процесс нужно правильно выстроить и сильно сэкономить. По оценкам США, Европейских стран, менее 1% ВВП в год необходимо потратить на полную декарбонизацию экономики, а эффект в виде предотвращенных ущербов от климатических изменений составит от 5 до 20% глобального ВВП в среднем за XXI век.

Бодрунов: Мне кажется, что стоит еще обратить внимание, что в Советском Союзе и у нас в России был накоплен колоссальный опыт в оборонной промышленности, связанный с развитием и разработкой технологий двойного назначения. Это позволяет очень много и серьезно инвестировать в сегодняшние технологии, в те же оборонные, но в то же время использовать в будущем для развития других отраслей, не тратя дополнительно большие деньги. В этом плане я еще раз обращаю внимание как на пример на «Северный поток — 2», который можно использовать и для сегодняшней прокачки, и думать, как этот проект диверсифицировать дальше, чтобы все 50 лет его эксплуатации были полезными, а не первые 15–20. Мне кажется, стоит обратить внимание в этих стратегиях на то, чтобы на базе сегодняшних достижений развивались технологии двойного назначения под «зеленую» экономику, под «голубое» топливо, под энергетику, которая будет в будущем.

Сафонов: Это нормальный подход, который многие используют. У нас есть очень интересные задумки, пока, может быть, не очень реализованные или еще не развернутые должным образом, но одобренные руководством страны. Например, водородная стратегия, которая могла бы стать большим важным драйвером развития, идеи развития природоподобных технологий — тут тоже можно найти «зеленые» сферы применения. У нас потенциал есть, нам есть с чем работать. Мы все-таки большая страна с огромными ресурсами, в которой живет много талантливых людей.

Но для этого нужен шаг, нужно понять и принять, что мир меняется, что наша модель не даст нам роста, и мы не можем еще одну экономику построить ровно такую же, чтобы удвоить ВВП, мы не можем удвоить существующую экономику. Это не работает. Нужно строить какую-то другую экономику, даже не в дополнение к существующей, а вместо нее, поэтапно замещая ее, желательнее на такую, которая будет пользоваться спросом в мире. Тогда для России открывается возможность оставаться, а на самом деле — становиться «зеленой» мировой энергетической державой, а не просто энергетической державой.

Бодрунов: Спасибо большое, Георгий Владимирович, за сегодняшнюю беседу, очень важные и интересные вещи Вы сегодня затронули.

КОГО ВОЗЬМУТ В НИЗКОУГЛЕРОДНОЕ БУДУЩЕЕ?

Наше время многие специалисты называют эпохой третьего энергетического перехода, когда повсеместно и активно внедряются новые энергоносители. Это могут быть как возобновляемые источники энергии, прежде всего, ветровая, солнечная, так и природный газ, атомная и мощная гидроэнергетика. Естественно, это возможно, когда позволяет развитие технологий. Процесс перехода несёт и риски, и возможности для мировой экономики. У России есть в этом смысле и проблемы, и потенциал. Чем нам важен и чем, может быть, грозит глобальный энергопереход? Какие сценарии возможны и есть ли сценарий, который можно назвать оптимальным?

По материалам программы «Дом Э», телеканал «Общественное телевидение России», 9 октября 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов
Президент Вольного экономического общества России,
Президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С.Ю.Витте, д.э.н., профессор

Борис Николаевич Порфирьев,
Научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН, член
Президиума ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор

3

Бодрунов: Борис Николаевич, давайте для начала определимся с понятиями. Что наукой понимается под термином «глобальный энергетический переход»?

Порфирьев: Вопрос очень верный, потому что строгого общепринятого, универсального определения, наверное, нет, хотя смысл совершенно понятен. В основном специалисты пользуются той трактовкой, которая была представлена в трудах, пожалуй, самого известного экономиста-историка, который занимался историей энергетики, канадца Вацлава Смиля, или Вацлава Шмиля, как иногда произносят. Он определял энергопереход как переход от одного состояния развития энергосистемы, прежде всего, первичного энергопотребления, к другому, то есть изменение прежде всего в структуре энергопотребления. Он полагал, что говорить об энергопереходе можно, когда использование данного энергоресурса сокращается на 10% в течение 10 лет. Таким условным маркером он пользовался. Но самое, конечно, главное – это прежде всего качественный переход от одного состояния к другому. Вы уже упоминали о фазах. Правильнее, наверное, всё-таки говорить о том, что мы сейчас в фазе четвёртого энергоперехода, потому что после нефти был ещё переход на газ, и мы фактически сейчас находимся в газовой фазе, когда газ является основным энергоносителем. Конечно, правильнее говорить о том, что основой энергобаланса являются углеводороды, которые обеспечивают по-прежнему порядка 80% потребности в энергии.

Бодрунов: Борис Николаевич, а как Вы видите сопряжение углеродной проблемы и сегодняшних правовых новаций в этой сфере в Европе, которые также предлагаются на международных саммитах по климату. Как это сочетается с технологическим движением к новому энергетическому переходу?

Порфирьев: Мне представляется, что когда происходят и должны происходить мощные структурные изменения, о которых мы говорим, связанные с переходом на более чистое топливо, не стоит забывать, что наша страна отличается, пожалуй, одним из самых экологических энергобалансов. У нас в структуре производства электроэнергии больше 85% – природный газ, который, как известно, намного чище угля, а почти 40% произведенной энергии (это цифры, приведённые нашим президентом недавно на Восточном экономическом форуме) – это совместно атомная энергия, гидроэнергия и все остальное, включая солнечную и так далее.

Вместе с тем, у нас есть ахиллесова пята, которую мы отлично знаем, и которой давно занимаемся: я имею в виду нашу энергоэффективность, энергоэффективность нашего производства, по которой мы существенно уступаем развитым и даже частично развивающимся странам. И речь идёт уже о рациональном использовании энергетических ресурсов, а это напрямую, естественно, связано с вопросами снижения выбросов.

Этот ресурс, на мой взгляд, центральный и в мировой энергетике, но особенно в нашей. Тем не менее мы пока движемся по этому пути неудовлетворительно, прямо будем говорить. Справедливости ради отметим, что после 2015 года и мировое сообщество не очень-то быстро двигается в этом направлении. Если мне память не изменяет, с 2001 года по 2010-й темпы снижения энергоёмкости ВВП составляли где-то 1,2%, а с 2010-го по 2015-й – примерно 2%, то есть улучшились. Но миру требуется 3% по всем расчётам. Дело в том, что из-за пандемии этот показатель не рос, то есть пока мы и мировое сообщество отстаём от потребного, и больше того, по тем прогнозам, которые публиковали и Международное энергетическое агентство, и небезызвестное агентство Bloomberg, до 2030 года останутся те же самые 2%.

Другой процесс происходит быстрее и удачнее. Речь идёт о повышении вклада электросбережения на производстве. На сегодняшний день этот вклад – порядка 20%. По всем прогнозам, эта доля должна как минимум удвоиться, если не больше, к 2050 году. И это правильный путь, потому что это связано и с комфортом, с одной стороны, и с повышенной экологичностью, с другой стороны, и, конечно, со снижением выбросов парниковых газов, с третьей стороны.

Эти процессы, вообще говоря, изначально должны быть гармонизированы, безусловно, они должны стать частью общего устойчивого социально-экономического развития, более экологичного, с более диверсифицированной струк-

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ПОРФИРЬЕВ

Член Президиума
Вольного экономического
общества России,
научный руководитель
Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член Президиума РАН,
заместитель академика-
секретаря Отделения
общественных наук РАН,
академик РАН.
Крупнейший специалист
в области экономики
природных и техногенных
рисков, системного
анализа и управления
риском чрезвычайных
ситуаций,
государственной
политики в области
предупреждения
и противодействия
чрезвычайным ситуациям.
Лауреат премии МЧС
России за разработку
концепции
стратегических рисков
экономики России,
а также премии РАН
имени Евгения
Самуиловича Варги за
выдающиеся работы
в области мировой
экономики.
Автор около 300 научных
работ, опубликованных
в России и за рубежом,
в том числе 32 книг
и брошюр, в которых
Борис Николаевич
является автором,
соавтором и научным
редактором.

турой производства и потребления энергии, которая, конечно же, при этом учитывает специфику каждой страны. Например, для нашей страны очень важный вклад в возобновляемую энергетику и вообще в декарбонизацию вносят атомные электростанции. Кстати сказать, тот же тренд мы наблюдаем в Китае, где тоже растёт доля производства атомной энергии, и они частично за счёт этой генерации намерены снижать потребление угля. В Европе, скажем, та же ФРГ отказывается от атомных станций и делает ставку на солнечную и ветрогенерацию. Каждая страна должна здесь идти своим путём. Это прямо предусмотрено и рамочной конвенцией ООН по изменению климата, и Парижским соглашением. Только очень важно, чтобы это на деле происходило, чтобы одна часть международного сообщества не навязывала другой части жёстких повесток, которые связаны с непременным педалированием роли ветра и солнечной энергетики. Мы не должны стоять на месте, и чрезмерные попытки чересчур быстро подтолкнуть это дело вперёд могут привести к тому, что лекарство окажется хуже болезни. И такие признаки уже наблюдаются.

Бодрунов: Вы сказали очень справедливо, что навязывать жёсткую повестку другим участникам мирового сообщества в плане декарбонизации не слишком продуктивно. Тем не менее европейское сообщество сейчас работает над проблемой или над идеей углеродного налога. Это разве не навязывание жёсткой повестки? Россия уже вынуждена будет, поскольку является крупным экспортером энергоресурсов, терять, чтобы трансформироваться, находить какие-то решения в этом плане. Это ужесточение политики и по отношению к нашей стране, как Вы полагаете?

Порфирьев: Климатическая повестка используется, я бы сказал, как инструмент даже не столько внешнеэкономического, сколько неэкономического давления, но, естественно, повлияет на наши внешнеэкономические связи и на наши возможности. Это, видимо, идёт в русле общей политики, которая выстраивается по отношению к нашей стране. И президент, выступая на Восточном экономическом форуме, как известно, специально обратил внимание на пленарном заседании на это обстоятельство в том смысле, что мы это видим, и мы, естественно, с этим мириться не будем, мы будем внимательно это отслеживать. Но, с другой стороны, надо две вещи иметь в виду. Первое: всё-таки эта история находится пока в стадии обсуждения. Да, принято решение, что с 2026 года Европа намерена запустить механизм так называемого трансграничного углеродного регулирования. Выделены 8 сфер, в которые, кстати, к счастью, пока не попали углеводороды, наши нефть и газ. Это неслучайно. Это не просто потому, что они вдруг решили стать такими добрыми. Просто

Европа критически от этого зависит. Вспомним это лето. Возник колоссальный прыжок спроса на газ и невиданный подъём цен.

Бодрунов: Бизнесмены из этой области могут сказать: ну, пусть введут налог, мы его переложим в цену, и будут они покупать у нас дороже. Собственно говоря, сами будут платить этот налог. Такой ответ возможен?

Порфирьев: Абсолютно возможен такой симметричный ответ, потому что в итоге платить, естественно, придётся всё равно европейскому потребителю, а заместить наши ресурсы, прежде всего газ, не так-то просто, потому что они одни из самых экологичных, самых чистых, особенно новые разрабатываемые месторождения. Кроме того, Россия готова поставлять и сжиженный газ. То есть мы здесь вполне конкурентоспособны, это хорошо известно.

Но я бы всё-таки вот на что ещё обратил внимание. Мне кажется, мы иногда немножко чрезмерно педалируем этот сюжет. Дело в том, что он нас касается в наибольшей степени в плане нашего экспорта, и эта чувствительная сторона заставляет нас обращать повышенное внимание, поэтому много комментариев, реакций. Но, если мы всё-таки обратимся к внутриевропейской повестке, я бы обратил внимание на то, что пресловутая европейская «зелёная сделка», европейский «зелёный курс» – это не столько углеродный налог, сколько большой пакет мер, который включает в себя, например, такую вещь, несколько неожиданную, как новая промышленная политика Европы до 2030 года, новая стратегия биоразнообразия, новая адаптационная стратегия до 2030 года. Это обращает на себя внимание, и все эти меры взаимосвязаны. Европа пытается совершить вот этот пресловутый структурный манёвр, провести структурно-технологические преобразования, используя климатическую экологическую повестку.

В промышленной стратегии Европы прямо записано, что суть этой стратегии, основной механизм – это так называемый двойной переход. Один из них – это переход, связанный с экологической климатической повесткой и, прежде всего, с энергетикой как таковой, то есть «зелёный вектор». А второй – это цифровой переход. И эти вещи тесно связаны, как в самой стратегии записано, поскольку они являются высоко наукоемкими, высокотехнологичными. То есть Европа использует свои передовые позиции прежде всего в технологической сфере «зелёных» и низкоуглеродных технологий. Я встречал оценки, что чуть ли не до 40% патентов Европы держат именно по этим направлениям технологий. Они пытаются использовать эти свои преимущества, трансформировать их прежде всего в повышение собственной конкурентоспособности, получение новых ниш и усиление своих позиций, но, конечно, при этом улучшая экологические характеристики для своего населения, то есть повышая комфортность.

У нас тоже, как мне кажется, есть какая-то увлечённость чрезмерная декарбонизацией. При всей важности этой проблемы – никто её не отрицает – смотреть нужно шире. Перед нами главная повестка не столько декарбонизационная, сколько экологическая. Мировая статистика, связанная с вредными выбросами, ужасна. Только внешние загрязнения приводят к дополнительной смертности более 4 млн человек. А если учесть ещё внутреннюю среду, когда идёт речь об использовании такого некачественного топлива с точки зрения здоровья человека, как дрова, кизяк и прочее, и прочее, это ещё 4 млн человек. В целом от 8 до 9 млн человек повышенной смертности связано с загрязнением воздуха, не имеющим отношения к выбросу углекислого газа, который, как известно, вообще безвреден.

Наша статистика тоже не очень весёлая: порядка 100 тысяч человек умирают преждевременно из-за загрязнённого воздуха. Поэтому решение проблемы декарбонизации должно идти в контексте общей проблемы экологической, и далее – в контексте ещё более широкой проблемы устойчивого развития с соблюдением всех необходимых социальных норм, и, конечно, при поддержании устойчивого экономического роста, который является единственным источником доходов, из которых мы можем делать соответствующие инвестиции.

Бодрунов: Есть 17 целей ООН, связанных с изменением климата, выполнением других задач устойчивого развития. У нас пандемия коронавируса. Я посмотрел, что в 2020 году мировые выбросы углекислого газа в энергетике снизились на 5,8%. В то же время мировая экономика сократилась на 3,3%, как следует из данных Международного валютного фонда. А между тем именно экономический рост является единственным источником, как Вы справедливо сказали, доходов, без которых ни одна из целей устойчивого развития достигнута быть не может. Вы справедливо отметили это и в Ваших выступлениях раньше. Недавно вышла Ваша статья, написанная с коллегами, в которой Вы детально обосновываете прагматичный подход к решению задачи повышения энергоэффективности нашей экономики в сочетании с тем, что Вы сегодня предлагаете – помнить о необходимости устойчивого экономического роста. В чём спор здесь, в чём суть Вашего подхода? Что важно для нас сегодня вынести из этих ваших материалов?

Порфирьев: Я бы оттолкнулся от двух замечательных цифр, которые Вы привели – это снижение в пандемийный период выбросов и торможение темпов экономического роста. Будучи привязанными друг к другу, эти две цифры показывают цену вопроса. То есть если мы снижаем выбросы

на определенную величину, то должны за это заплатить такими темпами экономического роста. Это значит, мы уменьшаем тот пирог, который дальше должны распределить на инвестиции и на потребление. Если будет тормозиться экономический рост, не будут расти доходы, и у нас не будет возможности вкладывать инвестиции в решение экологических и климатических проблем. Энергетический переход, по последним данным агентства IRENA, – это международное агентство по возобновляемой энергии – это 130 трлн долларов на предстоящие 30 лет...

Бодрунов: Колоссальная цифра...

Порфирьев: В среднем получается примерно 4,5 трлн в год и, грубо говоря, порядка 3,5 трлн – 4% ВВП ежегодно. Bloomberg даёт ещё большую величину – 172 трлн, это уже получается примерно 5,7 – 5,8 трлн в год. Не всякая экономика это выдержит. Мы очень хорошо помним и по нашей истории, как мы сократили выбросы в 1990 году, когда у нас упал наш валовой продукт и производство почти на 50% – больше, чем во время Великой Отечественной войны. (Если мне память не изменяет, тогда по статистике оно упало на 38%).

Так вопрос всерьёз ставить нельзя, но можно привести в качестве иллюстрации. Но самое главное, как мне кажется, заключается в следующем: сейчас, на мой взгляд, телега стоит впереди лошади – все экономические и социально-экономические повестки затачиваются и подстраиваются под климатический вызов. Климатические характеристики ставятся на первое место, социально-экономические позиции – на второе. На мой взгляд, нужно вспомнить то, о чём писали выдающиеся экономисты. Когда они на эту тему рассуждали, они говорили о так называемом встраивании, интеграции. Климатическая политика должна встраиваться в повестку дня устойчивого развития. Это абсолютно правильный подход, системный подход, потому что климатическая повестка возникла сравнительно недавно, а эти вещи давно существуют и будут существовать точно так же, как теперь климатическая повестка. Мы просто получили новый вызов, который вошёл в число 17 целей устойчивого развития. И если мы поставим лошадь всё-таки впереди, а телегу – позади, то поймём, что прежде всего – решение крупнейших социальных проблем: проблемы бедности, проблемы голода, проблемы нищеты, проблемы здоровья. В конце концов, все эти повестки – и климатическая, и социальная, и экономическая – связаны одним оптимизационным критерием – повышением качества жизни человека. Сюда входит все: и здоровье, и продолжительность жизни, и все остальное.

Так вот, мы должны смотреть, насколько решение климатической повестки способствует этому. Если предпринимаются решения, которые ведут по сути дела к торможению решения этих проблем, то надо, видимо, эти решения корректировать. Но климатический вызов, безусловно, существует. Он существовал и ранее.

Я бы здесь просто вспомнил нашего выдающегося климатолога, человека, признанного во всём мире, человека, который, по сути дела, открыл эффект глобального потепления, Михаила Ивановича Будыко. Будучи климатологом, он писал об этих мощных изменениях, предупреждал человечество, что оно стоит перед этими вызовами, призывал к соответствующим шагам, которые нужно делать.

Но он говорил: существует большой соблазн увидеть в парниковых газах главного врага и попытаться сделать что-то решительно с экономикой, чтобы сократить эти выбросы раз и навсегда. И это очень опасно, писал климатолог Будыко, так как мы можем тем самым подорвать корни дерева, как в той известной басне Крылова. Для меня это было неким откровением: не экономист и даже не социолог, а климатолог, смотрел на глобальные проблемы, понимал их взаимосвязь, обращал на это внимание.

Конечно же, нужно, безусловно, отвечать на климатический вызов, нужно снижать выбросы, в том числе и выбросы парниковых газов. Нужно, конечно, стремиться к разумной декарбонизации – это совершенно справедливо. Нужно переходить на более чистые источники. Но разумная декарбонизация и грамотный энергопереход должны помогать решать проблему качества жизни и устойчивости развития.

Бодрунов: Борис Николаевич, я готов аплодировать этому разумному, взвешенному подходу. В погоне за иногда сиюминутными эффектами и каким-то лидерством мы готовы, как говорится, рубаху на груди порвать. Но человеку, кроме климата, нужно ещё что-то есть, во что-то одеваться. И поэтому кавалерийский наскок в ту или другую сторону никогда не приведёт к благополучию. Мне кажется, что подход, который Вы обозначили на Московском академическом экономическом форуме, в Ваших других последних выступлениях и сегодня, мне кажется, очень, на мой взгляд, взвешенный и серьёзный. Я благодарю Вас за комментарий и интересный рассказ. Желаю, чтобы Вы в дальнейшем успешно трудились на этом поприще.

ОТ БИОТЕХНОЛОГИИ К БИОЭКОНОМИКЕ

Биотехнологии наряду с информационными технологиями, нанотехнологиями считаются основой нового экономического уклада. Во всём мире этой отрасли уделяется огромное внимание. В развитых странах она вносит значительный вклад в развитие экономики. Например, в Соединённых Штатах уже до 5% ВВП создаётся с помощью различных биотехнологий. А какова ситуация в России?

По материалам программы «Дом Э», телеканал «Общественное телевидение России», 18 октября 2021 г.

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов

Президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю.Витте, д.э.н., профессор

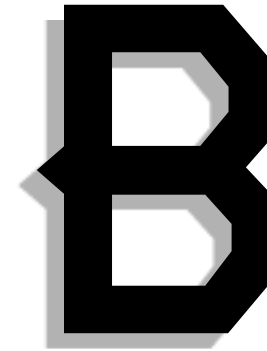
Владимир Олегович Попов,

Научный руководитель Федерального исследовательского центра «Фундаментальные основы биотехнологии» РАН, академик РАН

Надежда Владимировна Орлова,

Заведующая отделом экономики инноваций в сельском хозяйстве Института аграрных исследований НИУ ВШЭ

Бодрунов: Владимир Олегович, что такое биотехнологии сегодня? И какая картина в этом отношении в России?

Попов: Биотехнологии – очень неоднородные, разноплановые. Различают три основных вида, причем их принято различать по цветам. Биомедицинские – всё, что связано с человеком – красные. Всё, что связано с сельским хозяйством, агропромышленным комплексом, – это зелёные. Промышленные технологии обозначаются белым цветом. Все они, как правило, очень по-разному регулируются. У них разные экономические и финансовые модели, поэтому их и рассматривают отдельно. Всё, что связано с биомедициной, и биофарма – это одно большое направление, сельское хозяйство и промышленность – другое. На примере флага развития биотехнологий Соединённых Штатов вклад в экономику этих направлений примерно одинаков – по 2,5%.

Научным локомотивом в этой тройке является, естественно, биофарма, поскольку современная биофарма – это и есть по сути R&D всей отрасли. Все новые разработки в биотехнологиях создаются именно там, там сосредоточены основные деньги, основные научные кадры. Как ни странно, наиболее быстро они применяются на практике уже в области сельского хозяйства, а иногда промышленности, потому что там регулирование значительно проще.

Бодрунов: А Вы какой-то пример можете привести, чтобы было очевидно, что такое сегодня биотехнологии? Вот, в сельском хозяйстве, скажем, все знают: посадил дед репку, выросла репка большая-пребольшая. А с биотехнологиями?

Попов: Наверное, биотехнологии и сельское хозяйство вообще неотделимы друг от друга на протяжении 10 тысяч лет. С тех пор, как мы научились возделывать землю, мы применяем биотехнологии – это и хлебопечение, и виноделие, и пивоварение, само собой. Если говорить о современных биотехнологиях, они появились сравнительно недавно, в середине прошлого века. Принято дату отсчёта современных биотехнологий на молекулярном уровне считать с 1953 года, когда была сформулирована гипотеза о строении ДНК. И за эти немногие десятилетия создан весь современный инструментарий. В качестве примера в области сельского хозяйства я бы привёл, например, то, что геномы основных продовольственных культур, таких как хлопчатник, соя, пшеница, рис, подверглись модификации, целенаправленному изменению для того, чтобы придать им определённые свойства. Именно эти линии, сорта высеваются на огромных площадях, составляющих десятки миллионов гектаров во всём мире, и обеспечивают продовольственную безопасность планеты.

Бодрунов: То есть если говорить о нашем сказочном примере про репку, то репка уже не простая, а генномодифицированная немножко, и выросла не большая-пребольшая, а просто громадная на больших площадях.

Попов: Именно так, но есть терминология. Есть генномодифицированные линии и сорта, есть редактированные, и так далее – там существует много градаций. Соответственно, они по-разному регулируются.

Бодрунов: А вот эта проблема – генная модификация, связанная с риском использования генномодифицированных продуктов, – как-то учитывается сегодня, особенно в биотехнологиях?

Попов: Существует большой дискурс, связанный в основном с проблематикой сельского хозяйства. Таких вопросов не возникает ни в области промышленной биотехнологии, ни в области биофарма. У биофарма – другие проблемы, связанные с этикой: можно ли вмешиваться в геном человека, каким образом, в каких

случаях, с какой целью и какие есть риски? Это такая этически-философская проблема. В области сельского хозяйства она приняла такую остроту в связи с тем, что общественное мнение во многих регионах мира, в частности в Европе, было сформировано таким образом, что ГМО – это плохо, это вредно. А из социологических исследований известно, что если один раз сформировать общественное мнение, то никаким другим, как бы вы ни старались, обратно его уже не вернуть в исходное положение. Я приведу пример из области нанотехнологий. Многие из наноматериалов достаточно опасны. Но там были приняты все соответствующие меры для того, чтобы разъяснить и регуляторам, и широким кругам общественности все риски и проблемы, и приняты все меры для того, чтобы провести широкий комплекс научных исследований, когда это опасно, когда это не опасно. И этой проблемы не возникает. А вот с генномодифицированными продуктами, подчёркиваю, не редактированными, а модифицированными, она существует.

Если оставаться на почве твёрдых научных данных, то нет ни одного доказанного факта о том, что генномодифицированные организмы каким-то образом вредны для человека, в частности генномодифицированные растения. Другое дело, существуют сельскохозяйственные практики, связанные с применением генномодифицированных организмов, допустим, приобретших устойчивость к каким-нибудь сорнякам. То есть понятно, что фермеру примерно на 30% выгоднее сеять специально модифицированные растения, потом поливать их каким-нибудь гербицидом – это и снижает трудоёмкость, и увеличивает урожайность, то есть там чистая экономика. Но в результате вот эти все химикаты накапливаются в почве, выносятся в воду. И такие сельскохозяйственные практики являются тем злом, которое сопровождает внедрение генномодифицированных организмов. А сами организмы абсолютно для человека безвредны. Более того, доказано, что это естественный процесс, и существуют природные генномодифицированные организмы практически во всех группах сельскохозяйственных растений. Это доказанный научный факт.

Бодрунов: Владимир Олегович, Вы выступали на Московском академическом экономическом форуме, который ежегодно проводит Российская академия наук, Вольное экономическое общество России и Международный Союз экономистов. Выступление Ваше было яркое, запоминающееся, и Вы отметили, что в России нет такой полноценной биотехнологической промышленности. Что нужно для того, чтобы эта промышленность всё-таки появилась?

ВЛАДИМИР ПОПОВ

Советский и российский биохимик, доктор химических наук, профессор, академик РАН. Область научных интересов – инженерная энзимология, структурная биология, биотехнологии. Один из ведущих российских экспертов в области биоэкономики и биотехнологий. Под его руководством реализовано несколько крупных инновационных проектов, в том числе создана промышленная технология биологической очистки воздуха от техногенных выбросов летучих органических соединений, разработана комплексная технология переработки малоценного сырья животного происхождения в корма и функциональные продукты питания, созданы диагностические наборы для неонатального скрининга и иммунохроматографические экспрестесты для применения в здравоохранении и сельском хозяйстве. Дважды лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники. Заведует кафедрой синтетической биологии на биологическом факультете МГУ, главный редактор журнала «Прикладная биохимия и микробиология», председатель правления Ассоциации «Технологическая платформа БиоТех2030», представитель РФ в рабочей группе по био-, нано- и конвергентным технологиям ОЭСР, автор более 300 научных работ.

Попов: Новое, говорят, это хорошо забытое старое. Советский Союз занимал второе место в мире по развитию биотехнологической промышленности и контролировал примерно 5% мирового рынка. Сейчас ситуация достаточно плачевная, наша доля рынка составляет исчезающие проценты. Современные биотехнологии развиваются не сами по себе, а в тесном контакте с решениями государства. Должна быть какая-то политическая воля, должен быть задан какой-то вектор в направлении того, что мы хотим развивать определенные рынки, производить такие-то продукты. Хорошим примером является пресловутый Green Deal – «зеленая сделка», принятая в Евросоюзе. Это во многом политический документ.

Если говорить о России, я не буду упоминать биофарму. Там все более или менее нормально, там была принята в своё время правильная программа «Фарма-2020», которая позволила сделать решительный шаг вперёд, поддержать отечественную науку, производителей, сдвинуться с нулевой точки. И там есть нормальное поступательное движение. Но вот в области, в первую очередь, промышленных биотехнологий – полный застой и стагнация. Это связано с тем, что в стране отсутствует стройная политика в области биотехнологий, отсутствует нормальный документ высокого уровня, который определял бы развитие биотехнологий на среднесрочную хотя бы перспективу, отсутствуют механизмы планирования.

В Советском Союзе существовало даже специальное министерство – Главмикробиопром, которое занималось подобной проблематикой, и там было больше 50 заводов по стране, которые были районированы, специализированы и так далее. В большинстве стран мира существуют национальные программы развития биотехнологий, построения элементов биоэкономики. Это касается и Евросоюза, и Соединённых Штатов, и Бразилии, и Китая, и более мелких стран. У нас отсутствуют механизмы подобного рода. У нас отсутствует центр принятия решений в области биотехнологий, и поэтому необходим определённый период поддержки государством создания новых рынков, преференций различного рода, налоговых льгот и прочего. Только в этом случае биотехнологии взлетают, выходят на рентабельность и потом начинают самостоятельное развитие.

Бодрунов: Сейчас формируется стратегия развития России, государственные программы, есть национальные проекты. Почему, как Вы полагаете, есть такая недооценка потенциала биотехнологий промышленности? От чего это? От непонимания ситуации, непонимания потенциала?

Попов: Как я уже сказал, когда была проблема с фармацевтической отраслью, создали большую программу «Фарма-2020».

Бодрунов: Это позитивная программа, которая спасла, в общем-то, нас от пандемии.

Надежда Орлова:

Во всех ведущих мировых державах – это и США, и Европейский союз – в последние 20-25 лет действуют так называемые программы развития биоэкономики. Это касается не только сельского хозяйства и пищевой промышленности, но и фармацевтики, промышленных биотехнологий. Это очень объёмные меры государственной поддержки, которые формируются не только в инструментах финансовой

поддержки, то есть в виде грантов или субсидий на научные исследования, специальных субсидий на создание новых видов производств, когда государство делит инвестиционные риски с частными производителями, но и в приоритетах развития. То есть очень важно на уровне страны иметь программы, которые обуславливают на следующие 10, а желательно и 20 лет приоритетные направления с точки зрения биоэкономики.

Я считаю, что такие программы должны быть, потому что в противном случае мы начнём в самой ближайшей перспективе терять экспортные рынки. И даже для тех товаров, которые мы сейчас достаточно хорошо поставляем на экспорт и потребляем внутри Российской Федерации, постепенно эти рынки начнут исчезать. Это касается, например, введения правил по устойчивому сельскому хозяйству и расчётов выбросов по CO₂.

Сейчас наши крупные производители удобрений, которые поставляют свои продукты на все мировые рынки, столкнулись с тем, что они должны рассчитывать данные квоты, с одной стороны. С другой стороны, очень жёстко оценивается качество тех продуктов, которые они поставляют на эти рынки, и применение как раз биокombинированных средств, использование современных биотехнологий помогает эти рынки сохранить, а иногда

расширить. Таких рынков очень много, и если мы не будем на уровне страны использовать инструменты поддержки, то, к сожалению, в самой ближайшей перспективе даже те сегменты, которые мы сейчас активно занимаем, исчезнут. Это очень опасная перспектива. И ещё один инструмент – это, конечно, понимание того, что биотехнологии – это абсолютно междисциплинарная

отрасль, которая затрагивает десятки других отраслей: от сельского хозяйства, пищевой промышленности до различных методов очистки экологических загрязнений и стирки одежды. И если мы не имеем системной поддержки на уровне государства в виде системы грантов, мер государственной поддержки, субсидий, то мы, конечно, начнём отставать от мировых исследований. И это, я считаю, большая проблема.

Попов: К сожалению, там есть, конечно, проблемы. В сегменте высокотехнологичных, дорогих лекарственных препаратов наша доля рынка всё равно крайне мала, но хотя бы нижний, средний диапазон в какой-то мере стал закрыт отечественными препаратами, появились нормальные игроки на рынке – компании ещё не суперкрупного масштаба, но которые вполне могут играть уже на отечественных и международных рынках. А вот в области промышленной и сельскохозяйственной биотехнологии таких целенаправленных действий не было – всё осталось исключительно на бумаге. В 2011 году была принята программа развития биотехнологий в Российской Федерации «Био-2030». Она закончилась, и никто не думает о том, что хорошо бы её реанимировать. Прошло много лет, она во многом была наивной, может быть, но тем не менее это остаётся единственным программным документом, который определяет развитие биотехнологий в Российской Федерации. Необходимо каким-то образом провести актуализацию – сменились технологии, появились новые рынки, новые продукты...

Бодрунов: Да, сейчас другой технологический уровень, конечно, и другие возможности финансовые в стране.

Попов: Совершенно верно. И если мы говорим о том, что биотехнологии действительно являются основой нового технологического уклада, являются горизонтальной технологией, пронизывают все отрасли развития экономики, то, наверное, необходим какой-то государственный подход к их развитию, а он в настоящий момент полностью отсутствует. Есть отдельные элементы поддержки: программа по генетическим технологиям, очень важная, нужная, своевременная, но это только маленькая часть чего-то более крупного, что должно регламентировать развитие данного направления в нашей стране. Это есть во всех развитых экономиках мира.

Бодрунов: Ваш центр, который занимается фундаментальными проблемами биотехнологий, мог бы выступить в качестве инициатора обновления вот такой комплексной большой программы.

Попов: Для этого был создан специальный механизм в своё время, были созданы технологические платформы в Российской Федерации – около 20 штук. И одна из первых технологических платформ – как раз «Биотехнология и биоресурсы» – была создана в том числе при участии нашего федерального центра, Московского университета и компании «Ростех». Она успешно функционирует, является экспертной площадкой, на которой рассматриваются различные проекты, создаются документы аналитического уровня. Она объединяет довольно много как ведущих научных организаций

страны, так и представителей крупного бизнеса и химического, и сельскохозяйственного, и она могла бы взять на себя функцию интегратора для того, чтобы актуализировать программу развития биотехнологий Российской Федерации на современном этапе. Но её надо разделить между биофармой и промышленной, и сельскохозяйственной биотехнологиями – это разные две вещи.

Бодрунов: Что могут дать нам биотехнологии в будущем, через 10-15 лет.

Попов: В первую очередь, это, конечно, всё, что связано с благополучием человека: это новые лекарства, это новые методы и подходы к терапии таких тяжелых заболеваний, как онкология, дегенеративные процессы и так далее. Затем – повышение продуктивности сельского хозяйства, новые сорта и линии, породы животных.

Наша цивилизация – цивилизация отходов. У нас огромное количество и бытовых, и сельскохозяйственных отходов, и отходов лесопереработки. В одной России это 500 млн тонн в год. Биотехнологии – это тот инструмент, с помощью которого вы можете превратить эти биотехнологии в полезные продукты, – это безотходное производство, экономика замкнутого цикла.

Конечно, нужно говорить и о новых материалах, построенных на биологических принципах природоподобия.

Все это ведет к улучшению экологической обстановки, уменьшению нагрузки на окружающую среду. В конечном итоге это развитие производительных сил общества при условии сохранения комфортной окружающей среды для будущих поколений. В этом и есть миссия биотехнологий, в этом состоит смысл построения элементов биоэкономики в нашей стране или более широко – во всемирном масштабе.

Бодрунов: Хотелось бы понимать, есть ли у нас для этого потенциал, есть ли у нас кадры, ресурсы соответствующие? Вопросы только в понимании ситуации или, может быть, есть какие-то реальные препятствия, которые не позволяют нам сегодня интенсивно заниматься этой проблемой?

Попов: Последние полтора года, когда мы живём в условиях пандемии, показали, что Россия с честью выдержала испытание – как научная держава в первую очередь. Созданы современные, эффективные вакцины, что было бы невозможно без создания соответствующей инфраструктуры, если бы не сохранились научные школы, не было бы кадров, не уделялось бы этому внимание со стороны государственных органов. То же самое необходимо сделать и в других областях: в промышленной, сельскохозяйственной биотехнологиях.

Одна из основных проблем – это страшнейший дефицит кадров. Надо помнить, что сейчас наука – одна из основных производительных сил общества, и каждый рубль, вложенный в научные исследования, окупается многократно в дальнейшем. Примерам нет числа, последние полтора года – тому ярчайший пример. Конечно, мы надеемся, что наш бизнес, в первую очередь крупный бизнес, станет более подвижным, интересующимся проблемами биотехнологий. Здесь есть определённые подвижки в последние несколько лет. В стране есть несколько крупных проектов, которые привлекают внимание отечественного крупного бизнеса, которые не ограничиваются рамками только Российской Федерации, где проводятся соответствующие комплексы научно-исследовательских работ. Некоторые из них дошли до стадии пилотных экспериментов. Будущее всегда лучше, чем настоящее. Поэтому мы надеемся, что и в области биотехнологии у нас всё будет неплохо в ближайшее время.

Бодрунов: Будем надеяться на это. В завершение я бы сказал, подводя итоги нашей беседы, что да, есть проблемы. Проблемы, которые мы сегодня обозначили, могут быть решены, потому что у России есть для этого образовательный потенциал, высокообразованное население, научно-технологический потенциал – пандемия это доказала: мы создали собственные вакцины, причём высокоэффективные вакцины, которые ни в чём не уступают вакцинам других стран, – лидеров в сфере биотехнологий. Следовательно, биофарма у нас, по крайней мере, оказалась на высоте, и это очень важный показатель нашего научно-технического потенциала. У нас есть то, что мы, может быть, не очень затронули в нашей беседе, но стоит это подчеркнуть – серьёзные природные ресурсы для развития такого рода технологий. В этом плане мы имеем неплохие возможности для того, чтобы выйти на лидирующие позиции в мире, а без этого нам сегодня рассчитывать на серьёзное продвижение наших интересов в мире, на обеспечение нашего социального благополучия через 10 – 15 лет, наверное, не придётся. Поэтому мы должны этим серьёзно заниматься.

ПРЕСНАЯ ВОДА: НА ВСЕХ НЕ ХВАТИТ?

По материалам программы «Дом Э», телеканал «Общественное телевидение России», 16 октября 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов
Президент Вольного экономического общества России,
президент Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития им.
С.Ю.Витте, д.э.н., профессор

**Виктор Иванович
Данилов-Данильян,**
Научный руководитель Института водных проблем РАН,
член-корреспондент РАН, д.э.н.

3

Бодрунов: Сегодня мы поговорим о пресной воде. Хватит ли её на всех? Согласно прогнозу Организации Объединённых Наций, к 2050-му году, то есть буквально через 30 лет, более половины населения Земли может столкнуться с нехваткой пресной воды. Более того, дефицит воды в ближайшем будущем может стать одним из основных факторов развития мировой экономики. У нас только озеро Байкал – это 80% пресной воды России и 20% мирового запаса, поэтому мы должны беречь его. При этом часто звучат мнения, что у нас на самом деле запасов пресной воды не так уж много. Виктор Иванович, Вы не раз отмечали, что оценки запасов пресной воды в нашей стране сильно преувеличены...

Данилов-Данильян: Запасы меряются двумя способами. Первый способ – это статический запас: сколько воды содержится во всех водных объектах в данный момент. Но дело в том, что статический запас – это категория, неадекватная экономике. Экономике интересуют, не сколько есть в данный момент, а сколько можно взять. Так вот, сколько можно взять – это так называемые возобновляемые запасы. И если говорить о Байкале, то у него огромный статический запас, а возобновляемых запасов не так много. Их верхняя граница – это 55 кубокилометров, сток реки Ангары, единственной реки, которая вытекает из Байкала. Это немного. Например, та же самая Ангара впадает в Енисей и несёт уже не 55, а 160 кубокилометров. А впадая в Ледовитый океан, Енисей несёт 650 кубокилометров. Поэтому рассказы о том, что в Байкале огромное количество воды, они правдивы, но они не экономичны. Ни в коем случае нельзя интерпретировать мои слова, как принижение значения Байкала. Оно огромно. Но рассматривать его как источник питьевой воды, которым можно напоить чуть ли не всё человечество, это, извините, иллюзия.

Бодрунов: Какова вероятность того, что наша страна может столкнуться с кризисом питьевой воды?

Данилов-Данильян: Да, пресной воды много, если считать на душу населения, да и валовые запасы у нас огромные. Мы занимаем второе место в мире по валовым запасам возобновимой воды. Первое место у Бразилии. Но это благодаря тому, что у нас территория огромная. Если считать, например, на квадратный километр территории, то в России пресной воды меньше, чем в среднем по миру. А если считать на душу населения, то гораздо больше. У наших огромных запасов пресной воды есть недостатки. Они территориально очень неравномерно распределены: 80% пресной воды находится в азиатской части России, а 80% экономики и населения – в европейской.

Бодрунов: Да, более того, у нас есть такие проблемные зоны, как Крым, где засухи, не хватает пресной воды.

Данилов-Данильян: Вы совершенно правы. У нас сильная дифференциация регионов по водообеспеченности. Есть такие, где воды много. Это прежде всего Дальневосточный регион. А есть такие, в которых воды катастрофически не хватает, по крайней мере в течение некоторых лет. Это, конечно, и Крым, и Калмыкия, и Краснодарский край, потребности которого в маловодные годы удовлетворяются всего на 60%, и Ставропольский край, и Астраханская область, и Курганская, и Оренбургская. Список можно продолжать. Если мы просчитаем потребность в воде в так называемом инерционном сценарии, то в европейской части России острейший водный кризис может наступить уже к 2035 году. То есть через 15 лет. До этого доводить нельзя. Основная проблема – не в том, что у нас мало H₂O на европейской территории, а в том, что эта вода стала экономически неудобной для эксплуатации, она сильно загрязнена. С каждым годом растут затраты на то, чтобы подготовить воду для питьевого или хозяйственно-бытового использования.

Бодрунов: Сейчас все системы работают без водоподготовки...

Данилов-Данильян: Могу сказать точно, Сергей Дмитриевич, у нас только 1% потребляемой воды соответствует высшей категории качества, то есть не нуждается в водоподготовке. 99% забираемой воды и воды, которая находится в тех источниках, которые мы эксплуатируем для хозяйственно-питьевого водоснабжения, ниже этой категории, а это значит, что вода требует водоподготовки.

ВИКТОР ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН

« 80% пресной воды находится в азиатской части России, а 80% экономики и населения – в европейской »

Бодрунов: Это очень большие затраты. Вы правильно говорите, что вода становится экономически сложным ресурсом. Соответственно, надо перестраивать промышленность, которая эксплуатирует пресную воду. Например, чтобы произвести пару женских сапог, необходимо до 10 тонн пресной воды.

Данилов-Данильян: Это называется водный след. Водный след чашечки кофе – 200 литров. Для того чтобы смолотить кофе, нужно электричество. Для того чтобы произвести электричество, нужна вода, не только на гидроэлектростанциях, но и на теплостанциях.

ВИКТОР ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН

«В европейской части России острейший водный кризис может наступить уже к 2035 году»

Бодрунов: Да, они, действительно, потребляют огромное количество воды. Мы не задумываемся над тем, как это на самом деле происходит. Согласно прогнозам, российская экономика будет в ближайшие годы расти темпами 2-3%, а, значит, нам нужно думать о том, где взять столько воды для того, чтобы обеспечить этот экономический рост.

Данилов-Данильян: Вода становится, на самом деле самым узким местом. Например, атомная станция в расчёте на единицу мощности потребляет воды в полтора раза больше, чем тепловая. Если будет изобретено, наконец, термоядерное электричество, то на станции, работающей на термояде, будет потребность в воде на единицу мощности такая же, как у атомной станции. Да, мы избавимся от необходимости добывать сырьё, но вода окажется самым узким местом и самым нужным сырьём для термояда. А об этом-то никогда и не вспоминают.

Бодрунов: Так поневоле задумаешься, какими водными ресурсами мы должны обладать, чтобы оплатить наше благополучие в будущем. И насколько важно использовать эффективно те источники питьевой воды, которые есть, сохранять водный баланс. Виктор Иванович, какие действия нужны со стороны бизнеса, чтобы не допустить кризиса питьевой воды? На что обратить особое внимание?

Данилов-Данильян: Конечно, особое внимание нужно обратить на то, чтобы бороться с загрязнением водных объектов. Но у нас этим занимаются мало и не систематично. Источников загрязнения в принципе два типа. Это точечные источники – технологические сооружения, например, труба. Всё остальное – диффузное загрязнение воды. Это сток с поверхности: с сельскохозяйственных полей, с территорий населённых пунктов, с промплощадок, загрязнение воды, происходящее от свалок и от полигонов. Там неизбежно образуется так называемый фильтрат, который у нас в России практически не собирается, не обезвреживается и по поверхности или через так называемую верховодку или подземные

воды попадает в водные объекты. Всего типов источников диффузного характера почти два десятка, включая и атмосферные выпадения, и вторичные загрязнения от донных отложений в самих водных объектах. На всё это сейчас нет времени. Понимаете, у нас государство никогда не занималось диффузными источниками, они не оцениваются, не мониторируются, не облагораживаются, не предпринимается никаких усилий для того, чтобы сократить диффузные загрязнения. А по нашим оценкам на диффузные загрязнения приходится как минимум 60% всего загрязнения. Мы боремся с 40% и не обращаем внимание на 60%. Потом, даже те 40%, которые приходятся на точечные источники, известны плохо. Мы плохо знаем, сколько грязи сбрасывают наши предприятия, в том числе коммунальные и промышленные, в водные объекты, потому что у нас нет надлежащего мониторинга источников загрязнения. Не такая уж у нас редкость – некондиционное сырьё, и совсем не редкость – никудышные расходные материалы, и технологические режимы не выдерживаются. В результате то, что расчётным путём записывается в статистические формы, часто сильно отличается от того, что есть на самом деле. Сведения о реальном загрязнении, производимом фабриками, заводами, жилкомхозом, черпаются из статистических форм, которые эти предприятия сами и заполняют, исходя из количества произведённой продукции и характеристик оборудования. По оценкам, которые делались в ходе разных исследований, в том числе и в нашем институте, разница между заполняемыми статистическими формами и приборными данными – 10 и более раз. Кроме того, в эту статистику не входят аварии. В результате что у нас получается... Есть федеральный проект «Оздоровление Волги». Счётная палата год назад проверяла, как он выполняется, и пришла к выводу, что выделенные средства осваиваются в недостаточной степени. Почему? Да потому что проекты не учитывают реальных условий реализации соответствующих мер. Деньги выделены, потратить их не удаётся. Это звучит фантастически при нашем финансовом и инвестиционном голоде. Соответственно, у нас очень низкое качество проектирования. Я являюсь председателем Экспертного совета Росводресурсов. А чем занимается Экспертный совет? Он рассматривает инвестиционные проекты, которые финансируются при участии государственного бюджета. Вы знаете, редчайший случай, чтобы проект прошёл сразу. Как правило, он отправляется на доработку. А иногда и после этого его приходится отправлять на доработку во второй раз.

Бодрунов: Это, конечно, большая проблема.

Данилов-Данильян: Кадры водохозяйственников практически не готовятся. Есть пара институтов, где что-то делается, но это капля в море.

Бодрунов: Мы видим, что есть проблема с кадрами, нет программ, даже выделенные деньги освоить не можем. Получается, что от кризиса водных ресурсов нам никуда не

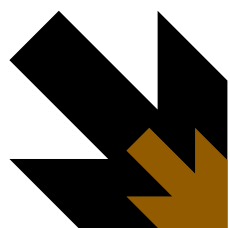
даться. Может быть, следует готовиться к нему – создавать промышленность, которая производила бы соответствующие датчики контроля, массово внедрять технологии очистки, развивать технологии опреснения воды. Каким путём нужно идти?

Данилов-Данильян: Разумеется, этими вопросами надо системно и серьёзно заниматься. А ни системности, ни серьёзности пока не заметно. Возьмём Крым – самый водонедостаточный район Российской Федерации. Мы до сих пор толком не знаем, каким образом устроена подземная вода в Крыму. Основные данные были получены ещё в 1970-е годы. Я с 2014 года говорю о том, что необходимо системно заняться изучением водных ресурсов Крыма. Как только перекрыли Северо-Крымский канал, начались неприятности с водой, которые дали о себе знать в 2019 году и достигли пика в 2020 году. 2021 год был отмечен небывалыми наводнениями. Чехарда великой засухи 2020 года с великими наводнениями 2021 года будет продолжаться. Надо быть готовым и к тому, и к другому. Для этого нужно хорошо знать, как устроена гидросистема Крыма. Если вы имеете полную информацию о том, как обстоят дела с ресурсами, вы можете составить схему так называемого интегрированного управления водными ресурсами, которая учитывает наличие ресурсов, настоящие и перспективные потребности по разным сценариям и позволяет выбрать, в том числе такие направления развития экономики, которые можно обеспечить благодаря местным ресурсам.

Бодрунов: Да, большой перечень мероприятий.

Данилов-Данильян: Если всё это разумно организовать, Крым может нормально развивать свою экономику без такой экзотики, как опреснение морской воды. Больше того, разговоры про опреснение, которые активно ведутся, предполагают строительство завода в Ялте. Это абсурд. В курортном городе нельзя строить завод. И потом, Чёрное море имеет вдвое большую минерализацию, чем Азовское море. Если уж приспичило опреснять воду, то не черноморскую, а азовскую.

Бодрунов: Перечень проблем, который вы очертили, действительно, огромен. Нужна комплексная программа и по исследованию наших водных ресурсов, и по привязке их к нашим текущим экономическим проблемам, проблемам территориального развития, размещения производств, подготовки кадров. Что позволит не допустить кризиса с питьевой водой, который может возникнуть на горизонте 15-20 лет. Я благодарю Вас за то, что Вы смогли донести эту важную информацию, показать необходимость принимать серьёзные меры по предотвращению угрозы для нашей национальной, если позволите, безопасности.

ЧАСТЬ III

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

КАК РОССИЯ СПРАВЛЯЕТСЯ С ПАНДЕМИЧЕСКИМ
КРИЗИСОМ?

УВЕЛИЧИТЬ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ
В РОССИИ. КАК РЕШИТЬ ЗАДАЧУ?

ЖИЗНЬ ПО СТАНДАРТУ. В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВОПРОС. ОСТАНОВИТЬ ПАДЕНИЕ
ЖИЗНЬ В КРЕДИТ. ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ КАЖДОМУ?

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА 2022-2024. РАССТАВЛЯЯ
ПРИОРИТЕТЫ

КАК РОССИЯ СПРАВЛЯЕТСЯ С ПАНДЕМИЧЕСКИМ КРИЗИСОМ

По материалам программы «Дом «Э» «Россия прошла кризис лучше других стран – как так вышло?», телеканал ОТР, 25 мая 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ:

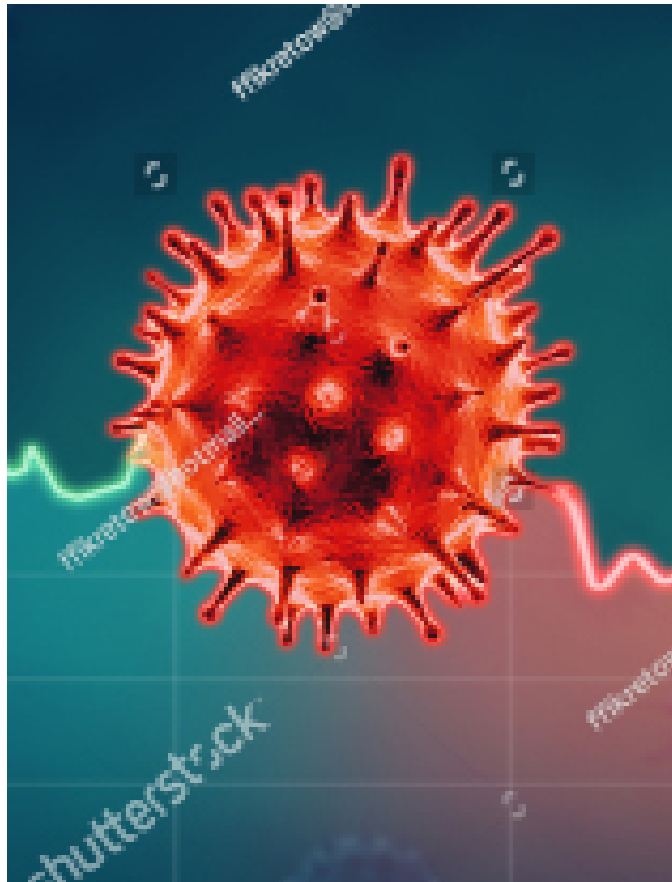
Сергей Дмитриевич Бодрунов
Президент Вольного экономического общества России,
Президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С.Ю.Витте, д.э.н., профессор

Александр Александрович Широ́в,
Директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член Правления ВЭО России,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

**Георгий Владимирович
Остапкович,**
Директор Центра конъюнктурных
исследований НИУ «Высшая школа экономики»

3

Бодрунов: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Сегодня я предлагаю поговорить о том, как Россия проходит кризис: хорошо, лучше других, хуже других? Что из себя сегодня представляет экономика России в ситуации коронакризиса. Мы так или иначе до коронакризиса рассуждали о том, каким образом нам перестроить экономику, какие реформы проводить, чтобы увеличить темпы экономического роста, повысить благосостояние людей, и вдруг кризис сломал всё, и не только нам, а всем экономистам, управленцам, которые занимались теми же проблемами в своих странах. Сегодня многие в растерянности пытаются оценить последствия, выработать какие-то меры противодействия. Мой первый вопрос, как мы сегодня смотримся в мире – лучше или хуже – с точки зрения влияния на нашу экономику пандемических проблем?

Широв: Конечно, у ответа на вопрос о том, как мы проходим кризис, есть несколько граней. Одна из них — чисто экономическая, и если мы посмотрим на статистику, то увидим, что вроде бы все не так плохо...

Бодрунов: Вы имеете в виду нашу официальную статистику Росстата.

Широв: И официальную статистику, и если мы посмотрим микроданные, чисто экономические показатели, увидим, что они неплохие: мы потеряли 3,1% ВВП в 2020 году, мы увидели снижение реально располагаемых доходов населения примерно на 8%, мы увидели снижение уровня промышленного производства. Но всё это было чуть лучше, чем у большинства крупных экономик мира, как развивающихся, так и развитых.

Бодрунов: Да, вы очень важную вещь сказали: большинства крупных экономик мира...

Широв: Да, мы должны себя сравнивать с мировыми лидерами, потому что Россия – всё-таки пятая экономика мира по итогам 2020 года. Но у нас есть очень серьезные негативные последствия этого кризиса – это, конечно, в первую очередь повышенная смертность. Мы потеряли дополнительно по сравнению с уровнем 2019 года 320 тысяч человек. И вообще, в результате пандемии наши потери составят совокупно за 2020 – 2021 годы около миллиона человек, а это уже макроэкономически значимая потеря населения. Я уже молчу о личных трагедиях тех семей, в которых произошли эти потери.

Бодрунов: Я думаю, цифры, которые вы называете, отражают официальную статистику структур, подсчитывающих расходы и доходы, в том числе Росстата. На этих данных базируются прогнозы, базируются какие-то меры, направление удара, решается, куда направлять усилия и что нужно в первую очередь делать. Но есть анализ и других специалистов, которые, может быть, опираясь на другие данные, дают другую картину. В частности, в одном из интервью академик Аганбегян говорил о том, что если мы посмотрим на официальную статистику за 2020 год, то мы просели на 3,1%, среднемировая цифра – 3,5%, в США – примерно те же самые 3,5%. Однако, по его мнению, надо было смотреть именно на период кризиса, а кризис у нас начался со второго квартала. Таким образом, в пересчёте на год мы потеряли больше 4%. А это уже хуже, чем среднемировая статистика. Мне кажется, что эти цифры так или иначе отражают один главный тренд – мы ухудшили свои позиции.

Уважаемый Георгий Владимирович, скажите, какие-то ещё вы видите вещи, которые структурно повлияли на нашу экономику или ухудшили наш потенциал в экономическом развитии?

Остапкович: Я считаю, что во многом, помимо, конечно, государственной помощи, которая оказывалась своевременно, по-разному можно оценивать, достаточно или недостаточно, но примерно 4,5 – 5% ВВП составила государственная помощь людям и экономике. Конечно, в других странах она была выше. Но с точки зрения структуры, почему нам удалось получить минус 3%, а не минус 5% и не минус 6% (кстати, в эпицентре кризиса в марте-апреле прошлого года все прогнозисты говорили, что от 5 до 8% будет просадка).

АЛЕКСАНДР ШИРОВ,
доктор экономических наук, профессор, член Координационного совета профессоров РАН, преподаватель экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, эксперт МАГАТЭ

Член научно-редакционного совета журнала «Проблемы прогнозирования», объединённого учёного совета ОАО «РЖД». Специалист в области социально-экономического анализа и прогнозирования, обоснования мер в области экономической политики. Разработал и ввёл в использование макроэкономические и макроструктурные модели экономики России, Белоруссии, Казахстана и Украины. В сферу научных интересов входят исследования в области взаимосвязи структурных изменений и экономической динамики. Автор и соавтор более 100 научных работ, в том числе монографий. Лауреат премии «Экономист года» в 2017 году в составе коллектива авторов стратегии социально-экономического развития «Стратегия роста».

Бодрунов: Я слышал прогнозы до 12%...

Остапкович: Были и до 12%, да. МВФ давал 8%, а МВФ – это очень позитивный прогнозист. Кто пострадал больше всего во всём мире? Сфера услуг...

Бодрунов: Да, в первую очередь, конечно.

Остапкович: Обнулится весь гостинично-ресторанный бизнес, развлекательные услуги, упали туризм, авиация, судоходство, транспортные услуги. А у нас доля услуг меньше, чем в других странах. У нас всё-таки экономикаобразующая отрасль – это промышленность.

Бодрунов: Георгий Владимирович, я Вас поддерживаю и немножко перебую. Мы неоднократно в Вольном экономическом обществе России говорили, что необходимо сохранять промышленность, необходимо сохранять индустриальную направленность нашей экономики, что это становой хребет устойчивости нашей экономики. И пандемия действительно это подтвердила в какой-то мере.

Остапкович: Да, я согласен с Вами, но всё-таки это вопрос диалектический, потому что для XX века действительно материальное производство – основа, а в XXI веке...

Бодрунов: Смотря, что считать производством...

Остапкович: Я исхожу из ВВП...

Бодрунов: Понятно, ну, хорошо.

Остапкович: Поэтому я считаю, что и ВВП в XXI веке – анахронизм, а не показатель.

Бодрунов: Тут я с Вами соглашусь, конечно.

Остапкович: Больше всего пострадал частный бизнес, потому что у него слабая финансовая антикризисная подушка, они не поддерживаются государством. У нас, по оценкам ФАС, 70% добавленной стоимости создают государственные предприятия, хотя я считаю, что это завышено, пусть 60%. Но всё равно у нас малый бизнес в структуре ВВП – 21,5%, во всех странах – это 50%, а то и 60%. Значит, мы понесли меньшие потери. Именно малый и микробизнес пострадал больше всего. У нас всё-таки преимущественно крупный бизнес формирует основной экономический тренд, хорошо это или плохо.

Бодрунов: Во-первых, это государственные, во-вторых, даже если не государственные, то крупные.

Остапкович: Отраслеобразующие фактически...

Бодрунов: Даже если частное предприятие крупное, ему проще удержаться на плаву, потому что, знаете, когда шторм, то маленькие лодки тонут быстрее гораздо, чем крупные.

Остапкович: Крупное предприятие всё равно аффилировано косвенно с государством, оно получает госзаказ фактически. И еще один фактор, на него не очень обращают внимание, но, я считаю, он существенно сказался на замедлении темпа. Всё-таки наша экономика не очень встроена в создание мировых цепочек добавленной стоимости. Ведь во всём мире, условно, немцы делают «Мерседес», но все эти детали идут и из Польши, и из Нидерландов... А в период пандемии, когда были разрушены трансграничные передвижения товаров и людей, это принесло большой вред, то есть разорвались цепочки поставок. А у нас только сырьевая отрасль встроена. И 80 – 82% экспорта – это сырьё.

Бодрунов: Вы проанализировали очень чётко те факторы, которые позволили нам лучше перенести, чем другим странам, проблемы пандемии, но я бы добавил ещё, наверное, что эти вещи анализировались и в правительстве, анализировались экспертами. И были приняты определённые меры. Александр Александрович, какие были меры государственной поддержки в малом бизнесе, малоимущим семьям и так далее.

Широв: В течение длительного периода времени говорили о том, что государственная контрциклическая политика в России, скорее всего, будет неэффективной. Прошлый год доказал, что это не так. На самом деле мы увидели, что при всех факторах, которые формируют ВВП со стороны спроса, вклад государства составил примерно 0,7%, что довольно много. Это наиболее существенный показатель за последние 10 лет. Это с одной стороны. С другой стороны, было показано, что меры правительства, направленные на поддержку уровня жизни населения, являются эффективными с точки зрения того, что население себя ведёт совершенно рационально. Микроданные крупных банков показывают, как люди тратили деньги. Например, пособия на детей, которые получили все семьи с детьми до 16 лет – по сути это массовая раздача социальной помощи – и это очень сильно поддержало российский ритейл и российских производителей...

ГЕОРГИЙ ОСТАПКОВИЧ,
экономист, эксперт
в области статистики
и экономической
конъюнктуры

Более 30 лет посвятил государственной службе в федеральных органах власти, работал на руководящих должностях в Центральном статистическом управлении СССР и Центре экономической конъюнктуры при Правительстве. Имеет чин действительного государственного советника Российской Федерации III класса. Совместно с коллегами с нуля разработал методологию конъюнктурных исследований. Возглавлял работы по созданию методологий и внедрению в статистическую практику России системы исследований деловых тенденций в реальном секторе и сфере услуг в рамках совместных проектов Евростата, Организации экономического сотрудничества и развития и Росстата.

Бодрунов: Конечно, куда понесли деньги? Понесли в ритейл.

Широв: Причём, важно, на что были потрачены эти деньги. В основном, это обустройство жилья, то есть товары для ремонта, мебель, бытовая техника. Эти меры были эффективными, они поддержали экономику.

Бодрунов: Больше того, многие из этих позиций, на которые тратили деньги, российского производства.

Широв: Является ли поддержка потребительского спроса в текущих российских условиях вещью, которая разбалансирует экономику, создаёт проблемы в финансовой области, или, наоборот, это поддержит экономику? По-моему, ответ однозначный.

Бодрунов: Я тоже считаю, меры, которые были приняты, очень чётко и точно сработали. Во-первых, они поддержали малоимущие семьи в первую очередь – для них каждая копейка на счету. Во-вторых, было понятно, куда это будет потрачено – пойдёт в ритейл, а ритейл – это наши рабочие места в торговле, это транспорт, это прочие обслуживающие сектора, подсектора. И это заказ на наши же предприятия, рабочие которых тоже получают заработную плату, и так далее.

Широв: Следующая история – строительство. С одной стороны, в период локдауна не был закрыт строительный сектор, продолжались крупные строительные проекты в области инфраструктуры, прежде всего Восточный полигон. С другой стороны, была введена программа льготной ипотеки. Это поддержало сектор и производственного, и непроизводственного строительства. Мы увидели рост объёма строительных работ в период кризиса, что вообще уникально для нашей страны...

Бодрунов: Потрясающе на самом деле...

Широв: Но, конечно, например, та же ипотека опирается в низкий уровень доходов нашего населения. Понятно, что те, у кого средства были, в это сыграли, а вот для менее обеспеченных слоёв населения – это большой вопрос. Когда мы говорим о том, почему у нашей экономики спад был меньше, чем у мировой, есть ещё очень важный фактор – это политика локдауна. В нашей экономике, как мы уже сказали, строительство было закрыто со льготами в период карантинных ограничений. Туда же относится сельское хозяйство, военно-промышленный комплекс, крупнейшие сырьевые сектора производства. Это тоже очень сильно помогло. Наконец,

в отличие от кризиса 2008 – 2009 годов влияние этих негативных факторов на финансовый сектор был относительно ограничен, и это позволило значительный объём ресурсов, который во время прошлого кризиса был потрачен на поддержку банковской системы, использовать на поддержку промышленности. По сути, если мы говорим, про поддержку со стороны промышленности, то это очень похоже на то, что было почти 10 лет назад. Это и государственные закупки автомобильной техники, лифтов для модернизации, другие вещи. Это помощь системообразующим предприятиям. И всё это в комплексе сработало. Проблема состоит только в том, что это вызвало некоторую эйфорию: мы очень хорошо прошли кризис, значит, у нас всё замечательно, но, как я сказал, у нас есть большая проблема социального характера – это повышенная смертность, и это действительно тяжёлый удар и по экономике, и по потенциалу экономического роста в ближайшие годы.

Бодрунов: По каким ещё критериям можно было бы судить о том, насколько мы всё-таки успешно преодолеваем кризис? Потому что от того, как мы это понимаем, зависит, как мы должны дальше работать.

Остапкович: Всё-таки главным бенефициаром роста или падения экономики является человек, люди. Поэтому в первую очередь нужно брать и смотреть социальные индикаторы. А экономический смысл жизни человека – это доход и занятость, а не количество тракторов и турбин, танков и ракет, которые считает ВВП. Значит, мы должны смотреть четыре главных показателя. Это реально располагаемые денежные доходы населения, которые у нас просели на 3,5%, по данным Росстата, а 3,5% в абсолютных цифрах означает, что люди недополучили больше 2 трлн рублей по сравнению с 2019 годом. А 2 трлн рублей – это 1,5 товарооборота продовольственных товаров всей розничной торговли. Вы можете себе представить. У нас потребление упало на 8,5%. Следующий важный показатель – неравенство в доходах, так называемый коэффициент Джини, третий – уровень бедности. Как изменится уровень бедности?

Бодрунов: Если в одних и тех же параметрах бедность считать, то...

Широв: То она сократилась довольно серьёзно, вчера были выгружены данные Росстата.

Остапкович: Давайте пока не будем говорить, как она сократилась, официальные данные посмотрим. Это первая оценка, я всегда к ним теоретически подхожу...

Бодрунов: Я думаю, что оценки будут уточняться, но, во всяком случае, не упадёт...

Остапкович: Она не упадёт, и, естественно, резко сократиться не может, если люди недосчитались 2 трлн рублей в год, как она может сократиться? И недосчиталось в основном низкодоходное население. Миллиардеров у нас, наоборот, прибавилось за прошлый год.

Бодрунов: Я думаю, что по количеству миллиардеров, которые прибавились, судить об экономике сложно. Тут надо смотреть всё-таки на условно средний класс и показатели по бедности.

Широв: Всё-таки, если возвращаться к поддержке экономики, которая была в прошлом году, то меры по поддержке низкодоходных групп населения были обозначены в послании президента в январе прошлого года. И они касались как раз низкодоходных групп населения с детьми. И вот, по нашим оценкам, в этой категории в 2020 году рост доходов достигал 30%. И если возвращаться опять к этому замечательному показателю – валовому внутреннему продукту, то я бы смотрел на него с одной точки зрения. Валовой внутренний продукт – это доходы. Если растут наши доходы, то экономика имеет больше возможностей. Это не турбины, это не трактора, это не тонны стали. Это доходы, это прибыль, это налоги, это зарплаты. Зарплаты у нас составляют почти 50% нашего ВВП. И потребление домашних хозяйств, соответственно. И если наш ВВП снижается, если снижаются доходы, то ясно, что прежде всего страдает уровень и качество жизни населения.

Остапкович: Это сомнительный тезис, конечно. За последние 7 лет у нас растёт ВВП, пускай маленькими темпами...

Бодрунов: Но при этом снижаются реальные доходы населения.

Остапкович: И 7 лет у нас падают реальные располагаемые денежные доходы. То есть прямой корреляции нет.

Широв: Конечно, есть.

Остапкович: Я считаю, что ВВП вообще не показывает ни уровень, ни качество жизни. Это чисто материальный показатель, он лучший, человечество ничего лучше не придумало.

Широв: Ещё раз, ВВП считает доходы...

Бодрунов: У нас классический треугольник. Истина, на мой взгляд, находится посередине. С одной стороны, ВВП нельзя сбрасывать со счетов, потому что он многие вещи позволяет всё-таки анализировать, и другого, к сожалению, универсального показателя пока нет, хотя проблемы у ВВП, как показателя, известны всем нам. И судить о действительном благосостоянии людей только по ВВП было бы большим заблуждением. Я всегда говорил, что необходимо смотреть структуру ВВП, структуру расходов, доходов, смотреть, какие показатели у нас дают этот ВВП. Можно переливать из пустого в порожнее и платить за это деньги, и ВВП будет расти.

Широв: Проще сказать следующим образом: если экономика доходы не производит, то нечего перераспределять. И тогда уже говорить и об уровне жизни, в принципе, невозможно.

Бодрунов: Я бы сказал, вот это более точно.

Остапкович: Главное, чтобы эти доходы имели мультипликативный эффект для людей.

Бодрунов: В кризис, я вижу, жить более-менее можно, но развиваться, а это самое главное, невозможно.

Остапкович: Как раз я хотел сказать, что рост экономики и развитие экономики – это два разных явления.

Бодрунов: Да, две разные вещи.

Остапкович: Можно расти на 4%, и будут падать доходы у вас, и не будет развиваться человеческий капитал. Можно стоять на нулях или на 2%, как в Швейцарии, и у вас будут и потребление, и доходы расти. Нужны вложения в человеческий капитал, а не прямые какие-то огромные вложения государства в реальный сектор. Частный сектор сам создаст экономику. Дайте предпринимательский климат, дайте людям свободу собственности, свободу получения дохода, свободу распределения этого дохода, и поднимут они экономику. При всём уважении к правительству, к Минэкономике, к Центральному банку, они не сеют, не пашут, не строят, не обучают. То есть надо институционально помочь, создать предпринимательский климат, чтобы предприниматели создавали доходы. Они более мотивированы, чем государство, они рискуют собственностью, а не своей зарплатой.

Широв: Тут всегда можно вспомнить то, что говорил академик Ивантер в своё время: «Безусловно, частный бизнес более эффективен, но если бы он был абсолютно эффективен, то в мире бы не было банкротств». И, конечно, ещё раз, основа развития нашей экономики – это частная инициатива, тут вообще никаких вопросов нет. Вопрос – что заставит частного предпринимателя вложить деньги в экономику, которая у нас сейчас за окном? На мой взгляд, как опять же говорил академик Ивантер, в стоящую на месте экономику частные инвестиции не идут. Мы за последние 7 лет стали менее интересны, как для наших внутренних инвесторов, так и прежде всего для международных инвесторов. Наш автомобильный рынок сократился в два раза, мы видим, как сокращается рынок бытовой техники и так далее. То есть версия про то, что какими-то институциональными мерами, какими-то мерами по освобождению предпринимательства можно добиться резкого роста уровня инвестиционной активности нашей экономики, на мой взгляд, плоха. Понятно, что это нужно всё делать, но добиться результата только за счёт этих мер невозможно.

Бодрунов: Коллеги, я вижу две точки зрения. На мой взгляд, истина лежит посередине, потому что без институциональных преобразований, без реформ, без поддержки продвижения вперёд не будет. С другой стороны, бизнес должен жить надеждой, поэтому институциональные реформы должны быть направлены на оживление надежды. А для этого бизнесу нужно видеть, что, с одной стороны, есть институциональная поддержка, с другой стороны, есть проекты, государственные планы, государственные программы. Вот эта надежда создаётся не разово по щелчку пальцев. Это большая работа для всех: и государства, и общества, и экономистов в том числе. Уважаемые коллеги, я благодарю вас за то, что вы сегодня пришли побеседовать на эту очень важную сегодня для нашего общества, для нашего государства, для нашего народа тему.

УВЕЛИЧИТЬ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В РОССИИ. КАК РЕШИТЬ ЗАДАЧУ?

По материалам программы «Дом Э», телеканал «Общественное телевидение России», 19 июня 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ:

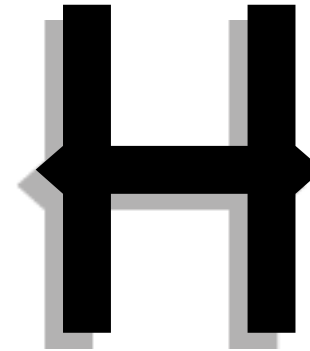
Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Александр Павлович Серяков,
Руководитель Онкологического центра «СМ-Клиника», врач-онколог высшей категории, д.м.н., профессор

Александр Андреевич Цыганов,
Руководитель Департамента страхования и экономики социальной сферы Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н., профессор

Бодрунов: На фоне пандемии ожидаемая продолжительность жизни в России снизилась впервые с 2003 года. Это важный показатель экономического развития и социального благополучия общества. Россия существенно отстает по нему от экономически развитых стран. Причина тому и повышение смертности, и естественная убыль населения. Сегодня мы поговорим о том, как отвечать на эти вызовы.

Цыганов: Вы абсолютно правы, когда говорите, что пандемия внесла свои коррективы. Сегодня мы пока не обладаем полной статистикой, тем не менее есть предварительные результаты, которые можно обсудить. Уже понятно, что большее влияние пандемия оказывает на людей старшего возраста. С этой группой связана избыточная смертность. Очевидно, что должно пройти еще два-три года прежде, чем мы опять вернёмся к цифрам, которые были в 2018 – 2019 годах.

Бодрунов: Я хотел бы Вам, Александр Павлович, как врачу, задать вопрос. Много людей на самоизоляции из-за гиподинамии стали чувствовать себя существенно хуже, особенно те группы населения, которые страдают системными болезнями кровообращения, диабетом... На кого пандемия повлияла больше всего?

Серяков: Для России и для других стран пандемия – это форс-мажор. Она нарушила все планы: и социоэкономические, и демографические. Мы будем еще долго восстанавливаться. Конечно, в группе риска не здоровые люди, а люди с хроническими болезнями: это и сердечно-сосудистые заболевания, и сахарный диабет, и онкология, потому что иммунная система уже не та, иммунный ответ не тот. Пациенты с этими заболеваниями находятся в группе риска, в том числе по летальному исходу. Молодёжь и дети легче переносят коронавирусную инфекцию.

Бодрунов: Я смотрел статистику по европейским странам, и общая тенденция такая – большая доля людей, которые умирают в пандемию, это как раз люди старшего возраста. А у нас?

Серяков: Мы практически не отличаемся от всего мира. Конечно, летальность есть и в группе молодых людей, но это эксклюзивные случаи, они, так скажем, не меняют общую статистику.

Бодрунов: Если говорить об общей смертности, у нас намного больше людей уходит не от коронавируса, а от других болезней. В этих группах риска – больше молодёжи или тоже людей старшего поколения?

Серяков: Я, как онколог, скажу, что взрослая онкология – это чаще всего старшие возрастные группы. Статистика говорит, что если в среднем летальность по коронавирусной инфекции составляет около 1,9%, то среди онкологических больных этот показатель приближается к 6,9%. Подобная ситуация и в группе больных сахарным диабетом, и страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Бодрунов: Какие меры принимаются сегодня, и достаточны ли они?

Серяков: Мы видели, что в связи с развитием пандемии в мире и в России было мобилизованы практически все силы и средства медицинских служб.

Бодрунов: Не хватало врачей, даже студентов привлекали...

Серяков: Не хватало врачей, среднего медицинского персонала, младшего медицинского персонала. В красной зоне призвали работать тех, кто имеет диплом, но уже давно не работает врачом. Выделялось дополнительное финансирование. Мы раньше годами ждали новые клиники, больницы, а тут, оказывается, мы можем организовать и новые госпитали, и экстренно выделить дополнительное финансирование, и подтянуть наших миллиардеров... Однако бросив все силы на борьбу с коронавирусной инфекцией, оказалось, что мы нарушаем программу лечения онкологических больных, которые получают плановое, допустим, химиотерапевтическое лечение. В целом наши руководители говорят о том, что ситуация по выраженной летальности среди онкологических больных и больных с другими хроническими заболеваниями сильно не изменилась. Но опять же мы видим вершину айсберга, какова будет статистика, кто ее будет считать, насколько правдивы будут эти цифры, – вопрос.

Бодрунов: Нужно еще думать о том, что будет через год, через пять лет. Потому что если своевременно выявить онкологию – это одно течение болезни, можно прожить и 30 лет. Если потерять этот год, не пройти обследование, стадия уже другая... Может быть, мы спасём кого-то сейчас, но не спасём через пять лет. Проблемы такого рода накапливаются.

Серяков: Как снежный ком...

Бодрунов: Мне кажется, что когда мы говорим о государственных мерах, направленных на увеличение продолжительности жизни, причём комфортной и качественной жизни, мы должны думать о профилактике.

Серяков: В первую очередь медицина должна быть профилактической. И наши классики медицины об этом говорили. А для этого нужно профилактикой заниматься.

Бодрунов: И деньги на это тратить, в программы их закладывать.

Серяков: На диспансеризацию, профосмотры. Понятно, что человек должен сам проявить активность, найти, где его поликлиника, записаться, сдать анализы. Но если человек не проявляет социальную активность, почему не сделать активный вызов со стороны поликлиники?

Бодрунов: А что такое диспансеризация? Это не прием у терапевта. Должна быть продуманная программа, что смотреть в первую очередь. Это деньги. Они должны быть заложены в систему здравоохранения, в бюджет.

Серяков: В целом это всё есть. Но опять же стройной системы пока не сложилось. Нужно комплексно к этому подходить, не только со стороны здравоохранения.

Бодрунов: Александр Андреевич, как Вы смотрите на эту проблему с точки зрения экономики?

Цыганов: Это не только медицинская проблема, как ни удивительно. Когда мы говорим про медицину, возникает вопрос качества услуг, доступности, информированности населения. Продолжительности жизни – это не только медицина, но и качество жизни, удовлетворённость ею. Когда у человека нет уверенности в завтрашнем дне, нет понимания, чем он будет заниматься, если потеряет работу, сможет ли открыть своё дело, и хочет ли он этого – это, конечно, оказывает своё влияние на уровень смертности...

Серяков: Что я хочу сказать про тревожность? Если сравнивать Россию по продолжительности активной жизни с другими странами, в частности с Евросоюзом, Японией, мы не на хорошем счету. В Гонконге сейчас продолжительность жизни 84,3 года. Чем мы отличаемся от Японии? У японцев есть особая черта в менталитете – они стараются не обидеть друг друга. Из японского языка практически исчезло слово «нет». Если японец хочет отказать оппоненту, он не скажет «нет», а найдёт много аргументов. Никто никого не обижает, и психологически японец чувствует себя более уверенно.

Бодрунов: Это очень важное наблюдение, потому что психологическое состояние сильно влияет на желание жить. Допустим, если человеку, условно говоря, уже ни до чего нет дела, тогда он и к врачу не пойдёт, запустит свою болезнь... А это уменьшает продолжительность активной жизни. Когда я приезжаю в Китай и вижу на одной из центральных площадей, как несколько тысяч человек делают утром зарядку...

Серяков: Хочется встать рядом.

Бодрунов: У меня эти люди вызывают уважение. Это не только общая психология, но и общий настрой на то, чтобы беречь здоровье. Если мы будем думать о здоровом образе жизни с детства, закладывать поддержку этих вещей в государственные программы, создавать тренировочные центры, поддерживать фитнес-индустрию, стимулировать людей отдыхать на природе, мне кажется, это создаст важные факторы решения большой задачи.

Серяков: Именно так. От чего зависит здоровье человека и продолжительность его жизни? Около 30% – это социальноэкономические аспекты. Ещё 30% – это образ жизни: алкоголь, курение и прочее. 30% – уровень развития здравоохранения в конкретной стране. И только 10% приходится на наследственность. Если даже человек переходит на здоровый образ жизни, через шесть лет он уже прибавляет себе 2,5 года активной жизни.

Бодрунов: Александр Андреевич, я хотел бы Вам задать вопрос, как экономисту, образ жизни, продолжительность жизни, общая культура поведения – это взаимосвязанные вещи, и как это экономически можно усилить?

Цыганов: Это, действительно, связанные вещи. Население России когда-то было сельским, стало городским, когда-то высшее образование было редкостью, а сейчас это повседневность, соответственно меняется и стиль поведения, и отношение к здоровью. Мы этот переход пока не завершили. Чем больше говоришь про здоровье, начиная со школы, с детского сада, тем более ответственно человек будет относиться к нему. Приведу один пример – программа льготной ипотеки. Человек заботится о себе, он покупает квартиру. Но при этом его сначала принуждают заключить договор страхования жизни и пройти обследование. Он начинает понимать, что его ждёт в будущем. И так каждый год. Это экономическая программа, но она помогает в осознании того, что к здоровью следует относиться внимательно. Кроме того, человек живет в лучших условиях, думает о будущем, ему нужно выплатить кредит. Начинает о себе, при прочих равных, заботиться чуть лучше. Я бы не стал категорично утверждать, что льготная ипотека всегда повышает качество жизни, но всё же...

Бодрунов: Я хотел бы завершить таким наблюдением. Когда мы говорим о любой проблеме, пусть даже не совсем экономической, то понимаем, что все взаимосвязано. Начинаешь тащить одну проблему, вылезает другие. Увеличение продолжительности жизни – комплексная проблема, связанная в том числе с экономикой. Так, например, социальное напряжение ухудшает ситуацию, социальное благополучие – улучшает. Поэтому когда мы говорим, что экономика должна быть направлена на человека, то понимаем, что цель – это его активное долголетие.

ЖИЗНЬ ПО СТАНДАРТУ. В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

По материалам программы «Дом Э», телеканал «Общественное телевидение России», 10 апреля 2021 года

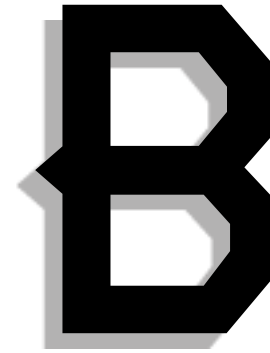
СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Сергей Николаевич Рябухин
Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации ФС РФ по бюджету и финансовым рынкам, вице-президент ВЭО России, д.э.н.

Бодрунов: В прошлом году председатель Совета Федерации Валентина Ивановна Матвиенко предложила внедрить в России единый социальный стандарт жизни россиян. Такой стандарт мог бы обеспечить устойчивое развитие регионов страны. Сегодня мы поговорим о том, как может быть реализована эта идея. Параметры единого стандарта сейчас обсуждаются. На что будет иметь право каждый из нас, если стандарт будет введен?

Рябухин: В чём суть идеи Валентины Ивановны Матвиенко... Где бы вы не жили, в Твери, Ханты-Мансийске, Москве, Санкт-Петербурге, Ингушетии, у вас должны быть равные возможности, равный доступ к конституционным нормам по здравоохранению, образованию, к инфраструктуре... Для этого потребуется глобальное перераспределение ресурсов, чтобы их было достаточно в каждом субъекте Российской Федерации для реализации этих конституционных полномочий. Как реализовать эту идею? Мы тогда предложили в первую очередь разработать и постановлением Правительства России утвердить публичные расходные обязательства на муниципальном уровне по образованию, здравоохранению, транспорту, социальному обеспечению, социальным преференциям, льготам и так далее. Потому что есть мандат обязательств, которые относятся к компетенциям муниципального уровня, и есть обязательства, которые относятся к мандату федерального бюджета. Нужно было их «протянуть».

Когда мы приступили к этой работе, то поняли, что прежде всего нужно сделать инвентаризацию публичных обязательств, и подключили Минюст. Оказалось, что «провязать» нужно около 3,5 тысяч нормативно-правовых документов и законов. Сама по себе идея красивая, но когда мы приступили к ее реализации, то поняли, что предстоит большая и кропотливая работа. Для того чтобы запустить постановление правительства с реестром бюджетных обязательств и расходов, надо получить от Минюста соглашение. Мы занимались этим полтора года, сейчас эта работа завершена. Оставалось только убедить Министерство финансов, Министерство экономического развития и Правительство России в том, что на основе этих нормативов следует создать реестр, который должен стать отправной точкой формирования бюджетов: муниципального, регионального и федерального. Надо понимать, что одновременно перевести на модельный бюджет все расходные бюджетные обязательства мы не сможем. Поясню: мы рассчитываем некий модельный бюджет (то необходимо сделать по доходам и расходам каждого субъекта РФ), чтобы на его основании субсидировать регионы, дать им возможность выполнить социальные нормативы, которые легли в основу стандарта. Мы поставили задачу – сначала перевести на модельный бюджет 15% расходных обязательств, затем – 30%, потом – 40%, а впоследствии весь реестр будет исполняться по тем модельным бюджетам, которые Правительство России утвердит по согласованию трёхсторонней комиссии, в которую входят и Государственная дума, и Совет Федерации, и Правительство России. В упрощённом варианте дорожная карта выглядит приблизительно так.

Бодрунов: Я поражаюсь объёму работы, который необходим для того, чтобы, казалось бы, такую понятную вещь внедрить. На самом деле, учитывая законодательство регионов, законодательство Российской Федерации, разнонаправленность многих компонентов этой работы, совместить все это – конечно, дорогого стоит. Кроме того, я знаю, что и другие ведомства вносят свои идеи и предложения. Так, по итогам анализа социально-экономического положения российских регионов в Счётной палате был разработан комплекс предложений, который поможет реализовать идею социального стандарта.

Рябухин: Главным условием реализации единого социального стандарта на федеральном и на региональном уровнях является, и, кстати, это консолидированная позиция Совета Федерации и Счётной палаты, устойчивое экономическое развитие страны. Надо отметить, что санкционные ограничения, которые применяются по отношению к России с 2014 года, создали определённые риски для воплощения идеи единого стандарта в жизнь. Затем – пандемия и связанные с ней ограничения привели к тому, что российская экономика снизилась на 3,1%.

Комплекс мер поддержки населения и бизнеса был в основном профинансирован из Фонда национального благосостояния. Конечно, он сократился, тем не менее, если брать ликвидную часть, то ФНБ составляет приблизительно 8,5 трлн. Несмотря на все ограничения и трудности, у нас серьёзный запас прочности. Уровень государственного долга России ниже, чем в европейских странах или в США, где совокупный долг превышает доходы. У нас уровень долга – ниже 40%, а это важный фактор устойчивости. Тем не менее модельный бюджет мы исполняем на 30% от того, что необходимо. За следующие 5 – 6 лет нам нужно полностью перейти на модельный бюджет, а это гарантия того, что мы достигнем поставленной задачи – перейдем на стандарт благополучия.

Успешность реализации социальных стандартов зависит от того, насколько развита экономика, насколько высок региональный налоговый потенциал. И здесь уместно вспомнить те колоссальные наработки начала прошлого века, которые были осуществлены в Институте Вернадского.

Бодрунов: Один из первых, серьёзных шагов для преодоления дифференциации экономического развития регионов...

Рябухин: Абсолютно верно. Все больше ученых полагают, что нам следует вернуться к этому опыту. Многие не знают, что клиентом Института Вернадского по размещению производительных и производственных сил был губернатор штата Аляски. Была разработана успешная программа комплексного развития Аляски. Время было сложное, отношения между нашими странами напряженные...

Бодрунов: Тем не менее лучшее в нашем опыте они брали...

Рябухин: То есть даже американцы, суперрыночная страна, понимали, что должна быть стратегия развития каждого штата. А мы в 1990-х годах предались розовой мечте, что рынок сам всё расставит по местам.

Даже школьнику понятно, что так нельзя. Нужно создавать благоприятные условия, налоговые преференции, режим особой экономической зоны, чтобы в депрессионный регион пришли инвесторы, создавались рабочие места, формировался экономический и налоговый потенциал. Вот тогда будет выравнивание. Президент России поставил задачу по социальным стандартам. Выполнить ее без больших переливаний и встречного финансирования можно только тогда, когда мы выровняем экономический и налоговый потенциал российских регионов. Вот этим нужно сейчас заняться.

Бодрунов: Не так давно Правительство России озаботилось пространственным развитием страны, активно обсуждается соответствующая стратегия. Мне кажется, что единый социальный стандарт мог бы стать критериальной базой для того, чтобы понять, что делать – куда размещать производство, где прокладывать дороги, строить научные центры, создавать центры притяжения с учётом кадрового, природного и ресурсного потенциалов. Плюс на этой основе постепенно переходить от дотационного финансирования на самофинансирование регионов. А критерием сделать достижение социального стандарта населения. Поощрять регионы, которые подтягиваются к этому стандарту.

Рябухин: Очень правильное рассуждение. В наш Комитет по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации влились два известных в прошлом губернатора, которые руководили регионами по 20 лет. Это Анатолий Дмитриевич Артамонов и Евгений Степанович Савченко. Я спрашивал у этих уважаемых людей, какие должны быть показатели эффективности деятельности губернатора? Анатолий Дмитриевич полагает, что это продолжительность и качество жизни населения с точки зрения доступности жилья, образования и медицинских услуг. Евгений Степанович отметил рост численности населения региона: люди сами определяют, где им комфортно жить. Если в регионе численность жителей сокращается, значит, надо бить тревогу, разбираться, почему там неблагополучно? Это говорят люди, которые имеют большой производственный, жизненный, управленческий опыт. Я думаю, что стандарты благополучия должны базироваться на этих простых вещах – где людям удобно жить, где доступная медицинская помощь. Вы посмотрите, что Евгений Степанович Савченко сделал. Он разбил свою территорию на 350 условных медицинских участков, на каждый – по семейному доктору. Выделил средства в региональном бюджете на жилье докторам, подъёмные дал. У него происходит ежегодная диспансеризация всего населения. Там бьют не по хвостам, когда человек уже заболел онкологией, туберкулёзом или ещё чем-то. Они делают акцент на превентивную медицину. Построить много онкологических, реабилитационных центров – это хорошо. Но разве это показатель? Чем меньше заболело людей – вот это показатель... Вопрос не в финансовом залипании проблемы, а в эффективности расходования бюджетных средств. А у нас сейчас один из критериев успешности работы губернатора связан с тем, сколько он построил онкологических, перинатальных, туберкулёзных центров. Я извиняюсь, что отвлекся, отвечая на Ваш вопрос, из каких факторов складывается успешность социального стандарта... Нужен разумный подход, на что и в каких объёмах тратить средства. А средств у нас достаточно.

Бодрунов: Сергей Николаевич, как изменится жизнь россиян после введения единого социального стандарта?

Рябухин: Я уверен, что цель достижима. С точки зрения законодательного обеспечения, мы можем сделать это быстро. Главное, чтобы были политическая воля и желание Правительства России. Как изменится жизнь россиян? Не будет перетока населения из одного депрессивного, высокодотационного региона в другой. Россия станет пространством равных возможностей. Об этом мечтал Вернадский и многие другие мыслители. Неслучайно президент инициировал дальневосточный гектар, чтобы люди не уезжали оттуда. И это не только на Дальнем Востоке надо делать, но и в центральных, чернозёмных районах России. Если создавать условия равных возможностей, люди не будут стремиться уехать на Дальний Восток или сбежать с Дальнего Востока. Где родился, там и пригодился. Единый социальный стандарт, как Валентина Ивановна говорит, стандарт благополучия, должен быть в хорошем смысле якорем. Он должен создать условия, чтобы человек «заякорился». Я считаю, это большое дело.

Бодрунов: Тем более такая задача поставлена Конституцией России. Спасибо большое, Сергей Николаевич, мне кажется, после нашего разговора стало очевидно, что единый социальный стандарт необходим – это тот минимум благ, возможностей, которые должны быть гарантированы россиянам в любой точке страны, где бы человек ни жил, где бы ни трудился.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВОПРОС: ОСТАНОВИТЬ ПАДЕНИЕ

По материалам программы «Дом Э», телеканал «Общественное телевидение России», 5 июня 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового промышленного развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Валерий Владимирович Елизаров
Научный руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

**Алексей Игоревич
Ракша**
Независимый
эксперт-демограф

Бодрунов: У нас есть нацпроект «Демография». Это очень важный проект, пожалуй, один из самых больших с точки зрения финансирования. Тем не менее, по данным Счетной палаты, которые недавно были опубликованы, даже если мы полностью реализуем этот проект, то не решим проблему убыли населения в России. Поясните, пожалуйста, в чём беды сегодняшней демографической ситуации в России?

Елизаров: Это не сегодняшние беды. Им уже много десятилетий. Если говорить о низкой рождаемости, которая не обеспечивает воспроизводство населения, то это тянется со второй половины 60-х годов. Был небольшой перерыв в 80-е годы, когда суммарный коэффициент рождаемости составлял чуть выше двух. Тем не менее у нас была хорошая возрастная структура, активное миграционное пополнение, поэтому угроза для популяции в то время казалась мифической, однако демографы предупреждали, что она реальна. С начала 1990-х годов мы ушли в минус, когда смертность превышала рождаемость, а миграционный прирост не мог компенсировать естественную убыль. Три года – 2013, 2014, 2015 – были демографически относительно благополучными. Число рождений превышало число смертей на 20 – 30 тысяч. С 2016 года число родившихся вновь пошло вниз. Для реализации национальной цели развития в сфере демографии, определенной указом Президента России в 2018 году, был создан некий механизм, принят национальный проект «Демография». В нем пять федеральных проектов. Самый затратный – «Финансовая поддержка семей при рождении детей». Когда этот документ создавался, обсуждался экспертами, хотелось видеть немного другое название – «Финансовая помощь семьям с детьми», а не «Финансовая поддержка семей при рождении детей». Получается, что акцент сделан на стимулирование именно рождений, то есть мы как бы отчитываемся показателем о рождениях, а о том, здоровы ли эти дети, как они будут подрастать, справятся ли наши инфраструктура, здравоохранение, детские дошкольные учреждения, готовы ли мы к приёму большего числа рождений, речи не идет. В нацпроекте заявлены очень амбициозные целевые показатели. В том числе по суммарному коэффициенту рождаемости они амбициозно завышены и малореальны. А потом наступил 2020 год с пандемией и со всеми проблемами, свя-

занными с избыточной смертностью, снижением продолжительности жизни, с откладыванием рождения, с падением реального уровня жизни населения. Пока мы видим снижение числа рождений, прежде всего, снижение суммарного коэффициента с максимума 1,777 в 2015 году до 1,5 в 2019 году. В 2020 году этот показатель, по предварительным данным, составил 1,504 – 1,505. Число рождений продолжает падать, потому что оно зависит ещё и от числа молодых матерей.

Бодрунов: Необходимо возвращаться к уровню более двух детей на семью. В этом случае мы можем видеть некий рост населения. Вдруг появляются некие целевые коэффициенты, почему 1,7, например, а не 2,1 на одну женщину. Откуда появился такой коэффициент?

Ракша: Я точно знаю, что эти цифры придумали непрофессионалы, как и, собственно говоря, все целевые показатели. Мы в Ростате хотя бы пытались подогнать эти непонятные пожелания под реальность. К сожалению, есть директивное целеполагание, в то же время фактор неопределённости никто не принимает во внимание. Считается, что демографией можно управлять на кончике пальцев, как коробкой передач, включили, например, первую скорость и поехали. Всё работает сложнее. И я бы поспорил с тем, что деньги, которые выделены, огромные. Фактически львиная доля средств в этой программе – это старый добрый материнский капитал. Не такие уж огромные деньги. Всего-навсего 0,5% ВВП каждый год.

Бодрунов: 0,5% ВВП на одну проблему – тоже, в общем, немаленькие деньги.

Ракша: Тем не менее на семейную, демографическую политику в тех странах Европы, где рождаемость выше, чем у нас, тратится от 3 до 5% ВВП. Каждый год.

Бодрунов: Цель – повысить коэффициент рождаемости до 1,7, она, судя по всему, достижима, если смотреть на текущие тенденции?

Ракша: Она достижима в случае увеличения ассигнования. Допустим, если бы ввели маткапитал на третьего ребёнка в размере 1,5 млн, на это потребовалось бы 900 млрд рублей в год. Это примерно 0,8% нашего ВВП. Вполне подъёмные деньги. Это дало бы примерно 100 – 150 тысяч дополнительных рождений каждый год, а за 10 лет – примерно 1,5 млн. В таком случае, да, 1,7 – реальная цифра. Можно даже поднять цель до 1,8 – 1,85, и до 2,1, закрыв её миграцией. Тогда наше население почти не уменьшалось бы даже в самые тяжёлые годы, которые нам предстоят в 2025 – 2035-м из-за демографической волны.

Бодрунов: Да, надо напомнить телезрителям, что в 90-е годы у нас рождаемость существенно упала в связи с экономическим кризисом. Сейчас это поколение должно рожать детей...

Елизаров: Но рождаемость понизилась не только из-за кризиса. Она начала падать через 25 лет после демографической ямы 60-х годов. А насчет выделенных средств... В 1996 году, 25 лет назад, предыдущий президент России Борис Ельцин подписал основные направления государственной и семейной политики, которые увеличивали расходы на поддержку семей с детьми до 2,2% ВВП. Это был примерно уровень европейских стран тогда – 2 – 2,5%. А у нас на тот момент был 1%. Но через 10 лет после принятия этого документа у нас эта доля составляла не 2,2%, а меньше половины процента – 0,2 – 0,3%. Можно ли достигнуть коэффициента рождаемости 1,7 – 1,8? Тут я, наверное, большой пессимист, чем Алексей. Я думаю, что мы сейчас находимся в той части демографической волны, когда даже существенное увеличение поддержки семей с детьми...

Бодрунов: Оно естественным образом не позволит ликвидировать...

Елизаров: Оно поможет только остановить дальнейшее падение рождаемости. Потому что сейчас то поколение, которое мы пытаемся стимулировать рожать, это молодое поколение второй половины 90-х годов. Трудно представить, что деньги моивируют его идти на рождение второго и третьего ребёнка.

Бодрунов: Мне кажется, если мы говорим о причинах, нам стоит обозначить и проблемы социальной неустойчивости, особенно молодых семей.

Елизаров: Жильё – это проблема. Занятость.

Бодрунов: Это ухудшение уровня жизни, как правило. Было двое детей, условно говоря, стало трое – а деньги те же самые. Дети – это всегда счастье, но это и затраты, это нужно понимать. В этом плане рост социального благополучия, решение социальных проблем в целом – тоже важная задача. Когда мы говорим о нацпроекте «Демография», мы должны чётко понимать, что он сам по себе не существует. Он вписан в нашу экономическую парадигму.

Ракша: Это подтверждается даже тем, что рождаемость вторых и третьих детей коррелирует с динамикой реально располагаемых доходов населения.

Бодрунов: Это очень важное наблюдение...

Ракша: Причём сила этой связи составляет 0,96 – 0,75 – практически идеальная. Она возникла именно с момента ввода маткапитала. То есть ввели маткапитал и, соответственно, корреляция стала очень тесной. И доходы населения у нас упали к настоящему моменту, по моим оценкам, на 10%, примерно на 10% сократилась вероятность рождения второго и третьего ребёнка. Это очень важно. По четвертым детям сила связи уже 0,75, то есть не такая тесная, а по первым детям связи нет никакой. Рождаемость первых детей от доходов не зависит. Очень важно разделять демографическую политику и семейную политику – это разные вещи. Это разные целеполагания, разные инструменты. Демографическая политика – прикладная вещь. А семейная политика призвана выравнивать стартовые условия, облегчать начало семейной жизни. Это очень дорого. Семейная политика – это пособия по критериям адресности, нуждаемости, строительство детских садов, институциональная сфера, регулирование и прочее. Это очень трудно с точки зрения организации и менеджмента, нужно разработать много мелких точечных мер. Это дорого, напрямую рождаемость не повышает, но, как вы правильно сказали, является неким базисом.

Елизаров: Я хотел бы подчеркнуть разницу между демографической и семейной политикой. Демографическая политика должна ставить конкретные демографические цели, быть направлена на сохранение или изменение тенденций воспроизводства населения. Если этих целей нет, то это пустые слова, а не политика. Тут должны быть и цели, и средства для их достижения, и ресурсы. А семейная политика – это общее, широкое направление, ее задача создать лучшие условия для того, чтобы семья могла полноценно выполнять свои функции. Поэтому в семейной политике количественных, чётких целей не ставят. Но те же демографические показатели, о которых мы говорим, они могут быть неплохими индикаторами того, что происходит.

Бодрунов: Как Вы полагаете, Валерий Владимирович, как миграционная компонента может повлиять на улучшение демографической ситуации в России? И есть ли эффективные шаги в этом плане?

Елизаров: Безусловно, если мы прогнозируем дальнейшее ухудшение или сохранение демографической ситуации, при которой число умерших будет больше числа рождения, встает вопрос о замещающей миграции. В 2018 году была поставлена национальная цель развития – выйти на устойчивый и естественный рост населения. Это красивая, но невыполнимая

мечта, по крайней мере, на том горизонте, о котором мы с вами говорим. В 2020 году в новом указе уже говорится о выходе на рост населения. А это уже немножко другое. Мы понимаем, что будет естественная убыль, вопрос, сможет ли миграционный прирост заместить ее или хотя бы серьезно уменьшить? Если он ее замещает, мы уже не убываем. Возникает вопрос, а какие масштабы миграции должны быть, если мы хотим считать эту национальную цель развития реально исполнимой? В концепции демографической политики прописано, что нам нужен миграционный прирост в 300 тысяч. На период 2016 – 2020 годов эта цифра была снижена. Мы увидели, что у нас росла рождаемость, снижалась смертность, с воспроизводством стало лучше. Возник, видимо, вопрос, а зачем нам 300 тысяч мигрантов? Нам достаточно 200 тысяч, и эта цель была скорректирована. В 2020 году миграционный прирост составил 106,5 тысячи – самый маленький за 30 лет. Что будет дальше, неизвестно. На миграцию могут влиять обстоятельства, о которых мы сегодня не знаем.

Ракша: Максимально возможное и количество, и качество мигрантов – это прямая функция от уровня жизни, уровня развития экономики и уровня развития рынка труда принимающей страны. Если живут богато, рынок труда развит, то у страны есть возможность выбирать из того потока, который к ней хочет приехать. К сожалению, это не про Россию. Пока единственным нашим резервом для миграции остается Средняя Азия, даже не Казахстан. Причина в низком уровне жизни в России, в низких зарплатах в валютном выражении. Наши зарплаты ниже, чем китайские. Если бы Китай не проводил политику по отношению к уйгурам, то, наверное, миграционные потоки из Средней Азии начали перераспределяться в сторону Китая, который будет с каждым годом поглощать со всего мира всё больше и больше трудовых ресурсов. У нас большая конкуренция за привлечение мигрантов. Хорошая была программа переселения соотечественников. Она давала нам до 100 тысяч мигрантов.

Бодрунов: Да, хорошая была программа.

Ракша: Конечно, её нужно расширять, поддерживать и реализовывать. Но опять же, ее потолок – это 100 – 150 тысяч мигрантов.

Бодрунов: Мы сегодня обсудили очень важную проблему. Пока мы далеки от ее решения. Сейчас готовится новая Стратегия развития России, и в этой связи в нашей серии передач мы поднимаем те или иные важные в социально-экономическом плане вопросы. И на демографию, мне кажется, следует обратить пристальное внимание.

ЖИЗНЬ В КРЕДИТ. ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ КАЖДОМУ?

По материалам программы «Дом Э», телеканал «Общественное телевидение России», 26 июня 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ:

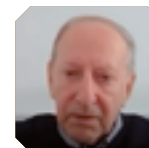
Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Евгения Станиславовна Лазарева
Руководитель проекта Общероссийского народного фронта «За права заемщиков»

Нина Култышева
Руководитель регионального центра финансовой грамотности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Николай Иосифович Берзон
Директор Федерального методического центра по финансовой грамотности системы общего и среднего профессионального образования НИУ ВШЭ, профессор

**Алексей Петрович
Горяев**
Профессор
Российской экономической школы

ЕВГЕНИЯ ЛАЗАРЕВА

«Кредитная история – это история вашего финансового здоровья»

Бодрунов: Россияне продолжают наращивать долги перед банками и микрофинансовыми компаниями, компенсируя падение доходов. По данным исследования Аналитического центра НАФИ, чуть больше четверти россиян (28%) выплачивают кредиты. Чтобы правильно пользоваться кредитными продуктами и инструментами, важна финансовая грамотность. Сегодня поговорим о кредитной истории. Что это за документ, и почему так важно «держать руку на пульсе» – то есть регулярно заказывать отчет по ней?

Лазарева: Кредитная история – это история вашего финансового здоровья, выплат по вашим заёмным обязательствам. Она хранится в бюро кредитных историй. У нас их несколько. Узнать, в каком именно бюро хранится ваша история, можно на сайте Банка России, либо на портале Госуслуги. После этого направить запрос на получение кредитной истории. Два раза в год это можно сделать бесплатно. Почему важно знать свою кредитную историю? Вы видите свой кредитный рейтинг – статус, который помогает получать следующие займы. Например, вы решили взять ипотеку. Если у вас хорошая кредитная история, то вы можете ожидать, что банк предложит ставку чуть ниже. Если плохая, банк может вовсе отказать. Иногда в кредитной истории можно найти займы, которые вы не брали. Это значит, что вы стали жертвой кредитно-финансового мошенничества. Мы работаем с жалобами населения по финансовым продуктам. Были случаи, когда человек из кредитной истории узнал, что в его жизни что-то идёт не так. Так, если вы заметили изменение кредитного рейтинга, можно подумать о причинах. Кредитный рейтинг имеет несколько шкал. Низкий кредитный рейтинг на уровне 400 значит, что вы не ответственно исполняли свои обязательства, близки к банкротству, закрывались, у вас превышена предельная долговая нагрузка. Есть отличный кредитный рейтинг. По шкале Национального бюро кредитных историй он около 850, по Объединённому бюро – около 1250. Это значит, что вы ответственный гражданин, который своевременно исполняет свои финансовые обязательства и может претендовать на то, чтобы спокойно кредитоваться.

Бодрунов: Банки часто запрашивают кредитные истории россиян. Это может испортить кредитную историю?

Култышева: Зачем банки это делают? Кредитная организация – не благотворительный фонд, это коммерческая организация, и она хочет денег. А соответственно ищет на рынке людей, которым можно предложить свой кредитный продукт. Отдел продаж кредитной организации запрашивает в бюро кредитных историй выписки по своим клиентам, ранжирует их, отбирает заёмщиков, которым они готовы сделать предложение по кредиту. Так появляются те самые звонки, смс, что мы вам предварительно одобрили кредит. Это незаконно. Кредитная организация имеет право делать запрос в бюро кредитных историй только с вашего письменного согласия. Это действительно влияет на наш скоринговый балл. Если за последние 12 месяцев было больше десятка запросов, это негативно отражается на скоринговом балле. Что делать в такой ситуации? Если вы не хотите, чтобы ваши данные отправлялись куда бы то ни было, нужно написать соответствующее заявление в бюро кредитных историй. Если вы подаёте заявку на кредит, порядочный банк спросит у вас письменное согласие. И только после того, как вы дадите его, делает официальный запрос в Бюро кредитных историй, чтобы оценить, давать ли вам кредит? Были реальные случаи, когда человек подал в суд на кредитную организацию за запрос своей кредитной истории на возмещение морального ущерба, и суд вынес положительное решение. Но в целом бояться того, что ваш кредитный рейтинг таким образом понизится, не стоит. Для одобрения кредита на более выгодных условиях гораздо важнее сделать так, чтобы ваша кредитная история была чистой.

Горяев: Главный фактор, на который банки обращают внимание при вынесении решения по конкретному заёмщику, это его кредитоспособность, фактор дохода. Не нужно переоценивать значение кредитной истории. Кредитная история – это то, что было в прошлом. Тот же самый принцип действует для бизнеса. Банк просчитывает, легко ли вам будет обслуживать кредит. Второй фактор – есть ли обеспечение? Если это автокредит, то он выдается под залог машины, соответственно, если ипотека, – то под залог вашей недвижимости. По потребительскому кредиту, конечно, ставка выше. Так что здесь нужно больше работать на то, чтобы у вас была здоровая финансовая ситуация, был запас прочности.

Бодрунов: Очевидно, что кредитную историю может испортить платежная безалаберность заемщика, но не только она... А что еще?

Лазарева: Принимая решение о кредитовании, нужно внимательно относиться к онлайн-заявкам. Заполнение онлайн-заявки с последующим отказом, с запросом в Банк кредитных историй влияет на кредитный рейтинг. Бывают случаи, когда человек в принципе добропорядочный, но кредитный рейтинг испорчен. Например, вы, выбирая финансовый продукт, бездумно оформили онлайн-заявку, написав большую сумму, не соответствующую размерам ваших доходов, или были невнимательны, заполнив 20 заявок, чтобы посмотреть, где лучшие условия, и получили отказ. Мы считаем, что человек, заполняющий заявку, должен быть уведомлен о таких рисках.

Бодрунов: Я знаю, Общероссийский народный фронт предложил Центробанку обязать банки уведомлять заёмщиков о рисках онлайн-заявок.

Лазарева: Да, совершенно верно. Мы написали обращение в Банк России, что человека нужно предупреждать. По данным одного из бюро кредитных историй, в прошлом году было подано 160 млн заявок на рассмотрение кредита, это больше, чем население Российской Федерации. 68% получили отказ. Львиной долей этих заявок были онлайн-заявки, многие из них формировались через кредитных брокеров, рекламные предложения. Так что чем быстрее человек познакомится с понятием кредитный рейтинг, тем лучше.

ЕВГЕНИЯ ЛАЗАРЕВА

«По данным одного из бюро кредитных историй, в прошлом году было подано 160 миллионов заявок на рассмотрение кредита, это больше, чем население Российской Федерации. 68% получили отказ»

Бодрунов: В завершении нашей беседы хотел бы поговорить о том, что нужно знать каждому, обращаясь за кредитом?

Берзон: Прежде всего человек должен соизмерить свои доходы и ту сумму, которую он собирается взять. Это очень важно для того, чтобы понять, сможете ли вы обслуживать этот кредит. Долговая нагрузка не должна превышать 25% заработной платы, которую человек получает за тот период, на который берет кредит. Второе – следует внимательно посмотреть, как часто банк взимает проценты. Если кредит берётся на длительный срок, лучше отнести процентные платежи на более поздний период. С течением времени деньги дешевеют. Важный момент, как гасить кредит, – единовременно или частями. Удобнее гасить равными платежами, чтобы планировать свой бюджет. Это так называемый аннуитетный платёж. Если банк не предлагает такого варианта, можно договориться, банкиры обычно легко соглашаются на это, потому что банк в этом случае почти ничего не теряет.

АЛЕКСЕЙ ГОРЯЕВ

«Не нужно переоценивать значение кредитной истории»

Горяев: Что такое хороший кредит? В первую очередь надо смотреть на его стоимость. Базовые показатели, на которые все ориентируются, – это ключевая ставка Банка России. Наш регулятор Центробанк определяет, сколько стоит взять деньги в долг. Понятно, что кредит будет несколько дороже, потому что банки закладывают в ставку риски, связанные с его невозвратом, и стоимость своих услуг. Второй момент, на который нужно обращать внимание, это другие компоненты стоимости: в полную стоимость кредита могут входить комиссии, штрафы, ещё что-то. Опять же по требованию регулятора банки обязаны указывать не только процентную ставку, но и полную стоимость кредита на первой странице договора. Ещё один момент – это простота договора. Желательно, чтобы он был коротким, всё было ясно и чётко прописано, и чтобы сотрудник банка объяснил вам все нюансы, связанные со взятием и погашением кредита, в том числе так называемые скрытые комиссии.

Лазарева: Мне кажется, к масштабному кредитованию стоит прибегать, когда ты точно понимаешь, какие у тебя финансовые цели, зачем тебе этот кредит. Например, если ты поехал в отпуск в кредит, то, собственно говоря, может быть, лучше стоит накопить, чем кредитоваться, а потом весь год расплачиваться? Вторая история про то, что, конечно, лучше брать кредиты обеспеченные. Лучший кредит – это ипотечный.

Бодрунов: Спасибо большое, Евгения Станиславовна. Очевидно, главное, что должен знать каждый, – улучшить свою кредитную историю можно только одним способом: правильно рассчитывать свои силы и дисциплинированно платить по счетам.

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
Президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Александр Александрович Широ́в,
Директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Правления ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н. профессор

Сергей Николаевич Рябухин,
Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации ФС РФ по бюджету и финансовым рынкам, вице-президент ВЭО России, д.э.н.

Александра Леонидовна Осмоловская-Суслина,
Руководитель направления «Фискальная политика» Экономической экспертной группы

Кирилл Михайлович Никитин,
Директор Центра налоговой политики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель комитета по налоговой и бюджетной политике «Деловой России», член Правления ВЭО России

Сергей Юрьевич Глазьев,
Член коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, вице-президент ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор

Александр Дмитриевич Некипелов,
Директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН, вице-президент ВЭО России

Владимир Викторович Климанов,
Директор Центра региональной политики РАНХиГС при Президенте РФ, д.э.н.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА 2022 – 2024. РАССТАВЛЯЯ ПРИОРИТЕТЫ

21 сентября 2021 года на заседании Правительства РФ был одобрен проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов». Он внесен в Государственную Думу 30 сентября, а на момент подписания книги к печати уже принят в третьем чтении. Проект обсуждался в экспертных группах, в сообществах специалистов, в бизнес-среде. Не осталось в стороне и Вольное экономическое общество России, собравшее на одной площадке разноплановых ученых и профессионалов.

По материалам 30-й экспертной сессии Координационного клуба Вольного экономического общества России, Москва, 7 октября 2021 года

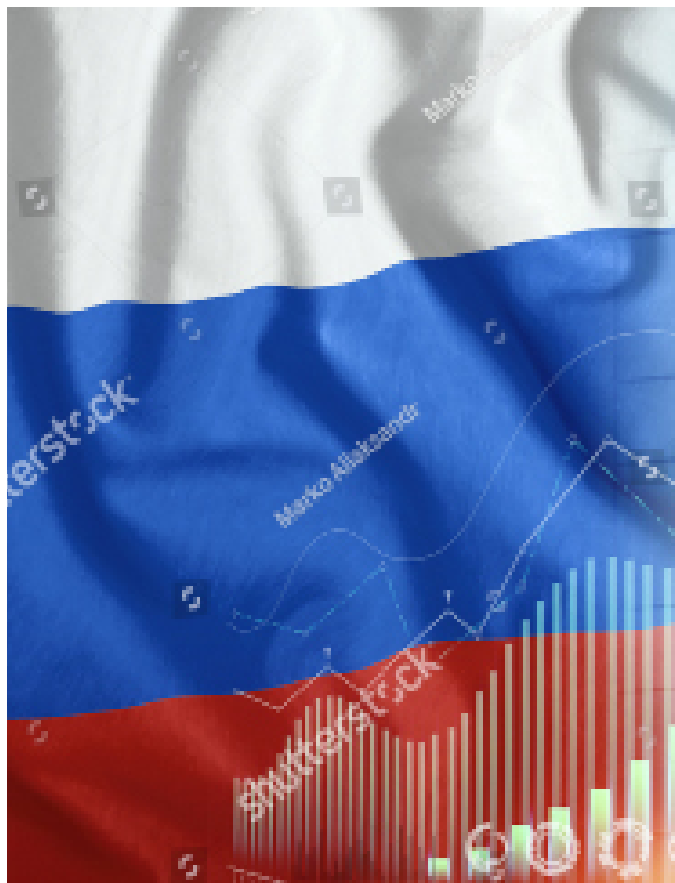
Михаил Викторович Шмаков,
Председатель Федерации независимых профсоюзов России, член Президиума ВЭО России

Андрей Васильевич Чернявский,
Ведущий научный сотрудник Института «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики», к.э.н.

Антон Юрьевич Свириденко,
Директор Института экономики роста имени П.А. Столыпина

5

Бодрунов: 5 октября в Совете Федерации состоялись парламентские слушания «О параметрах проекта федерального бюджета на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов». Ваш покорный слуга, некоторые члены нашего сообщества приняли в них участие.

Обсуждение показывает, что необходимы существенные доработки внесенного законопроекта. И нам надо сегодня также дать свои оценки и внести свои идеи, тем более что закон в ближайшее время начнет обсуждаться в парламенте.

Не буду сейчас вдаваться в подробности. Однако некоторые важные, на мой взгляд, штрихи обозначу.

Приведу часть цифр по проекту бюджета на следующий, 2022 год.

Он сформирован с профицитом 1,33 триллиона рублей (1,0% ВВП), хотя ещё год назад предполагалось, что бюджет на 2022 год будет на 1,0% ВВП дефицитным. Расходы превысят 23,6 трлн рублей. Это существенно, на целых 2 трлн больше, чем закладывали на 2022 год в прошлом году. При этом 35% всех расходов, предусматриваемых в следующем году, – социальные. В частности, средства будут направлены на поддержку семей с детьми, выплаты пособий беременным женщинам в трудной ситуации, одиноким родителям детей от 8 до 16 лет, на полностью оплачиваемые больничные для молодых родителей.

Движение в сторону решения социальных проблем, усиление социальной направленности – позитивная тенденция. Эксперты ВЭО России давно говорят о том, что основная болевая точка российской экономики в течение ряда лет – социальный блок, в первую очередь, это стагнирующие доходы населения. России жизненно необходим переход к «человекоориентированной» социальной модели развития, а не простое приращение численных показателей в экономике, – это наше консолидированное мнение. Замечу, что именно об этом говорилось в нашем проекте «Новые пути России (к вопросу о Стратегии России)», разработанном нашими экспертами и направленном нами в Правительство России в марте этого года. Об этом мы говорили и на МАЭФ в мае, документы которого тоже остались небезызвестными для сотрудников правительственных ведомств.

Весьма похоже, что к мнению экспертного сообщества стали прислушиваться больше. Это вдохновляет. Очевидно, что теперь уже не только экспертам, но и Правительству России: вопрос доходов населения – ключевой. И мы видим некоторые попытки к его решению подступиться.

Отмечу, что основной вклад в экономический рост в текущем 2021 году внесет именно потребительский спрос. По данным наших коллег из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, это основная доля, 3,8% из прогнозируемых 4,3% по итогам этого года. Такие данные были приведены на научном форуме «Абалкинские чтения», который состоялся 22 сентября в «Доме экономиста».

Немаловажный вопрос, связанный с бюджетом и социальной сферой, – это реализация проекта «социальное казначейство». Мы это тоже предлагали, и, судя по всему, предложение найдет определенный отклик в государственных решениях. Новый подход к назначению мер социальной поддержки упростит и ускорит получение россиянами социальных выплат. Не нужно будет собирать справки. Государство предоставит помощь по одному заявлению или даже без него – через портал Госуслуги. Эти механизмы также предстоит рассмотреть Госдуме в ходе работы над проектом бюджета. Представляется, что цифровизация социальной сферы, к чему мы также аргументированно многократно призывали, существенно расширит круг получателей такой поддержки и темпы ее оказания, а значит, и темпы повышения спроса, и качество жизни россиян: сегодня наши граждане зачастую даже не знают о том, какие выплаты им положены, либо не имеют возможности собрать все необходимые справки.

Нельзя оставить без внимания новые подходы к налогообложению в металлургии и в ряде секторов экономики, предложенные Минфином. Ключевая идея заключалась в том, чтобы уровень налоговых, рентных изъятий был соразмерен доходности компаний. Полученные средства предполагается направить на финансовое обеспечение национальных целей развития страны. На сегодняшний день бизнес и Правительство России пришли к компромиссным цифрам. Так, акциз на жидкую сталь с 2022 года составит 2,7%, ставка налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на железную руду – 4,8%. Эти цифры ниже, чем предлагал Минфин (соответственно: акциз на жидкую сталь – 3% и НДПИ на железную руду – 5,5%).

Однако, по большинству оценок, самое неоднозначное предложение – так называемый планируемый к введению уже с 1 января следующего года новый «налог на дивиденды», который якобы призван стимулировать компании направлять прибыль на капиталовложения, а не распределять ее в виде дивидендов между акционерами. Многие уже с горьким юмором

оценили эту инициативу как «закон о принуждении к инвестициям», а иногда – и «о принуждении к миру» – видимо, между бизнесом и государством, подразумевая объявление последним войны. По инициативе наших коллег из РСПП, широких кругов бизнеса, поднявших справедливо множество вопросов о неэффективности этой идеи в предложенном варианте реализации и увидевших в ней больше негативных моментов, чем позитива, рассмотрение вопроса о дифференциации налога на прибыль компаний в зависимости от инвестиций и дивидендов правительство согласилось отложить до 2023 года, проработав всю возможную негативную «побочку» такого непродуманного предложения.

К чему может привести реализация новых налоговых инициатив, как она скажется на развитии экономики, на инвестициях, на развитии социальной сферы?

Коллеги, полагаю важным в сегодняшних выступлениях затронуть тему налоговых новаций. Тем более что она напрямую связана с бюджетом страны.

Предлагаю перейти к дискуссии по тематике нашей экспертной сессии.

Итак, о чем говорят основные параметры главного финансового документа страны, каковы его приоритеты? Насколько они соответствуют нашей общей цели – перейти от восстановления к устойчивому экономическому росту? Дают ли они возможность реализации известных инициатив в экономике и достижения национальных целей развития? И позволят ли поднять долю нашей страны в мировом ВВП, усилить свое влияние, без чего, очевидно, нельзя рассчитывать на устойчивое развитие?

Предоставляю слово нашему первому докладчику Александру Александровичу Широу, директору Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Широв: Точно так же, как у нас наступает Новый год, 8 марта и так далее, в конце сентября – начале октября мы видим очередные параметры бюджета на трёхлетнюю перспективу, и это хорошо, потому что это говорит о том, что механизм планирования бюджетной системы работает достаточно слаженно. Другой разговор, что этот механизм воспроизводит, что он выдаёт, и как это всё влияет на экономическую динамику.

Если кто-то из вас смотрел материалы закона о бюджете, то там находятся более чем 400 документов различного типа, которые поддерживают этот самый законопроект. И нужно сказать, что там есть даже два прогнозных документа. Это бюджетный прогноз на период до 2036 года и прогноз социально-экономического развития, который формировало Министерство экономического развития Российской Федерации.

Если мы посмотрим на то, каковы параметры этого самого прогноза социально-экономического развития на ближайшие три года, нужно прежде всего сказать, что это индикативный план в рамках бюджетного процесса. В связи с этим прогноз уже даже не является самостоятельным документом, самостоятельно не утверждается правительством, а формируется под бюджетные корректировки. В этом смысле нет большой странности в том, что мы имеем ВВП и показатели инфляции, которые практически равны.

Но я бы отметил одну ремарку, которую Министерство экономического развития дало внутри своего прогноза. Траектория роста экономики, заложенная в базовый вариант прогноза, достижима при эффективном, заметим, выполнении мероприятий, предусмотренных государственными программами Российской Федерации, национальными проектами и стратегическими инициативами Правительства Российской Федерации, а также при инвестировании ликвидных средств в ФНБ сверх 7% ВВП. То есть даже из этой фразы видно, что дискуссии в отношении того, каковы должны быть важнейшие параметры прогноза и самого бюджета, внутри правительства были достаточно серьезными.

При этом эти дискуссии происходят в тот момент, когда мы видим, что и по показателям международных резервов, и по собираемости важнейших видов доходов особых проблем не предвидится. Мы видим устойчивое наполнение ФНБ, про которое мы ещё поговорим. То есть вроде бы никакого жёсткого ограничения по финансам не наблюдается, однако при этом мы видим, что бюджет свёрстан довольно жёстко, и нужно понять, какая была логика при формировании именно такого проекта федерального закона о бюджете.

На мой взгляд, ключевая позиция Министерства финансов, которая отражена в пояснительной записке к федеральному закону о бюджете, состоит в том, что по мере восстановления экономики предусмотрена постепенная нормализация бюджетной политики за счёт постепенного сокращения мер поддержки, принятых на период пандемии. Начиная с 2022 года планируется выйти на обычные параметры бюджетного правила. Иначе говоря, ключевой девиз текущего проекта бюджета – нормализация. Обычно тут начинается критика действий Министерства финансов, но всё-таки попытаемся представить себе, в чём же эта логика.

Логика состоит в следующем. Действительно, в период 2020-2021 годов существенные средства было необходимо направить на борьбу с коронавирусной инфекцией, соответственно, государство это делало. Результат был связан с тем, что в первом полугодии темпы роста российской эко-

номики достигали 5%. То есть если бы всё продолжалось так, как и было, то по году мы бы имели 5% и даже больше. И, с одной стороны, это в логике Минфина означает, что из кризиса мы вышли. Действительно, по объёму ВВП в апреле был достигнут докризисный показатель. С другой стороны, если мы так сильно растём, а уже достигли докризисных показателей, то у нас начинается некоторый перегрев экономики. И в этой логике нормализация, с одной стороны, позволяет снизить траты, которые, может быть, являлись контрциклическими и сиюминутными, с другой стороны, позволяет обеспечить большую стабильность финансовой системы. То есть мы возвращаемся к логике бюджетной и финансовой стабилизации, в которой формировались бюджеты нашей страны в период с 2016 по 2019 годы включительно.

Если посмотреть на то, как устроены доходы и расходы федерального бюджета, то мы видим, что в следующем году в реальном выражении предполагается сокращение расходов почти на 3% (номинально есть небольшой рост, но с учётом инфляции, понятно, что это отрицательная динамика) с последующим подскоком на 2,5% в 2023 году и околонулевой динамикой в 2024 году. Почему так происходит? На мой взгляд, отчасти это не только результат процессов нормализации, но и процесс бюджетного планирования в рамках изменения целевых ориентиров правительства и Министерства финансов в отношении финансирования отдельных важнейших направлений расходов.

Что имеется в виду? 42 стратегические инициативы, которые приняты правительством во второй половине года, с 2022 года реально начать финансировать лишь частично, но основной поток финансирования придёт на 2023-2024 годы. Собственно, поэтому мы и видим опять потом некоторый отскок, потом стабилизацию.

Проблема вот в чём: по иронии судьбы нормализация прежде всего коснулась направлений расходов, которые прежде всего отвечают за человеческий капитал. То есть мы видим сокращение прикладных исследований на 7% в реальном выражении в следующем году, в 2023-м – ещё на 2%, потом ещё на 1%. Несмотря на то, что в номинале прикладные исследования начиная с 2022 года растут, фактически мы видим сначала резкое, а потом плавное снижение расходов на исследования и разработки. Печально, что затронуты даже исследования и разработки в области обороны и безопасности. Ну, видимо, у тех, кто формировал проект бюджета, были какие-то резоны по этому поводу.

Следующее направление сокращения расходов – социальная политика на 10% в следующем году в реальном выражении. Ясно, что меры поддержки, в том числе и заработных

плат и так далее, в той мере, в какой они использовались в 2020 – 2021 годах, может быть, и не нужны. Но вопрос остаётся открытым в том смысле, что мы сейчас видим очередной подскок заболеваемости. В общем, коронавирус никуда не ушёл, и очень большие вопросы по поводу того, а не потребуются ли здесь расходы так или иначе наращивать?

Наконец, здравоохранение, где в следующем году 13% сокращение в реальном выражении, в 2023-м – ещё на 6,7%, и в 2024-м – на 2%. Это выглядит печально, если бы не было направлений, где расходы растут. К таким направлениям относятся важные для общества, как показывают многие опросы, вопросы защиты окружающей среды. Там существенное увеличение расходов. Плюс возвращение расходов на оборону и безопасность к тем цифрам в процентах ВВП, которые были характерны для этих статей в докризисный период.

Смушает то, что мы пытаемся нормализовать расходы бюджета прежде всего за счёт расходов на человеческий капитал.

Теперь мы должны поговорить о резервах. Вопрос резервирования в экономике, на мой взгляд, сейчас становится чуть ли не ключевым. Он был очень значим в 2016 году, и особенно – в 2017-2018 годах, когда на фоне значительного роста цен на нефть мы ввели в действие текущий вариант бюджетного правила. По нашим оценкам, за эти два года в темпах роста это стоило примерно 3%. В 2017 – 2018 годах темпы экономического роста сокращались примерно на 1,5% в год. Эти деньги резервировались. Если мы деньги резервируем, у нас больше возможностей парировать кризисные явления. Это хорошо. Плохо, если мы эти деньги в период, когда начинаются конъюнктурные кризисы, не тратим. Идея состоит в том, чтобы выровнять расходы. Когда конъюнктура хорошая, мы сберегаем, когда конъюнктура плохая, мы тратим. Прошлый год показал, что тяжелейший кризис, который выразился во всевозможных проблемах и с производством, и с доходами населения и так далее, когда федеральный бюджет нарастил расходы по сравнению с 2019 годом в номинальном выражении больше чем на 26%, дефицит был профинансирован не за счёт ФНБ, а за счёт других источников.

Возникает вопрос. Каким образом мы собираемся эти резервы использовать? Мы видим то, что нам предлагает Министерство финансов. На конец 2024 года предполагается, что объём ФНБ составит 15,4% ВВП. Даже те деньги, которые предполагается потратить на стратегические инициативы правительства, не остановят рост резервов ФНБ. Кроме того, понятно, что такое наращивание резервов влияет на курсовые соотношения, а соответственно – и на инфляцию. Когда у нас в текущих условиях за 9 месяцев 2021 года Минфин выкупил

85-90% всего улучшения платёжного баланса, который произошёл в России, то, конечно, это неизменно повлияло и на цены, и на курс, и в общем создает определенный дисбаланс во всей финансовой системе не меньше, чем того можно ожидать от какого-либо более активного использования государственных финансов.

Наконец, в 2022 году мы оценивали вклад государственного потребления в ВВП как 0,5%. С учётом того что мы сейчас видим в проекте бюджета, скорее всего, эта цифра будет существенно скорректирована вниз, а значит, будет скорректирована вниз и общая экономическая динамика. И в этом смысле проблема состоит также в том, что в 2022 году предельно жёсткая бюджетная политика сочетается с существенным ужесточением политики со стороны Центрального Банка. И на это накладывается, как я уже говорил на предыдущих наших встречах, торможение фактически всех факторов роста экономики. Это торможение с 4,2 – 4,3% до 2 – 2,3% означает, что российская экономика возвращается к тренду, на котором находилась в период с 2016 по 2019 годы. Большинство экспертов охарактеризовали то, что происходило в российской экономике в тот период, термином «стагнация». Очень не хотелось бы, чтобы мы опять вошли в этот стагнационный период.

Рябухин: Конечно, мы очень обеспокоены тем, что не в полной мере правительством учтены предложения, которые мы летом сформулировали на пленарном заседании. Я имею в виду те предложения по бюджетной политике, которые мы ежегодно летом направляем. Они в основном были связаны с тем, что очень большой перечень субъектов Российской Федерации находится в очень закредитованном состоянии, я бы сказал, в депрессивном состоянии. Программа замещения коммерческих кредитов бюджетными кредитами в объёме 1 трлн рублей, конечно, изменила в позитивном плане картину, тем не менее до конца задачу не решила. Поэтому появилась идея, уже инициированная президентом, о реструктуризации кредитов. Там тоже позитивный процесс произошёл, но всё-таки объём закредитованных регионов очень большой. Даже теми инфраструктурными кредитами в объёме 500 млрд, которые по инициативе президента были правительством предложены, на сегодняшний день, к сожалению, многие регионы не смогли воспользоваться, потому что условия софинансирования очень тяжёлые. А это очень важная вещь. Важная с точки зрения того, что мы не увидели в этой концепции бюджетной политики правительства переход на формирование точек роста субъектов Российской Федерации. Положительный сдвиг в этом проекте закона есть, но масштабного, прорывного процесса не произошло. В укрупнённом плане я называю те проблемы, которые больше всего волнуют Совет Федерации как палату регионов.

Конечно, было бы неплохо, если бы хотя бы одно из таких капиталоемких направлений (мы об этом говорили летом текущего года) – либо здравоохранение, а это очень актуально сейчас, либо образование – было бы переведено в полном объеме на федеральный мандат, на федеральный уровень. В этом случае мы бы не имели такого печального рисунка по закрединности. 42 региона, к сожалению, не имеют возможности динамично развиваться за счёт собственных консолидированных средств бюджета.

Бодрунов: Уважаемый Сергей Николаевич, спасибо большое. Предоставляю слово Александре Леонидовне Осмоловской-Суслиной, руководителю направления «Фискальная политика» Экономической экспертной группы.

Осмоловская-Суслина: Большое спасибо за приглашение выступить. Когда обсуждают приоритеты бюджетной политики, ведут речь либо о фактических приоритетах, то есть о том, что уже записано в законе о бюджете, либо обсуждают желаемые приоритеты, то есть то, что, с нашей экспертной точки зрения, хотелось бы видеть в бюджетной политике. И та, и другая тема очень полезны, интересны. Но я бы хотела поговорить о бюджетных приоритетах немножко с другого ракурса. У меня возникла мысль посмотреть на вещи, которые, как мне кажется, важнее, то есть на то, что приоритетнее приоритетов бюджетной политики.

Я поясню свою мысль. Дело в том, что есть моменты, которые экспертное сообщество часто упускает, когда формирует политику приоритета – как экспертное сообщество, которое работает в правительстве и формирует нашу повестку, так и экспертное сообщество, которое выступает консультантами извне.

Итак, первый момент. Мы часто забываем о том, что наша экономика непрерывна. Мы часто забываем при выработке дорожных карт, что нужно учитывать не только начальную и конечную целевую точку. Грубо говоря, у нас есть какая-то неэффективная ситуация в настоящем, и мы хотим более эффективную, улучшенную ситуацию в будущем. Так вот, невозможно по щелчку пальцев перейти из одного состояния в другое. Это не рычаг и не тумблер. И, к сожалению, какими бы ни были благими те или иные рекомендации по переходу из текущего несовершенного состояния в улучшенное будущее, необходимо очень четко описывать переходные периоды. Те периоды, в которых экономика уже ушла из пусть несовершенного, но устойчивого прошлого состояния, но ещё не пришла в лучшее будущее. Потому что любые некорректно завершённые проекты чреваты негативными экономическими и социальными последствиями. Это важно. Поэтому когда

мы разрабатываем дорожные карты и советуем что-то кому-то – правительству и так далее – мы должны не только говорить, что «у вас здесь вот плохо, а давайте сделаем вот так», потому что это вопрос не только политического решения, не только политической воли. Нужен абсолютно чёткий список мер, как из одного состояния перетечь в другое с минимальным ущербом. То есть я за созидательное разрушение, как бы оно ни выглядело. Это не момент, это процесс. Созидательное разрушение должно учитывать не только то, что мы построим на абсолютно чистом фундаменте, но и то, куда мы денем обломки старого, как мы минимизируем ущерб и, может быть, повторно используем оставшиеся обломки, чтобы ресурсы не пропадали зря. Это был первый момент.

Второй момент связан с тем, что часто мы забываем, что теория и практика – это не одно и то же. Очень часто теоретические выкладки, полученные в результате моделирования, на практике не работают или работают не так, как бы нам хотелось. Несмотря на то, что эта мысль абсолютно не нова, очень часто можно услышать экспертное мнение, обоснованное целиком и полностью исключительно теоретическими выкладками.

Я поясню, что я имею в виду. Для того чтобы политика – любая, и бюджетная в том числе, – имела эффект, нужно учитывать не только цели, которые перед нами стоят, но и те реалии, из которых мы исходим. Вот пример самый распространённый: все говорят, и экономическая теория нам говорит, и даже некие эмпирические исследования нам говорят, с разной степенью адекватности посчитанные, что увеличение госинвестиций стимулирует рост. Даже есть какие-то количественные оценки, фискальные мультипликаторы и так далее. Казалось бы – вот оно решение, под носом. Мы хотим роста – давайте потратим больше, и рост будет. На этом фоне правительственные решения о сбережении ФНБ, да ещё в таких количествах, выглядят, как «царь Кощей над золотом чахнет». Зачем это, если так просто можно добиться роста? Но, увы, реальность такова, что эффективность государственных расходов очень низкая, проекты не проработаны и сметы постоянно растут, не говоря уже о том, что есть ещё такое явление, как неэффективность государственного управления, проще в народе называемая коррупцией. И учитывая всё это, сдержанная бюджетная политика выглядит уже не такой необоснованной. И этот момент очень важно учитывать в своих рекомендациях.

Часто говорят, что увеличение расходов стимулирует рост. Вот, мы прожили несколько лет с увеличением расходов. Что это нам дало? Мы увидели переход на новую траекторию роста? Нет, не увидели. Мы увидели изменение структуры российской экономики? Нет, не увидели. Мы увидели только

маленький разовый всплеск экономического роста. В принципе, это, конечно, полезно, но это не тот эффект, который с макроэкономической точки зрения должен иметь наш совет, наша стратегия.

Значит ли это, что приоритетом бюджетной политики является исключительно бездеятельное накопление резервов? Разумеется, в долгосрочной перспективе не является. Но в короткой перспективе, в краткосрочной, может быть, это и логично.

В долгосрочной перспективе, мне кажется, главным приоритетом должно стать не просто переливание из пустого в порожнее на тему того, на что больше тратить. Нужно создать такие условия, в которых те или иные меры бюджетной политики будут иметь реальный эффект для экономики. Сейчас есть ощущение, что бюджетная политика на экономику вообще не влияет. Мы можем сколько угодно тратить на что угодно, но эффекта нет, потому что есть неэффективность. Мы с вами, мы все – и правительство, и эксперты – не должны подменять понятия. Надо понимать, что расходы на медицину не равны улучшению здоровья нации. Расходы на образование – это не то же самое, что появление высокоинтеллектуального класса специалистов. И расходы на экономический рост – это не то же самое, что рост.

Когда эта разница не до конца осознана, появляется крен. Мы боремся за структуру расходов, но не понимаем, что эта структура к реальности не имеет никакого отношения. Условному человеку гораздо важнее, чтобы медицина работала, а не какую долю расходов в бюджетной классификации занимают расходы на неё. Этот момент очень часто упускается. И если мы видим, что при увеличении расходов на что-то эффективность не растёт, если, условно, мы тратим больше на медицину, а лечение лучше или доступнее не становится, то появляется вопрос... Может быть, проблема не в недофинансировании? Может быть, проблема в чём-то ещё? И давайте начнём с этого чего-то ещё, прежде чем заливать в бездонную бочку дополнительные ресурсы.

То же самое в принципе верно и для доходной части. Мы, конечно, можем заставить или пытаемся заставить предприятия и бизнес инвестировать внутри страны, но это невозможно сделать исключительно штрафами, налогами и какими-то ограничениями. Если мы предполагаем использование метода кнута и пряника, то это должен быть не только кнут, но и пряник. Мы должны создать такие условия для бизнеса, чтобы он сам захотел инвестировать внутри страны. И тут приходится ставить заезженную пластинку по качеству институтов. Нужно улучшать институты.

Поэтому, возвращаясь к теме приоритетов, мне кажется, что главным приоритетом не только этой трехлетки должно

стать превращение бюджетной политики в эффективный инструмент, должна быть явная связь между действиями, с одной стороны, и результатом, с другой стороны, потому что бюджетная политика не терпит ошибок. Мы, к сожалению, не живём в компьютерной симуляции, когда можно попробовать что-то и посмотреть, как оно сработает, и если результат нам не понравится, мы откатимся назад с тем же объёмом ресурсов. Увы, деньги, потраченные один раз, остаются потраченными навсегда. И прежде чем их тратить, рекомендуется сделать процесс трат продуманным и эффективным, для того чтобы потом мы могли развиваться.

Бодрунов: Спасибо, Александра Леонидовна. О неэффективности бюджетной политики Вы совершенно правильно сказали. Мне кажется, очень важно эти вещи видеть при формировании бюджета. Ну, конечно, сегодня мы обсуждаем немного более приземлённые вопросы – всё-таки приоритеты нынешней бюджетной политики, которая должна влиять и на экономический рост, и на решение всех проблем, которые Вы отметили.

Никитин: Я постараюсь коротко выступить и не буду пытаться говорить в целом о бюджетном процессе. Я хотел прокомментировать и то, что есть в бюджете, и то, что есть в документе, который всегда сопровождает бюджет на плановый трёхлетний период, – «Основные направления налоговой и таможенно-тарифной бюджетной политики».

Я, с Вашего позволения, хотел бы несколько банальных тезисов произнести. Можно их назвать причитаниями, которые, тем не менее, если не повторять из года в год, ничего не изменится, поскольку иногда от повторения что-то зависит.

Мы имеем в очередной раз бюджет с достаточно большим профицитом. Это в очередной раз вызывает вопрос о том, зачем мы поднимали ставку НДС с 18 до 20%, зачем мы увеличивали пенсионный возраст? Чтобы у нас был профицитный бюджет? В своё время, когда многократно, на базе в том числе РСПП, выступали руководители внебюджетных фондов, руководитель тогда Фонда социального страхования, а теперь Пенсионного фонда, с гордостью говорил о том, что Фонд социального страхования является единственным фондом, который собирает больше, чем тратит. И он был очень удивлен, насколько я помню дискуссию, вопросом о том, а в чём, собственно говоря, удовольствие и в чём радость от того, что государственный внебюджетный фонд собирает больше, чем тратит? Это, наверное, означает, что у государственного внебюджетного фонда ставки взносов завышены, если он собирает больше, чем нужно на его деятельность.

Бюджетный процесс примерно тот же самый. Есть мнение, которое выразила Александра Леонидовна, что если бюджеты неэффективны, давайте держать деньги в кубышке. А я скажу: давайте не держать деньги в кубышке, если бюджетные расходы неэффективны, давайте их не собирать в бюджет, пусть они останутся в карманах налогоплательщиков, кассах предприятий. И тогда мы будем решать вопросы пополнения оборотных средств не за счёт недоступных и дорогих банковских кредитов, а за счёт собственных средств предприятий. Тогда мы будем источники финансирования инвестиционных проектов в большей степени рассчитывать, исходя из прибыли и собственных средств предприятий. Мы из года в год повторяем этот разговор, но после повышения налоговой нагрузки на оборотный капитал по сути дела – НДС, после изменений в системе финансирования Пенсионного фонда или, точнее, расходов Пенсионного фонда, особенно удивительно наблюдать из года в год профицитный бюджет. И дальше споры на тему того, потратить эти деньги или в коробочку сложить, увеличить планку, после которой начинать распечатывать кубышку Фонда национального благосостояния, или снизить, или увеличить, но при этом разрешить отдельным проектам вне установленной планки финансироваться из фонда... Я хотел бы сказать, что в этой дискуссии должно присутствовать ещё одно измерение. Может быть, не надо собирать в федеральный бюджет деньги, которые из него не расходуются? Надо сказать, что в практике, в том числе в федеративных государствах, в Канаде, в Федеративной Республике Германии время от времени случаются ситуации, когда избыточные доходы бюджета распределяются обратно налогоплательщикам. Это первый тезис.

Второй тезис. Из года в год обсуждается проблема сверхцентрализации налогово-бюджетной системы и постоянной закредитованности субъектов федерации. 13 субъектов федерации сводят концы с концами, а все остальные зависят от благосклонности Министерства финансов и его профильного департамента в том, сколько им выделяют по не всегда прозрачным правилам денег, как оценят их налоговые льготы – как эффективные или как неэффективные?

Хочется в связи с этим в очередной раз повторить идею, которая сейчас достаточно активно обсуждается комиссией Госсовета по экономике и финансам, о том, чтобы, начиная с малого, вернуться к вопросу о перераспределении из федерального бюджета в региональные бюджеты доходов от акцизов на табак – в пользу регионального бюджета или, если хотим, прямым образом зачислять в доходы территориальных фондов обязательного медицинского страхования. Мы с вами не должны забывать, что акциз на табак – это не фискальная вещь. Она, по рекомендации ВОЗ, связана прежде всего и пре-

имущественно с ограничением доступности табака. И с этой точки зрения хочется в очередной раз вернуться, и в рамках в том числе обсуждения федерального бюджета на следующий год и любых других бюджетов, к тому, чтобы эти доходы в гораздо большей степени, особенно сейчас, с налаженной системой учета поступления акцизов и прослеживаемости по субъектам, поступали в бюджет того субъекта или территориального фонда обязательного медицинского страхования, где эти сигареты покупают.

И последний пункт. Коллеги, в основных направлениях много сказано по поводу акциза на жидкую сталь, роста ставок НДС, по поводу прочих мер, но совершенно не затронута дифференциация налогообложения прибыли в зависимости от доходности компании. Я хотел бы сказать, что с политической точки зрения гораздо важнее не то, сколько компания выплачивает дивидендов по сравнению с её капиталом, что беспокоит Минфин, а сколько компания тратит на инвестиции по сравнению с тем, сколько тратит на распределение. И инструменты, стимулирующие направление прибыли на инновации, а не на распределение, распространены, они существуют во многих странах – в Южной Корее, в США.

Мне хотелось бы сказать ещё одну вещь, которая отражена в основных направлениях налоговой политики, которая не имеет прямого отношения к проекту бюджета на 2022 год, но которая очень сильно заботит деловое сообщество. В основных направлениях Минфин по-прежнему настойчиво говорит о предоставлении налоговым органам возможности ограничивать распоряжение имуществом налогоплательщиков в момент начала налоговой проверки. Это феерическое полномочие, которого, наверное, нет нигде в мире, которое обосновывается разного рода благими намерениями вроде защиты добросовестных налогоплательщиков и защиты кредиторов. Я хотел бы на площадке Вольного экономического общества России озвучить мнение о том, что предоставлять неограниченное право ограничения возможностей распоряжаться собственными активами в момент начала налоговой проверки на основании каких бы то ни было внутренних процедур Федеральной налоговой службы, а также невидимых миру слёз кредиторов, которые, может быть, пролиты, а может быть – нет, с точки зрения и экономистов, и специалистов в области налоговой политики, и представителей делового сообщества кажется нерациональным, преждевременным и требующим существенных ограничений. В этом смысле я могу сказать, что деловое сообщество видит большую поддержку со стороны ведомств, отвечающих за экономический рост, в этом вопросе. Я надеюсь, что такие повторенные в основных направлениях заявления так или иначе будут ограничены и не будут реализованы в 2021 – 2022 годах в налоговом законодательстве.

Бодрунов: Спасибо большое, Кирилл Михайлович, важные вопросы Вы подняли. Я присоединяюсь к большинству из них и считаю, что надо внимательно смотреть и на то, куда мы тратим наши деньги, и на то, зачем. Когда задаётся вопрос на заседании правительства: «С кем вы, мастера бизнеса?», задаётся встречный вопрос: «А почему деньги не расходуются так, как должны были бы расходоваться, если ставится профицит, и при чём здесь тогда мастера бизнеса?» Это тоже вопрос, который стоит, наверное, иметь в виду, когда мы говорим о бюджетной политике и налоговой политике, в частности.

Глазьев: Я, может быть, ничего нового не скажу, тем не менее хотел бы начать с истории вопроса, откуда взялась эта кубышка стабилизационных денег.

В своё время правительство Примакова вышло с очень правильной инициативой создания точек развития, и мы даже главу такую написали в бюджетном кодексе «Проект бюджета развития», и этот бюджет развития как раз предполагалось формировать за счёт доходов конъюнктурного характера. В принципе, если бы эта идея была реализована, тогда мы бы все сверхплановые доходы, которые возникают из-за конъюнктурных факторов (цены на нефть и прочее), могли бы тратить на инвестиции, стимулировать инвестиционную активность – таким образом, у нас была бы совсем другая жизнь.

Но, к сожалению, этот бюджет развития просуществовал практически столько же, сколько половина цикла правительства Примакова. После того как Евгений Максимович оставил этот пост, очень быстро Кудрин трансформировал идею бюджета развития в стабилизационный фонд. Ситуация тогда изменилась, пошёл поток нефтедолларов в Россию. У нас тогда ещё была обязательная продажа валютной выручки, и Центральному банку нужно было выкупать эту валюту с рынка. И возникла ситуация, когда прирост денежной базы за счёт выкупа этих нефтедолларов достигал 40% по году. Я уж не знаю, кто в МВФ или в каких-то других инстанциях формировал реальную методику решения этой проблемы, но если посчитать, то получается, что если прирост денежной базы зашкаливал за 29% в своё время, то излишек этих денег надо стерилизовать с точки зрения рекомендаций МВФ и каким-то образом из экономики вытолкнуть.

Таким образом, ради того чтобы стерилизовать избыточную денежную массу, которую генерировал Центральный банк, скупая валюту, придумали методику под эгидой МВФ. В Минфине была специальная рабочая группа создана для этого, и они каждый год корректировали это правило, чтобы годовой прирост денежной базы не зашкаливал за 29%. Последние 10 лет этих оценок я не делал, тем не менее

сама логика стерилизации избыточной денежной базы была связана с тем, что альтернативой, как им казалось, было повышение курса рубля. Для того чтобы не допустить повышения курса рубля и в то же время держать макроэкономическую стабильность, придумали бюджетное правило, которое лишило нас гигантского инвестиционного потенциала.

Источником этих сверхприбылей была сначала экспортная пошлина, которую мне пришлось вводить в своё время. Затем они экспортную пошлину под давлением уже ВТО и МВФ заменили налогом на добычу полезных ископаемых. Макроэкономическая логика всей этой политики, которую очень примитивно я описал, имеет, конечно, огромные вредные последствия, поскольку лишает нас гигантских инвестиционных возможностей. Но она порочна ещё в том плане, что люди, которые это придумали, вводят в заблуждение таким простым, я бы сказал, бытовым аргументом, что мы, мол, копим деньги на чёрный день, когда наступит чёрный день, мы их продадим и получим для бюджета необходимые ресурсы. В прошлом году чёрный день наступил. Тем не менее бюджет остался профицитным.

Но суть даже не в этом, а в том, что они вводят в заблуждение политическое руководство страны тем, что скрывают от него, что эмиссия денег под продажу стабилизационных фондов (они же хранятся в иностранной валюте, это часть валютных резервов). То есть их можно продать, и это не будет инфляционно. А если просто продать облигации правительства и напечатать деньги под продажу облигаций правительства, то это – инфляционный путь. На самом деле с точки зрения макроэкономической арифметики печатаете ли вы деньги под покупку иностранной валюты или печатаете вы деньги под покупку облигаций своего же правительства, инфляционный риск в виде прироста денежной базы один и тот же. Вы создаёте новые деньги. И вот Михаил Ершов, я вижу, присутствует. Он уже много лет объясняет, что нужно создавать деньги под облигации собственного государства.

И здесь, конечно, все эти двадцать лет имеет место колоссальное лукавство, когда внушают нашему руководству, что печатать деньги под покупку валюты можно, а печатать деньги под покупку облигаций правительства для финансирования дефицита бюджета нельзя. Это совершенно неправильный тезис, который нам был подброшен из МФВ и который небезызвестная группа в Минфине под руководством господина Гурвича проталкивала двадцать лет в виде стабилизационного правила.

Что в заключение я бы хотел сказать? Я уже много лет говорю, что нужно совершить обратный налогово-бюджетный манёвр, то есть вернуть бюджет развития. Все стабилизационные фонды, как бы они ни назывались, должны направляться в бюджет развития, из бюджета развития – стимулироваться инвестиционные и инновационные процессы, повышаться ассигнования на стимулирование инноваций, венчурное финансирование и так далее. Даже примитивное субсидирование процентных ставок, если не сможем поменять денежно-кредитную политику.

Второй обратный налоговый манёвр нужно совершить: заменить НДС с НДС на экспортную пошлину. Потому что по логике рыночного ценообразования на природные ресурсы НДС – это, по сути, налог на потребителя. И когда мы вводили экспортную пошлину в 1992 году, мы понимали, что мы вводим её на часть природной ренты, которая формируется на основе экспорта природных ресурсов, и это было принципиально важно. То есть мы облагали налогом именно вывозимую природную ренту, а внутри страны держали цены ниже, и эта природная рента доставалась потребителям, которые пользовались тем, что цены на нефть и газ у нас ниже, чем мировые. Это было очень важное разделение. Экспортная пошлина работала и как механизм ценовой стабилизации, и как механизм изъятия природной ренты с экспортируемой части природных ресурсов. А когда заменили на НДС, налоги платят все производители, все, кто эксплуатирует недра, соответственно, на самом плохом месторождении тоже надо платить НДС. А именно самое плохое месторождение формирует предельные издержки, на базе которых формируется цена. Поэтому НДС – по логике налог на потребителя, и введение НДС ухудшает состояние нашей обрабатывающей промышленности, которой приходится дополнительно платить за ископаемые и природные ресурсы.

И последний налоговый манёвр, который, мне кажется, был бы очень важен. У нас есть (уже много лет об этом говорится) недоразумение с налогом на доходы физических лиц – плоский налог 13%. Я не буду повторять многократно высказанные аргументы, что нужно восстанавливать прогрессивную шкалу и уводить, освобождать от налога низкодоходные группы населения и бюджетников. Но на что я хотел бы обратить внимание? Когда у нас налог на прибыль предприятий выше, чем налог на доходы физических лиц, а ещё есть фонды социального страхования, у которых регрессивная шкала, то богатым предпринимателям на самом деле создаётся стимул не вкладывать деньги в развитие, а трансформировать доходы в свою зарплату. Поэтому у нас возникает колоссальный перекосяк с заработными платами руководителей, которые

зашкаливают уже за уровень крупнейших международных корпораций. Не должен быть налог на доходы физических лиц ниже, чем налог на прибыль предприятий, потому что мы таким образом стимулируем переток денег из экономики в потребление.

Поэтому мне кажется, что нужно в среднем хотя бы выровнять налог на доходы физических лиц с прогрессивной шкалой с налогом на прибыль предприятий, а для богатых людей сделать его существенно выше, чем налог на прибыль предприятий, но при этом расширить возможности амортизации, ввести ускоренную амортизацию, чтобы у предпринимателей был выбор: либо деньги забрать из бизнеса и потратить, заплатив налог на доход физического лица, либо, наоборот, оставлять деньги в производстве, расширять производство. И если мы компенсируем их налогообложение через НДС на расширение возможностей ускоренной амортизации, то в целом можно сохранить баланс. Они ничего не потеряют, но у них будет больше стимулов вкладывать деньги в развитие производства.

Ну и, разумеется, надо реализовать, наконец, полный набор льгот по НИОКР, который был в своё время Торгово-промышленной палатой разработан, внесён в парламент, но принят только наполовину.

Некиселов: Уважаемые коллеги, я не буду останавливаться на вопросах приоритетов. Это вопросы, как известно, нормативного характера, и важно, чтобы приоритеты распределения ресурсов, в общем, более или менее соответствовали представлениям общества о желательном направлении развития. Я думаю, в этом плане в последние годы был достигнут определенный прогресс. Единственное, что меня решительно не устраивает в течение многих лет – это странное отношение к науке. Александр Александрович приводил данные об уменьшении финансирования прикладной науки, я уж не говорю о фундаментальной науке. Но даже если мы возьмём выступление министра финансов на состоявшихся слушаниях в Совете Федерации, то мы увидим, что там этому вопросу никакого внимания не уделялось.

В основном я хотел бы остановиться на макроэкономической проблематике, которую затрагивали коллеги, и все они отмечали, что жёсткая финансовая политика намечена на ближайшую трехлетку. Кстати говоря, я столкнулся ещё с такой странной вещью. Может быть, те, кто работают более тесно с цифрами, объяснят мне или поправят меня. В документе, который является одним из сопровождающих бюджет, где говорится об ожидаемых результатах 2021 года, приводится цифра, что дефицит бюджета в этом году ожидается на уровне 277 млрд

рублей, что составляет 0,2% ВВП. Если прямо отсюда считать номинальный ВВП в 2021 году, то он окажется равным 138 трлн 500 млрд рублей. Между тем данные за 2022 год, когда вроде бы он должен вырасти на 3% в реальном измерении, дают меньшую цифру в номинальном выражении: 133 трлн 328 млрд. То ли это техническая ошибка, то ли я как-то считать разучился, то ли это какое-то сознательное занижение ВВП 2022 года. Не знаю. Я просто информирую об этой своей такой чисто цифровой находке.

Теперь по существу дела. Александр Александрович объяснял мотивацию правительства по переходу к жёсткому бюджету идеей нормализации. Но, честно говоря, эта идея меня не очень убеждает, потому что совершенно непонятно, почему нужно сокращать расходы, а не менять их структуру. Ну да, нужно, наверное, отказываться от каких-то расходов, которые были связаны именно с периодом эпидемии, наиболее острых её моментов. Но почему при этом надо просто сокращать размер расходов, понять достаточно сложно.

Вопрос о резервах. Он многих из нас волнует в течение многих лет. И, кстати говоря, на слушаниях, которые в прошлом году в Совете Федерации прошли, мне довелось выступать, и я обращал внимание тогда в присутствии министра финансов, руководителя Счётной палаты и Валентины Ивановны Матвиенко на то, что столько времени мы говорили о том, что резервы накапливаются для тяжёлых времен. Наступили тяжёлые времена, а мы резервы продолжаем наращивать. Вот данные, которые министр привёл уже на этих слушаниях. За три года планируется на 8 с лишним трлн увеличить поступления в Фонд национального благосостояния. При этом из Фонда национального благосостояния планируется израсходовать 2,5 трлн рублей. У нас уже валютные резервы вышли на уровень, превысивший тот, который был до мирового финансово-экономического кризиса. Да, и теперь министр финансов дал новое объяснение тому, зачем резервы накапливаются. Уже не было разговоров о том, что в тяжёлые времена мы будем расходовать накапливаемые резервы. Легенда теперь такая, что в условиях климатических проблем будет существенно меняться структура производства, отказ от потребления в значительной степени углеводородов, переход на чистую энергию, теперь мы накапливаем резервы для того, чтобы достойно встретить этот вызов. Я не очень, правда, понимаю, как мы его достойно встретим деньгами, когда, казалось бы, если даже согласиться с теми оценками масштабов этого вызова, то, казалось бы, реагировать на него следовало бы как раз изменением структуры экономики, принятием комплекса мер, направленных на то, чтобы экономика оказалась наиболее адаптированной не при помощи кубышки, а при помощи изменения самой её структуры. Тем не менее легенда изменилась.

И последний вопрос – о ренте. Конечно, хорошо, что вопрос о ренте всерьёз рассматривается. Об этом научное сообщество давно говорило. Но мне кажется, здесь очень много каких-то недоразумений сохраняется до настоящего времени. Во-первых, всё время говорится про налогообложение ренты. Не надо осуществлять никакого налогообложения ренты, потому что рента – это факторный доход, он принадлежит собственнику. Это не объект налогообложения, если речь идёт о государственной собственности на природные ресурсы.

А что из этого следует? Дальше в связи с рентой идут разговоры о повышенных прибылях в металлургии и так далее. Но при чём здесь природная рента? Природная рента к добыче руды имеет отношение, к выплавке металла уже не имеет. Она должна была быть изъята на предыдущем этапе.

Ну и наконец третье. Если это факторный доход, то вызывают изумление разговоры о том, что «провели с бизнесом переговоры и договорились о том, как мы будем эту ренту делить». Но это странная логика, если это факторный доход, который принадлежит собственнику. Вопрос, который действительно существует и который надо решать, в том, чтобы в момент предоставления природных ресурсов заключать соглашение, и либо на период этого соглашения определять размеры платежей, либо (что, наверное, предпочтительнее) прописывать алгоритм формирования размера этих платежей, и затем неукоснительно следовать этим договорённостям независимо от того, что будет происходить с ценами в реальной жизни. Это будет способ, адекватный природе явления. В противном случае выходит какая-то странная ситуация, когда государство начинает вести с кем-то переговоры о том, каким образом формировать доход, который ему принадлежит как собственнику ресурса. Не как регулятору, который формирует налоги и изымает их, это факторный доход. Никому же не приходит в голову вести переговоры насчёт того, как государству получать дивиденды по акциям тех предприятий, где они у него есть.

Климанов: Для начала я попробую поговорить с Александром Дмитриевичем. Александр Дмитриевич, 275 млрд дефицит – это действительно 0,2%, а точнее – 0,22% от ВВП, который прогнозируется в объёме 124 трлн рублей, соответственно. То есть просто из-за округления у Вас получились не очень корректные сравнения. Если другие страницы этих сопровождающих документов посмотреть, сошлись бы эти цифры.

Но если говорить по сути, то знаете, проект бюджета на 2022 год и плановый период мы формируем по традиционной, действительно, схеме, но в то же время каждый год ситуация абсолютно новая. Она новая и для макропоказате-

лей, и для основных показателей расходов бюджета. Но я ещё затрону тему межбюджетных отношений, которые отражаются в федеральном бюджете и про которые, по-моему, мы ещё не говорили или говорили совсем немного.

Если посмотреть на систему межбюджетных отношений, то можно увидеть следующее. В кризис 2020 года стало очевидно, что регионы имеют гораздо меньше возможностей для осуществления бюджетного маневра, и потому объем межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в 2020 году увеличился по отношению к 2019 году в полтора раза. Он достиг 3,7 трлн рублей, и это максимум, который в 2021 году вряд ли будет превзойдён. Едва ли объём трансфертов составит больше 3,5 трлн рублей. По крайней мере, это видно сейчас по росписи. Мы видим, что на 2022 и последующие годы закладываются суммы меньше, чем даже по бюджетной росписи на 2021 год, и тем более меньше, чем на 2020 год. Там фигурирует 3,2 трлн, а в 2023-2024 годах – 3,3 трлн рублей.

В связи с этим понятно, что регионы в условиях каких-то новых кризисных ситуаций, в условиях новых моментов, которые пойдут по негативному сценарию, могут столкнуться опять с очень сложной ситуацией. Мы понимаем, что, несомненно, на все усилия, объём государственного долга у регионов остался более-менее на прежнем уровне, может быть, чуть-чуть сократился. Сократились и обязательства по уплате процентов на обслуживание госдолга из-за перевода коммерческих кредитов в бюджетные. Тем не менее долговая нагрузка на регионы остаётся, и возрастающий объём расходов просто невозможно будет компенсировать столь же быстрым ростом доходов.

Исходя из этого, наверное, следует внимательнее посмотреть на систему распределения межбюджетных трансфертов, и прежде всего, разумеется, на дотации, которые носят нецелевой характер. Их планируемый объём должен составить чуть менее 1 трлн рублей. Понятно, что при обсуждении различных вопросов, связанных с распределением общего объема дотаций, важную роль играет и то, как они перераспределяются между регионами. Нужно сказать, что ожидаемые изменения в методике распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, которая составляет на следующий год порядка 760 млрд рублей в проекте бюджета, тоже может вызывать определённые вопросы. Дело в том, что планируется переход к выравниванию и учёту в этом выравнивании для получения трансфертов не от среднего уровня по стране, не от единицы, а от 0,9 по отношению к среднему. И те несколько регионов, которые обладают повышенной бюджетной обеспеченностью, но и получают дотации, если не в следующем году, то в среднесрочной перспективе окажутся без этих дотаций. Туда попадают такие

регионы, как Челябинская область, Калининградская область, Республика Коми, Мурманская область. И если не будет заложен какой-то адекватный механизм переходного периода, то мы можем столкнуться с ситуацией потери финансовых стимулов в этих регионах, которые формально перейдут в число регионов-доноров, а не получателей дотаций на выравнивание, но в то же время они потеряют какую-то, пусть и несущественную, но часть доходов своих региональных бюджетов. И здесь, наверное, дискуссия уже будет на следующем шаге, на втором чтении проекта федерального бюджета – о том, как именно должны быть перераспределены эти виды межбюджетных трансфертов.

Второй вопрос, связанный с этим, то, что межбюджетные трансферты нецелевого характера, то есть эти самые дотации, достаточно резко сокращаются в структуре всех трансфертов, идущих из федерального бюджета. Если в 2019 году доля дотаций была около 39% в общем объёме, то в 2020 году опережающе росли прежде всего субсидии, а не дотации, и уже на 2022 – 2024 годы эта доля с 39% падает до менее чем 30% в год. Опять-таки на парламентских слушаниях министр финансов сказал, что это надо рассматривать как позитивный процесс, поскольку растёт целевая направленность распределения трансфертов. Мы чётче видим те цели, под которые эти деньги пойдут в регионы. Но до этого позиция Минфина была прямо противоположной, и в госпрограмме развития федеративных отношений всегда закладывался показатель как раз увеличения доли нецелевых трансфертов. И это тоже вопрос для обсуждения.

И ещё вопрос в части целевых трансфертов. Они по-прежнему часто остаются не консолидированными. Хотя впервые есть идея о том, что они будут консолидированы в рамках одной госпрограммы, тем не менее количество видов субсидий, уже закладываемых в тех документах, которые сопровождают проект федерального бюджета, – 55, видов иных межбюджетных трансфертов – тоже больше 50, и количество видов субвенций даже с учётом единой субвенции – 34. То есть мы всё равно сталкиваемся с тем, что у нас порядка 150 целевых направлений предоставления трансфертов в федеральном бюджете остаётся. Много это или мало – скорее всего много. Тут надо какую-то позицию на этот счёт высказать, тем более под каждую субсидию заключаются непрозрачные пока соглашения между федеральными органами исполнительной власти и регионами, которые не поддаются экспертной оценке, и это тоже вызывает определённого рода вопросы.

Остется вопрос о том, что у нас есть закрепитованность регионов от федерального бюджета. В настоящий момент, только думайтесь, 79 из 85 регионов имеют бюджетные

кредиты из федерального бюджета. Эта позиция, наверное, должна найти какое-то экспертное объяснение: почему ресурсы между уровнями бюджетной системы оказались распределены так, что региональному уровню хронически, если можно так сказать, не хватает денег, даже с учётом огромных объемов межбюджетных трансфертов.

Шмаков: Я сделаю короткую реплику по поводу проекта федерального бюджета. Мы обратили внимание, что декларации в первой описательной части бюджета не всегда подкрепляются цифрами. Предполагается, что в 2021 году в России ожидается восстановление ВВП с темпом 4,2%, в 2022-2024 годах – умеренный рост с темпами около 3%. При этом по данным МВФ, темп роста мирового ВВП в 2021 году составит 6%, а в 2022-2024 годах – около 5%. Это означает закрепление отставания нашей экономики, и это противоречит поручению президента по следованию среднемировым темпам роста, чтобы ускоренными темпами восстанавливаться после пандемии.

Дальше правительство в бюджете заявляет, что в среднесрочной перспективе рост будет основан на расширении внутреннего спроса, как потребительского, так и инвестиционного. Но расширение потребительского спроса должно быть основано на устойчивом росте реальных располагаемых доходов населения. Конкретных мероприятий, которые показывали бы в бюджете, что это планируется сделать, к сожалению, на сегодняшний день нет. Один пример хочу привести: с 2021 года применяется новая методика установления прожиточного минимума и МРОТ. Прожиточный минимум устанавливается в соотношении 44,2% от медианного среднедушевого дохода, МРОТ – в соотношении 42% от медианной заработной платы. Данное соотношение занижает прожиточный минимум и МРОТ. Мы считаем, что это слишком низкие проценты для вычисления по этим параметрам. Необходимо предусмотреть и показать в бюджете, что это отношение будет меняться, то есть показатели МРОТ и прожиточного минимума увеличатся в процентном отношении, потому что их занижение ведёт если не к увеличению бедности населения, то, по крайней мере, к стагнации этой бедности. Поэтому мы в своих замечаниях, которые озвучивали на заседании российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, предлагаем в расчёты добавить ежегодное увеличение соотношения МРОТ и медианной заработной платы, как минимум, на один процентный пункт в год, и тогда к 2030 году МРОТ может составить 50% от медианной заработной платы. Хотя эти показатели достаточно низки в нашей стране, это отражает реальное положение в экономике и в заработной плате, в доходах населения, потому что, конечно, расширение вну-

тренного спроса – это важная задача, но она должна быть основана на увеличении реальных доходов населения.

Кроме того, президент ещё в 2012 году своим указом поручил довести среднюю заработную плату научных сотрудников, педагогических работников, врачей, других категорий работников до 1 или 2 средних заработных плат в соответствующем регионе. Но до сих пор есть проблемы с реализацией данного указа. В целом он выполняется, однако несмотря на то, что средства бюджета на это предусмотрены, это требует безусловного контроля по каждому региону, чтобы эти соотношения выдерживались. Мы считаем, что данные соотношения должны прогнозироваться и на будущее, что требует более чёткого обозначения в бюджетных планировках на трехлетний период. Но есть другие категории бюджетных работников, у которых занижена заработная плата, предусмотрена индексация заработной платы таких бюджетников на 4%, но цены растут быстрее, поэтому покупательная способность таких зарплат, к сожалению, будет только падать. Мы, например, предлагаем индексацию заработной платы вспомогательного персонала бюджетной сферы, на 5,8%, что соответствует прогнозу роста цен на 2021 год, ну а дальше – смотреть, как будет развиваться инфляция.

Также правительством в данном варианте бюджета не учтена необходимость индексации пенсий работающим пенсионерам. Это нашумевшая задача, поэтому мы считаем, что это должно найти отражение в межбюджетных трансфертах с государственным бюджетом и бюджетом Пенсионного фонда России.

Максимальный и минимальный размеры пособия по безработице также вызывают сомнения. Здесь требуется, с нашей точки зрения, увеличение расходов на данные показатели, потому что минимальный размер пособия в сумме 1500 рублей – это, конечно, никакое не пособие по безработице, это очень странный показатель, толкающий в тень занятость.

Чернявский: Я вернулся бы к обсуждению самого проекта бюджета. Прежде всего отметим, что на этот проект очень большое влияние оказало исполнение бюджета в текущем 2021 году, которое складывается чрезвычайно благоприятно, и мы видим, что, скажем, доходы федерального бюджета ожидаются в этом году выше на 27%, чем они были предусмотрены в прошлом трёхлетнем цикле. Расходы тоже увеличиваются на 12%, но мы видим, что очень большой разрыв между тем, что мы планируем, и тем, что происходит на самом деле, что отражает неустойчивость, подвижность ситуации, особенно в период пандемии COVID-19.

Что касается трёхлетнего бюджета... Минфин обещал, что мы вернёмся в ближайшую трехлетку к бюджетным правилам в полном объёме – так оно и произошло. Расходы на ближайшие три года определяются по формуле бюджетного правила.

О бюджете можно говорить в разных терминах, в том числе и в терминах риска, которые заложены в эти бюджетные построения. Бюджет основан на макроэкономическом прогнозе, который предусматривает рост экономики в ближайшие три года на 3%. Отмечалось, что хотелось бы больше, и мировая экономика, может быть, будет расти быстрее этих 3%. Но и 3% – это достаточно высокие показатели на ближайшие три года, хотя в этом году Министерство экономики даёт нам ожидаемое исполнение в 4,2%. МВФ, кстати, даёт ещё более высокие показатели. Но действительно, 3% темп роста в ближайшие три года представляется высоким прогнозом, и мы отмечаем переход к новой практике использования оптимистического прогноза МЭР в качестве базового прогноза, который лежит в основе бюджета. В принципе, в предыдущие годы была практика использования консервативного прогноза при формировании бюджетных показателей. Получается, что эти темпы представляют собой определённый фактор бюджетного риска: если мы не достигаем их, мы не получаем прежде всего намеченных не нефтегазовых доходов и не выходим в целом на основные бюджетные показатели.

Второй, мне кажется, очень важный риск современного бюджета заключается в том, что весь бюджет, прежде всего его расходная часть, основан на предположении, что все негативные, все тяжёлые явления, которые связаны с пандемией, будут преодолены в этом году. Именно исходя из такой предпосылки, мы в будущем году начинаем в полном объёме использовать бюджетное правило. Мы считаем, что расходы по сравнению с уровнями 2020 и 2021 годов можно сокращать, можно отказываться от чрезвычайных объёмов заимствований на внутреннем рынке. Исходя из этой гипотезы, построена и структура бюджета, структура расходов. Мы видим, что если мы считаем в постоянных, неизменных ценах, то расходы 2022 года у нас действительно будут ниже примерно на 3%, чем они ожидаются в 2021 году. Но в структуре расходов мы видим сокращение социальных расходов на 10% общего объёма и расходов на здравоохранение ещё более существенно, на 12%. Понятно, что о расходах на здравоохранение трудно судить только по расходам федерального бюджета. Иной подход применён к расходам на образование как части расходов на человеческий капитал. Эти расходы, если мне память не изменяет, в неизменных ценах практически не меняются. Такое изменение структуры расходов тоже основано на гипотезе о том, что мы преодолеваем пандемию в этом году.

Примерно такие же гипотезы о преодолении последствий COVID-19 заложены и в межбюджетные отношения, об этом уже говорилось. Да, у нас меняется структура межбюджетных трансфертов таким образом, что у нас сокращается существенная доля дотаций, в том числе дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности при росте субсидий. Это связано с исполнением национальных проектов, а также с тем, что намечено сокращение доли иных трансфертов. Но, по нашему мнению, такое изменение структуры основано на предположении о благоприятных тенденциях роста собственных доходов регионов, а это, в свою очередь, связано с темпами роста экономики. Кроме того, нужно учитывать то, что в целом расходы на выравнивание бюджетной обеспеченности в России недостаточны. Это показывают и международные сравнения. В ряде зарубежных стран такие расходы достигают 2,5% ВВП, а у нас не достигают и 1%.

Мне кажется, что перечисленные риски – риск недостаточных макроэкономических темпов роста, предположение о том, что мы будем жить практически в бесковидном мире с 2022 года, и предположение о том, что нам удастся сбить нынешние инфляционные тенденции, – являются существенными рисками, и их каким-то образом нужно учитывать при обсуждении бюджета.

Свириденко: Первое, что из хорошего можно отметить: в основных направлениях бюджетной и налоговой политики на следующий период появилась такая вещь, как увязка национальных целей с национальными проектами и конкретными программами и мероприятиями. По крайней мере, есть намерение эту практику формировать, формализовать и совершенствовать. Вот Институт экономики роста (причём многие из здесь присутствующих участвовали в этой работе ещё пять лет назад) предлагал как раз такую связку. Методологически эта задача очень сложная, она и в частном секторе сложная, а уж в государственном она очень-очень сложная. Это называется performance-based budgeting, то есть бюджетирование, ориентированное на результат. В госсекторе оно работает сложно, и это доказала практика других стран. Тем не менее уже намерение это делать, то есть верифицировать то, что иницирует и делает бюджет, с тем, как это помогает стране, с теми показателями, которые являются приоритетными, – это уже, на наш взгляд, хорошо.

Второе – стимулирование спроса. Конечно, смелейший шаг был сделан в прошлом году, когда населению по какому-то признаку – и даже бизнесу! – давали деньги. В прошлом году это были выплаты на детей. В этом году тоже есть выплаты на детей. Но самое главное – это то, что и на следующие три года заложено что-то подобное, что фактически является стимулированием спроса. Эти меры могут быть защищены под про-

граммы в нацпроекте «Демография», под стабилизацию роста рождаемости, которая, конечно, нам крайне необходима. Тем не менее это в чистом виде «вертолётные» деньги, хотя и маленькие, но уже – некий элемент безусловного базового дохода.

Безусловный базовый доход сейчас очень предметно обсуждается, и, на мой личный взгляд, он нужен корпорациям, потому что корпорации могут жить и зарабатывать свои прибыли только на массовом спросе. Если этот массовый спрос в связи с вытеснением труда и автоматизацией уходит, то, значит, где-то надо его доставать, а иного пути, как «пенсия» от государства, но не пенсионерам, а каким-то социальным группам, нет. То, что такие инициативы в бюджете приняты, что в проекте бюджетные деньги на это заложены, говорит о том, что всё-таки мы не безнадёжны, и даже наши финансовые власти, тот же Минфин, готовы воспринимать современные тенденции в мировой практике госуправления, бюджетирования, которые неизбежно придется внедрять, и чем больше мы опоздаем, тем хуже будет.

Из плохого... Бюджет, к сожалению, так и не становится бюджетом роста. То есть из того, каким образом и на какие проекты расходуются средства, непонятно, как будет достигаться рост экономики. Есть, действительно, национальные проекты, но по качеству и количеству мероприятий, которые в них заложены, пока не видно, что этого достаточно для реального экономического роста. Я, например, хорошо знаю национальный проект МСП, те мероприятия, которые в нем реализовывались и которые планировались. Они неспособны даже на процент, даже на полпроцента обеспечить вклад в рост ВВП. А там ещё по мере реализации обнаруживаются большие проблемы. Ну и, собственно говоря, средства закладываются, а тратятся они совсем не так, чтобы это могло повлиять на рост каких-то показателей, тем более в страновом объёме.

То же самое по другим проектам. «Здравоохранение» – проект, наверное, прежде всего затратный. «Демография» опосредованно может повлиять на экономический рост, но это, конечно, через какие-то годы и десятилетия, если цели этого проекта будут достигнуты. То, что может влиять на экономический рост, – это, наверное, проект «Дороги». Да, понятное дело, что прямой вклад в дорожное строительство, естественно, какой-то вклад в экономический рост вносит. Далее – нацпроект по стройке. Тоже, наверное, может определённый вклад внести в экономический рост. Но при этом совершенно очевидно, что на таких секторах, как стройка и дорога, в современном мире базировать экономический рост невозможно. Очень много новых секторов услуг. Очень важные задачи выполняет всё более и более кастомизированная промышленность. Но конкретных мероприятий пока что в проекте бюджета не заложено. Бюджет не является инструментом роста.

При этом Минфин говорит, что деньги есть. Планируются солидные нефтегазовые доходы, учитывая те цены, которые есть на рынке. Неизвестно, что будет через полгода с этими ценами, или через год. Но Минфин говорит, что деньги есть, и эти деньги нужно сберегать. Есть интересный опус о том, что у нас сейчас ФНБ маленький для будущих рисков, потому что через 10 лет наступит время, когда с низкоуглеводной экономикой у нас всё рухнет. Как Сергей Юрьевич Глазьев говорил, они должны накопить к тому моменту подушку и её потом медленно проедать. Но это как-то странно, потому что если уж действительно на 70% упадут цены на нефть, газ и так далее, то мы всё это проедем буквально за пару лет. Естественно, напрашивается такой вариант, что сейчас нужно закладывать в бюджете деньги на перевооружение экономики, на подход к этому переходу. Но этого не происходит. Я думаю, если бы Минфин точно знал, что есть какие-то проекты, которые могут этот рост обеспечить, он, наверное, готов бы был деньги на них пустить. Но дело в том, что насколько просто добывать эту добавленную стоимость из сырьевой экономики (там простые инвестиционные процессы), настолько же сложно построить реальный экономический рост на проектах, которые будут не нефтегазовые, не сырьевые. Минфин боится рисковать, и это очевидно.

Вообще, задача экономического роста из повестки исчезла. Сейчас речь идет о росте благосостояния. Но рост благосостояния за счёт накопления и распределения. Механизма перевооружения экономики и воспроизводства нет. Я боюсь, что здесь, чтобы что-то поменять, надо, наверное, что-то предлагать Минфину, потому что Центробанк вообще абстрагировался от задачи роста и развития экономики, и у нас бюджет – по сути единственный сейчас инструмент, который как-то на рост может влиять. Хотя это тоже не очень правильно, но другого выбора нет. Надо, наверное, предлагать эти проекты – макропроекты, микропроекты, которые потянут экономику за собой. Но при этом нужно доказать, что они потянут. И, конечно, надо больше и государству, и финансовым властям рисковать, потому что иначе они к 2030 году, когда у нас действительно ожидается углеродный переход (неясно ещё, состоится он или нет), столкнутся с таким кризисом, что больше неоткуда будет брать деньги. Старая идея: бюджет должен стать бюджетом роста. Но так как этого автоматически не происходит, наверное, мы, экономисты, должны предлагать те проекты, на которые Минфин будет готов тратить деньги.

FISCAL POLICY 2022 – 2024: PRIORITISING

The Russian government approved the draft federal law on the federal budget for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024 at a meeting held on 21 September 2021. It was submitted to the State Duma on 30 September. Expert groups, professional communities and business representatives began to actively discuss the project. The Free Economic Society of Russia (VEO of Russia) has also joined in, bringing together diverse scientists and professionals.

Proceedings of the 30th Expert Session of the Coordinating Club of the VEO of Russia, Moscow, 7 October 2021

*Sergei Dmitrievich Bodrunov,
President of the Free Economic Society of Russia,
President of the International Union of Economists,
Doctor of Economics, Professor*

On 5 October, the Federation Council held readings dedicated to characteristics of the draft federal budget for 2022 and the planning period of 2023 and 2024. Some members of our community and I, your servant, took part in them as well.

The discussion has shown that the proposed bill requires substantial improvements. Today, we are here to give our assessments and contribute our ideas, especially as parliament will soon begin discussing the law.

I will not go into much detail now. However, I will outline some issues of importance.

Here are some figures on the draft budget for the coming year of 2022.

It was formed with a 1.33 trillion rubles (1.0% of GDP) surplus, although the budget for 2022 was expected to be a 1.0% deficit a year ago. The cost will exceed 23.6 trillion rubles. This is a substantial increase of as much as 2 trillion compared to what was projected for 2022 last year. And 35% of all expenditure foreseen for next year is social. Among others, the funds will be allotted to support families with children, to pay allowances for pregnant women in difficulty, single parents of children aged between 8 and 16, and fully paid sick leave for young parents.

The move towards solving social problems and strengthening the social focus is a positive trend. VEO experts have long argued that social issues have been major pressure points of the Russian economy for a number of years, with stagnating incomes of the population in the first place. Russia vitally needs a shift to a “people-centred” social model of development, rather than a simple numerical increase in the economy. And this is our consolidated opinion. I should note that this was covered in our project titled “New Roads for Russia (on Russia’s Strategy issue), developed by our experts and further sent to the Russian Government in March. We also talked about this at the ISIP (International Scientific Intellectual Platform) in May, whose documents were also very much in the hands of government officials.

It seems that the expert community has become more responsive. This is what they call inspiring. Obviously, it is now clear that the income issue is a key one, not only for the experts, but also for the Russian government. So we see some attempts to get closer to its solution.

I note that it is a consumer demand that will make the main input towards economic growth this year 2021. According to our colleagues at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, this will make the main share, equal to 3.8% of the projected 4.3% at the end of this year. This data is from the Abalkin Readings scientific forum held at the House of Economist on 22 September, whose results were widely covered in the economic press; Vedomosti devoted a front page and a spread to a detailed analysis of the ideas presented by our experts at the House of Economist, and especially our speakers Aleksander Shirov and Andrei Klepach.

Another issue of importance linked to the budget and the social sector is the implementation of the social treasury project. This, too, is one of our proposals, and it seems it will find some resonance in government actions. A new approach to social welfare measures will make it easier and faster for Russians to receive social benefits. There will be no need to collect certificates. State aid will be made available based on a single application or even without an application via the State Services portal. The Duma will also have to consider these mechanisms during its work on the draft budget. The number and profile of those receiving such support and the pace of its provision are expected to increase significantly, and therefore the rate of increase in demand and the quality of life of Russians, with the digitalisation of the social sphere, which we have also argued for many times, as today our citizens often do not even know what benefits they are entitled to or are unable to collect all the necessary certificates.

Ministry of Finance has proposed new approaches to taxation in metallurgy and a number of economic sectors that cannot be ignored. The key idea is to introduce proportionality in the level of tax, rental exemptions to the profit of companies. The proceeds are expected to be used for the financial support of the country's national development goals. To date, business and the Russian government have reached a compromise on figures. Thus, the excise tax on liquid steel will be 2.7% from 2022, and the mineral extraction tax (MET) rate on iron ore will be 4.8%. These figures are lower than those proposed by the Finance Ministry (respectively: 3% excise tax on liquid steel and 5.5% MET on iron ore).

However, according to most estimates, the most controversial proposal is the so-called planned new dividend tax to be introduced as early as January 1 next year, which is designed to encourage companies to direct profits to capital investments, rather than distribute them as dividends to shareholders. Many have already assessed the initiative with caustic humour as an "investment enforcement law" and sometimes "peace enforcement" – apparently between business and government, implying a declaration of war by the latter. On the initiative of our colleagues

from the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, a broad-based business community, who raised a fair number of questions about the ineffectiveness of this idea in the proposed implementation and noticed more negatives than positives in it, the Government agreed to defer consideration of the differentiation of corporate income tax depending on investment and dividends until 2023, having worked through all possible negative side effects of such an ill-conceived proposal.

What can the new tax initiatives lead to and how will they affect economic development, investment and social development?

Dear colleagues, I think it is important to address the topic of tax innovations in today's speeches. Especially as it is directly linked to the country's budget.

I suggest that we move on to a discussion on the topic of our expert session.

So, what do the main characteristics of the country's main financial document show, and what are its priorities? How well aligned are they with our overall objective, namely to move from recovery to sustainable economic growth? Do they enable well-known economic initiatives and national development goals to be achieved? And will they raise our country's share of world GDP and increase our influence, without which we obviously cannot expect our development to be sustainable?

I give the floor to our first speaker. Aleksandr Aleksandrovich Shirov, Director of the Institute of Economic Forecasting.

Aleksandr Aleksandrovich Shirov,
Member of the Management Board of the VEO
of Russia, Director of the Institute of Economic
Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences

At the end of September – the beginning of October, we can see the next three-year budget parameters just as we have the New Year, March 8 and so on, which is good, because it shows that the budget planning mechanism works quite smoothly. Another point is what this mechanism reproduces and how it all affects economic dynamics.

Those who looked at the budget law saw that there were more than 400 documents of various types that supported the bill. And it must be said that there are even two forecast documents. These are the budget forecast for the period up to 2036 and the forecast of socio-economic development, which was drawn up by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

When looking at the parameters of this very socio-economic development forecast for the next three years, one must first say that it is an indicative plan within the budgetary process.

Therefore, the forecast is no longer even a stand-alone document; it is not independently approved by the Government, but is subject to budgetary adjustments. In this regard, it is not very strange that we have GDP and inflation rates that are almost equal.

But I would note one point that the Ministry of Economic Development made in its forecast. The economic growth trajectory of the baseline forecast is achievable with the efficient, let us note, implementation of the measures envisaged by the state programmes of the Russian Federation, national projects and strategic initiatives of the Russian government, as well as with the investment of liquid funds in the NWF over 7% of GDP. That is to say, it is clear even from this phrase that discussions within the government on the most important parameters of the forecast, and the budget itself, have been quite serious.

And these discussions are taking place at a time when special problems are not foreseen, as we can see from the international reserve figures, and the collection rate of the most important types of revenue. We can see that the NWF is filling up steadily, which we will talk more about. I mean, there seems to be no rigid financial constraint, but we see that the budget is tight, and we need to understand the logic of this particular federal budget law.

In my view, the key position of the Ministry of Finance, as reflected in the explanatory note to the federal budget law, is that as the economy recovers, fiscal policy, is expected to normalise gradually through a gradual reduction in the support measures taken during the pandemic. From 2022, the plan is to reach the normal parameters of the budget rule. In other words, the key motto of the current draft budget is normalisation. Usually, this is where the criticism of the finance ministry comes in, but let's try to imagine the logic behind it.

The logic is as follows. Indeed, in 2020 and 2021, it was necessary to allocate substantial funds to the fight against coronavirus infection, and the government did so accordingly. As a result, the Russian economy grew by up to 5% in the first half of the year. That is, if the situation continued as it was, we would have 5% or more in a year. And, on the one hand, this, according to the Ministry of Finance's logic, means that we are out of the crisis. Indeed, the pre-crisis figure was reached in April in terms of GDP. And, on the other hand, if we are growing so much that we have already reached pre-crisis levels, then we are starting to overheat the economy somewhat. In this logic, normalisation, on the one hand, reduces spending that may have been counter-cyclical and short-term, and, on the other, provides greater stability to the financial system. That is, we return to the logic of fiscal and financial stabilisation in which our country's budgets were formed from 2016 to 2019 inclusive.

Looking at the way federal budget revenues and spending are organised, we see that next year in real terms, spending is expected to fall by almost 3% (nominally there is a slight increase, but taking inflation into account, this is clearly a negative trend), followed by a 2.5% rise in 2023 and a near-linear trend in 2024. Why does this happen? In my view, this is partly not only due to normalisation processes, but also due to budget planning in the context of changes in government and finance ministry targets for financing certain critical areas of expenditure.

What is meant by that? These 42 strategic initiatives, which the government adopted in the second half of the year, will only be partially funded directly from 2022, but the main flow of funding will take place in 2023-2024. In fact, that is why we are back to some rebound, then stabilisation.

The problem is this: ironically, normalisation has first and foremost affected spending areas that are primarily responsible for human capital. In other words, applied research will decline by about 7% in real terms next year, by another 2% in 2023, and then by another 1%. Even though applied research has been growing in nominal terms since 2022, we actually see a sharp and then a gradual decline in research and development spending. Sadly, that even defence and security research and development has been affected. Well, apparently, those who drafted the budget had some kind of reasoning behind it.

The next area also affected by spending cuts is a social policy by 10% next year in real terms. It is clear that support measures, including salaries and so on, to the extent that they were used in 2020-2021, may not be necessary. But the issue is still open as we now witness another spike in incidence. All in all, covid has gone nowhere, and it is very much an open question as to whether costs will still need to be ramped up in one way or another here.

Finally, health care, which will be affected by a 13 per cent reduction in real terms next year, will see a further 6.7 per cent reduction in 2023, and a 2 per cent reduction in 2024. This would seem to look rather sad, if there were no areas where costs are on the rise. These areas include issues of environmental protection that are very important to society, according to many surveys. There's a significant increase in costs there. And a return of defence and security spending to pre-crisis GDP figures.

What's confusing is that we're trying to normalise budget spending primarily through human capital spending.

Now we must talk about reserves. In my view, the issue of reservation in the economy is now becoming almost a key one. It was very significant both in 2016 and especially in 2017-2018, when we introduced the current version of the budget rule against the backdrop of a significant increase in oil prices. We estimate that this was worth about 3 percentage points in the growth rate over these two years. Between 2017 and 2018, economic growth

declined by about 1.5 percentage points per year. This money was reserved. If we reserve money, we are better able to counter all sorts of crises. That's good. It is bad if we do not spend this money when economic crises occur. The idea is to equalise costs. When times are good, we save; when times are bad, we spend. Last year showed that the severe crisis, which was reflected in all sorts of problems with production, income and so on, was not financed by the NWF, but by other sources, when the federal budget increased spending by more than 26% in nominal terms compared to 2019.

Which begs the question. Still, how are we going to use these reserves in any way? We see what the Ministry of Finance is offering us. The NWF is expected to be 15.4% of GDP by the end of 2024. Even the money that is supposed to be spent on the government's strategic initiatives will not stop the growth of NWF reserves. Furthermore, it is clear that such a build-up of reserves has an impact on exchange rate ratios and hence on inflation. The fact that the Ministry of Finance bought back 85-90% of all the improvement in the balance of payments that took place in Russia in the current nine months of 2021 has, of course, invariably influenced both prices and the course, as well as generally created a certain imbalance in the entire financial system as much as can be expected from any greater use of public finances.

And finally. In 2022, we estimated the contribution of government consumption to GDP to be 0.5 percentage points. Given what is evident from the draft budget, it is likely that this figure will be significantly adjusted downwards, and hence the overall economic performance will be adjusted downwards as well. And in that regard, the problem is also that this rather tight, and in 2022 an extremely tight fiscal policy, is coupled with a rather significant tightening of policy by the central bank. This is compounded, as I have said in previous meetings, by the fact that virtually all factors of economic growth are being held back. This deceleration from 4.2-4.3% to 2-2.3% means nothing less than that the Russian economy is returning to the trend from 2016 to 2019. And if I remember correctly, most experts described what was happening in the Russian economy at that time by the term «stagnation». I would hate to see us enter that stagnant period again.

*Sergey Nikolaevich Ryabukhin,
First Deputy Chairman of the Budget and Financial
Markets Committee of the Federation Council of the
Federal Assembly of the Russian Federation, Vice
President of the VEO of Russia*

We are, of course, very concerned that the government has not fully taken into account the proposals that we made at the plenary meeting this summer. Here I refer to the budget proposals that we send out every summer. They were mainly related to the fact that a very large list of the constituent entities of the Russian Federation is in a very tight state, I would say, depressed. The program to replace commercial loans with 1 trillion ruble budget credits certainly positively changed the overall picture, but nevertheless, has not solved the problem in full. That is why the idea to reconstruct loans, already initiated by the president, came up. There was also a positive development, but still, the amount of debt in the regions is very large. To date, unfortunately, many regions have not even been able to take advantage of the \$500 billion in infrastructure loans that were offered by the government at the initiative of the president, because the co-financing conditions are very harsh. Of course, complex closed regions cannot take advantage of these loans, and this is very important. In terms of that what we did not fully see in this concept of budget policy of the government of transition to formation of points of growth of constituent entities of the Russian Federation. There has been a positive development, but no major breakthrough. I refer to the issues that most concern the Federation Council as the House of Regions.

Of course, it would be a good idea to fully federalise at least one of these capital-intensive areas (we talked about this last summer) such as health care, which is very relevant now, or education in the distribution of budget commitments. In that case, we wouldn't have such a sad sketch. In total, 42 regions are unfortunately do not have the capacity to develop dynamically from their own consolidated budget funds.

